

Николай Грозный

Блеск и величие
дворянской России

Валерий
Щамбаров

Annotation

Эпоха Николая I ознаменовалась высочайшим взлетом нашей державы. Золотой век русской литературы и искусства, научная и промышленная революция. Россия выиграла несколько войн, помогла освобождению Греции, Сербии, Молдавии, Валахии. Присоединила Армению, Западную Грузию, начала наступление на Среднюю Азию, освоение Приамурья и Приморья. Сумела выдержать чудовищный удар почти всей Западной Европы. Обо всем этом расскажет новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России».

- [Шамбаров Валерий Евгеньевич](#)

- [ПРОЛОГ.](#)
- [ГЛАВА 1.](#)
- [ГЛАВА 2.](#)
- [ГЛАВА 3.](#)
- [ГЛАВА 4.](#)
- [ГЛАВА 5.](#)
- [ГЛАВА 6.](#)
- [ГЛАВА 7.](#)
- [ГЛАВА 8.](#)
- [ГЛАВА 9.](#)
- [ГЛАВА 10.](#)
- [ГЛАВА 11.](#)
- [ГЛАВА 12.](#)
- [ГЛАВА 13.](#)
- [ГЛАВА 14.](#)
- [ГЛАВА 15.](#)
- [ГЛАВА 16.](#)
- [ГЛАВА 17.](#)
- [ГЛАВА 18.](#)
- [ГЛАВА 19.](#)
- [ГЛАВА 20.](#)
- [ГЛАВА 21.](#)
- [ГЛАВА 22.](#)

- [ГЛАВА 23.](#)
  - [ГЛАВА 24.](#)
  - [ГЛАВА 25.](#)
  - [ГЛАВА 26.](#)
  - [ГЛАВА 27.](#)
  - [ГЛАВА 28.](#)
  - [ГЛАВА 29.](#)
  - [ГЛАВА 30.](#)
  - [ГЛАВА 31.](#)
  - [ГЛАВА 32.](#)
  - [ГЛАВА 33.](#)
  - [ГЛАВА 34.](#)
  - [ГЛАВА 35.](#)
  - [ГЛАВА 36.](#)
  - [ГЛАВА 37.](#)
  - [ГЛАВА 38.](#)
  - [ГЛАВА 39.](#)
  - [ГЛАВА 40.](#)
  - [ЛИТЕРАТУРА](#)
-

Шамбаров Валерий Евгеньевич
Николай Грозный. Блеск и величие
дворянской России

ПРОЛОГ. НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДРА

Александра Федоровна тихо плакала в своем маленьком кабинете. Уже пробило полночь, а мужа до сих пор не было. И сама атмосфера во дворце стала какой-то тяжелой, напряженной. Будто перед грозой. Но насыщенной не электричеством, а чем-то иным, темным и опасным. Тем неведомым, куда им предстояло шагнуть, независимо от их желаний. Оно пугало, разверзлось черной ледящей пустотой. Как зимняя ночь за окном, но только неизмеримо глубже, страшнее и холоднее.

Наконец, в коридоре раздались шаги, которые Александра Федоровна не спутала бы ни с кем. Вошел Николай. Очень уставший в свистопляске последних дней, это было видно по его лицу. Но он принес с собой твердость, уверенность. Поцелуем осушил слезы на глазах супруги. Опустился на колени на коврик, который жена вышила

для него собственноручно. Специальный коврик для молитв – а молился он всегда горячо, самозабвенно, полностью уходил в разговор с Небесным Миром.

Нет, он не утешал и не успокаивал жену. Не унижал ее сладкой ложью иллюзий благополучия. Она была его половиной и должна была настраиваться так же, как он сам. Прервав молитву, Николай сказал: «Мы не знаем, что нас ждет. Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать» [1]. Александра Федоровна ответила: «Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе». Тоже опустилась на колени, стала молиться вместе с мужем. И помогло, молитва сняла напряжение, придала внутреннюю силу, уверенность. Как вспоминал сам Николай, «мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу» [2, 3].

А в морозных глубинах зимней ночи где-то мчалась по российским просторам кибитка фельдъегеря, везшего письмо начальнику Главного штаба генералу Дибичу: «... Послезавтра поутру я – или государь, или без дыхания... Но что будет в России? Что будет в армии? ...» [4].

ГЛАВА 1. ЦАРЬ МИРЛИКИЙСКИЙ

Михайловский замок в Санкт-Петербурге

– Экий богатырь! – оценила новорожденного его бабушка, императрица Екатерина. В этот день, 25 июня 1796 г., новость обсуждали и придворные, и прислуга, она полетела по Петербургу. У наследника престола Павла Петровича после двух старших сыновей одна за другой рождались девочки, шесть дочерей. И наконец, снова мальчик. Получилось так, что старшие братья уже повзростели, женились, а младший – в пеленках. Впрочем, рождение третьего сына не считалось государственной необходимостью. Для надежного продолжения династии представлялось достаточно двоих. Второй – на случай, если что-то случится со старшим. Ну а третий – уже так, для «перестраховки».

Это отразилось даже в именах. Их выбирала всемогущая бабушка, и старшего нарекли Александром. Екатерина вспомнила Небесного покровителя Руси и Санкт-Петербурга, святого благоверного великого князя Александра Невского. Вспомнила и Александра Македонского, непобедимого полководца. Второй внук появился на свет в промежутке между войнами с Османской империей. В это время в душе Екатерины искрились надежды – а что, если получится окончательно сокрушить турок? Взять Константинополь, возродить греческое царство. Вдруг получится посадить там на престол русского царевича? Внука она назвала Константином. С третьим никаких политических проектов не связывали. Престарелая, очень больная бабушка, решила отдать символический поклон Церкви. Выбрала имя в честь самого любимого святого на Руси – чудотворца Николая Мирликийского. До сих пор ни один из властителей нашей страны не носил это имя.

Мальчика окрестили 6 июля без всякой помпы, в дворцовой церкви Царского Села. Крестными бабушка определила старшего брата и сестру младенца, Александра и Александру. Самой Екатерины возле купели не было. Сославшись на плохое здоровье, она наблюдала за обрядом, расположившись на хорах храма. Хотя все понимали, что есть и другая причина. Она не хотела быть рядом с родителями младенца, Павлом Петровичем и Марией Федоровной. Отношения царицы с сыном были давно и основательно испорчены.

На судьбе малыша это тоже сказалось. Его, как и остальных внуков, бабушка сразу отобрала у отца и матери под собственный контроль. При дворе царскими детьми заведовала графиня Ливен, а для маленького Николая составили штат обслуживающего персонала. Нянька-шотландка Лайон, две дамы для ночных дежурств у колыбели, четыре горничных, кормилица-крестьянка, два камердинера, десяток лакеев, восемь истопников. Но даже на то, чтобы вывезти ребенка с территории дворца в экипаже на прогулку, требовалось персональное разрешение императрицы. Поэтому родители детей почти не видели. Они жили у себя в Гатчине, а их сыновья и дочери – в Царском Селе.

На закате дней Екатерина вообще обдумывала лишить сына наследства, даже заточить его в крепость, а престол передать внуку. Но маленький Николай жил под опекой бабки всего полгода. 6 ноября 1796 г. императрица скончалась. На трон вступил Павел I. Он сохранил прежний штат воспитателей и прислуги во главе с графиней Ливен. Но

теперь ее права расширили, спрашивать разрешения на выезды с малышами больше не требовалось. Ведь отслеживать, чтобы они лишний раз не завернули к родителям, стало не нужным. Родители отныне были вместе, рядом.

Повысился и официальный статус царевичей. По традиции, шефом 1-го гвардейского, Преображенского полка являлся сам царь. 2-й гвардейский, Семеновский, он отдал под начало наследника Александра, 3-й, Измайловский – Константину. Ну а младенцу Николаю достался Конногвардейский. Вот так, в возрасте 5 месяцев он начал свою военную службу. В 1798 г. родился младший брат Михаил – гораздо ближе по возрасту, чем двое старших. Он стал товарищем Николая по детским играм.

А «военная служба» заключалась в том, что на парадные выходы Николая наряжали в курточку и панталоны цветов Конной гвардии с нашитыми орденскими знаками Св. Андрея и Св. Иоанна. Но в ранние годы у будущего царя-солдата никакой тяги к военному делу не отмечалось. Однажды караул Конной гвардии явился в Зимний дворец с шумом – мальчик испугался, разревелся. Отец решил приучить ребенка к своим защитникам. Взял на руки, заставил перецеловать всех солдат. Малыш боялся и пушечных выстрелов. При салютах несколько раз кричал и заливался слезами.

Отец опять приучал его. Начал брать с собой на парады, на учения в Царском Селе. Одним из первых детских впечатлений Николая стала встреча с Суворовым в 1799 г. Царь вызвал его из Кончанского, возглавить поход на французов. Во дворце мальчик увидел странного старичка, увешанного орденами. Засыпал вопросами об этих наградах. Суворов встал перед ним на колени и терпеливо показывал, объяснял.

В Итальянском и Швейцарском походах Александра Васильевича участвовал брат Николая, Константин. Показал себя достойно, Суворов писал об этом императору. Павел отличил сына, пожаловал ему титул Цесаревича (на который имел право только наследник Престола). Но при этом, по каким-то своим соображениям, решил поменять шефство над полками. Константину дал Конногвардейский, а Николаю вместо него – Измайловский. Объявил ему: «Поздравляю, Николаша, с новым полком! Я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк, в обмен с братом». И это тоже запечатлелось в памяти трехлетнего малыша [5] ...

Запечатлелся и отец. Очень занятый, увидеть его получалось не всегда. Но любящий, добрый, внимательный. Запечатлелись даже пустяковые подарки от него... Многого ребенок не понимал. Воспринимал только детским чувством, искренним и непосредственным. Николаю запомнился скоропалительный переезд из Зимнего дворца в Михайловский замок. Некоторые помещения были еще не достроенными, семью и прислугу размещали временно, как получится. Было очень сыро, и на подоконники клали свежий хлеб, чтобы он впитывал влагу. Шепотом сожалели о брошенных комнатах Зимнего дворца, светлых и просторных.

Младшие дети виделись теперь с отцом каждый день. Их приводили к Павлу по утрам, когда старый парикмахер Китаев причесывал его, завивал букли. А 11 марта 1801 г. произошло два знаменательных события. Царь заглянул к детям, и Николай вдруг спросил: почему его называют Павлом Первым? «Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня» – ответил тот. «Тогда меня будут называть Николаем Первым» – сделал свой вывод малыш [6]. Конечно, над ним посмеялись.

Но детские пророчества этого дня не кончились. Вечером был концерт в большой столовой. Николай с братом и сестрой играли в своих комнатах. Трехлетний Михаил отделился от них, стал возиться отдельно в углу. Воспитательницы поинтересовались, что он делает, и ошалели от услышанного – «Я хороню своего отца!». Ужаснулись, запретили мальчику говорить такое. Но он упрямо продолжал свою возню, только заменил слово «отец» на «Семеновский гренадер» ...

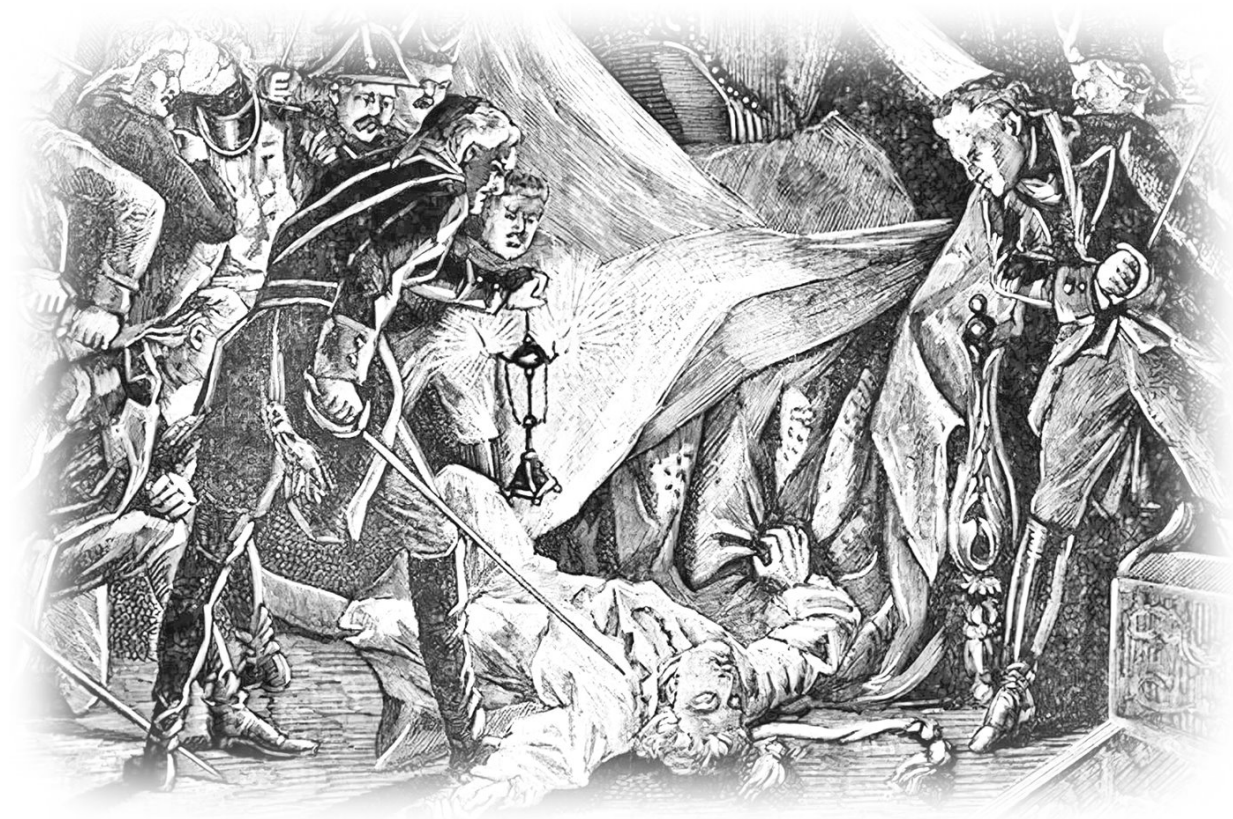
Среди ночи детей вдруг разбудили, стали спешно одевать. Николаю запомнился смутный свет в окнах. В Михайловском замке почему-то оказалось очень много военных. Причем солдаты и офицеры были в совершенно необычном виде, небрежном, растрепанном. Детей повели к матери, туда вошли и братья, Александр и Константин с князем Салтыковым. Александр бросился перед царицей на колени, рыдал, бился в истерике. Ему принесли воды, а детей тотчас увели. Вскоре и мать присоединилась к ним, куда-то ехать. Во дворе караул отдал честь, а царица зачем-то заставила военных молчать. Но привезли всех в старый и привычный Зимний дворец, в их прежние комнаты. И дети радовались, здесь было уютнее, чем в Михайловском замке. Они

были счастливы, что нашли своих деревянных лошадок, забытых при переезде [5] ...

Они лишь позже узнали, что в эту ночь лишились отца. А еще позже – что отца убили. Странное пророчество трехлетнего Михаила о похоронах окружающие запомнили. Фразу про Николая Первого – тоже, но всерьез ее не воспринимали. Ведь шансов взойти на трон у него практически не было. Впереди – два старших брата, у них должны были родиться собственные сыновья. В семейном фольклоре появилось шуточное прозвище Николая: «Ну да, ты же у нас Царь Мирликийский!» ...

ГЛАВА 2. ПОЧЕМУ УБИЛИ ПАВЛА I?

Убийство Павла I заговорщиками под фактическим руководством английского посла Чарльза Уитворта

Как же так случилось, что убили царя, и страна не возмутилась? Продолжала жить спокойно, изобразив, будто верит официальной версии о смерти императора? Но Россию было трудно удивить подобным. Петр I принял весьма неопределенный закон о наследовании, согласно которому государь сам назначал преемника, и весь XVIII в. катилась череда заговоров, переворотов. Боролись за власть группировки временщиков. За ними иногда стояли иностранные державы – боролись за влияние на русскую политику.

Вдобавок ко всему, XVIII в. ознаменовался расцветом масонства. Именно «вольные каменщики» внедрили термин «эпохи Просвещения». Это подразумевало поворот от христианского к

рациональному, материалистическому мышлению. В противовес вере возводился в культ человеческий разум. Духовное, ключевое начало религии всячески принижалось, выставлялось «суевериями». Это дополнялось моделями политических реформ по «просвещенным» сценариям – с ослаблением власти, расширением «свобод». Возникла идеология либерализма, внедрялась в качестве «прогрессивной».

Главным центром мирового масонства стала Англия. Образовались и другие центры – во Франции, Швеции, Германии. Оно проникало и в Россию. Особенно бурно расцвели ложи в безалаберное царствование Елизаветы Петровны. Правительство о них знало, но их деятельность признавалась безобидной и даже полезной, «как ключ дружелюбия и братства, которое бессмертно во веки пребывать имеет и тако наметшихся их общества, называемые просвещением, оных достаивает». Что же тут плохого – дружелюбие, братство, просвещение?

Масоном был наследник престола Петр Федорович – выходец из Голштинии. А в Германии для дворян масонство было вполне нормальным, престижным явлением. В своей резиденции, Ораниенбауме, Петр основал собственную ложу. Подарил дом в Петербурге ложе «Постоянство». В 1762 г. он стал императором, презрительно отмахнувшись от православного обряда венчания на Царство. Однако он оскорбил военных, перечеркнув кровь и усилия побед Семилетней войны с Пруссией. Неосмотрительно стал врагом и для собственной жены, умной и энергичной Екатерины, не скрывая намерения упечь ее в монастырь. Результатом стал очередной переворот и смерть Петра, а на троне очутилась его супруга.

Екатерина на первых порах тоже была заражена модными идеями «просвещения». Переписывалась со столпами вольнодумства Вольтером, д'Аламбером, Дидро. Лелеяла замыслы переустроить государство на «просвещенных» принципах. Даже организовала в 1764 г. Уложенную комиссию для выработки новых либеральных законов. Сама подготовила «Наказ» для нее – почти полностью переписанный из работ «прогрессивных» философов Монтескье и Бекариа. Хотя законотворчество увязло в массе противоречий и спустилось на тормозах.

Воспитание сына Павла императрица поручила видному масону Никите Панину. На «вольных каменщиков» смотрела сквозь пальцы.

Впрочем, российские ложи в данное время еще оставались кружками болтунов. Один из их организаторов, камергер Елагин, признавал, что это было несерьезно, «обращали внимание на обрядовую сторону, слегка благодворили, занимались пустыми спорами, оканчивавшимися иногда празднествами Вакха» – то есть, пьянками.

Но облик масонства постепенно менялся. В 1770-х гг. в нем появились новые течения. Антихристианские общества мартинистов. Еще более радикальный орден иллюминатов. Он провозглашал своей задачей разрушение всех мировых религий, монархий, института семьи и брака, слом всей традиционной системы ценностей. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. Для того времени это выглядело фантастикой... В переводе с латыни «иллюминаты» означает «просвещенные». То есть те, кто уже «просветились» и узнали настоящие цели жизни. Хотя возможно и иное толкование: «люди света», «несущие свет» (а «князем света» оккультисты называют Люцифера). И не случайно праздником ордена стало 1 мая, магическая Вальпургиева ночь, когда темные силы и их служители собираются поклониться своему нечистому властелину.

Но с иллюминатами связали свою деятельность и Ротшильды. Они очень отличались от предшественников, «королевских банкиров», устроившихся при дворе того или иного монарха. Их сеть стала международной, глава дома возглавлял дело во Франкфурте-на-Майне, а сыновей разослал в Париж, Вену, Лондон, Неаполь, где они основали дочерние банки. Разные ветви взаимодействовали друг с другом, организовали собственную курьерскую службу, занялись перевозками золота между европейскими государствами. Они наладили и собственную систему агентуры – лучшую, чем большинство государственных разведок той эпохи. Финансовые и масонские круги переплетались между собой. Нацеливались на переустройство мира по собственным моделям [7].

Масоны активизировались и в России. Здесь развернулся эмиссар из Германии Иоганн Шварц. Николай Новиков основал «Дружеское ученое общество», «Типографическую кампанию» с частной типографией. Взялся за издание газет «Ведомости» и «Московские ведомости», за массовое печатание «прогрессивных» книг. Масоны начали широкую работу в школах, больницах, Московском университете, основывали частные училища. В 1782 г. российские ложи

послали делегацию в Германию на масонский международный Вильгельмсбадский конвент. Россию признали «восьмой провинцией» ордена Злато-розового креста. Назначили Иоганна Шварца «канцлером» российских лож. А высший пост провинциального мастера оставили вакантным. Его предназначали для наследника престола Павла Петровича.

Между тем, отношения между Екатериной и наследником были сложными. Павел был для государыни нежеланным сыном, рожденным от нелюбимого человека. Свекровь, Елизавета Петровна, сразу забрала ребенка от матери, они виделись редко. Павлу было 8 лет, когда свергли и убили его отца Петра III. Мать, взошедшую на престол, окружили фавориты, конкуренция в лице сына им совершенно не требовалась. Павел вырос, а к государственным делам его не подпускали. Приближенные Екатерины преднамеренно ссорили мать с сыном, распускали слухи о его ограниченности, жестокости, враждебности.

А вокруг наследника собирались те, кто был обижен при дворе Екатерины, кому не досталось теплых мест. Они связывали свои личные надежды с воцарением Павла и тоже ссорили его с матерью. Выплескивали сплетни об интригах и грязи при дворе. Передавали о беззакониях и злоупотреблениях по России. А их хватало. Екатерина немало сделала, чтобы навести порядок в стране после правления Елизаветы. Но всемогущие фавориты и их любимцы становились неуязвимыми, даже указы императрицы частенько не выполнялись. По мере того как она старела, контроль и вовсе слабел. А вокруг Павла, по сути, сформировался клубок оппозиции, и масоны надеялись использовать его для собственных реформ.

Но и Екатерина со временем стала осознавать опасности масонства. Ее победы над Турцией и Польшей, выход России к Черному морю, присоединение южных и западных областей ополчили против нашей страны западные державы. Ее врагами на международной арене выступали Англия, Франция, Пруссия, Швеция. Но они были и главными центрами масонства, с ними были связаны российские ложи. Которые, таким образом, превращались в инструменты чужеземного политического влияния. С 1785 г. по приказу царицы начались проверки масонских книг и изданий. «Вольным каменщикам» запретили деятельность в учебных заведениях и больницах, издание литературы духовного содержания.

А в 1789 г. разразилась революция во Франции. Масоны сыграли в ней ключевую роль. Иллюминаты составили самую радикальную партию якобинцев, другие течения проявились в более умеренных группировках. Российские «вольные каменщики» тоже воодушевились, увидев пример для подражания. Но и царица взялась за них более серьезно. Радищев за подрывную книгу, «Путешествие из Петербурга в Москву», был приговорен к смертной казни с заменой на 10 лет ссылки в Сибирь. Новиков за издание и продажу запрещенной литературы угодил в Шлиссельбургскую крепость. Видных масонов Турнегева и Трубецкого выслали в их дальние деревни. Правда, остальных только поугали, потаскав по допросам. Но ложи были запрещены, их дочерние организации закрыты. Попытку раздуть революцию в Польше блестяще разгромил Суворов. Война завершилась окончательным разделом и ликвидацией этого государства.

Но в 1796 г. Екатерина ушла в мир иной. На престол взошел Павел, с которым масоны связывали свои надежды. И влияние таких советников сказалось в полной мере. Новый царь сразу же освободил из тюрем и ссылок Радищева, Новикова, Татищева, Трубецкого, Невзорова (Новикова и Лопухина даже приблизил к себе). Предводителя польских революционеров масона Костюшко не только выпустил из заключения, но и позволил уехать в Америку. Те же советники настроили Павла безоглядно ломать политику матери. Он отменил победоносный Персидский поход, предпринятый для защиты грузин. Вывел русскую армию из Закавказья, бросив все завоевания на Каспийском море. Отменил и готовившийся поход в Европу против революционной Франции, расторг соответствующее соглашение с Австрией.

Но далеко идущие планы «вольных каменщиков» получить «своего» царя, развернуть через него радикальные реформы, не оправдались. Возрождать масонские структуры он запретил. Революционные и либеральные идеи категорически отвергал. Об отходе от Самодержавия не помышлял. Наоборот, укрепил его. Отменил петровский закон о престолонаследии и ввел новый – отныне трон переходил четко по мужской линии, от отца к старшему сыну. Опасаясь разрушительных западных идей, Павел ввел строгую цензуру. Запретил ввоз иностранных книг и отправку юношей для обучения за границу. Закрыв все частные типографии. Он был и верующим

человеком. Увеличил более чем вдвое государственное жалованье приходским священникам, даровал им ряд льгот.

Впрочем, Павел проявлял очень высокую веротерпимость. Разрешил строить храмы старообрядцам, учредил для них Единоверческую церковь. Хотя пользовались этой веротерпимостью совершенно разные силы. В Россию полезли иезуиты, открывая свои школы. Оживились сектанты – хлысты, скопцы. Обосновались даже в столице. Здесь проживали несколько крупных ростовщиков-скопцов, и они устроили в Санкт-Петербурге резиденцию своего «христа» Селиванова. Но Павел, узнав об этом, церемониться не стал. Селиванова и его присных отправил в тюрьму.

Со своим обостренным чувством справедливости царь поставил целью улучшить положение простого народа. Но улучшить рычагами Самодержавия, без всякой сомнительной «общественности». Одной из наболевших проблем оставалось крепостное право. Только необходимо иметь в виду, что мифы о традиционном «русском рабстве» не имеют под собой никакой реальной почвы. В данное время крепостное право еще существовало чуть ли не по всей Европе: в Австрии, Венгрии, Польше, Скандинавских странах, Пруссии и других германских государствах. В Англии, Италии, Испании, Нидерландах, Америке существовало и обычное рабство. Во Франции оно было упразднено только революцией, очень ненадолго.

Что касается России, то крепостное право пришло к нам запоздало, и механизмы его установления остаются во многом неясными. В 1592 г. было отменено право перехода крестьян от одного помещика к другому, установлен сыск беглых. Эти положения закрепило Соборное Уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. Но оно только прикрепило крестьян к хозяйству. Согласно Соборному Уложению, у крестьян запрещалось отбирать землю и другое имущество, запрещалось продавать их – «крещеных людей никому продавати не велено» [8]. Петр I в 1723 г. одним из первых в Европе запретил в России рабство (в отличие от «передовой» Англии). Но на крепостных его указ не распространялся. Они не считались рабами. В розницу их еще не продавали. Таких фактов при Петре не зафиксировано.

Предполагают, что эта практика внедрилась при Анне Иоанновне и Бироне, была перенята из Курляндии – в Прибалтике еще в XVI в. провели кодификацию законов на основе древнеримского права, и

крепостных попросту приравнивали к рабам. Но в России это осуществилось «явочным порядком», без всяких законов. Указ Сената появился лишь в 1746 г., при Елизавете: «Впредь купечеству, архиерейским и монастырским слугам, и боярским людям, и крепостным, и написанным ко купечеству и в цех, также казакам и ямщикам и разным разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крепостных без земель и с землями покупать во всем государстве запретить» [9].

Из текста видно, что торговля людьми рассматривается как явление уже существующее, и настолько широкое, что правительство ограничило ее. Сохранило право покупать крепостных только за дворянами. Петр III в 1762 г., в недолгое время своего властвования, издал «Манифест о вольности дворянства». Указ Петра I об обязательной 25-летней службе дворян упразднился. Отныне они могли по своему желанию выйти в отставку. Но тем самым перечеркивался и смысл помещичьего землевладения, как обеспечение их службы. Села с деревнями становились просто частной собственностью, – как и крепостные.

Екатерина II в период увлечения «прогрессивными» теориями озаботилась и проблемой крепостного права. Но ее главной опорой было дворянство, поэтому вопрос быстро спустился на тормозах. Императрица, строя свой идеал «просвещенного абсолютизма», рассудила, что и в отношении крепостных благие результаты можно достичь «просвещением» – когда образованный и культурный помещик будет грамотно управлять крестьянами. И им тоже станет передавать плоды образования и культуры. А раздачи государственных земель и крестьян в награду фаворитам, отличившимся офицерам и сановникам, стали при Екатерине обычным явлением.

Павел I впервые пошел на серьезные ограничения крепостничества. Издал Манифест о запрете помещикам использовать крестьян на барщине по воскресным, праздничным дням и более трех дней в неделю. Запретил продавать крепостных без земли и разделять при этом семьи. Отменил ряд податей и повинностей. Дозволил крестьянам жаловаться Царю на притеснения помещиков и управителей. А казенным крестьянам подтвердил разрешение записываться в купцы или мещане.

Зато избалованное дворянство Павел взялся прижимать. Отменил для дворян запрет на телесные наказания. Лишил их права подавать коллективные петиции государю или в Сенат. Запретил выходить в отставку дворянам, прослужившим офицерами меньше года. Ограничил переходы с военной службы в гражданскую, а тех, кто вообще уклоняется от службы, повелел предавать суду. Упразднил губернские дворянские собрания, сохранив только уездные. Повысил для помещиков налоги и ввел новые...

В армии при Екатерине порядок очень разболтался. Ведь на командные должности попадали те, кто был в чести у фаворитов. Они пользовались бесконтрольностью и безнаказанностью. Павел принялся подтягивать дисциплину, ввел новые уставы. Были запрещены политические кружки среди офицеров, а солдаты получили право жаловаться на злоупотребления командиров. Развернулось строительство казарм – до сих пор их не было, солдаты квартировали по частным домам. Не все нововведения были однозначными. Например, Павел упразднил удобную «потемкинскую» форму и ввел ее по прусским образцам, с косами, париками, буклями. Хотя даже здесь было полезное новшество – солдаты получили шинели вместо плаща, гораздо лучше спасавшие от холодов и непогоды.

Впоследствии Павла I постарались оболгать. Изображали его сумасшедшим деспотом. Историю его царствования подменили анекдотами наподобие «поручика Кижэ». Писали о десятках тысяч сосланных в Сибирь. Но это ложь. Согласно документам, в Сибирь было сослано не более 10 человек – по суду, за серьезные преступления. Оппозиционеров ссылали разве что в их собственные деревни. Но их хватало. Попытки навести порядки в войсках и государственном аппарате, наступление на дворянскую вседозволенность порождали множество недовольных.

В 1798 г. раскрыли организацию «смоленских якобинцев» (она же «каналский цех») во главе с полковником Александром Каховским, замышлявшую цареубийство. У заговорщиков были и покровители при дворе. Предупредили их, и они уничтожили компрометирующие материалы. Павлу доложили в смягченном виде. Поэтому уличенных злоумышленников всего лишь исключили со службы, разогнали по деревням, и лишь трое: Каховский, Бухаров и Потемкин – были заключены в крепость.

Высокопоставленные масоны, разуверившись в Павле, перенесли ставку на наследника престола Александра. Его окружили «вольные каменщики» Строганов, Кочубей, Чарторижский, Новосильцев, обрабатывая либеральными идеями. А царя начали дискредитировать, подрывать его авторитет. Для этого клеветали на невиновных, обвиняя в заговорах. Под аресты и ссылки попали Ермолов (единоутробный брат Каховского), Платов, Суворов и 18 офицеров его штаба.

Но по мере того, как Павел набирался опыта, он стал осознавать, что советы его приближенных – ломать начинания матери – далеко не всегда были полезными. Он прекратил войну с Персией, а иранцы готовились добить Грузию. Ее терзали лезгины, чеченцы, аварцы. Царь Картли и Кахетии Георгий XI молил о спасении, соглашался перейти в полное подданство России. Павел вступился. Русские части снова получали приказы идти в Закавказье. Теперь уже для постоянной дислокации.

А отмена русского похода против Франции обернулась бедой для всей Европы. Французская революционная армия с талантливыми молодыми генералами громила всех противников, захватывала страну за страной. Англия и Австрия взывали к Павлу, упрашивали вмешаться. Толчком к принятию решения стал захват Наполеоном Мальты. Многие рыцари Мальтийского ордена (а он был суверенным государством) бежали в Россию. Отдались под покровительство Павла, избрав его Великим магистром. Привезли ему главные святыни ордена: часть Животворящего Креста Господня, десницу св. Иоанна Крестителя. Отдавали и саму Мальту – великолепную морскую базу на Средиземном море. Рыцарские и христианские убеждения Павла, да еще и такое стратегическое приобретение сыграли свою роль. Он вступил в антифранцузскую коалицию.

Суворов очистил от завоевателей Северную Италию. Эскадра Ушакова освободила Ионические острова, они вообще просились перейти под протекторат России и были приняты Павлом. Русские десанты помогли выгнать французов из Южной Италии, победоносно вступили в Рим. Однако усиление влияния России в Европе переполошило ее нечестных союзников. Покатились интриги и предательство. В Швейцарии подставили на разгром корпус Римского-Корсакова. Только беспримерным героизмом и гением Суворова спаслась его армия, попавшая в ловушку в Альпах. Англичане оставили

без поддержки и русский корпус, направленный для совместного десанта в Голландию, по-свински обращались с нашими воинами. А на Средиземном море закреплялись сами. Подло захватили Мальту, уже юридически принадлежавшую России. Отказались отдавать ее вопреки заключенному договору.

Павел отреагировал решительно. Расторг союз с Австрией и Англией. В ответ на захват Мальты в русских портах арестовали более 300 британских судов. Было наложено эмбарго на торговлю англичан в России, прекращены поставки им зерна, разорваны дипломатические отношения. Против Англии царь заключил союз с Пруссией, Данией, Швецией. Но и во Франции революционная свистопляска вроде бы закончилась. Первый консул Наполеон захватил единоличную власть. Царь счел, что теперь с ним можно иметь дело. Начал переговоры о совместной войне с англичанами.

Но в Петербурге действовали британские дипломаты и агенты. Масоны и дворянская оппозиция стали для них очень удобным инструментом. Заговор составили те, кого Павел считал самыми надежными, доверенными. Петр Пален, генерал-губернатор Санкт-Петербурга и начальник тайной полиции. Вице-канцлер Никита Панин, бывший воспитатель государя. Присоединились командиры полков Лейб-гвардии: Преображенского, Семеновского, Кавалергардского, и еще ряд лиц. А субсидировало заговор правительство Англии. Его фактически возглавлял британский посол Чарльз Уитворт. Участники переворота собирались на квартире его любовницы Ольги Жеребцовой.

Они действовали четко и планомерно. Устранили фигуры, способные помешать заговору. Еще раз оклеветали Суворова, устранили от двора Аракчеева. Убрали персональных телохранителей Павла, лейб-казаков братьев Грузиновых. По обвинению в «якобинстве» выслали на Дон, а там, вдалеке от царя, поспешно осудили и казнили. А до императора стали доходить сигналы о заговоре. Он помнил судьбу отца. Понимал, насколько он незащищен в Зимнем дворце, как и в любой другой царской резиденции. Они были роскошными, великолепно украшенными, но требований безопасности никогда не учитывали.

Павел ускоренно строил для себя Михайловский замок. Защищенный прочными стенами, отделенный от города рвом, подъемным мостом. Царь с домочадцами переехали туда 1 февраля

1801 года. В спешке, когда строительные работы еще не были даже завершены. На самом-то деле эти страхи царя и способы укрыться от них поддерживали... заговорщики. А скорее, подсказывали их. В многолюдном Зимнем дворце расправиться с государем было не слишком удобно. Вокруг много слуг, все комнаты сообщаются между собой. Уединяясь в Михайловском замке, Павел сам шел в ловушку. Его врагам стены, рвы и мосты не мешали. Они же находились в ближайшем окружении Павла.

Втягивали и наследника. Александр уже грезил идеями конституции, дворянских «свобод». Даже позволял себе фрондировать против отца. А Пален очередным ложным доносом о заговоре добился от императора письменного приказа арестовать наследника. Показал его Александру. Хотя приказ мог быть и фальшивкой – проверить это уже невозможно. Злоумышленники ради приличия заверили царевича, что Павла заставят отречься от престола, но никакого вреда не причинят. Александр знал дату переворота, в ночь на 12 марта он и его жена не спали, были одеты [10]. Однако убийцы прекрасно представляли, как они будут действовать. Вломились в спальню царя и зверски прикончили его.

После этого Пален явился к Александру и известил – отец мертв. Тот разрыдался, напоминал об обещаниях. Пален цинично отрезал: «Хватит ребячиться, ступайте царствовать!» Действительно ли Александр верил, что отца оставят живым? Или хотел верить? А теперь выхода не было? Он явился к матери, Марии Федоровне. Бился в истерике, его кое-как успокоили. Потом Александр вышел на балкон, чтобы показаться собранным солдатам Лейб-гвардии. Сказал: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке» [10]. А тем самым покрыл убийц. И на себя тоже взял ответственность за страшное преступление. Его брат Константин отреагировал иначе. Говорил, что никогда не займет трон, запачканный отцовской кровью...

ГЛАВА 3. АЛЕКСАНДР I И ЕГО БРАТЬЯ

Вступление русской армии в Париж в 1814 году.
Художник А. Д. Кившенко

Угадать главных заказчиков и организаторов цареубийства было совсем не трудно. Ведь непосредственные исполнители ничего не выиграли! Наоборот, сломали себе карьеру, по сути доживали в ссылках по поместьям. Зато Александр, едва взодя на престол, сразу же подписал дружественную конвенцию с Англией. Отказался от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию своим импортом.

Новый царь оправдал и надежды масонов, обиженных дворян. Сразу же помиловал 156 заключенных, осужденных при Павле за политические и уголовные преступления. Возвратил на службу 12 тыс. уволенных за злоупотребления или иные неблаговидные дела. Снял запрет на ввоз в Россию иностранной литературы. Восстановил дворянские «свободы», выборы в дворянские собрания, перечеркнул указы отца об обязательной службе, о телесных наказаниях дворянам за серьезные преступления. А ложи «вольных каменщиков» снова действовали почти в открытую.

Главными советниками государя стали «молодые друзья», которые и раньше его опекали. Они предложили Александру создать «негласный комитет» в своем собственном составе, чтобы выработать планы преобразования государства. Император согласился, и в комитет (его полушутливо называли «Комитетом общественного спасения») вошли те же: Строганов, Кочубей, Чарторыйский, Новосильцев, Голицын. Выдвинулся и талантливый администратор Михаил Сперанский. Он был из семьи священника, но с церковной линии свернул на государственную службу, отличился деловыми качествами – и попал под влияние радикального масонского эмиссара Брюкнера.

Через некоторое время на основе «негласного комитета» был создан уже официальный орган – Государственный совет. Ему дали еще не законодательные, а законосовещательные права, и он был назначаемым, а не выборным. Но все равно это была первая, еще предварительная ступенечка к ограничению Самодержавия. Развернулись и другие реформы. Петровские коллегии преобразовали в министерства. Очень широко пропагандировался масонский лозунг «просвещения». Создавались новые учебные заведения по западным образцам. Царь утвердил университетский устав, высшие учебные заведения получили значительную автономию, становились «школами демократии».

Один из «друзей юности» царя, Александр Голицын, занял должность обер-прокурора Синода. Хотя он был не только масоном, а еще и гомосексуалистом. Целиком находился под воздействием оккультиста Родиона Кошелева. Тот тоже занимал высокие посты – был гофмейстером двора, членом Государственного совета. Под покровительством Кошелева возникло мистическое общество «Новый Израиль». В него вовлекли царского брата (и наследника!)

Константина. Общество собиралось в его покоях. А под эгидой Голицына масон Лабзин начал издавать религиозный журнал «Сионский вестник».

По протекции бывшего воспитателя Александра, масона Муравьева, его собрат по ложе Карамзин получил официальный пост «историографа». Вместе с другим «вольным каменщиком» Бантыш-Каменским взялся перелопачивать архивы, конструируя фальсификации отечественной истории. Среди преступников, реабилитированных Александром I, были и осужденные скопцы. Их лжехристос Селиванов стал открыто проповедовать в столице. В высшем свете пошла молва о его «пророчествах». К нему потянулись за предсказаниями.

К крепостному праву царь и его советники относились однозначно как к «варварству». Но государственная система Александра снова опиралась на дворянство, рушить благосостояние помещиков никак не могла. Да и сами реформаторы жили трудом крепостных. Император смог позволить себе только издать в 1803 г. указ о вольных хлебопашцах. Хозяева получили право добровольно на тех или иных условиях освобождать крепостных. Но широкого распространения это не получило. За время царствования Александра по указу о вольных хлебопашцах освободилось 47 тыс. крестьян. А Сперанскому, оттеснившему прежних любимцев государя, он поручил заняться кардинальными проектами переустройства России. Однако углубиться в такие проекты не позволила международная обстановка.

Принятие в состав России Восточной Грузии вызвало долгую войну с Персией. Александр возобновил союзы с Англией, Австрией и Пруссией против Наполеона. Потом добавилась еще одна тяжелая и затяжная война, с Турцией. Разгром под Аустерлицем, вынужденный Тильзитский мир с Бонапартом, всколыхнули Россию. Воспринимались как небывалый позор. Но для Александра они стали и личными катастрофами. Он никогда не забывал, каким путем унаследовал трон. Считал поражения наказаниями от Господа. И для себя, и для России за тяжкий грех царя.

Такие выводы подкрепляла и его семейная жизнь. Екатерина II, желая укрепления династии, сама женила Александра и Константина, подобрала им невест. Супругой старшего брата стала принцесса Баденская Луиза Мария Августа, в православном крещении Елизавета Алексеевна. Супругой Константина – принцесса Кобургская Юлианна

Генриетта, ставшая в России Анной Федоровной. Но у обоих браки по бабушкиным указаниям стали неудачными. Константин по натуре был человеком сугубо военным, вращался в офицерской среде – маневры, походы, пирушки. Его грубые шутки и выходки коробили жену, выросшую в совершенно других условиях. А ее красота привлекала других мужчин, и со стороны мужа добавились буйные сцены ревности, хотя сам он верности жене не проявлял. Анна рвалась вернуться в Германию, ее кое-как тормозили. Но в 1801 г. она под предлогом болезни матери уехала насовсем.

Муж не возражал. Он был увлечен службой. Возглавил комиссию по реорганизации армии: менялась форма, совершенствовалось вооружение. Константин руководил и созданием новых военных училищ, кадетских корпусов. Проявил себя настоящим героем под Аустерлицем, с гвардейскими частями прикрывал отход наших разбитых войск. Отличился и в других сражениях. Его разрыв с женой Александр I пытался как-то сгладить. Скандала не желала и мать, Мария Федоровна. Она была женщиной властной, сохраняла сильное влияние на сыновей, даже на царя. Но Анна наотрез отказывалась возвращаться, настаивала на разводе.

Александр по характеру не походил на брата, умел скрывать чувства. Поэтому в его семье драмы не проявлялись столь бурно. Но супруги быстро охладели друг к другу. Муж искал удовольствий на стороне, жена тоже. Дважды у нее рождались дочери, и было известно, от кого. Александр признавал их своими. Но императрица была очень слаба здоровьем, обе девочки умерли во младенчестве. Оба старших брата в царской семье остались бездетными. И в этом Александр тоже видел наказание от Бога.

А младших братьев государя еще никто не воспринимал всерьез. Хотя в Николае уже тогда можно было бы разглядеть некую обостренную ответственность, чувство долга. Трагедия отца каким-то образом преломилась в детском сознании, и однажды он вообразил, что должен оберегать императора. Находясь в Царском Селе, узнал, что на следующий день в караулы заступает «его» Измайловский полк, где он числился шефом. Рано утром надел мундирчик, взял ружье и пошел к покоям Александра. Часового там не было, царь говорил, что его должна охранять любовь подданных (на самом деле он понимал – в

случае заговора часовой бесполезен). Но маленький Николай встал у дверей.

Александр удивился, обнаружив возле спальни младшего брата. Спросил, что он тут делает? Тот лихо отдал честь ружьем и доложил – охраняет государя, выбрал себе самый почетный пост. Император сдержал смех и остудил его усердие мягким способом. Дескать, он же не знает пароль. Что он стал бы делать, если вдруг придет обход с разводящим? Мальчик смутился, что упустил требования устава, но все равно заверил, что не пропустил бы к брату никого [11]. В Николае с ранних лет укоренилась и глубокая православная вера. Хотя непонятно, как она пришла к ребенку? В то время при дворе к церковным обрядам относились в значительной мере формально. А няня была англиканкой, учила детей только тому, в какие моменты Литургии нужно перекреститься, и давала заучить наизусть некоторые молитвы [12].

Воспитанием младших детей целиком заведовала мать, вдовствующая императрица, Мария Федоровна. Для их обучения назначили 7 преподавателей, а старшим наставником был определен генерал Ламздорф. Телесные наказания в ту пору считались нормальным средством педагогики, это было принято во всех странах, и Ламздорф прибегал к такому средству – частенько, был запальчивым, кричал. Дети ненавидели его и боялись. Царственный брат сочувствовал, когда-то Ламздорф и у него был наставником. Но не вмешивался.

А между тем, Николай проявлял живой и самостоятельный ум. Уже делал глубокие оценки. Преподавателю французского языка Пюже шестилетний царевич объяснил бедствия революции на его родине: «Король Людовик XVI не выполнил своего долга и был наказан за это. Быть слабым не значит быть милостивым. Государь не имеет права прощать врагам государства. Людовик XVI имел дело с настоящим заговором, прикрывшимся ложным именем свободы, не щадя заговорщиков, он бы пощадил свой народ, предохранив его от многих несчастий» [11].

Но о таких способностях ребенка вспомнили много лет спустя. Мать же поставила целью отвратить младших сыновей, в отличие от старших, от военных пристрастий. Им вдалбливали гуманитарные науки, заставляли учить латынь – намечали послать их в Лейпцигский университет. Хотя латынь вызывала у них отвращение, что влекло за

собой новые наказания. Зато Николая увлекли точные науки, математика...

Замыслы насчет Лейпцигского университета перечеркнуло покорение Германии Наполеоном. А вот военные в это время в России были на первом плане, как же можно было мальчишкам не тянуться к ним? Эффектной победой завершилась война со Швецией, и наша страна присоединила Финляндию. В столицу доходили рассказы о подвигах наших героев на Дунае, на Кавказе. И отношения с Францией снова портились, становилось ясно – надвигается решающая схватка с самим Бонапартом. Подобная обстановка выдвигала в правящей верхушке уже не либеральных реформаторов. Все больший вес набирал любимец Павла I – Аракчеев. Он реорганизовал русскую артиллерию, блестяще проявил себя в шведской войне, возглавил военное министерство, а потом военный департамент в Государственном совете. Аракчеев стал одним из ближайших советников царя, пользовался правом входить к нему без доклада в любое время дня и ночи.

От либеральных идей Александр I отказываться не собирался. В завоеванной Финляндии он созвал сейм и сохранил прежнюю шведскую конституцию. Сперанский не только оставался приближенным государя, но и стал государственным секретарем – канцлером. Это была вторая по рангу должность в империи. Он деятельно занялся переустройством государства. Ввел налог на дворянские имения. А главное, разработал «Введение к уложению государственных законов» – по сути, это был проект преобразования России в конституционную монархию. Государственный совет получал законодательную власть. Образовывались выборная Государственная дума, выборные органы самоуправления в волостях, округах и губерниях.

Но реформы Сперанского (в первую очередь налог на имения) вызвали массовое недовольство чиновников, офицеров, да и крестьян (отдуваться-то все равно приходилось им). А планы кардинальных перемен встревожили партию Аракчеева. Еще один кружок консерваторов образовался вокруг сестры царя, Елены Павловны. Она вообще объявляла Сперанского тайным революционером. Когда Александр I и Наполеон встретились в Эрфурте, и французский император расхвалил российского госсекретаря, наградил за усилия в

переговорах, это подлило масла в огонь. Сперанского стали называть французским шпионом.

В лагере его противников сплотились не только патриоты. Многие вельможи ненавидели его, как «выскочку» из низов, завидовали. Других возмутил новый налог. К кружку Елены Павловны присоединился и видный масон Карамзин, еще недавно боготворивший Робеспьера. Может быть, извлек для себя уроки из печальных примеров французского дворянства. Или просто пристроился под высокое покровительство, формируя для себя имидж патриота и монархиста. Как раз ему Екатерина Павловна поручила обосновать недопустимость реформ. Неизвестно, насколько Карамзин в данном случае был искренним, но литератором он был талантливым, получилось у него убедительно.

Когда царь навестил сестру, ему вручили «Записку о древней и новой России». В ней доказывалось, что Самодержавие ослаблять нельзя, и любые перемены государственных порядков – это зло. Прибегать к ним можно лишь в крайней необходимости. Утверждалось и об опасности освобождения крестьян. Потому что без «бдительного попечителя», они попадут под власть собственных пороков, а это будет гораздо хуже и для государства, и для самих крестьян. На пороге большой войны Александру приходилось считаться с позицией дворянства и патриотических сил. В марте 1812 г. он отправил Сперанского в отставку, перевел в Нижний Новгород. С началом войны сослал еще дальше, в Пермь.

Наступило время, для реформаторства совсем уж не подходящее. На Россию хлынула 600-тысячная армия Наполеона. Сам Александр сперва очутился в войсках и главнокомандующего не назначил, – тем самым оставляя руководство за собой. Но Аракчеев, министр полиции Балашов и родные все же уговорили царя уехать в столицу, развязав руки своим генералам. Его брат Константин командовал 5-м (гвардейским) корпусом. Когда 1-я армия Баркляя-де-Толли и 2-я армия Багратиона героическими усилиями избежали разгрома и сумели соединиться в Смоленске, Константин поддержал Багратиона, требуя прекратить отступление и решительно атаковать. Дошло до открытого конфликта с главнокомандующим, и великому князю тоже пришлось уехать в Петербург. Впрочем, и Барклай не задержался во главе объединенных сил, был заменен Кутузовым.

Александр I торжественно пообещал не мириться, пока хоть один французский солдат остается на русской земле – и тем самым получил опору всей страны, стал знаменем борьбы. Он разрушил планы Наполеона победоносно завершить войну взятием Москвы, отверг попытки завязать переговоры. Но в душе Александра сохранялся тот же надлом. Он остро воспринимал свою личную ответственность за неудачи, отступление, жертвы. Осознавал их как очередные Божьи кары за собственный грех. Соучастие в свержении и убийстве отца.

И если до сих пор Александр относился к религии довольно поверхностно, то теперь в нем пробудилось горячее стремление очиститься покаянием, обратиться к Господу всей душой. Но... даже на этом пути его поджидали ловушки. Рядом с императором не нашлось честных и искренних наставников в вере! Его порывом воспользовались все тот же «друг юности» и обер-прокурор Синода Голицын с гофмейстером-окультистом Кошелевым. Они увлекли царя в туманный мистицизм, в совместные чтения и толкования Библии, запутывали пророчествами Апокалипсиса. В пике потрясений, когда полыхала Москва, они предложили Александру совместные моления, образовали втроем «мистический союз», и государь настолько доверился им, что даже выделил Кошелеву собственные покои в Зимнем дворце, чтобы постоянно находился рядом.

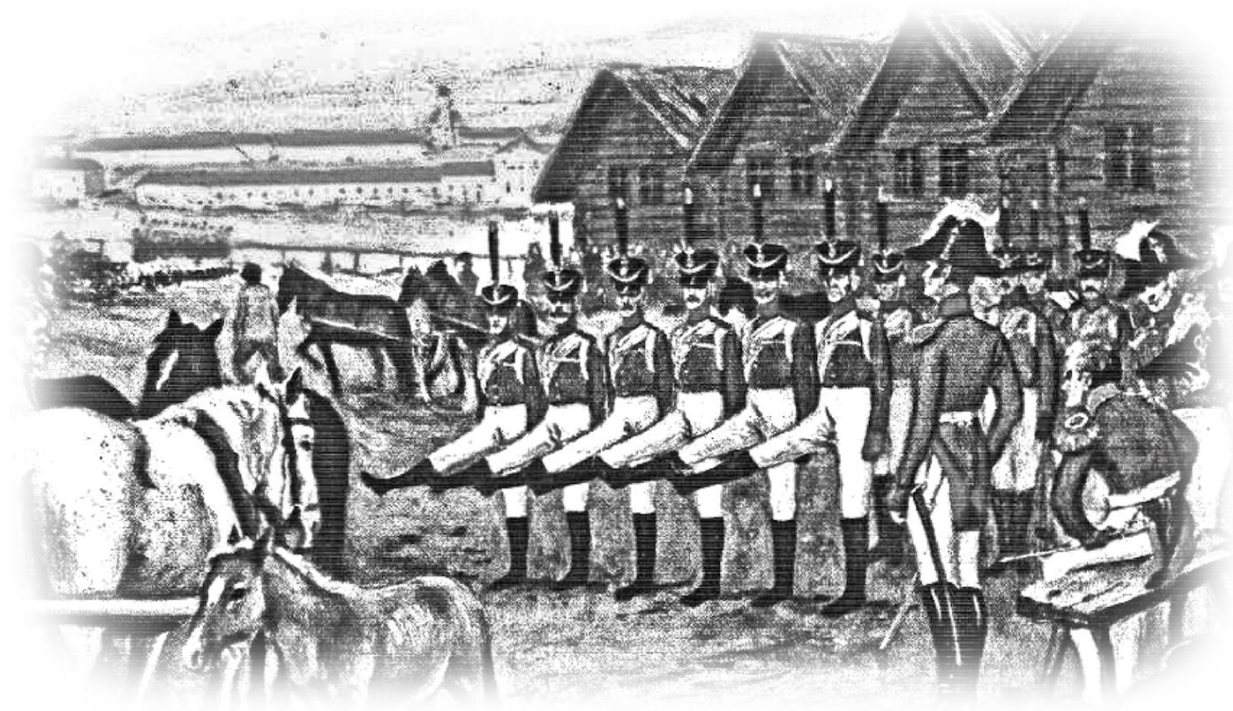
Однако в это время горячо молилась вся Россия. И силы собирала, и захватчиков била. А молодые дворяне всей душой и мыслями были там, на фронте, рвались на поля сражений. Рвались туда и юные братья царя. Николаю исполнилось 16, Михаилу 15–в те времена возраст был достаточным для начала службы, многие их сверстники уже воевали. Но мать подобные стремления совершенно не поощряла. Мальчикам надлежало продолжать обычные занятия. Хотя какая уж тут учеба? Младшие царевичи завидовали брату Константину. Вот он-то снова был героем! Под Бауценом его отряд блистательно отразил натиск самого Наполеона! Он отличился в битвах под Дрезденом и Лейпцигом. Под Фер-Шампенуазом лично возглавил атаку двух конных полков, врезался во фланг противнику...

Лишь в феврале 1814 г., когда французов почти сломали, мать отпустила Николая с Михаилом в армию. Они были на седьмом небе, грезили подвигами. Действительность оказалась куда более прозаичной. Их отправили со свитой наставников под началом того же

Ламздорфа. Ехали медленно, с долгими остановками. Первые выстрелы слышали только в Базеле – австрийцы и баварцы осаждали крепость Гюнинген, где еще держались французы. Наконец, достигли Франции, догнали тылы русских войск. Но в это время Наполеон нанес свой последний отчаянный контрудар, и царь прислал младшим братьям приказ – срочно возвратиться в Базель. Там проторчали две недели в полном разочаровании, пока не узнали, что война кончилась. Только тогда Николаю и Михаилу велели ехать в Париж к императору. Всего лишь помаячить на победных торжествах...

После возвращения возобновилась учеба. Но уже на другом уровне. Братьям-царевичам преподавали государственное устройство, финансы, историю. Николаю особенно нравились занятия военного инженера генерала Оппермана, полковников Джанотти и Маркевича. Их уроки великий князь схватывал на лету, усваивал на отлично. А в 1815 г. Николая с Михаилом снова повезли за границу: в Вену, Париж. Но опять только для «фона», чтобы они покрасовались в свите старшего брата на мирной конференции.

ГЛАВА 4. КОМУ БЫТЬ НАСЛЕДНИКОМ ПРЕСТОЛА?

Военное поселение

Как только развеялись надежды, что французы сокрушат Россию, то и Персия наконец-то согласилась прекратить затянувшуюся войну. Отдала Карабах и земли нынешнего Азербайджана. А по всей Европе славили русских освободителей. Престиж нашей страны поднялся на небывалую высоту. И Александра I победы выдвинули в лидеры международной политики. Послевоенное устройство обсуждалось на Венском конгрессе, и Россия присоединила часть Польши, где Наполеон устроил марионеточное Варшавское герцогство. Александр решил объединить его с польскими областями, отошедшими к нашей стране раньше, и создать Царство Польское – под скипетром Российского императора.

Но государь хотел использовать свой авторитет и для того, чтобы на будущее обезопасить мир от глобальных потрясений вроде Французской революции и порожденной ею агрессии. Он впервые в истории предложил создать систему общеевропейской безопасности, Священный союз, который и будет поддерживать незыблемый мир и порядок. Хотя союзникам Александра было очень далеко до его альтруизма и благородства. Австрия и Пруссия восприняли договор в качестве пустой декларации, благих пожеланий. А Англию крайне встревожило усиление влияния России.

Теперь уже ее, а не Францию в Лондоне считали главной соперницей на мировой арене. Там же, на Венском конгрессе, британцы начали тайно сговариваться против нашей страны с побежденными французами.

Но и в самой России положение было сложным. В ходе войны и нашествия Наполеона она понесла колоссальные убытки. Финансы были совершенно расстроены. Дефицит денег в казне компенсировали выпуском бумажных ассигнаций, они обесценивались. Разорились и многие дворяне. А оклады офицеров и чиновников были совсем не высокими – большинство жило доходами с имений. Это приводило к росту казнокрадства, взяточничества. Отечественные рынки заполонил британский импорт, душивший российскую промышленность. За границей закупали даже дамские ленты на огромную сумму: 20 млн рублей! [13] Такое положение, в свою очередь, разваливало финансы, золото утекало за рубеж.

И на фоне этого общего разлада пошла атака на... Православие! Духовную жажду царя по-прежнему эксплуатировали оккультист Кошелев и Голицын. В конце 1812 г. они создали Библейское общество, занявшееся вроде бы благим делом, переводами Священного Писания с церковнославянского на русский язык, распространением Библии. Но под покровительством этого общества в Россию хлынули активисты всевозможных сект: моравские братья, квакеры, баптисты, учителя «религиозного экстаза». Кое-где местные власти препятствовали еретикам. Но советники упростили Александра защитить их. Он одернул подчиненных: «Какое вам дело до того, кто и как молится Богу! Лучше чтобы молились каким бы то ни было образом, нежели вовсе не молились». В Германии царю подсунили «пророчицу» баронессу

Криденер – она очутилась в Петербурге, запутывала Александра мистикой, туманными прогнозами и деловито тянула деньги.

Такой атмосферой пользовались и местные сектанты, скопцы. Их секта специализировалась на ростовщичестве и чрезвычайно разбогатела. Например, уже позже, при аресте скопца Плотицына, было изъято наличными более 18 млн рублей! В пересчете по нынешнему курсу, он был бы мультимиллиардером. За согласие «посвятиться» скопцы выкупали на волю крепостных, окручивали должников. Калечили мужчин, посвящая их в свои ряды «за одной», «за двумя», «за тремя печатями». Калечили женщин «за одной» и «за двумя печатями». Или «за печатями огненными» – выжиганием. А любые обвинения изуверы замазывали взятками.

Для лжехриста Селиванова скопец-миллионер Солодовников отгрохал в столице настоящий дворец, «дом божий, горний Иерусалим». Там были и салоны для «духовных бесед», и разукрашенный зал для радений, и оборудованные помещения для ритуальных операций с новообращенными. Возле «дома божия горнего Иерусалима» вереницами останавливались богато убранные кареты. Знатные дамы, ничуть не таясь, собирались слушать проповеди и беседы Селиванова.

Светское «общество» охватило повальное увлечение мистикой. Дворяне и высокопоставленные чиновники собирались в спиритические кружки, утопали в астрологии, магии, зачитывались оккультной литературой. Голицын получил повышение, стал Министром духовных дел и народного просвещения. Журнал «Сионский вестник» масона Лабзина он вообще освободил от цензуры. И Лабзин принялся вдобавок издавать книжки религиозно-нравственного содержания. Они имели огромный успех, становились учениками по церковному воспитанию.

Появилась еще одна «пророчица», Екатерина Татаринова. Аристократка, из семьи придворного (в девичестве Буксгевден). Овдовев, она сперва самозабвенно окунулась в секту «хлыстов» с радениями, свальным грехом и прочей экзотикой. Потом перешла к скопцам, где ее и признали «пророчицей». Ее покровителем тоже стал Голицын. Выхлопотал, чтобы царь отдал Татариновой Михайловский замок, пустовавший долгое время – молчаливое напоминание об убийстве Павла I. «Пророчица» создала там общину «духовных

христиан». К ней потянулась аристократия: генерал Головин, князь Енгальчев, художник Боровиковский, дамы из высшего света. Иногда на сборища приходил и Голицын. Хотя Михайловский замок превратился в гнездо тех же самых «хлыстов» и скопцов.

Голицын, получив министерский пост, принялся насаждать сугубую религиозность в учебных заведениях. Но... кто и как внедрял ее? Получалось, что духовным воспитанием руководит уже не Церковь, а Библейское общество со своими дочерними организациями. Ереси стали заражать и духовенство. Те священники, кто хотел выслужиться, подстраивались к Голицыну и его окружению. А поборники ортодоксального Православия не осмеливались выступить против новшеств или попадали в опалу.

Но масоны действовали не только методами «просвещения». В Германии в период французской оккупации возникли законспирированные боевые организации «Тугенбунда» («Союза добродетели»). Они тоже были масонскими, объединяли самых энергичных представителей офицерства, дворянства, молодежи. Аналогичные веяния проникли и в Россию. Царская армия в походах вроде бы закалилась, набралась боевого опыта. Но... дисциплина совсем разболталась. А офицеры нахватались и французских, и германских радикальных учений. Как обычно, хватало и недовольных, чем-то обиженных. Были и возгордившиеся, сочли себя вправе перекроить государственные порядки по собственному разумению.

В 1814 г. граф Дмитриев-Мамонов и генерал Орлов создали «Орден русских рыцарей». Следом возникли: «Священная артель», «Семеновская артель», кружок Раевского. О «Семеновской артели», куда входили будущие декабристы Трубецкой, Муравьев-Апостол, Якушкин, Александр I, узнал и запретил ее. Но в 1816 г. члены всех этих кружков объединились в тайный «Союз спасения», нацелившийся на замену Самодержавия конституционной монархией. Правда, возникли споры, как же это сделать.

Большинство стояло за мирный путь. Лунин и Якушкин доказывали, что царя надо убить, и «Союз спасения» переругался. Сам постановил – распустить организацию. Но тут же возникло «Военное общество», где отсекали нерешительных, а на его базе в 1818 г. был создан «Союз благоденствия». Для маскировки он провозглашал

«помощь правительству» в делах «просвещения». Но целью видел даже не конституционную монархию, а установление республики.

Идейному разброду немало способствовала либеральная линия самого царя. После войны он хотел вернуться к прежним замыслам. Возвратил из ссылки и снова возвысил Сперанского. Ввел его в Государственный совет, поставил во главе Комиссии по составлению законов. А своему новому детищу, Царству Польскому, император даровал конституцию со свободами печати, личности, двухпалатным парламентом – сеймом. Польским царем считался сам император, а своим наместником он назначил поляка, генерала Зайончека, воевавшего против русских и под знаменами Костюшко, и под знаменами Наполеона.

На открытие первого сейма в 1818 г. государь приехал лично. Произнес речь, что Польша является как бы опытным полем конституционных свобод – откуда Александр со временем распространит их на всю Россию. С поляками он вообще заигрывал. Предоставил им полную автономию. Они могли сами принимать свои законы, у них были свои суды, полиция, ходили свои деньги. Польские производители и купцы получили в России огромные льготы – в ущерб русским.

За счет России была создана польская армия, и жалованье офицеров и солдат было гораздо выше, чем в русских войсках. Главнокомандующим царь назначил брата Константина (и наместник Зайончек считал нужным советоваться с ним по всем вопросам). Но большинство офицеров недавно сражалось против России. Даже форма им была оставлена «привычная», установленная для них Наполеоном. А благородного отношения к их стране паны отнюдь не оценили. В Польше сформировалось разветвленное Национальное масонское общество, принялось готовить восстание.

Александр совершал и другие грубые ошибки. Ему пришла идея удешевить армию, и одновременно подготовить контингенты воинского резерва. При рекрутской системе его не существовало, это остро проявилось в 1812 г. Царь решил создать военные поселения. Войска будут сами обрабатывать землю, обеспечивать себя продуктами, фуражом. Но и нестроевые крестьяне будут учиться воинскому мастерству. Это дело государь поручил Аракчееву, хотя тот был

противником реформы – на коленях умолял Александра отказаться от нее. Но император остался непреклонным.

В общем-то, военные поселения в России существовали издавна, казацкие станицы. Сами себя обеспечивали и воевали мастерски. Но царь решил изучать и перенимать опыт англичан, создававших военные поселения в колониях для туземных войск. Заинтересовался и австрийскими военными поселениями сербов и хорват, охранявших границы. В 1817 г. для его проектов выделили районы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях. Включали в них войска, расквартированные в здешних местах, но и крестьян приписывали к полкам. Часть времени поселенцы должны были заниматься военным обучением, остальное время предназначалось на работы по сельскому хозяйству, строительству дорог, осушению болот. Вся жизнь строго регламентировалась вплоть до мелочей, должна была идти по распорядку и приказам командиров.

Но заграничный опыт оказался для России совершенно чуждым. Крестьяне воспринимали «солдатчину», как худшее наказание. Были бунты. Самый крупный, в Чугуеве, подавляли войсками. 275 человек были приговорены к смерти, но Аракчеев сократил список до 40 зачинщиков и заменил казнь прогоном сквозь строй в 12 тысяч шпичрутенев, умерли 25. Однако и там, где все обошлось спокойно, начинание царя обернулось провалом. Были отличные солдаты и отличные крестьяне – а в военных поселениях превращались в плохих крестьян и никудышных солдат. Хозяйства разваливались, поддерживались только крупными дотациями. Численность поселенцев не росла, а уменьшалось. Смертность от болезней, тяжелых работ, а в большей степени убыль от дезертирства, превышали рождаемость.

После блеска побед в стране нарастал раздрай. А у Александра накапливались усталость и разочарование. Он снова задавался мучительным вопросом – благословляет ли Господь его царствование, начавшееся преступным образом? Супруга болела, и становилось уже ясно – детей у них не будет. Наследником престола числился брат Константин. Однако он прижился в Варшаве, полюбил Польшу, ее нравы и порядки. Загорелся жениться на графине Жанетте Грудзинской и подтверждал, что от короны он отказывается.

Но уже возмужал третий брат, Николай. В завершение обучения для него устроили поездки по России, за границу. Он проявлял себя умным, внимательным, крайне ответственным. В разных городах не брезговал лично осматривать тюрьмы, госпитали, обнаружив настоящие безобразия в Порхове, Воронеже. В Белоруссии четко оценил роль польских дворян, враждебных к России, тяжелое положение крестьян, притеснения народа со стороны евреев, засилье католических монастырей и их влияние на молодежь [14]. А в Англии Николай Павлович сделал меткую оценку «демократии»: «Если бы, к нашему несчастью, какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие больше шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, кто делает из него такое употребление» [14].

Царь еще раньше присмотрел младшему брату невесту, прусскую принцессу Шарлотту. В своих путешествиях за рубеж Николай останавливался в Берлине, познакомился с девушкой, и они искренне полюбили друг друга. В июне 1817 г. Шарлотта прибыла в Россию, приняла Православие с именем Александры Федоровны, и в церкви Зимнего дворца состоялось таинство их венчания с Николаем Павловичем. Семья стала дружной, любящей, и молодая супруга зачала почти сразу же. В апреле 1818 г. у них родился сын Александр.

Николай не увлекался модным мистицизмом и ересями, не обращался к «пророчицам». При тяжелых родах жены он принял обет – в храме Нового Иерусалима построить придел в честь святого Александра Невского, что и исполнил. Но нигде широко это не афишировал, а архиепископу Московскому Августину (Виноградскому) писал: «Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души, но оно необходимо душе благодарной... Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сыне...на службу Государю, на честь и пользу Отечеству» [15].

В это же время, в начале 1818 г., Николай вступил на стезю военной службы. Старший брат назначил его инспектором по инженерной части – он возглавил инженерные войска лейб-гвардии и армии. Здесь великий князь оказался вполне на месте, инженерное дело он давно любил, прекрасно разбирался в нем. Но обнаружил, что в других науках его обучение было далеко не лучшим. Разработав

собственноручно руководство по инженерному делу, Николай Павлович честно сказал подчиненным офицерам: «Не обращайтесь, господа, внимания на орфографию, я должен сознаться, что на эту часть при моем воспитании не обращали должного внимания» [16]. Он стал заниматься самообразованием.

А осенью 1818 г. в дополнение к инженерным войскам он был назначен командиром 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии. Бригада состояла из Измайловского и Егерского полков, и вот на этой должности Николай столкнулся с настоящей строевой службой. Уставы он с детства знал назубок, но неожиданно для себя сделал открытие – реальность не имеет с ними ничего общего. Лейб-гвардия разболталась. Среди офицеров царили разгильдяйство и панибратство, авторитет начальников ставился ни во что, приказы критиковались и высмеивались.

Николай взялся наводить порядок, но... оказался на этом поприще одиночкой. Потому что нарушения дисциплины стали обыденностью, были и официальные послабления. Например, после войны офицерам разрешили вне службы носить гражданские фраки. Некоторые даже на учения приезжали во фраках, только накинув поверх шинель и форменный головной убор. Когда освободятся, не терять времени, катить куда-то развлекаться. Решить какие-то вопросы через царя Николай не мог – Александр надолго уехал за границу, на конгресс в Аахен. По мучившим его вопросам великий князь обращался к командиру гвардейскому корпусу генерал-адъютанту Васильчикову. Тот отчасти соглашался, давал советы. Но чаще махал рукой. Давал понять, что так уж сложилось, и это даже от него не зависит.

Однако у Николая Павловича руки не опустились. Он пришел к выводу, что порядок в службе напрямую зависит от личности офицеров. Ближе знакомился с ними. Придумал собственный метод, условно разделив их на три категории. Честные и добросовестные служаки. «Добрые малые» – в общем-то, порядочные, но не желающие особо напрягаться. Третьи – болтуны, критиканы, фронтеры. От этой третьей категории Николай принялся чистить свои полки. Строго взыскивал за упущения, переводил из Лейб-гвардии в армию. Но при этом снова столкнулся с неожиданным для себя явлением, «ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей». Наказание и удаление таких офицеров оборачивалось

шумом, скандалами, заступничеством высоких лиц [17]. Вот так Николай Павлович, еще не понимая этого, впервые вступил в конфликт с будущими декабристами. Но дело он довел до конца, бригаду оздоровил.

Летом 1819 г., как обычно, полки Лейб-гвардии вывели в Красное Село на маневры. Участвовал и Николай со своей бригадой. Император похвалил ее, а после учений заехал в гости к брату. Сынишке исполнился уже годик, а Александра Федоровна снова ходила непраздной. Обедали в узком кругу, без посторонних, и царь разговорился, что очень рад видеть их семейное счастье. Каялся и винил себя в грехах молодости, в побочных связях, из-за чего остался бездетным, как и Константин.

Но от беседы о детях Александр вдруг перевел разговор, что пост государя очень тяжелый, требует чрезвычайного напряжения, а его силы ослабевают. Поэтому он принял решение – когда почувствует, что больше не может исполнять свой долг, отречься от власти. Сообщил, что Константин об этом уже знает, однако наследовать трон не хочет. Но оба они видят знаки Божьей благодати в семье Николая, где род продолжается. И Николай должен знать заранее – занять престол предстоит ему. Великий князь и его жена были «поражены как громом».

Видя их реакцию, царь начал успокаивать – это произойдет еще не скоро. Может быть, лет через десять. Но Николай и Александра «должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной». Младший брат наконец-то нашел слова, что никогда не готовил себя быть царем, не чувствует в себе ни сил, ни духа, помышляет лишь о службе. Александр ответил – когда он вступил на престол, то и сам был в таком же положении, и ему было еще труднее. Начал перечислять, что он многое делает и еще будет делать, чтобы передать дела в достойном порядке.

Николай Павлович вспоминал: «Государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно, по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить и воротиться...» [18]. Кстати, с орфографией в его записках уже все в

порядке. Как видим, язык прекрасный, образный. Работать над собой великий князь умел основательно.

ГЛАВА 5. РЕВОЛЮЦИИ НА ЭКСПОРТ

Заседание «Союза благоденствия»

В начале XIX в. Англия освоила сверхвыгодный бизнес – экспорт революций. Она являлась и мировым финансовым центром, и центром мирового масонства. А структуры «вольных каменщиков» стали удобным инструментом для подрывных операций. Борьба за сферы влияния такими методами оказалось гораздо эффективнее и дешевле, чем вести войны. Мы уже рассказывали, как в 1801 г. англичане организовали убийство Павла I. Но в то время им требовался только верхушечный переворот – силы России были нужны для борьбы с Наполеоном.

А вот Испанию в Лондоне считали соперницей еще с XVI в. Это была огромнейшая мировая держава, – ей принадлежали большая часть Америки, ряд других владений. Ее американские провинции жили даже лучше и богаче, чем метрополия. Национальной дискриминации не было, в отличие от британских колоний. Крещеные индейцы считались равноправными подданными Испании. Богатые креолы (потомки испанских переселенцев) и метисы владели плантациями, торговали, занимали важные должности в администрации. Посылали детей учиться в Европу. А там они вступали в масонские ложи и проникались «борьбой за свободу». Поддерживала такие идеи Англия, она рвалась торговать с Латинской Америкой через голову Мадрида, но ей не позволяли.

В 1810 г., когда Испанию подмял Наполеон, по Америке полыхнула цепная реакция революций. Правда, после побед над французами испанцы послали войска и подавили все мятежи. Но в 1816–1817 гг. их заокеанские владения снова взорвались. И вдобавок в 1820 г. разразилась революция в самой Испании. Поэтому усмирить восстания в Америке она уже не смогла. В результате скатилась на уровень второсортного государства. А ее американские провинции, еще недавно процветавшие, разделились, передрались за территории и в соперничестве лидеров. Потеряли в войнах 1,5 млн погибших, были совершенно разорены. Превратились в «банановые республики», попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Важнейшей сферой влияния в Лондоне считали и Средиземноморье, дороги на Ближний Восток. И в Италии на основе масонских структур возникли боевые отряды карбонариев. В 1820 г. одна революция началась на юге, в королевстве Обеих Сицилий, другая – на севере, в Пьемонте. С ними властям удалось справиться, на помощь монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала покровительницей итальянских «свобод», центры революционеров обосновались на ее территории.

Россию Лондон тоже не оставлял без внимания. Война на Кавказе тянулась давно, с XVIII в. Нападения горцев на казачьи станицы, похищения людей в неволю. Ответные поиски казаков и военные экспедиции. Еще в 1802 г. Александр I отмечал: «К большому моему неудовольствию вижу я, что весьма усиливаются на линии

хищничества горских народов и противу прежних времен несравненно их более случается». Но даже после побед над турками и персами, после присоединения Грузии и Азербайджана, война не стихала, а наоборот, обострилась.

По совету Аракчеева в 1816 г. командовать Отдельным Кавказским корпусом и возглавить гражданское управление в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях был назначен Ермолов. Вместо беспорядочных операций он начал систематическое наступление в горы. Развернулось строительство крепостей, прокладка дорог. Ермолов установил и неизбежность наказания за любую враждебную акцию. Его предшественники играли в «дипломатию», склоняя к покорности князей и старшин. Те приносили присягу, получали офицерские и генеральские чины, большое жалованье. Но при удобном случае грабили и резали русских, а потом снова присягали, и им возвращали чины и жалованье. Ермолов это пресек. Нарушивших присягу стал «возвышать» иным образом – вешать.

Селения, откуда совершались набеги, навлекали на себя карательные рейды. Если они пытались сопротивляться, подводились на 50 шагов пушки и открывали огонь. Если же селение соглашалось замирился, на слово уже не верили, брали заложников. Из «мирных» горцев Ермолов формировал отряды чеченской, дагестанской, кабардинской милиции. Если ты подданный России, так и воюй на ее стороне. Земли по новым линиям и укреплениям Ермолов стал заселять казаками, для этого пополнял их ряды добровольцами, отставными солдатами. В ермоловском корпусе сложились особые традиции. Без телесных наказаний, вместо шагистики учили стрельбе, рукопашной. Даже форма была особой, по подобию казачьей: папахи вместо киверов, просторные куртки и шаровары, холщовые сумки вместо ранцев.

Тактика Ермолова приносила успехи. Но «немирных» горцев подстрекали и подпитывали Турция, Персия. И к ним подключилась Англия. Она вообще поставила задачу вытеснить Россию с Кавказа. В персидской армии появились британские военные советники, помогали вооружать и обучать ее, готовя к новой войне. Горцам через турок переправлялись деньги, оружие. А британская и французская пресса поднимали шквалы возмущения о «русских зверствах на Кавказе». Стоит иметь в виду, что сами англичане отнюдь не церемонились с

местным населением при завоевании колоний, подавлении восстаний. Но о себе конструировали миф «великой благородной миссии» – нести «цивилизацию» якобы «дикарям». К нашей стране подобные оценки не относились. Горцы, терроризирующие набегами сопредельные области, выставлялись сугубо «борцами за свободу», русские – «поработителями».

Ну а либералы в окружении царя обрушивали грязь и сплетни на Ермолова, прилагали все усилия, чтобы его свалить. Только благодаря Аракчееву он оставался неуязвимым. Всесильный вельможа становился опорой и для поборников чистоты Православия. Против засилья еретиков выступили ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Иннокентий (Смирнов), ныне причисленный к лику святых, и его ученик иеромонах Фотий (Спасский). Фотий открыто поднял голос «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, «Сионского вестника» и прочих».

А последователь Фотия, князь Ширинский-Шихматов (впоследствии иеромонах, настоятель Ильинского скита на Афоне) и дипломат Александр Стурдза привлекли консультантов из опытных монахов и провели экспертизу «Сионского вестника», указав на публикации еретические и кощунственные. Представили доклад Голицыну. Тот пытался выгородить Лабзина, но все же вынужден был передать цензуру «Сионского вестника» ректору духовной академии Иннокентию (Смирнову). После этого Лабзин прекратил издание журнала. Однако церковная верхушка уже уютно пристроилась к Голицыну, и первая атака на еретиков обернулась «повышениями». Иннокентия сделали епископом – но в Пензе. Фотия игуменом – но в захудалом Деревяницком монастыре под Новгородом. Обоих отправили в почетные ссылки. А Лабзин получил высокое и престижное назначение – стал вице-президентом Академии художеств!

В борьбу с сектантами оказался вовлечен и великий князь Николай Павлович. Когда он «чистил» свою бригаду, то в Егерском полку обнаружил ячейку... скопцов. Несколько офицеров уже «посветились» в секту, вербовали сослуживцев, подчиненных. Николай обратился к столичному генерал-губернатору Милорадовичу, тот дал указания обер-полицмейстеру Горголи. Конечно, полиция давно знала о секте. Она же и не скрывалась! Были жалобы от жертв изуверов, их родственников. Но все заминалось взятками. Теперь оказалась задета честь Лейб-

гвардии, и фигура царского брата кое-что значила. Поэтому быстро нашлись и доказательства, и свидетели. В ноябре 1819 г. начались аресты, и за полгода питерскую сеть скопцов ликвидировали. Селиванова отправили в монастырское заключение в Суздаль. Только кружок «пророчицы» Татариновой в Михайловском замке уцелел, у него были уж слишком могущественные заступники.

Но Николай сумел относительно благополучно оздоровить 2-ю гвардейскую бригаду. А его младшего брата Михаила царь поставил во главе артиллерийского ведомства, добавив ему 1-ю бригаду, Преображенский и Семеновский полки. Он застал то же самое, расхлябанность и сплошное нарушение уставов. Особенно неблагополучно было в Семеновском полку, где еще с 1814 г. действовали будущие декабристы, тайная «Семеновская артель». Но Михаил не обладал умом и тактом Николая, а в службе был завзятым «фрунтови́ком». Он попытался решить проблему одним махом. Нажаловался Аракчееву, и они добились смещения командира семеновцев Потемкина как «неспособного по излишнему мягкосердию командовать полком». Вместо него был назначен известный своей строгостью генерал Шварц, получив приказ подтянуть гайки. Он и взялся подтягивать по своему разумению. Службу распустили офицеры, а Шварц обрушился на солдат. Их стали гонять вовсю, пороть за каждую мелочь, даже Георгиевских кавалеров, хотя награда освобождала от телесных наказаний.

Семеновцы не выдержали. 16 октября 1820 г. 1-я рота самовольно построилась на плацу. Отказалась идти в караул, потребовала командиров. Дело было неслыханное! Это была элита, любимый полк Александра I. 1-я рота официально считалась Государевой! Но царь опять находился за границей, на конгрессе в Троппау. Составился импровизированный штаб из генерал-губернатора Милорадовича, корпусных командиров Васильчикова и Закревского. Мятежную роту окружили подразделениями Павловского полка и отвели в Петропавловскую крепость. Но вступились остальные семеновцы. Потребовали освободить товарищей или арестовать весь полк – что и было сделано.

Доложили императору. А он соотнес мятеж с другими событиями того же самого 1820 г. – революции в Испании, Неаполе, Пьемонте. Поэтому к случившемуся отнесся строго. Всех офицеров и солдат

полка разослали по армейским частям, главных виновников судили. Шварца за излишнюю жестокость, спровоцировавшую бунт, выгнали со службы. Зачинщиков из 1-й роты прогнали сквозь строй и отправили на каторгу. Но обнаружилось и другое. Не все офицеры во время мятежа действовали должным образом – и четверых привлекли к суду. При беспорядках у семеновцев отмечалось брожение в других столичных частях, кто-то распространял прокламации.

Расследование переполошило заговорщиков из «Союза благоденствия». Они спешно собрали съезд в Москве и объявили о роспуске организации. Но в действительности решили притаиться временно, отсесть ненадежных. Уже через несколько месяцев вместо одного общества воссоздали два, «Южное» и «Северное». Невзирая на эти предосторожности, сведения о радикальных кружках всплыли. Царь и Аракчеев узнали о них сразу же, осенью 1820 г. Но от репрессий Александр воздержался. Велел только собирать информацию. Для этого в Лейб-гвардии учредили тайную полицию.

В мае 1821 г. командир гвардейского корпуса Васильчиков и его начальник штаба Бенкендорф представили государю подробную «Записку о тайных обществах в России». Император ознакомился с ней, вздохнул и сказал Васильчикову: «Вы, который служите мне с самого начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял эти мечты и эти заблуждения». После долгого молчания добавил: «Не мне подобает быть строгим». Александр не забыл собственные либеральные идеи. Помнил и о том, что был соучастником заговора против отца. Он не считал себя вправе карать других за то, в чем был грешен сам.

И тут же последовал новый толчок, очередная операция по экспорту революций. Продумана она была очень хитро. В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но масонская революционная организация «Филики Этерия» («Дружеское общество») была создана в России, базировалась в Одессе. Сбирала греческих офицеров, состоявших на русской службе, во главе с генералом Ипсиланти. В 1821 г. он с отрядом перешел границу и бросил призыв к восстанию. До Греции этерийцы так и не добрались, почти все погибли. Но турки принялись мстить всем православным, в Константинополе публично повесили патриарха и троих митрополитов в полных облачениях.

Россия возмутилась, прервала дипломатические отношения с Османской империей. Однако европейская пресса подняла скандал – дескать, восстание устроили русские, хотят захватить Константинополь. После расправы над иерархами Церкви оно и впрямь широко разлилось по Греции. Александр I намеревался помочь ей. Но Англия и Франция ткнули его носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, были революционерами. При таком раскладе царя убедили, что вмешиваться никак нельзя.

Но финансировать восстание стала Англия – под видом пожертвований британских греческих общин. Вместе с французами она раздувала симпатии к повстанцам. Собирали деньги, посылали оружие, туда ехали добровольцы вплоть до рекламной фигуры Байрона. А попутно грекам внушали: царь отказался от вас, предал на расправу султану. Подсказывали и сербам, болгарам, валахам – каково надеяться на русских. Ну а настоящими «друзьями» выступали Англия и Франция, подрывая на Балканах российское влияние и внедряя собственное.

Пожар, разожженный «Этерией» и обернувшийся для России грандиозным международным скандалом, стал для Александра еще одним сигналом опасности конспиративных кружков. В 1822 г. он издал указ о запрете любых тайных организаций, в том числе масонских лож. Это помогло и борьбе с ересями. Лабзин настолько обнаглел, что даже позволил себе насмехаться над Аракчевым. А свою ложу ликвидировать не спешил. На этом его и подцепили, за нарушение указа сослали в Симбирск. Аракчеева давно раздражало и влияние на царя Голицына со своими «пророками». Постепенно он сумел убрать от двора баронессу Криденер, Кошелева. Среди помощников Голицына Аракчев нашел таких, кто тоже засомневался в православии министра – Магницкого, Рунича, с их помощью стал собирать компромат на их начальника.

У обличителя еретиков, игумена Фотия, высланного в новгородскую глушь, тоже нашлась покровительница, графиня Орлова-Чесменская, одна из богатейших помещиц России. Она помогала опальному игумену, хлопотала за него в столице. Перемены стали возможными, когда подпевалу Голицына, митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Михаила (Десницкого), сменил на

этом посту Серафим (Глаголевский). Он возвел Фотия в сан архимандрита, перевел в другой монастырь.

Сам Серафим не рискнул выступить против высокопоставленных еретиков. Он вызвал к себе Фотия, поселил в Александро-Невской Лавре. Архимандрит был настоящим подвижником, носил вериги, а говорить умел очень красиво и убедительно. Орлова-Чесменская сделала ему рекламу, на беседы с ним потянулись дамы высшего света. Его представили и Голицыну. Фотий по благословению митрополита вел себя мудро. Не обличал, кивал, поддакивал. Министр счел его одним из священников, мечтающих устроиться под его протекцию. Обрадовался, что сможет блеснуть перед царем, входящим «в моду» архимандритом.

Голицын устроил ему аудиенцию у Александра I. Фотий говорил с государем «о делах веры и Церкви». Произвел впечатление. Император пожаловал ему драгоценный наперсный крест, его перевели настоятелем большого Юрьевского монастыря под Новгородом. Но архимандрит во дворце привлек внимание адъютанта царя Уварова. Убедил его, что Православие в серьезной опасности. Подключилась Орлова-Чесменская, и Фотия пригласили к императрице. Ей архимандрит откровенно высказался про «князя Голицына и прочих врагов веры, сынов беззакония».

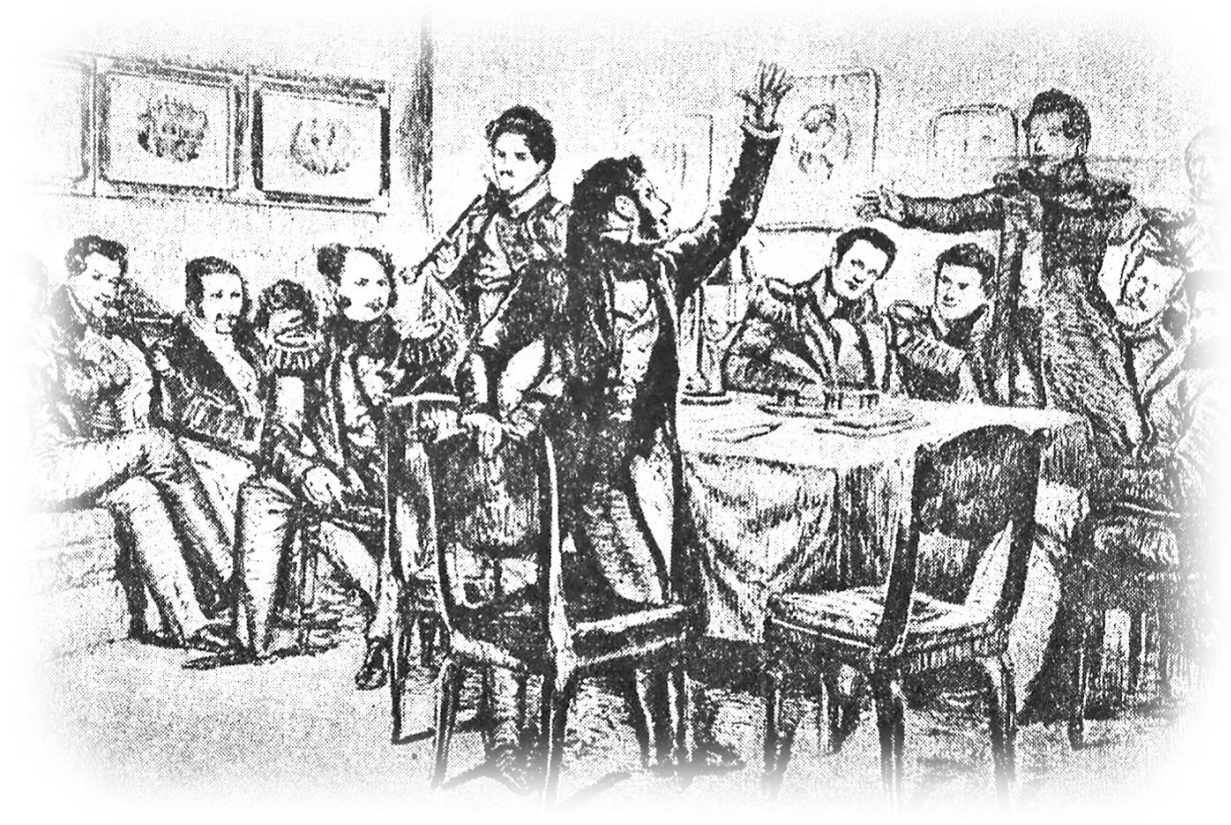
А в 1823 г. один из директоров Библейского общества, немецкий проповедник Иоганн Госснер настолько обнаглел, что выпустил книгу «Дух жизни и учения Иисуса Христа в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете». Хаял в ней русское духовенство, высмеивал обряды Православной Церкви. Под крылышком Голицына даже такое сошло бы с рук, но борцы за Православие уже изготовились к атаке. Фотий направил царю два письма с разбором книги и другой еретической литературы. При этом показал, что разрушение Веры – часть политических революционных диверсий по разрушению монархии.

Александр вызвал его к себе и три часа беседовал наедине. Выйдя от него, Фотий открыто провозгласил анафему на Голицына. Книгу Госснера передали на экспертизу президенту Российской Академии адмиралу Шишкову, подтвердившему обвинения. Госснера выслали из России. Цензор, переводчик и издатель его книги попали под суд. Аракчеев добавил свой компромат, и в мае 1824 г. Голицын был снят с

должности Министра духовных дел и народного просвещения. Его сменил Шишков, приостановил деятельность Библейского общества. Угроза Церкви была предотвращена.

Хотя и Голицына Александр все еще ценил, не лишал своего доверия. Назначил директором Департамента почты. А для самого государя случившееся оборачивалось очередными душевными травмами. Он с юности жил либеральными идеями, поощрял и возвращал их – а сейчас на тех же идеях плодились революционеры. Он считал своим великим достижением эдакое «сближение христиан» разных конфессий, их поддержку. Но и это дело получалось совсем не добрым, не богоугодным! Значит, все его царствование выливалось в череду ошибок и заблуждений?

ГЛАВА 6. КТО СТОЯЛ ЗА ДЕКАБРИСТАМИ?

Пушкин в Каменке среди заговорщиков «Южного общества».

После победы над Наполеоном для англичан наша страна виделась главной соперницей на международной арене. Было бы просто удивительно, если бы против нее не использовались такие же революционные технологии, как в Испании или Италии. И действительно, в России расцвел целый букет заговоров.

«Южное общество» во главе с полковником Пестелем, командиром Вятского пехотного полка, формировалось в частях 2-й армии, расквартированной в южных областях. В организации была установлена строгая дисциплина, обязательное выполнение указаний вышестоящих начальников. «Северное общество» охватывало Петербург и Москву, выбрало для руководства коллективную

Верховную думу: Муравьева, Тургенева и Оболенского. Позже в Москве выделился как бы его филиал, «Практический союз» – в нем лидировал Иван Пущин.

Разрабатывались программные документы. В «Северном обществе» – проект конституции Никиты Муравьева, в «Южном» – «Русская правда» Пестеля. Муравьев ратовал за конституционную монархию. Россия при этом расчленялась на 14 «держав» и 2 области, по сути, самоуправляемых. Император становился «верховным чиновником», ему платили оклад. А реальную власть получало двухпалатное «Народное вече», депутаты избирались от всех «держав». Крепостное право отменялось, но землю помещики сохраняли. При этом вводились все мыслимые «свободы» – слова, печати, вероисповеданий, собраний, передвижения.

«Русская правда» нацеливалась на установление республики. А сам Пестель был сторонником военного переворота и цареубийства. Россия предполагалась унитарным и неделимым государством с однопалатным «Народным вечем». Управлять страной должна была «Державная дума» из 5 человек. Крепостное право упразднялось без наделения крестьян землей. А набор «свобод» был тот же самый, что у Муравьева. Впрочем, во взглядах заговорщиков не было единства. Муравьев в своей «конституции» делал оговорку – если правящая династия откажется от конституционного правления, ее предстоит «изгнать» и строить республику.

Да и с дисциплиной в «Северном обществе» было куда слабее, чем у «южан». Выборное руководство оказалось слабеньким, и его без всяких выборов оттеснили самые решительные и энергичные, Рылеев, Трубецкой и Бестужев-Марлинский. Они в полной мере разделяли установки «южан» о республике, о вооруженном захвате власти [19]. Лидером новой «тройки» выдвинулся Кондратий Рылеев – поэт, издатель альманаха «Полярная звезда», правитель канцелярии Российско-американской компании. К США она не имела отношения. Компания была чисто отечественной, созданной для освоения и эксплуатации Аляски. Но сам Рылеев был ярким поклонником Соединенных Штатов, считал их порядки и государственное устройство лучшими в мире.

Но «Северное» и «Южное общества» были не единственными. Существовало еще «Тайное общество грузинских дворян»

с отделениями в Тифлисе, Москве, Санкт-Петербурге. Оно вовлекало в свои ряды грузинских офицеров, чиновников, студентов. Строило планы отделиться от России, возродить Грузинское царство и возвести на престол царевича Александра. Он жил в Персии, собирал отряды из эмигрантов. Во время войны с Ираном, сражался на вражеской стороне, вторгался через границу, пытаясь поднять мятежи. А Грузию мечтал передать под покровительство шаха. Хотя это выглядело парадоксально – ведь Россия приняла грузин по их собственным отчаянным мольбам, спасая их от истребления именно персами! Грузинские заговорщики были связаны с декабристами, вхожими на их собрания. Особенно был близок к ним идеолог сепаратистов, редактор газеты «Тифлиские ведомости» Соломон Додашвили.

Но грузинская организация была все же слабовата. Куда более мощным был заговор в Польше. После запрета масонских лож здешнее «Национальное масонское общество» вроде бы прекратило существование. Но его преобразовали в конспиративное «Патриотическое общество». Оно вовсю орудовало в польской армии. Координировало целый ряд более мелких польских и литовских организаций – «патриотов», «друзей», «променистов», «тамплиеров» и др. Поляки вели революционную агитацию даже среди русских офицеров. При их прямом влиянии во 2-й армии возникло «Общество соединенных славян», выступавшее за некую «демократическую федерацию» всех славянских народов. 52 офицера, входивших в это общество, были настроены крайне радикально, и даже Сергей Муравьев-Апостол называл их «цепными бешеными псами». После переговоров «славяне» объединились с «Южным обществом».

Между прочим, мы привыкли рассуждать о целях и взглядах декабристов, опираясь на их программные документы. Но факты показывают, что это были всего лишь декларации, очень серьезно расходившиеся с реальностью. Простой пример, все они якобы выступали за отмену крепостного права. Но ни один из заговорщиков не воспользовался указом Александра I о вольных хлебопашцах. Не освободил собственных крестьян. А Пестель в 1822 г. принял от царя награду за образцовое состояние своего полка – деревни и 300 «душ» крепостных. Не отказался. Причем в армии он был известен как один из самых жестоких офицеров. «Образцового состояния» добился как раз свирепыми наказаниями.

Пестель наставлял и других «южан»: чтобы посеять в солдатах «революционный дух» и «ненависть к начальству» – нужно пороть их как можно чаще. Даже забивать насмерть побольше, сколько получится. Нижних чинов вообще не считали за полноценных людей, намечали только использовать. Полковник Тизенгаузен цинично говорил, что он построит полк, выкатит несколько бочек вина, даст денег, крикнет: «Ребята, за мной!» – и все будет в порядке. Командир конно-артиллерийской роты Пыхачев уверял, что и водки не нужно, достаточно прибавить сала в кашу. А его сослуживец из «южан» утверждал – если бы его рота за ним не пошла, он солдат «погнал бы палкой» [20].

«Патриотическим» тезисам декабристов о неделимости государства верить тоже не обязательно. Лично Пестель вел переговоры с представителем польского «Патриотического общества» князем Яблоновским. Условились действовать совместно, и полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, Подолии, Волыни. И даже Малороссии! Не только Правобережной, но и Левобережной Украины, отошедшей к России во времена Богдана Хмельницкого! [20] Оба общества, «Северное» и «Южное», планировали после победы фактическую сдачу позиций на Балтике с переносом столицы в Нижний Новгород. Вполне дружески контактировали и с грузинскими сепаратистами.

Нет, до идеализма и патриотизма заговорщикам было очень далеко. Они были такими же, как все последующие революционеры. Коварными, лживыми, циничными. Главными для них были даже не реформы. В конце концов, все дворяне имели право обращаться к царю с прошениями по любым вопросам. Но от будущих декабристов ни одного прошения по улучшению государственного устройства не подавалось. Главным было – захватить власть любой ценой. В том числе, ценой уступок врагам России. И ценой лживых деклараций для тех, кого увлекали за собой. Таких пешек, не только нижних чинов, но и дворян, называли «руками», «солдатами», набирали на роль слепых исполнителей.

Угроза усугублялась тем, что либеральными веяниями была заражена значительная часть российской аристократии и дворянства. У революционеров хватало сочувствующих, были и покровители. Например, Рылеева опекали такие высокопоставленные фигуры как

адмирал Мордвинов – член Государственного совета и убежденный поклонник Англии, приближенный царя Сперанский. По воспоминаниям современников, они оказывали Рылееву «особую благосклонность» [22], и как раз Мордвинов дал ему хорошее место в Российско-американской компании.

Показательной выглядит и история А. С. Пушкина. По окончании лица он был определен на службу в Коллегию иностранных дел, в 1817 г. вступил в масонскую ложу. Видимо, как раз с этим было связано написание омерзительной богохульной «Гавриилиады» – как ритуал покаяния святыни. В заговорах Пушкин не состоял, но дружил со многими участниками, «варился» в их среде. А маскировать свои взгляды не умел и не считал нужным. Из-под его пера хлынули откровенно политические стихи, едкие эпиграммы на Аракчеева, архимандрита Фотия, на самого царя.

В 1820 г. поэта привлекли к ответственности. По тяжести обвинения ему грозила ссылка в Сибирь или заключение. Но хлопотами друзей наказание смягчили, перевели из столицы в Бессарабию. А на юге высокое начальство встретило его горячими симпатиями. Его покровителями стали генерал-губернатор Воронцов, Раевские, таврический губернатор Баранов, наместник Бессарабии Инзов. Ссылка обернулась четырьмя годами прекрасного отдыха и путешествий.

В здешних краях Пушкин входил в ложу «Овидий». Близко сошелся с заговорщиками В. Ф. Раевским и М. Ф. Орловым, подолгу гостил в Каменке – гнезде «южного общества». Но помалкивать он по-прежнему не умел. В 1824 г. полиция в Москве вскрыла письмо поэта, что он состоит в неких организациях, увлекся «атеистическими учениями». А ложи уже были запрещены. Дошло до царя. По высочайшему повелению Пушкина уволили с государственной службы, выслали в родовое поместье Михайловское.

Что же касается друзей Пушкина из «южан», то в 1822 г. майор Юмин и командир корпуса генерал Сабанеев доложили о тайном обществе командующему 2-й армией Витгенштейну и его начальнику штаба Киселеву. Были названы фамилии тех же Раевского и Орлова (а он был генералом, командовал 16-й пехотной дивизией!). Раевского арестовали, заключили в Тираспольскую крепость, Орлова отстранили от должности. Но... от царя подоплеку скрыли. Свели дело к

дисциплинарным нарушениям. Очевидно, желали «сохранить лицо» своей армии. А может, причина была и в том, что в тайной организации состоял сын Витгенштейна.

Заговор декабристов принято представлять, как сугубо внутреннее, российское явление. Но факты это опровергают. Позже на следствии в показаниях В. Л. Давыдова и Н. М. Муравьева проскользнула информация о контактах революционеров с эмиссарами ордена иллюминатов. На допросах заговорщики сообщали и о связях с тайным «Финляндским обществом», руководство которым осуществлялось из Швеции. Также расследование доказало, что с 1824 г. было налажено взаимодействие «Южного общества» с поляками, а через них поддерживались связи с радикальными масонскими структурами европейских стран [23].

Кавказу и грузинским сепаратистам особое внимание уделяла Англия. Грузинского царевича Александра в рейдах на российскую территорию в 1812 г. сопровождал британский офицер Уильям Монтейт, оставивший записки об этих походах. И вот это уж совсем интересно получалось. Англия в это время числилась союзницей нашей страны против Наполеона. Генерал Петр Багратион стал национальным героем России, получив смертельную рану на Бородинском поле. А малочисленным царским войскам на Кавказе в это же время приходилось гоняться за его родственником, Александром Багратиони, силившимся в самой тяжелой ситуации для нашей страны взбунтовать и оторвать от нее Грузию – и англичане были тут как тут.

Но имеются ли свидетельства о прямых контактах самих декабристов с англичанами? Оказывается – да. Сергей Муравьев-Апостол рассказал на допросе, как делегат от «Южного общества» Княжевич ездил в Варшаву, встречался там с британским послом Стрэтфордом Каннингом, возвращавшимся через Польшу из Петербурга в Лондон [23]. И вот на эту фигуру стоит обратить особое внимание. Чарльз Стрэтфорд Каннинг был совсем не рядовым и не случайным дипломатом. Он приходился двоюродным братом премьер-министру Джорджу Каннингу, был членом королевского Тайного совета, а в международных делах всегда оказывался правой рукой лорда Палмерстона. Одного из главных режиссеров политики «поддержки за границей либеральных течений». Читай – экспорта революций. Палмерстон был и главным русофобом в английской верхушке.

А Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 г. его направили в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке – между Российско-американской компанией, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединенными Штатами. Причем США с русскими очень быстро достигли соглашения и подписали договор. Но с британцами переговоры почему-то затянулись, и Каннинг задержался в нашей стране до 1825 г. Хотя здесь необходимо важное пояснение. Российско-американская компания была «полугосударственной». Ее акционерами были сам царь, члены императорской семьи, высокопоставленные вельможи. В компанию откомандировывались офицеры, нижние чины, военные корабли. Однако юридически это была частная организация.

В XIX в. подобное положение было обычным. Индию официально завоевывала не Англия, а Ост-индская компания. И Канада точно так же осваивалась компанией Гудзонова залива. Однако это значит, что и переговоры велись как бы не между государствами. Не в Министерстве иностранных дел, а в управлении Российско-американской компании, на набережной Мойки, 72. Но... как раз это управление было гнездом «Северного общества»! Канцелярию компании возглавлял Рылеев! Заговорщики нередко собирались у него. А фактическим руководителем компании был покровитель Рылеева адмирал Мордвинов. После свержения царя декабристы намеревались поставить его во главе временного правительства.

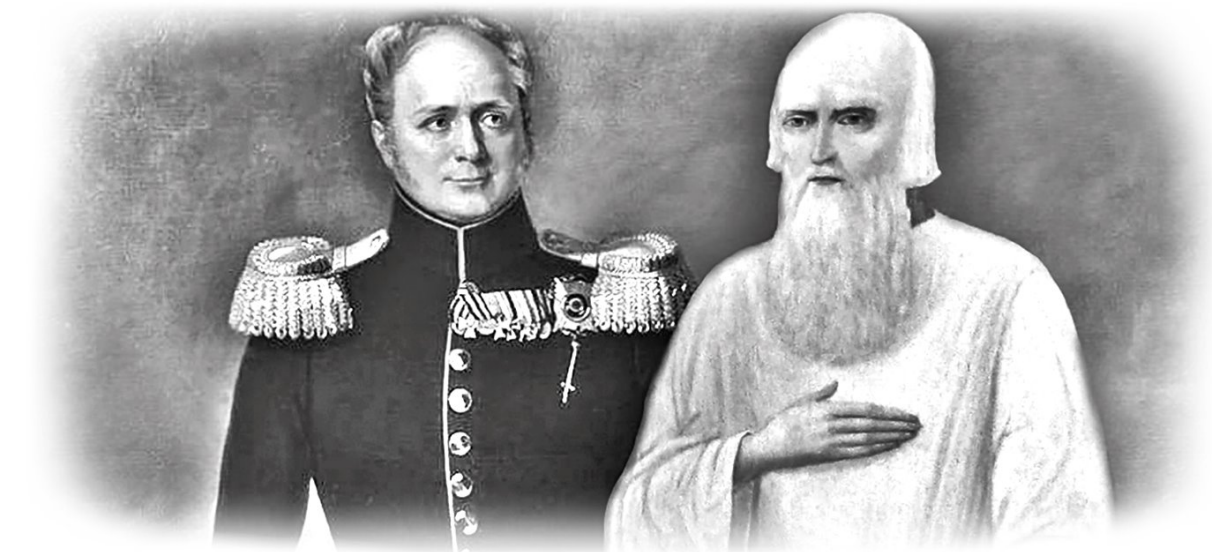
Именно здесь в 1824–1825 гг. обретался Каннинг, задержавшийся в России. С Рылеевым, возглавлявшим делопроизводство Российско-американской компании, он общался постоянно. Очевидно, и с его товарищами. О чем они говорили, для нас остается сокрытым. В феврале 1825 г. договор наконец-то был подписан. Но Каннинг вовсе не поспешил сесть на ближайший корабль, отчалить на родину. Нет, он почему-то отправился в Лондон совсем не быстрым путем. И совсем не удобным, учитывая тогдашнее состояние дорог. По зиме и весенней распутице с непролазной грязью – через Варшаву. А там к нему прибыл делегат и от «Южного общества». Да и с польскими заговорщиками здесь можно было пообщаться.

Стоит ли удивляться, что российские и польские революционеры согласовали совместное восстание с убийством царя. Оно было назначено на 12 марта 1826 г., в 25-ю годовщину восшествия

Александра I на престол. И ведь план-то был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады, смотры с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования, а еще и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Может быть, для оккультистов-масонов дата обладала какими-то особыми свойствами (в 1917 году в этот же день Англия, Франция и Италия официально признают Временное правительство). Но брался в расчет и психологический фактор! В юбилей, принимая поздравления, государь будет особенно остро вспоминать 12 марта 1801 г. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падет духом. Воспримет, как закономерное воздаяние...

Заговоры разрастались. И информация, невзирая на конспирацию, все же просачивалась, доходила до императора. В 1824 г. в записке Аракчееву он отметил, что «в обеих армиях, равно как и отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества» [24]. Но Александр еще не представлял всей степени угрозы и ее масштабов. И не видел морального права карать за собой – возведенным на трон заговорщиками.

ГЛАВА 7. РАЗВЯЗКА В ТАГАНРОГЕ

Александр I и старец Федор Кузьмич

Царь задумывался об отречении. Но колебался, оттягивал вопрос – слишком уж неординарный. Брату Николаю он сообщил о желании оставить трон и его наследованию еще в 1819 г., а в марте 1820 г. был наконец-то расторгнут брак Константина с его супругой. Государь тотчас издал Манифест, что лицо Императорского Дома, вступившее в брак с человеком, не имеющим соответствующего достоинства, не из венценосной семьи, не может передать ему право принадлежности к Императорской Фамилии. И дети от такого брака не имеют прав на корону. Невзирая на это, Константин женился на полюбившейся ему полячке Грудзинской. Царь даровал ей титул княгини Лович.

Но ситуация создалась двусмысленная. Ведь Манифест Александра касался только Грудзинской и возможных детей. Самого брата он наследования не лишал. А Константин тоже не спешил внести определенность. Только в частных разговорах с братом Михаилом он упоминал, что «дал себе святое обещание отказаться, навсегда и невозвратно, от престола», «решился уступить мое право брату Николаю». Но предупреждал, что это должно пока «оставаться между

нами». Когда Николай проезжал через Варшаву, Константин отдавал ему почести, как вышестоящей особе. Хотя вместо объяснения лишь отговаривался старой семейной шуткой: «Это все оттого, что ты царь Мирликийский» [25].

Лишь в январе 1822 г. Константин подписал официальное письмо, отрекаясь от права на престол и передавая его «тому, кому оно принадлежит после меня». Царь его прошение удовлетворил, но... собственное решение еще обдумывал. Дело зависло на полтора года. Летом 1823 г. в Санкт-Петербурге на заседаниях Синода присутствовал архиепископ Московский Филарет (Дроздов). Голицын, в то время еще Министр духовных дел, передал ему секретное поручение императора. Написать проект Манифеста о назначении наследником престола великого князя Николая Павловича. Предупредил, что документ будет в глубокой тайне храниться в Москве в Успенском соборе. Филарет указал на явную несуразность – власть сменяется в Петербурге, а тайный акт будет лежать в Москве. Как он сможет повлиять на события?

Царь согласился с замечанием. Разрешил сделать копии, чтобы хранились в Государственном совете, Сенате и Синоде. Филарет отработал и оставил императору проект. А 25 августа тот сам прибыл в Москву, и архиепископу передали конверт с собственноручной надписью Александра: «Хранить в Успенском соборе, с государственными актами, до востребования моего». Но в случае кончины царя конверт требовалось открыть «прежде всякого другого действия». В Государственный совет, Сенат и Синод доставили запечатанные конверты с такими же надписями. Мы снова видим, что Александр еще колебался. Не исключал, что отменит или изменит Манифест – приказывая хранить его «до востребования». Впрочем, он знал и отношение Николая к царской короне. Опасался, что он тоже откажется. Поэтому с ним Манифест не согласовывали, в тайну не посвящали.

Но когда ему предстояло унаследовать престол? Лет через десять, как обещал ему Александр? Или раньше? Государь, как он считал, получал все новые доказательства Божьей немилости. 7 ноября 1824 г. в Петербурге случилось сильнейшее наводнение. Вода поднялась на 4 метра, затопила почти всю столицу, разрушила и повредила 4 тыс.

строений. Погибших насчитывали от 200 до 600 человек, но многие пропали без вести – тела унесло в Финский залив.

А на Кавказе обстановка, вроде бы, нормализовывалась. Но турки с англичанами преподнесли «подарок». У разобщенных «немирных» горцев вдруг появился центр организации, проповедник Кази-Мухаммед. Он призвал к «священной войне». Полыхнуло в Чечне, перекинулось на Кабарду, Кубань. Ермолов и его помощники сумели организовать переговоры. В Герзель-ауле съехались генералы Лисаневич, Греков и 318 горских старейшин. Но во время встречи фанатик с кинжалом бросился на генералов и убил обоих. Увидев это, солдаты разъярились, перекололи штыками старейшин. И тут уж драка пошла по всему Кавказу. Европа опять завопила о «русских зверствах».

Царь тяжело переживал бедствия. Убеждался – Господь не благословляет его царствование. Весной 1825 г. Россию посетил принц Оранский, личный друг и государя, и его брата Николая. Александр в порыве чувств открылся ему, что хочет отречься. Принц был в шоке. Доказывал, насколько пагубно это может сказаться и на России, и в целом на монархической идее – самый могущественный император бросает трон. Но, как он сокрушенно рассказывал Николаю Павловичу, убедить государя он не сумел [26].

А летом поступили новые сведения о заговоре. О нем узнал преданный императору Иван Шервуд, унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка. Послал письмо своему родственнику, лейб-медику Виллие, просил предупредить государя об опасности. Шервуда сперва доставили к Аракчееву, потом к самому царю. Унтер-офицер доложил: он «случайно узнал, что в некоторых полках 1-й и 2-й армии существует секретное общество, которое постепенно увеличивается и имеет особенные связи в 4-м резервном кавалерийском корпусе». Перечислил несколько фамилий и вызвался самому проникнуть в общество, разведать о его составе и планах.

Александр одобрил операцию, поручил ее курировать Аракчееву. К ней привлекли также начальника Шервуда, командующего резервными войсками на юге генерала Де Витта. А его как раз обхаживал Пестель, надеялся привлечь на свою сторону. Даже изображал, что хочет жениться на его дочери, некрасивой и засидевшейся в девицах. В качестве агента Де Витт использовал ученого-ботаника Александра

Бошняка. Он вошел в доверие к заговорщикам, прикинувшись их единомышленником.

Но в это же время, летом 1825 г., ухудшилось здоровье императрицы, и без того слабое. Александр с женой давно забыли взаимные измены. Привыкли друг к другу, муж трогательно заботился о Елизавете Алексеевне. А врачи пугали, что промозглая осень в Санкт-Петербурге может привести к плачевным последствиям. Настаивали сменить климат, отправиться в Италию. Государыня не хотела ехать за границу. Обсудив с мужем, решили пожить на российском юге. Крым еще был совсем не курортом. Выбрали более благоустроенный Таганрог.

Царь должен был ехать вперед, все приготовить к прибытию жены. 30 августа, на праздник св. Александра Невского, он был именинником. Как обычно, отправился в Александро-Невскую лавру, стоял на службе, приложился к мощам своего Небесного покровителя. На обратном пути пригласил брата Николая ехать в собственной коляске. Был очень задумчивым, но ни о каких делах не говорил. Только порадовал брата – пожаловал ему место для дачи возле Петергофа. В этот же день было новоселье у их младшего брата Михаила. Заглянули к нему и расстались. Николай Павлович уезжал с инспекцией в Бобруйск. Не знал, что прощается с Александром навсегда.

1 сентября отправился в дорогу царь. Он опять заглянул в Александро-Невскую лавру. Отслужили молебен на благополучное путешествие. Александр благословился митрополита Серафима, но захотел повидаться и со святым старцем Алексием (Шестаковым). Побывал у него в келье, увидел гроб, служивший постелью. Просил старца особо молиться о нем и его жене. Может быть, говорил еще о чем-то, но об этом сведений нет. Из монастыря, уже не заезжая домой, вереница колясок понесла Александра I и его небольшую свиту на юг.

Он очень переживал, как перенесет дорогу супруга. В Таганроге в доме градоначальника сам устраивал их семейное гнездо. 23 сентября Александр встретил жену за городом. Заехали в Александровский монастырь, где их ждало множество людей. И у них началась спокойная и безмятежная жизнь. Без придворного этикета, приемов, суеты, множества лиц и дел. Они впервые за долгие годы проводили время вдвоем, могли подолгу гулять, разговаривать непринужденно, без свидетелей. Оказались настолько близки друг другу, что жизнь в

Таганроге даже называли их «вторым медовым месяцем». Их окружение составляли несколько самых доверенных лиц – врачи Виллие, Стофреген, Тарасов. Приближенные Петр Волконский, генерал-адъютант Александр Чернышев, начальник Главного штаба Иван Дибич.

Но маленький уютный мирок царя оказался слишком хрупким. В него вламывалась внешняя реальность. Шервуд, исполняя задание, собрал немало сведений о заговорщиках, их замыслах. 20–21 сентября отправил подробное донесение Аракчееву. Тот фактически возглавлял операцию, должен был принять меры, но... всемогущий Аракчеев слишком занесся. У него как раз наложилась личная драма. Крепостные убили его сожительницу Настасью Шумскую, домоправительницу в Грузино, свирепствовавшую над дворовыми. Аракчеев находился в «тяжком расстройстве здоровья» и от своих обязанностей самоустранился. Пакет Шервуда, даже не распечатав, он отослал в Таганрог. Царь получил его лишь 11 октября, ознакомился и передал Дибичу. Вот теперь становилось ясно, какая угроза зреет над ним и над всей страной.

А между тем на жену тихая жизнь на Азовском море подействовала благотворно. Ее состояние значительно улучшилось. В конце октября царь счел возможным оставить ее одну, отправился в Крым. Как бы проверить здешние войска, флот, администрацию. Но глубоко в эти вопросы не вникал. Выглядел уставшим, опустошенным. От него даже слышали фразу, что он скоро поселится в Крыму частным лицом: «Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку».

Обратно ехали тремя колясками – Александр, сопровождающие и его личные фельдъегеря. 3 ноября, в 30 верстах от Орехова, их догнала бричка фельдъегеря Маскова с депешами из столицы, письмами царицы-матери. Государь похвалил Маскова за усердие, велел присоединиться к кортежу. Дорога в этом месте спускалась к речке. Масков прыгнул в бричку, крикнул кучеру: «Пошел!» Тот рванул с места, тройка понеслась под откос, и на повороте заднее колесо налетело на кочку. Коляска подпрыгнула, Маскова выбросило из нее. Он упал, ударившись головой.

Александр послал доктора Тарасова и капитана Гodefроа узнать, что случилось и какая нужна помощь. Сам царь поехал дальше и

остановился в Орехове. Тарасов появился там уже ночью. Доложил – Масков скончался. Александр переживал, жалел его.

Фельдъегерей он знал лично, а этот погиб почти у него на глазах. Хотя, конечно же, прискорбный случай не означал никаких серьезных потрясений. Вызвавли земского исправника, велели похоронить царского курьера «достойным образом», выдали 100 рублей.

Но с этого момента события начали закручиваться совершенно неожиданным образом, оставляя множество загадок. Маскова похоронили со странной поспешностью, 4 ноября. И в этот же день в Мариуполе Александр I вроде бы простудился. 5 ноября он прибыл в Таганрог и слег в постель. И тогда же, 5 ноября, сразу несколько человек начали вести дневниковые записки о болезни императора – его жена, Волконский, лейб-медики Виллие и Тарасов. Казалось, с чего бы? Царь был человеком здоровым, 48 лет. Всего лишь простудился. Но четверо приближенных одновременно взялись документировать болезнь. Создать информационную «картинку».

А 10 ноября в Таганрог к Дибичу привезли новое донесение Шервуда, рисующее планы революции с убийством царя и уничтожением всей династии. Унтер-офицер разузнал и о том, где хранятся документы «Южного общества». Александру об этом доложили. Он принял первое решение начинать борьбу. Отправил к Шервуду полковника Степана Николаева с приказом захватить документацию заговорщиков.

Но, похоже, что информация Шервуда подтолкнула Александра к окончательному принятию и другого решения. Утром 11 ноября царь позвал к себе супругу. Очень долго они беседовали наедине. О чем – осталось тайной. Но... после их разговора записки императрицы о болезни мужа вдруг оборвались. 15 ноября Александр по настоянию жены исповедовался, причастился, соборовался и... снова загадка. Его духовник, священник Алексей Федотов-Чеховский, после этого у постели больного не появлялся! Хотя, казалось бы, он должен был оставаться рядом с умирающим, утешать. Ждать, когда надо будет читать молитвы на исход души. Нет, священника около царя больше не было. Только несколько ближайших доверенных лиц.

О том, что Александр болен, до последнего момента не извещали ни родных, ни правительство. Лишь 18 ноября в Санкт-Петербург поскакали фельдъегеря, везли сообщения об этом. А 19 ноября

помчались новые гонцы, уже с трагической вестью. И в Таганроге громом грянуло – царь умер! Но на панихиде об усопшем государе в Таганрогском соборе императрица отсутствовала. И в переписке со своей матерью она о смерти мужа не упомянула ни разу!

Впрочем, это не удивительно. Она знала – в гробу лежал не Александр. Лежал фельдъегерь Масков. Окружающие и раньше отмечали его некоторое сходство с императором: примерно одного роста, такого же сложения. Что-то и в чертах лица было общее... Как же сохранилось его тело? Но бальзамированием якобы Александра занимались те же самые лейб-медики Виллие, Тарасов, Стофреген. Вот и гадай, когда оно осуществлялось – после 19 или после 4 ноября? Акт о смерти и протокол о вскрытии подписали они же. Плюс Волконский, Дибич, протокол скрепил печатью Чернышев. А современные исследования, проведенные В. В. Федоровым на кафедре судебно-медицинской экспертизы Сибирского медицинского университета, показали, что «посмертная маска» Александра I была снята с лица... живого человека.

Да, он нашел способ оставить трон без отречения. Начало его дальнейшей жизни прослеживают лишь предположительно. 19 ноября от российских берегов как раз отчалила частная английская шхуна. Считают, что Александр Павлович на ее борту покинул родину, отправился с паломничеством в Палестину. Потом жил инкогнито в Киево-Печерской лавре и в имении своего друга князя Остен-Сакена. А с 1837 г. уже известна жизнь православного подвижника, старца Федора Кузьмича, сосланного в Томскую губернию, где он и поселился. А ныне причисленного к лику святых. Он поражал людей своей высокой образованностью. И сходством с Александром I.

Но это уже другая история. А из Таганрога тело покойного отправили в столицу далеко не сразу. Якобы из-за бальзамирования. Здесь оставались и императрица, и «штаб» Александра I – Волконский, Дибич, Чернышев. Поэтому и сведения о заговоре продолжали стекаться сюда же. 25 ноября Дибич отправил в Тульчин графа Чернышева для расследования деятельности «Южного общества».

Добавились и новые свидетельства. Один из заговорщиков, капитан Аркадий Майборода, командовал ротой в Вятском пехотном полку – в полку Пестеля. Был постоянно рядом с ним, знал много. Но представил, во что выльется восстание, ужаснулся и раскаялся.

Написал доклад о структурах и планах «южан». 1 декабря через командира корпуса генерала Рота его доклад попал к Дибичу. Вскоре в Таганрог прибыли Шервуд, Де Витт и полковник Николаев с изъятыми документами. Дибич оценил, насколько угрожающей становится ситуация, особенно в обстановке «междоусобия». Понял – медлить нельзя. 5 декабря разлетелись приказы об аресте Пестеля и других активистов «Южного общества».

ГЛАВА 8. МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Здание Сената и Синода в Санкт-Петербурге

Александр I создал две тайны – наследования престола и собственного ухода из прежней жизни. О той и другой знал лишь узкий круг лиц. Но эти круги были разные! Знали ли родные государя, кроме жены, что его смерть мнимая? Ни в коем случае. Иначе Николай на вполне законных основаниях просто не принял бы трон. Даже извещения о болезни царь задержал до последнего.

25 ноября великий князь Николай Павлович беззаботно играл со своими детьми в Аничковом дворце, и вдруг к нему явился генерал-губернатор Милорадович, доложил: «получена ужасная новость». Дескать, император опасно болен, хотя надежды еще есть.

Николай был ошеломлен. Из братьев в столице оказался он один. Константин жил у себя в Варшаве и Михаил, находился с ним. А официальный государственный статус Николая был отнюдь не самым

высоким. Генерал-инспектор инженерных войск, недавно получил повышение – стал командиром 1-й гвардейской дивизии.

Даже в царствующей семье его голос оставался второстепенным – доминировала мать, Мария Федоровна. К ней и засобирался Николай. Но она сама послала за сыном, получив аналогичное известие. От такой новости ей стало дурно, и Николай остался с ней. Утешал, как мог, надеждами на лучшее. Утром примчался фельдъегерь с письмами, что царю стало лучше, но «он очень слаб». Приказали служить молебны о его выздоровлении.

27 ноября в дворцовой церкви опять служили Литургию и молебен. Николай велел камердинеру – если появится гонец из Таганрога, подать ему знак. И его позвали. В библиотеке ждал Милорадович, сообщив: «Все кончено, ваше высочество...» Первым делом Николай позвал лейб-медика Марии Федоровны, чтобы был рядом. Вошел бледный в церковь, упал на колени перед матерью, и все без слов поняли, что случилось. Мать почти лишилась чувств, рыдала. Ее кое-как увели.

А Николай, оставшись без нее, засуетился с присягой новому императору. Впрочем, он на это уже настраивался несколько дней. Повторял приближенным – если вдруг Господь пошлет испытание, и Россия лишится государя, надо, не теряя ни минуты, присягать Константину. Теперь, еще в состоянии шока, взялся выполнять. Почему? Александр сказал ему о наследовании престола устно, в частном разговоре. Николай Павлович слышал и о тайном Манифесте. Но опять слышал неофициально. Документ ему никто не показывал, от него держали в секрете.

Этим он и решил воспользоваться, чтобы не принимать царствования. Срочно, пока Манифест еще не всплыл, принести присягу Константину. Поставить его перед фактом. Сам-то Константин не был лишен права на престол. А его авторитет в стране и в войсках был не в пример выше, чем у Николая. Реформатор армии, герой войн с Наполеоном, фактический правитель Польши! Пусть он и царствует. Николай Павлович отправился к караулам Преображенского, Кавалергардского, Конногвардейского полка, велел дежурному генералу Потапову принять от них присягу Константину.

Такой же приказ послал в свое Инженерное ведомство, а сам с Милорадовичем, генерал-адъютантами Трубецким и Голенищевым-Кутузовым вернулся во дворцовую церковь, первым присягнул брату и

подписал присяжный лист. За ним последовали военные и чиновники, находившиеся во дворце. Только после этого Николай пошел к матери, приходившей в себя, и сообщил, что «исполнил долг». Мария Федоровна ужаснулась. «Николай, что ты сделал!». Поясняла, что наследник – он сам, существует официальный акт. Сын пожал плечами: акт не обнародовался, до него не доводился. Все знают, что наследник – Константин, «пусть будет что будет».

В Александро-Невскую лавру весть о смерти Александра пришла во время службы. На ней присутствовал Голицын, соавтор тайного Манифеста о наследовании. Он поспешил в Зимний дворец и вдруг узнал – здесь уже принесли присягу Константину. Голицын явился к Николаю, объясняя то же, что и мать – великий князь поспешил. Но тот отвечал о законном порядке наследования, о том, что Россия не должна ни дня оставаться без императора. Наконец, разводил руками, что сделанное уже необратимо.

Днем собрался Государственный совет, и Голицын снова поднял вопрос о секретном пакете. Министр юстиции Лобанов-Ростовский уже принес присягу Константину и высказался – вскрывать пакет вообще не надо. Адмирал Шишков говорил более осторожно, что присягать надо Константину, а принять престол или нет – как он захочет. Большинство настояло вскрыть конверт. Манифест зачитали. Но Милорадович был другом Константина, еще в 1799 г. служил с ним у Суворова. Он интерпретировал по-своему. Дескать, Николай своим актом присяги уже отрекся от престола. Значит, и Манифест больше не имеет силы.

Такая крайность смутила членов Государственного совета. Ведь теперь получалось, что в России два отрекшихся великих князя! Кому же принадлежит власть? Пошли к Николаю. Он ознакомился с бумагами из секретного пакета – с копиями писем Константина и царя, Манифестом. Но обсуждение закончилось тем, что члены Государственного совета прошли в дворцовую церковь и принесли присягу Константину. Копию протокола отправили к нему в Варшаву с письмом Николая, выражавшего готовность служить старшему брату. Принесла присягу и Москва. Митрополит Филарет вспомнил о пакете в алтаре Успенского собора. Но с удивлением обнаружил – городские власти совершенно не в курсе его существования. Выполнили то, что указано из Санкт-Петербурга.

Между тем, Константин Павлович узнал о случившемся даже раньше, чем столица. Доверенные лица Александра I в Таганроге – Дибич, Волконский, Чернышев, не знали о тайне наследования. Преемником царя считали Константина, слали ему донесения в первую очередь. И дорога до Варшавы была поближе. Получив известие о кончине Александра, великий князь созвал свое окружение, и попытки называть его «вашим величеством» сразу пресек. Сообщил – существует Манифест о наследовании, зачитал свои письма об отречении и указал: «Теперь законный наш государь и император – Николай Павлович!». 26 ноября Константин отправил к нему с письмами брата Михаила, обращался к Николаю как «вернейший подданный» [27].

Главная дорога из Варшавы в Петербург в то время вела через Прибалтику. Она раскисла от ноябрьской грязи, ехали медленно. О смерти Александра здесь еще не знали, Михаил по пути стал первым вестником. А когда добрались до Риги, он узнал странные новости, о присяге в столице. 3 декабря Михаил прибыл в Петербург, поехал к матери. Они позвали Николая, и Мария Федоровна сказала: «Преклонись перед твоим братом Константином, он вполне достоин почтения и высок в неизменном желании передать тебе престол». Сын вздохнул: «Это еще вопрос, которую из двух жертв должно считать выше, со стороны отказывающего или со стороны принимающего».

Да, вот такой узел закрутился! В разные эпохи и в разных странах родственники грызлись и резались за власть. А в России один брат хитростью избежался от короны, два других отталкивали ее от себя! Но сейчас приходилось думать, как же выпутаться из сложившейся ситуации! Как воспримет народ, если после одной присяги будет другая? Николай еще цеплялся за надежду – Константин отказался от власти, когда не знал о присяге. А после нее вдруг передумает? Написали ему: Николай по необходимости покоряется его воле, если старший брат ее снова подтвердит. Настоятельно просили, чтобы он подписал официальный акт об отречении и сам приехал в столицу. С этими письмами сразу же отправили в Варшаву фельдгегера Белоусова.

5 декабря вслед за ним выехал Михаил, уговаривать старшего брата приехать. Но учли – в дороге он может разминуться с важными известиями. Мария Федоровна выдала ему доверенность, вскрывать письма, адресованные ей. Михаил действительно встретил офицера

Лазарева с таким письмом. Прочитал и понял, что Константин приезжать категорически не желает, поэтому и ему в Варшаве делать нечего. Михаил остановился в местечке Неннале. Известил мать и Николая, что будет ждать их решения. Пока он отъехал всего на 260 верст от Петербурга, если понадобится в столице, может быстро вернуться. Если же сочтут нужным, он продолжит путь в Варшаву.

А Лазарев 6 декабря привез в столицу письма не только для Марии Федоровны, но и Николаю. Это был ответ на первое его письмо Константину. Тот извещал – его намерение не принимать престол неизменно и утверждено покойным царем. Приехать в Петербург он отказался и угрожал даже «удалиться еще дальше, если все не устроится в согласность воле покойного нашего государя». То есть сбежит за границу, а царствовать не будет. Но и такое заявление еще не поставило точку. Ждали ответа на второе письмо, от 3 декабря, отправленное после приезда Михаила. С известием о присяге, с предложением или принять корону, или подтвердить отречение официальным актом.

Однако в это же время, пока два великих князя силились так или иначе уступить друг другу власть, оживилась сила, решившая эту власть перехватить. Заговорщики. И ситуация сложилась, в общем-то, парадоксальная. Ключевая информация государственной важности скрывалась, запутывалась искусственными секретами. Даже высшие сановники в большинстве не представляли реальное положение дел. Но у тайных обществ разведка работала очень хорошо.

Еще с 1820 г. генерал-губернатор Милорадович получил повеление собирать сведения о конспиративных организациях. Но сам этим почти не занимался, перепоручил правителю своей канцелярии полковнику Федору Глинке. Он был доверенным лицом Милорадовича, имел на него очень большое влияние. Хотя Глинка был и доверенным лицом... Рылеева. Стоит ли удивляться, что расследования глохли? А самые сокровенные тайны, в которые посвящали Милорадовича, становились известны революционерам.

В караулы в Зимнем дворце назначались гвардейские офицеры, в том числе и заговорщики. В приемной каждый день околачивался адъютант начальника гвардейской пехоты генерала Бистрома – князь Евгений Оболенский. Они ловили слухи, обрывки разговоров, отмечали совещания, настроения. Вся собранная информация стекалась в общий

центр. А уж сопоставить и сделать выводы было не слишком трудно. В «Северном обществе» пронюхали и о тайном Манифесте с назначением наследником Николая, и об отказе от престола Константина Павловича. Это значило, что предстоит «переприсяга».

Рылеев, Оболенский, Бестужевы, Якубович, убеждали соратников – для переворота ситуация сложилась уникальная, другой такой не будет. Планы, согласованные с «Южным обществом» и с поляками, намечали общее восстание на март 1826 г. Но они же привязывались к юбилейным торжествам Александра I! Этот юбилей сам собой отпал. Если престол займет Николай, многое переменится. Предстояло заново выбирать подходящий случай, готовиться, согласовывать. А сейчас случай – вот он! Близкий, реальный.

Рылеев и другие активисты избрали диктатором, руководителем восстания, князя Трубецкого. Солдат договорились просто обмануть. Объявить, что Константин от престола не отрекался. Что Николай – узурпатор, арестовал своего популярного брата. Также придумали ложь о завещании Александра I, сократить солдатам срок службы до 15 лет. Отказом от присяги предстояло взбунтовать Лейб-гвардию, вести к Сенату и сорвать его присягу. Революционеры были уверены, что даже те полки, которые не присоединятся к мятежу, против «своих» драться не будут, и обойдется без боев. Были надежды, что и сам Николай не захочет кровопролития. Увидев массовую вооруженную демонстрацию, предпочтет уступить власть. Но в любом случае царскую семью должны были арестовать (или убить – уж как получится). А от Сената восставшие потребуют опубликовать Манифест, который провозгласит «конец бывшего правления» и утвердит конституцию. Власть передавалась временному революционному правительству.

Многие факты говорят о том, что Рылеевым и его сообщниками заговор не ограничивался. За ними стояли куда более могущественные фигуры, остававшиеся в тени. В список временного правительства были включены лица, вроде бы не имевшие отношения ни к «Северному», ни к «Южному» обществам. Члены Государственного совета Мордвинов, Сперанский, сенатор Сумароков и другие сановники. Революционеры твердо рассчитывали на серьезную поддержку в Сенате. Ничуть не сомневались, что он выполнит требования [22, 23]. Ну а после победы предполагалось созвать

Всенародный собор (Учредительное собрание) и решить вопрос об устройстве России – республика или конституционная монархия.

«Северяне» отправили гонцов к Пестелю, договориться с ним. А в «Южном обществе» тоже осознали, что планы восстания на 25-летие царствования Александра потеряли смысл. Пестель уже составлял новые. Хотя он о «переприсяге» еще не знал, руководствовался собственными соображениями. Назначил выступление на 1 января. В новогоднюю ночь его Вятский полк должен был заступить в караулы в штабе 2-й армии в Тульчине. Намечалось арестовать весь командный состав, призвать войска к походу на Петербург – и это будет сигналом к общему восстанию.

Но Господь уберег нашу державу. Николай Павлович все еще ждал ответ от Константина. Однако рано утром 12 декабря к нему из Таганрога прибыл полковник Фредерикс. Привез от Дибича конверт с надписью: «Его Императорскому Величеству в собственные руки». О содержимом Фредерикс не знал. Пояснил лишь – в Таганроге не имеют сведений, где находится царь, поэтому такой же пакет отправлен в Варшаву. Но речь идет о делах чрезвычайной важности, поэтому Дибич приказал ему – если в Петербурге императора нет, вручить пакет Николаю Павловичу. Вот тут великий князь очутился перед выбором. Он еще лелеял какие-то остатки надежд, официально числил государем Константина. Он же и присягу принес! Мог ли он вскрыть конверт, предназначенный только царю, «в собственные руки»? Но информация была какой-то чрезвычайной, срочной. Опять же, облегчала выбор оговорка – требовавшая в отсутствие императора передать пакет Николаю. Он решился. Вскрыл конверт.

А содержимое могло привести в ужас кого угодно! Перед Николаем открылось то, о чем давно уже знали Александр I, Дибич, Милорадович, Аракчеев, а он даже не подозревал! В пакете было донесение о военном заговоре, раскинувшем по России обширную паутину. Правда, Дибич ошибочно указывал только один центр, на юге. Но сообщал, что у него есть ответвления в Петербурге и Москве. Докладывал, что уже отданы распоряжения об аресте Пестеля и еще нескольких руководителей. Называл ряд заговорщиков в столице. Каково было Николаю Павловичу неожиданно узнать, что и сам он, и все его близкие находятся на пороховой бочке? И все государство! Надо было действовать. Немедленно. Спасать страну, Самодержавие,

собственную семью. Но для этого требовалось принять на себе обязанности, от которых он так долго уклонялся. Стать царем.

ГЛАВА 9. ПЕРЕД СХВАТКОЙ

Николай I и его жена Александра Федоровна

Узнав о заговоре, Николай Павлович сразу вызвал Милорадовича и Голицына – как он считал – самых доверенных и информированных. Довел до них доклад Дибича, и решили арестовать названных в нем революционеров. Но выяснилось, почти никого из них в Петербурге нет. Они числились в отпусках. Это вроде бы подтверждало версию Дибича, что столичные злоумышленники съезжаются на совещания с «южанами» для совместных действий. Но было ясно, в Петербурге у них есть и другие сообщники. Милорадович торжественно пообещал поднять на ноги полицию и найти их.

И в этот же день, 12 декабря, из Варшавы вернулся фельдъегерь Белоусов. Привез подтверждение Константина об отказе от власти, его «благословение» Николаю на царствование. Но приехать в Петербург

он отказывался и насчет официального акта отговаривался, что он не царь, ошибочно принесенной ему присяги не принял, поэтому и отречься от престола ему неправомерно. Ссылаясь, что официальный акт уже есть – Манифест Александра I, вот его и надо обнародовать.

Николай снова обсудил положение с матерью. Причем выяснилось, что о заговоре Мария Федоровна уже узнала, даже раньше сына. Накануне в столицу приехал из своих имений Аракчеев. Появиться перед Николаем, который не являлся императором и сам еще не признавал себя таковым, возгордившийся вельможа не считал нужным. Навестил только императрицу-мать, сообщив известные ему сведения о тайных обществах. Для великого князя решение теперь оставалось единственным. Официально принимать царскую власть. Хотя упрямство Константина добавило сложностей. Белоусов ехал из Варшавы другой дорогой, не через Прибалтику, а через Брест. Поэтому младший брат, Михаил, не знал об ответе Константина, так и сидел в Неннале. Ему послали повеление срочно возвращаться в Петербург – хотя бы засвидетельствовать отказ Константина.

А Николай опять вызвал Милорадовича с Голицыным, приказал готовить Манифест о своем восшествии на престол. Основные тезисы он продиктовал сам, объясняя случившуюся путаницу с наследованием. Редактирование хотел поручить литератору Карамзину. Но Голицын и Милорадович настояли передать работу Сперанскому – лучшему специалисту по составлению государственных актов. Собрать Государственный совет Николай велел на следующий день, 13 декабря в восемь вечера. Рассчитал, что к этому времени приедет брат Михаил. А обнародование Манифеста и присягу назначили на 14 декабря. Об этом известили только председателя Госсовета, митрополита Серафима и командующего Гвардейским корпусом Войнова. Для остальных перемену в верховной власти пока требовалось держать в тайне.

Но тайны-то просачивались! В этот же вечер, 12 декабря, Николаю Павловичу передали письмо «в собственные руки» от поручика Егерского полка Ростовцева. Он сообщил о высказываниях своего сослуживца, что нельзя допустить присяги Николаю. А сегодня поручик застал у этого сослуживца два десятка офицеров из разных полков, они говорили шепотом и при его появлении замолчали. Ростовцев предупреждал Николая – уже распространился слух об отказе Константина от престола, «противу Вас должно таиться

возмущение, оно вспыхнет при второй присяге» и может обрушить в катастрофу всю Россию. Офицер завершал неожиданной просьбой: «Для Вашей собственной славы погодите царствовать».

Николай вызвал к себе самого Ростовцева. Тот действовал сугубо из благородных побуждений так, как понимал их. Не желал быть доносчиком и не назвал ни одной фамилии. Но подтвердил – готовится мятеж. Умолял, ради блага России, чтобы Николай ехал в Варшаву и упросил брата принять престол. Или пускай Константин приедет в Петербург и принародно признает брата государем. Николай объяснил: то и другое невозможно. «Брат мой отрекается, я единственный законный наследник. Россия без царя не может быть... Нет, мой друг, ежели нужно умереть, умрем вместе». Он обнял Ростовцева, оба прослезились, и великий князь заверил: «Наградой тебе – моя дружба».

После этой встречи Николай Павлович написал и отправил два письма в Таганрог. Одно Дибичу: «... Послезавтра поутру я – или государь, или без дыхания... Но что будет в России? Что будет в армии?..» [4]. Второе, близкое по содержанию, было адресовано князю Волконскому: «Воля Божия и приговор братний надо мною свершаются. 14-го числа я буду или государь, – или мертв» [28]. Теперь он был предупрежден. Знал об опасности. Не знал только об одном. Что заговорщики тоже были предупреждены!

Милорадович наобещал найти заговорщиков в столице. У него в донесениях и в даже в записной книжке уже имелся ряд фамилий, в том числе и Рылеева, «двигателя» предстоящего мятежа. Арестовать их – и все... Но генерал-губернатор снова поручил расследование Федору Глинке. А тот повидался с Рылеевым. Тайное общество узнало, что его раскрыли. О причинах такого поведения Милорадовича исследователи гадают до сих пор. Крайнее легкомыслие военачальника, избалованного общей популярностью? Надежда «по-тихому», без репрессий, предотвратить бунт? Или сказывались его личные симпатии к Константину, к либеральным идеям – до тех пор, пока Милорадович не увидел сам мятеж, и не сделал иной выбор?

А благородный поручик Ростовцев совершил еще один шаг. 13 декабря он сделал копию своего письма к Николаю Павловичу и записал вчерашнюю беседу с ним. Пошел к сослуживцу, у которого накануне застал подозрительное сборище офицеров. У него на квартире опять было несколько человек, в том числе Рылеев. Ростовцев вручил

оба документа сослуживцу в их присутствии. Руководствовался собственными принципами чести. Снимал с себя возможные обвинения в доносительстве, а заговорщиков предупреждал – Николай о них знает. Надеялся, что они одумаются, откажутся от своих замыслов. Но ядро революционеров, наоборот, получило стимул подтолкнуть колеблющихся. Замыслы раскрыты, вот-вот последуют аресты. Остается только одно – ударить немедленно.

Между тем, аресты уже начались. Как раз 13 декабря в Тульчине взяли Пестеля. «Южное общество» оказалось обезглавленным. Но известиям об этом предстояло добираться до столицы несколько дней. А тем временем в Петербурге за ночь доработали Манифест о восшествии на престол. Николай подписал его вчерашним числом, когда он принял решение. Милорадович доложил – в городе все абсолютно спокойно. В восемь вечера собрался Государственный совет. Председатель, князь Лопухин объявил, что должны прибыть «великие князья» Николай и Михаил Павловичи. Но... их не было. Потому что Николай сидел с женой и матерью, с минуты на минуту ждали приезда Михаила – но проходили часы, а он не появлялся. Сказались плохие дороги, снежные заносы. Нервное напряжение нарастало. А по городу уже полетели слухи, что Государственный совет собрался на какое-то «чрезвычайное» заседание. В воскресенье, да еще и вечером! И продолжается оно почему-то слишком долго.

В половине одиннадцатого ночи Николай Павлович понял – дальше тянуть нельзя. Снова вынужден был действовать сам. Но на заседание он вошел уверенно. С ходу занял председательское место и объявил: «Я выполняю волю брата Константина Павловича». Сам начал читать Манифест, и вот тут-то собравшиеся ощутили его внутреннюю силу, поистине царскую волю. Все встали – и слушали в полной тишине. Она зависла на некоторое время, когда текст кончился. А потом члены Госсовета молча глубоко поклонились новому государю. Причем Николай Павлович отметил, что особенно отличился Мордвинов. И вскочил первый, и поклон засуетился отвесить ниже всех. Николай велел также зачитать письмо Константина председателю Государственного совета – брат строго выговаривал ему, почему не исполнили волю Александра I, не дали ход Манифесту о наследовании престола, приносили присягу, на которую не имели права.

Манифест Николая Павловича постановили немедленно напечатать и распространять в народе. Члены Госсовета прошли в дворцовую церковь и первыми принесли присягу новому царю. Прислуга, узнав о случившемся, поздравляла Николая с началом царствования. А супруга ждала его в своем кабинете. Волновалась, даже поплакала. Муж поцеловал ее, начал молиться перед сном – и жена присоединилась к его молитвам. Николай сказал ей: «Мы не знаем, что нас ждет. Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать». Она ответила: «Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе». Был уже час ночи, наступило 14 декабря...

Поэтому отдохнуть им довелось совсем недолго. Николай Павлович встал очень рано, по-военному – как он привык. А сегодня и вел себя по-военному. Был собран, спокоен, решителен. Волнение выдавали только некоторые его поступки. Едва встав с постели, он наскоро написал сестре Марии: «Молись Богу за меня, дорогая и добрая Мария; пожалей о несчастном брате, жертве Промысла Божия и воли двух своих братьев. Я удалял от себя эту горькую чашу, пока мог...». А генерал-адъютанту Бенкендорфу, присутствовавшему при его утреннем туалете, государь сказал: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете; но, по крайней мере, мы умрем, исполнив свой долг».

И на самом-то деле опасность была более чем реальной. Ночью, когда Николай и Александра легли спать, один из заговорщиков, князь Одоевский, дежурил во дворце во внутреннем карауле. Хотя он ограничивался разведкой. Из «любопытства» обращался с вопросами к придворным, слугам. Но в «Северном обществе» состоял и смоленский дворянин Петр Каховский (его родственник возглавлял заговор и замыслил цареубийство еще при Павле I). Он проигрался в пух и прах, жил в Петербурге на содержании сообщников и целиком зависел от них. Накануне на совещании Рылеев предложил ему утром проникнуть во дворец и убить Николая – тут-то должен был помочь «свой человек» в карауле. Каховский согласился. Но в последний момент что-то в нем «не сработало». Или наоборот, сработал какой-то внутренний, духовный стопор. Он отказался. Задание взялся выполнить Якубович – жестокий и циничный офицер, приехавший по ранению в отпуск с Кавказа.

Но Николай не только сам вставал рано. Он с раннего утра поднял все правительство, придворных, командный состав. К 7 часам уже собрались для присяги Сенат и Синод. А в Зимний дворец прибыли командиры гвардейских дивизий, бригад, полков. Николай объясним им, почему случилась ошибка с присягой. Зачитал Манифест и спросил, нет ли у кого-либо сомнений. Все признали его законным государем. Тогда он величественно объявил: «После этого вы мне отвечаете головой за спокойствие столицы; а что до меня, если я буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин».

Николай приказал: гвардейским командирам принести присягу в Главном штабе, потом принимать присягу в своих частях и сразу доносить об исполнении. Появился и Милорадович. Опять заверил – в городе спокойно и приняты все меры предосторожности. Кстати, можно предположить, что его поведение объяснялось все-таки элементарной беспечностью и легкомыслием. Потому что из дворца Милорадович спокойно отправился к очередной возлюбленной. Мужчина видный и не женатый, он был известен тем, что менял «дам сердца» среди столичных актрис.

На 11 часов был назначен торжественный молебен в Зимнем дворце. На него вызвали всех, кто был допущен ко двору. Правда, возникли опасения, что войска не успеют принести присягу, молебен перенесли на 14 часов. Но вторая повестка, о переносе, многих уже не застала дома. Сановники стали заранее съезжаться во дворец. Были и другие накладки. Не успели распечатать Манифест в достаточном количестве. Кто-то из горожан прочитал его, другие ловили противоречивые слухи. Начали поступать и доклады из гвардии. Первым к царю явился генерал Орлов, сообщил – присягу принес Конногвардейский полк. Там Константин был особенно популярен, числился шефом полка. Но солдаты, узнав о мотивах Константина и Николая, кричали: «Оба они молодцы!». Следом доложили о присяге в Кавалергардском, Преображенском, Семеновском, Павловском, Финляндском полках, в гвардейском Саперном батальоне.

Но начальник гвардейской артиллерии генерал Сухозанет примчался встревоженный. Рассказал – когда приводили к присяге конную артиллерию, несколько офицеров стали кричать, что присягать нельзя. Дескать, законный царь Константин, а его брата Михаила специально убрали из Петербурга. Порядок кое-как навели, и смутьяны

разбежались. Сухозанет распорядился арестовать их, когда вернутся. Однако Николай не желал омрачать начало царствования. Приказ об аресте он вообще отменил. И наконец-то в столицу прикатил долгожданный Михаил Павлович. Его немедленно послали в конную артиллерию. Едва он появился, солдаты поняли, что их обманывали. Дружно принесли присягу Николаю.

Но после этого прискакал начальник штаба Гвардейского корпуса Нейгардт, совершенно растерянный. Доложил – в Московском полку Щепин-Ростовский и Николай Бестужев с группой офицеров объявили солдатам: Константин от престола не отказывался. Его схватили и держат «в оковах», как и Михаила – а он был шефом Московского полка. Александра Бестужева представили, как посланца Константина, бросили призыв: «Царь Константин любит ваш полк и прибавит вам жалование, кто не останется ему верен, того колите!».

Командир полка Фредерикс и командир бригады Шеншин пытались утихомирить мятежников. Но Щепин-Ростовский кинулся на них с саблей, обоих тяжело ранил. Ранения получили и полковник Хвоцинский, рядовой и унтер-офицер, принявшие сторону командиров. Около 800 человек, захватив знамя полка, вырвались на улицы. С криками: «Ура, Константин!» – двинулись к Сенатской площади. Увлекали за собой встречных военных, разношерстное простонародье, за нестройной воинской колонной разрасталась буйная толпа.

Николай для молебна уже оделся в парадный мундир Измайловского полка – но внутренне оказался готов к подобным неожиданностям. Действовать он начал без промедления. Всех приближенных, кто оказался под рукой, он сразу разослал в верные полки. Приказал выводить их против мятежников. Строго одернул командира Гвардейского корпуса генерала Войнова, ошалело метавшегося на лестнице. Указал – его место там, где его подчиненные вышли из повиновения. Своего адъютанта Кавелина Николай отправил привезти детей: наследника Александра, маленьких дочек Марию, Ольгу, полугодовалую Сашу – ведь они в Зимний еще даже не переехали. Жили в прежнем доме родителей, Аничковом дворце! Могли попасть в руки злоумышленников.

Но жену государь не хотел тревожить раньше времени. Сказал ей, что должен отлучиться, потому что «артиллерия колеблется». Правду

она узнала от свекрови. Мария Федоровна зашла к ней, одевающейся для молебна, и сообщила: «Не рядись, дитя мое. В городе беспорядок, бунт». А муж ушел туда, в неведомое. Разослав всех, кто был при нем, он оказался один. Направился в караульное помещение. Туда как раз пришла смена, рота Финляндского полка, часть солдат разводили на посты. Николай построил тех, кто был в наличии. Спросил, принесли ли воины присягу ему? Ответили положительно, и он объявил: «Ребята, теперь надо показать верность на самом деле. Московские шалят. Не перенимать у них и делать свое дело молодцами. Готовы ли вы умереть за меня?» Дружно откликнулись – «Готовы!».

Государь приказал зарядить ружья и сам повел роту к дворцовым воротам, перекрыл их. Вся площадь была заполнена съехавшимися ко дворцу экипажами и любопытным народом. И здесь же появился окровавленный полковник Хвоцинский. Царь велел ему где-нибудь укрыться, чтобы не нагнетать панику. Решил, что надо выиграть время, пока подойдут войска, и вышел к народу. Один. Люди увидели его – красивого, статного. Хлынули к нему. А Николай Павлович зычным голосом спросил: «Читали ли вы мой Манифест?». Большинство не читало. Император взял листок у кого-то из толпы и сам начал зачитывать. Громко, не торопясь, с пояснениями.

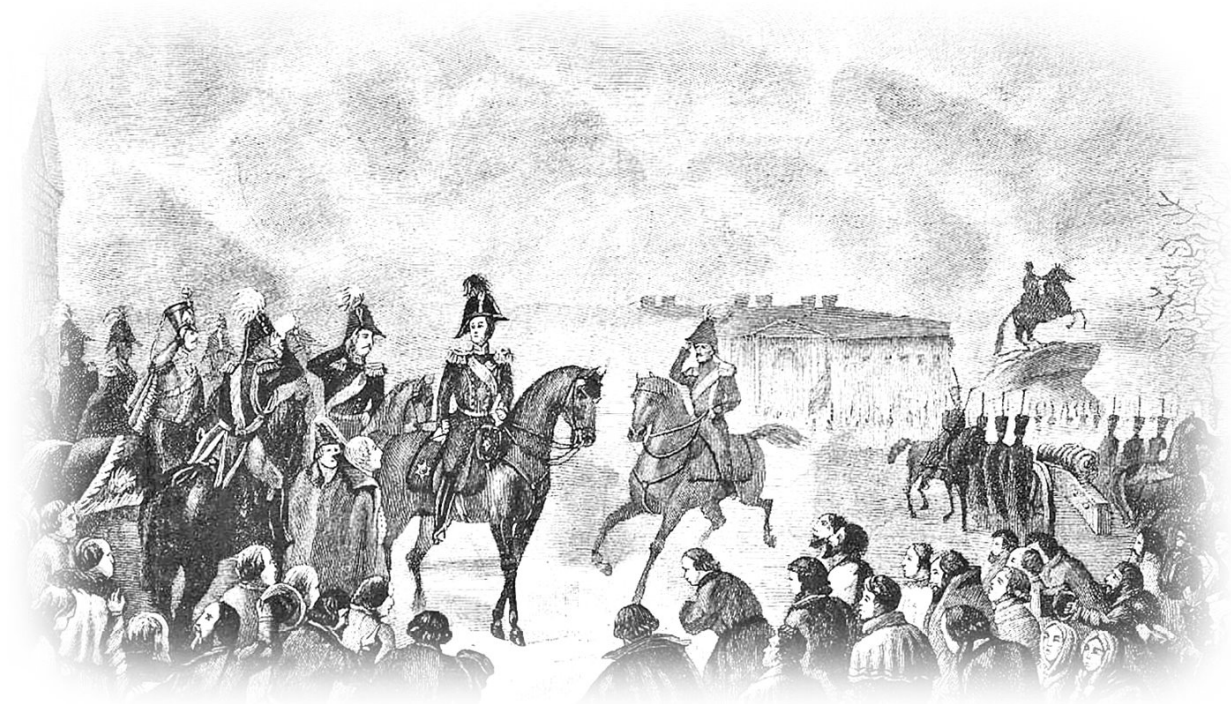
А когда закончил, рядом вынырнул Нейгардт. Доложил – восставшие заняли Сенатскую площадь. Но государь уже чувствовал – масса людей слушается его. Это его верные подданные. Больше ничего не скрывал, сообщил о мятеже. Он не ошибся. Толпа загудела, сомкнулась вокруг него. Кричала, что не выдаст его, растерзает злодеев. Отставные инвалиды с Георгиевскими крестами рвались охранять его. Другие люди старались поцеловать руки, фалды мундира. Николай был глубоко тронут. Крикнул: «Ребята! Не могу поцеловать вас всех, но вот – за всех». Поцеловал ближайших – и народ свято стал передавать друг другу поцелуи царя!.. Однако император понимал, что в предстоящих событиях массе людей не место, это только лишние жертвы. Как раз показался батальон преображенцев, и Николай, возвысив голос, стал объяснять: навести порядок – дело властей. Посторонним вмешиваться не нужно и опасно, он велит всем идти по домам.

Сказал: «Дайте теперь место» – и толпа повиновалась, стала отодвигаться к краю площади. Перед дворцом выстроились

преображенцы. Как выяснилось, у них ночью в одной из рот появился незнакомый офицер. Агитировал против присяги. Фельдфебель Косяков с солдатами сами задержали его. Вмешался дежурный по батальону, почему-то требовал отпустить незнакомца с извинениями. Но фельдфебель обратился к своему командиру роты, жившему поблизости, и агитатора все же арестовали. Государь напомнил преображенцам о присяге, спросил, готовы ли идти за ним. Ответом было общее: «Рады стараться!». А пока он говорил с солдатами, со стороны Невы к Зимнему дворцу тихо, будто украдкой, подкатила простая извозничья карета. Это тайно, не привлекая внимания, привезли царских детей. В более безопасное место...

О событиях в Петербурге еще не знали ни в Москве, ни в других городах огромной России. Но узнали вдруг в глухих лесах Темниковского уезда, в Саровской пустыни. В этот день, 14 декабря 1825 г., святой старец Серафим, недавно вернувшийся из затвора, вышел потрудиться, перекладывал поленницу дров. Но, как рассказывал его келейник Павел, внезапно батюшка взволновался. В страшном беспокойстве стал бегать по двору со словами: «Драка! Драка!». Известил: «В Петербурге бунт против государя!» Начал описывать, что происходило в столице. Прерывал рассказ горячими молитвами [29]. А ведь то же самое было 8 сентября 1380 г., когда преподобный Сергий Радонежский увидел духовным взором поле Куликовской битвы. Конечно же, такое совпадение не случайно. Наступил еще один критический день нашей истории. Решался вопрос не о том, кто и как будет править Россией. Нет, решалась ее судьба. Быть ли ей? Или обвалиться в кровавый хаос революции...

ГЛАВА 10. КАК НИКОЛАЙ СТАЛ ГРОЗНЫМ

Восстание декабристов, Николай I на Сенатской площади

Милорадовича подчиненные разыскали в гостях у дамы. Узнав о восстании, он кинулся к царю. Застал его на Дворцовой площади перед строем преображенцев. Генерал-губернатор был растерян. Бормотал: «Дело идет дурно, ваше величество... они окружают памятник (Петру I – авт.) ... но я пойду туда уговаривать их». Государь ни словом не осудил его за то, что он прошляпил заговор. Согласился: «Солдаты вас знают, любят и уважают; уговорите же их, вразумите, что их нарочно вводят в обман; вам они скорее поверят, чем другим».

Милорадович в полном шоке от происходящего, зашагал туда пешком. Его догнали сани полицмейстера, адъютант Башуцкий высадил его и усадил генерал-губернатора. В это время Исаакиевский собор только возводился, был большой стройкой, обнесенной забором. На Сенатской были навалены камни и другие материалы. Мятежники строились у постаментов «медного всадника», вокруг толпился народ.

Полиция (а она была очень малочисленной) бездействовала – одного из городских восставшие схватили и объявили «пленным», показывая его возбужденной черни. Проехать через массу людей было невозможно, и Милорадович повернул вокруг площади по соседним улицам. Встретил генерала Орлова с Конногвардейским полком. Тот предупредил – на площадь соваться нельзя, он уже пробовал, и его грозили убить.

Но Милорадовича жгло чувство собственной вины, он вскричал: «Что это за генерал-губернатор, который не сумеет пролить свою кровь, когда кровь должна быть пролита?!». Адьютант Орлова дал ему лошадь, и он поехал к мятежникам. Перед всадником народ расступался, Башуцкий пристроился за ним пешком. Милорадович обратился к солдатам, «что сам охотно желал, чтобы Константин был императором, но что делать, если он отказался». Говорил – он сам видел отречение, и ему должны верить, как другу Константина. Показывал в доказательство подаренную великим князем саблю с надписью: «Другу моему Милорадовичу» [30].

Авторитет он имел колоссальным – герой многих войн и сражений! Солдаты потупились, слушали. Заговорщик Оболенский испугался, что их настроение переломится. Гнал генерала уехать, тащил под уздцы его лошадь. Наконец, выхватил у солдата ружье, ткнул Милорадовича штыком. А Каховский подкрался в толпе, пальнул в бок из пистолета. От выстрела лошадь рванулась, генерал упал на руки адъютанта. Но и несколько солдат открыли огонь по людской массе – возможно, считали, что стреляют по убийцам. Башуцкий поймал двоих случайных зевак, с их помощью потащили смертельно раненного Милорадовича в безопасное место.

Уговаривать сунулся и генерал Войнов. Но его не слушали, стреляли по нему. А из агрессивной толпы кидали камнями и чем попало. Брошенное полено сильно ударило старика по спине, с него слетела шляпа. Флигель-адъютанта Бибикова, случайно попавшегося мятежникам, избили. Хотя и восставшие очутились в тупиковом положении. Они-то планировали помешать присяге Сената и предъявить ему требования! А Сенат принес присягу еще в 7 утра, здание было пусто. В данном отношении царь переиграл революционеров.

«Диктатор» Трубецкой струсил, так и не появился. Рылеев отправился искать его и тоже исчез, метался где-то по городу. Без

единого руководства верховодили Щепин-Ростовский, братья Бестужевы, Оболенский, Пущин. Крутились и другие заговорщики – большинство было без мундиров, в штатском. Они появлялись, исчезали в толпе. У восставших откуда-то было спиртное. По воспоминаниям современников, многие солдаты были пьяны. Как и «сочувствующая» чернь [31]. Организаторы не учли и того, что мятежные части соберутся не одновременно. Взбунтовавшимся подразделениям Московского полка оставалось лишь ждать, когда подойдут другие. Но и верные царю части, разброшенные по городу, подходили вразнобой.

Николаю нашли коня, он вскочил в седло. Распределил преображенцев, оцепляя очаг восстания. При себе оставил одну роту, первую – Роту Его Величества. Через толпы народа повел ее поближе к Сенатской. Правда, ближе к Зимнему дворцу публика была доброжелательная. Снимала головные уборы, и Николай говорил: «Наденьте шапки, простудитесь!». Объяснял – по нему будут стрелять, поэтому пусть не теснятся рядом с ним, расходятся по домам. «Молитесь Богу, а завтра мы увидимся». Но в толпе мелькнул и Трубецкой – царь еще не знал, что он считается руководителем восстания. К Николаю подошел и офицер Нижегородского драгунского полка – Якубович. Объявил: «Я был с ними, но, услышав, что они за Константина, бросил их и явился к Вам». На самом деле он сказал сообщникам на Сенатской, что идет на разведку. И именно он вызывался убить царя, под шинелью у него был пистолет. Но... видать и его что-то остановило. Рука не поднялась. А Николай похвалил, что он вовремя одумался. Послал вернуться к своим и уговаривать сложить оружие.

Государь остановился на Адмиралтейской площади, соседней с Сенатской. Сюда подошел Орлов с Конногвардейским полком. Появился и брат Михаил. Наведя порядок в конной артиллерии, он узнал о мятеже в Московском полку, в котором сам был шефом. Помчался туда. Часть солдат офицеры удержали в казармах, но и они волновались. Однако Михаила встретили криком «ура». Удивлялись, как же так, им наврали, что он «в оковах». Теперь выражали готовность идти против лгунов. Михаил вместе с ними принес присягу Николаю и привел к нему эту часть полка. Царский брат рвался обратиться и к мятежникам.

Но государь уже знал, что случилось с Милорадовичем, с Войновым, запретил ему. Хотя сам с Бенкендорфом выехал на Сенатскую – увидеть, что там творится. Его встретили залпом, пули просвистели над головами. К царю постепенно стягивались Кавалергардский полк, подразделения Преображенского, Финляндского, Павловского, Егерского полков. Николай уплотнял окружение. Михаила послал встретить Семеновский полк и занять участок со стороны Крюковского канала, по другую сторону стройки Исаакиевского собора. По мере прибытия войск осмелела полиция. Стала расчищать Сенатскую от народа. Но при этом толпы только разделились на два кольца, одно вокруг мятежников, другое по краям площади.

А силы восставших тоже увеличились. В Гвардейском флотском экипаже все ротные командиры состояли в заговоре. Во время присяги подняли скандал. Начальник, генерал Шипов, арестовал их. Но экипаж остался без офицеров, среди матросов пошел разброд. Когда с Сенатской донеслась стрельба, в казарму вбежал заговорщик Петр Бестужев. Закричал: «Наших бьют! Ребята, за мной!». Матросы освободили арестованных, помчались. К счастью, в суматохе забыли несколько пушек, имевшихся в экипаже. А оцепление еще не успело замкнуться, по Галерной улице матросы присоединились к каре Московского полка.

Император совещался с генералами. Решили попытаться разогнать мятежников кавалерией. Сам Николай скомандовал конногвардейцам: «За Бога и Царя, марш-марш!» Генерал Орлов повел в атаку 1-й дивизион, за ним развернулся 2-й... Главный расчет был на психологическое воздействие – при виде несущейся на них конницы солдаты не выдержат, побегут. Но лошади не были подкованы на шипы, скользили по обледенелым бульжникам. Взять разгон не получилось. А бунтовщики сомкнулись в каре, оцетинились штыками, встретили огнем. Падали кони, убитые и раненые всадники. Полковник Вельо, получив пулю, остался без руки. Атаки прекратили. И теперь, когда кавалерия не справилась, заговорили о крайнем средстве – артиллерии. Для начала – утратить мятежников. А если не поможет... Конная артиллерия во время присяги проявила колебания. Поэтому Николай послал генерала Потапова и поручика Булыгина привезти несколько орудий «пешей» гвардейской артиллерии.

Но и среди остальных царских войск не все оказались надежными. В Финляндском полку одна рота только что вернулась из караулов и присягу еще не принесла. А одним из взводов командовал заговорщик Розен. При выдвигении к Сенатской площади на Исаакиевском мосту он скомандовал: «Стой!». Закупорил мост, остановив свой взвод и три роты, следовавших за ним. Командиры понукали их идти дальше – но без всякого успеха. Одни солдаты заявляли, что присяги не приносили, и против «своих» не пойдут. Другие принесли ее, но тоже не желали драться со «своими». А Розен прикидывал – если на Сенатской разгорится бой, увлечь за собой остановленные роты и ударить в тыл царским частям.

Также и в Егерском полку 2-му батальону возле Каменного моста приказали идти вперед, но появился все тот же кандидат в цареубийцы Якубович. Скомандовал: «Налево кругом!» Посторонний офицер, вообще не из их полка, но его с какой-то стати послушались, он увел целый батальон назад. Государю передавали о беспорядках в Лейб-гвардии Гренадерском полку, о восстании Измайловского полка. Слух о нем оказался ложным – в Измайловском во время присяги только несколько младших офицеров принялись кричать «за Константина». Но солдаты послушались не их, а старших начальников, и смутьяны притихли, вместе с полком принесли присягу, выступили против сообщников.

Но ведь это выяснилось не сразу. Исход схватки выглядел еще совсем не однозначным. На всякий случай Николай велел подготовить эвакуацию своей семьи в Царское Село. А в Зимнем он оставил только слабый караул, одну роту финляндцев, передав командование коменданту Башуцкому. Для охраны дворца государь вызвал части, преданные ему лично, два саперных батальона, Гвардейский и Учебный. Но прибыли ли они – было неизвестно. Николай сам решил съездить ко дворцу и узнать, что там делается.

А там и в самом деле было недалеко до беды. Потому что бунт в Гренадерском полку грянул с запозданием.

Там во время присяги пьяный подпоручик Кожевников выскочил на балкон, кричал: «Зачем вы забываете клятву Константину Павловичу?» Его арестовали, и присяга прошла как будто спокойно. Но после нее старшие офицеры уехали во дворец на молебен. Солдатам раздавали обед, и вдруг командир роты поручик Сутгоф стал внушать

подчиненным: «Напрасно мы послушались! Другие полки не присягнули и собрались на Сенатской площади». Он поманил нижних чинов: «Ваше жалованье у меня в кармане, я раздам его без приказа». Освободил Кожевникова, велел взять оружие и повел свою роту к мятежникам. Командир полка Стюрлер узнал, погнался на обычном извозчике. Но его не послушались. А он из-за своих метаний с опозданием получил приказ – вести полк к царю.

Зато этим приказом воспользовался поручик Панов. Начал бегать по ротам и пугать: всем будет худо от других полков и «императора Константина», если выступят против них. Стрельбу со стороны Сенатской он объяснял – «наши побеждают». Взбудоражил несколько рот, взяли знамя полка и ринулись к восставшим. Но Панов повел отряд не той дорогой, как Сутгоф, он загорелся... захватить Зимний дворец, взять в заложники царскую семью. Или уничтожить ее. Комендант Башуцкий, оставленный Николаем руководить охраной дворца, проявил полнейшую беспечность. Расхлябанную колонну он принял за подкрепление. Похвалил за «верность» государю и приказал финляндцам пропустить бунтовщиков через ворота.

Но во дворе Зимнего Панов увидел только что пришедший Лейб-гвардии Саперный батальон. Он успел буквально в последнюю минуту, опередил злодея. Панов остановил солдат. Думал, что делать дальше. Из окна его отряд увидел офицер Гренадерского полка Зальца, приехавший на молебен. Очень удивился, что делают солдаты его полка во дворце? Вышел, стал расспрашивать Панова. Тот заорал на Зальца, ничего не понимающего, чтобы отстал от него, иначе «я велю прикладами тебя убить!» Но своим ротам дал команду, двинулся к Сенатской. В это время появился и Стюрлер на извозчике, гонявшийся за подчиненными. Позвал Зальца, умолял отобрать у бунтовщиков знамя. Офицер бросился за колонной Панова. Дважды пробовал увлечь за собой знаменосца Пивоварова, но каждый раз их били, и знаменосца утащили за собой.

А навстречу мятежникам ехал царь. Без охраны! К нему свободно подходили желающие. Сперва Карамзин, его послала императрица-мать узнать обстановку. Потом посланник Ганновера Дорнберг – от лица иностранных дипломатов предложил помощь в урегулировании. Николай поблагодарил его и ответил: «Это происшествие – дело домашнее, совсем не касающееся Европы». И уже возле самого дворца

на государя выплеснулась вооруженная толпа Панова. Он скомандовал «стой!» – но ему крикнули: «Мы за Константина!». Николай не растерялся. Пожал плечами: «Когда так – то вот ваша дорога». Велел сопровождающим передать войскам, чтобы их пропустили.

Его спокойствие и выдержка подействовали. Бунтовщики, обтекая его коня с двух сторон, побежали на Сенатскую... Доехав до дворца, Николай убедился, что и сам чудом избежал гибели, и его близких спас Господь своевременным приходом Саперного батальона. Государь подтянул порядок. Перекрыл входы во дворец усиленными постами, строго запретив им пропускать посторонних. Но Стюрлер, силясь спасти честь своего полка, так и сопровождал мятежные роты до Сенатской. Слез с саней, начал уговаривать солдат. И к нему стали прислушиваться. Но рядом опять появился Каховский. Прозвучал еще один пистолетный выстрел. Смертельный.

Число восставших выросло до 3 тыс. Они ободрились, чаще стреляли в направлении царских войск – имевших приказ не отвечать. Пули поражали и случайных людей. Но самая буйная часть черни осталась на площади – пьяные, возбужденные. Из-за заборов стройки они швыряли в войска камни, поленья. А заговорщики взбадривали солдат, то и дело инициировали крики «ура». Но когда кричали «ура, конституция!» – их не понимали. Им приходилось врать, что Конституция – жена Константина. Ни Трубецкой, ни Рылеев так и не появились. Предводители бунта выбрали нового диктатора, Оболенского. Хотя руководить ему уже почти не пришлось. Когда государь вернулся к своим полкам, привезли четыре орудия 1-й легкой роты 1-й артиллерийской бригады. Правда, без боевых зарядов. Они хранились в лаборатории. А начальник, полковник Челябин, не желал выдавать их, не зная, на чьей стороне приехавшие к нему офицеры. Кое-как доказали.

А тем временем мятежников пробовали взять на испуг. Развернули пушки на выезде с Адмиралтейской площади. Генерал Сухозанет погромче командовал «заряжать боевыми» – которых еще не было. Но ответили снова ружейной пальбой. Под обстрел вторично попал Николай, выехавший к орудиям. Расстояние было небольшое, но пули не задели его. Только лошадь от залпов шарахнулась в соседнюю толпу, и Николай обнаружил: сейчас его окружил народ совсем не лояльный, как у Зимнего. Глаза злые, напряженные. И шапки перед ним никто не

ломал. Но он властно повысил голос: «Шапки долой!» – и подействовало. Обступившие люди не только поспешно срывали шапки, но и хлынули прочь.

Предпринимались последние попытки избежать бойни. Царь, скрепя сердце, все-таки разрешил брату Михаилу уговаривать восставших. Тот подъехал к флотскому экипажу. Матросы встретили его довольно хорошо, поздоровались. Но они были крепко обработаны своими офицерами, упрямо заявляли, что не могут кому-либо присягать при живом «царе Константине». Михаил доказывал, что сам свидетель его отречения. Отвечали – пусть он приедет и подтвердит, а то мы даже не знаем, где он. А Кюхельбекер исподтишка поднял пистолет на великого князя. Но матросы отлупили его с криками: «Что он тебе сделал?». Однако и на уговоры не поддались.

Во дворце ждали молебна два митрополита, Санкт-Петербургский Серафим и Киевский Евгений. Государь велел привезти Серафима, однако и Евгений добровольно приехал с ним. Навстречу им пронесли убитого Стюрлера. Но митрополиты не дрогнули, пошли увещевать мятежников – в полных облачениях, с иподиаконами. Солдаты, увидев их, подняли ружья. Крестились, прикладывались к протянутым им крестам. Но переполошились их предводители. Подняли крик – какие вы священнослужители, если за две недели двум царям присягаете! Вы клятвопреступники! Велели бить в барабаны, заглушая митрополитов, а им стали угрожать, что будут стрелять, махали обнаженными шпагами. Прогнали, заставили уйти.

Шел уже третий час дня. А 14 декабря солнце заходило в 14.58. Под покровом темноты 3 тыс. вооруженных мятежников могли растечься по городу. Потянут за собой ненадежных, будут обрастать люмпенами и чернью, начнутся погромы. Лидеры восставших после провала прежних планов как раз и хотели дождаться ночи. Да и городские буяны кричали им – надо еще часок продержаться, до темноты... У Николая собралось 12 тыс. штыков и сабель. Но начинать побоище в центре столицы – сколько прольется крови с обеих сторон? Государь снова выехал на Сенатскую, и опять его осыпали залпом.

Генерал Толь высказал то, что думали многие: «Одно средство окончить это дело – пустить картечью в эту сволочь». Подтвердил генерал Васильчиков: «Ваше величество... теперь не должно терять ни одной минуты: добром нечего здесь взять, необходима картечь». Царь

понимал, что они правы, но, как мог, отодвигал решение: «Вы хотите, чтобы я в первый день царствования пролил кровь моих подданных?». «Чтобы спасти вашу империю,» – ответил Васильчиков. Николай велел заряжать картечью. Три орудия оставили на выезде с Адмиралтейской площади, одно отправили брату Михаилу. Но царь сделал еще одну попытку не доводить до крайности.

К мятежникам поскакал начальник артиллерии Сухозанет. Отчаянно въехал на лошади прямо в толпу. Объявил: «Ребята! Пушки перед вами. Но государь милостив, жалеет вас и надеется, что вы образумитесь». В случае сдачи обещалось прощение всем, кроме главных зачинщиков. Но они-то постарались не допустить этого. Окружили Сухозанета, кричали, «привез ли он конституцию». Видя, что больше говорить не о чем, он ответил: «Я прислан с пощадой, а не для переговоров». Повернулся и поехал прочь. Вслед ему пошла пальба. В генерала не попали, сбили только перья на шляпе. Но пули сразили нескольких артиллеристов, посторонних граждан.

Дальше тянуть было уже нельзя. Николай скомандовал: «Пальба орудиями по порядку. Правый фланг начинай. Первая...». А когда артиллеристы изготовились, все же сказал – «отставить». Повторил команду и... снова «отставить». В третий раз прозвучало: «пли». Артиллерист первого орудия команду не выполнил. К нему подбежал командир, поручик Бакунин. Тот робко оправдывался: «Свои, ваше благородие». Поручик закричал: «Если бы даже я стоял перед дулом и скомандовал «пли», не следовало останавливаться». Артиллерист, а по другим данным сам Бакунин, поднес фитиль к орудию.

Хотя первый выстрел нацелили не в «своих», а поверх голов. Это было еще одно предупреждение. Заряд картечи ударил высоко, в стену и крышу здания Сената. Но бунтовщики сочли это подтверждением, что по «своим» артиллеристы стрелять не будут. Отозвались возбужденными криками и бешеной пальбой, снова падали люди, пораженные пулями. Вот тогда грохнули второй, третий выстрелы. По толпе. И восставшие побежали. Сперва хлынули к Крюкову каналу и Конногвардейскому манежу, где стояли семеновцы.

Михаил Павлович тоже тянул с командой, но его подтолкнули сами артиллеристы: «Прикажите палить, ваше высочество, не то они самих нас сомнут». Картечь отшвырнула мятежников. Они рассыпались в разные стороны. Вслед им сделали еще несколько выстрелов. Вдоль

узкой Галерной улицы, вдоль Крюкова канала. Многие прыгали в глубокий снег на лед Невы. Михаил Бестужев пытался построить их – уцепился за надежду захватить Петропавловскую крепость и засесть в ней. Но два выстрела картечью рассеяли его скопище.

В. А. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Провидение сохранило Россию. Можно сказать, что Оно, видимо, хранит и начинающееся царствование. Какой день был для нас 14-го числа! В этот день все было на краю гибели... Можно сказать, что эта сволочь составлена из подлецов малодушных. Они только имели дух возбудить кровопролитие; но ни один из них не ранен, ни один не предпочел смерть... Преступные злодеи, которые хотели с такой свирепостью зарезать Россию». «Николай представился нам совсем другим человеком; он покрылся честью в минуту, почти безнадежную для России» [32].

А далеко от Петербурга, в Саровской пустыни, радовался преподобный батюшка Серафим: «Слава Богу! Слава Богу! Царя богоизбранного даровал Господь земле Русской! Сам Господь избрал и помазал его на царство!». Про Николая Павловича он говорил: «Его Господь сохранит: он велик перед Господом – он в душе христианин!». «Блаженны мы, что имеем такого Царя», «Я всегда молюсь, чтобы Господь продлил жизнь его для счастья России» [29].

ГЛАВА 11. ЭХО НА ЮГЕ

Восстание Черниговского полка

В Зимнем дворце весь день 14 декабря прошел в страшном напряжении. То привезли распоряжение готовить эвакуацию. То видели из окон промчавшуюся конницу. Потом ворвавшуюся во двор толпу солдат – и узнали, что это были мятежники. Жена государя мысленно повторяла молитвы: «Услыши меня, Господи, в моей величайшей нужде...» Они с Марией Федоровной посылали офицеров и сановников узнать обстановку. Но те не возвращались, получая от царя и его помощников другие поручения.

А новые лица, появляясь во дворце, приносили самые противоречивые слухи. Одни успокаивали, но толком ничего не знали.

Принц Вюртенбергский сеял панику, внушал императрицам, что «все обстоит плохо», «большая часть войск отказывается повиноваться» и «полки отпадают один за другим». Когда сообщили о проехавших пушках, Александра Федоровна с сыном упала на колени, вспоминала потом: «Ах, как я молилась тогда – так я еще никогда не молилась» [33]. Наконец, прибыл Адлерберг с известием от царя – все кончено. Но самого Николая еще долго не было.

Он оставался на улицах. Бенкендорфу и Орлову с конницей велел прочесывать город, вылавливать смутьянов. Распределял войска для патрулирования и оцеплений. Петербург превращался в воинский лагерь. Опустевшие улицы с цокающими копытами конных разъездов. Заставы солдат, греющихся у костров. Пушки, перекрывшие мосты. Жена с сыном встретили Николая на дворцовой лестнице. И... ей показалось, что она видит другого человека. Что-то в нем неуловимо изменилось. Он был такой же – и уже не такой. В нем появилась и как бы сконцентрировалась – власть. Уходил просто любимый муж. А вернулся Царь. Маленький Саша почему-то расплакался. Отец пристыдил его и вывел во двор, к караулу Саперного батальона. Сказал: «Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране». Старые солдаты обнимали царевича, кричали «ура!».

Молебен, назначенный на 14 часов, начался с пятичасовым опозданием. Царская чета уже не успела переодеться. Александра Федоровна была в утреннем платье, муж в парадном измайловском мундире – в чем провели весь день. Опустились на колени, и торжественно звучало многолетие «благочестивейшему императору Всероссийскому Николаю Павловичу», «да подаст ему Господь благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, и на враги победу и одоление!» Царь весь день оставался голодным, поесть смог лишь в восемь вечера. А спать ему в эту ночь не довелось вообще.

Поступали доклады от командиров оцеплений, Бенкендорфа, Орлова. В первые же часы после разгона мятежников они задержали 500–600 разбежавшихся солдат и присоединившихся к ним простолюдинов, в большинстве пьяных. Отвели в Петропавловскую крепость. Офицеров доставляли в Зимний дворец. Их допрашивал сам Николай, в помощь себе он взял генерала Толя. Первым привели Щепина-Ростовского. Его считали руководителем восстания, но быстро стало ясно, что он всего лишь пешка. От задержанного Бестужева

услышали имя настоящего руководителя – Сергей Трубецкой. Дома его не оказалось, но при обыске в ящике стола нашли бумагу, написанную его рукой. Черновик плана действий на 14 декабря с распределением обязанностей.

Вскоре узнали, что Трубецкой укрылся в австрийском посольстве – посол, граф Лебецельтерн, приходился ему свояком. К нему отправили управляющего Министерством иностранных дел Нессельроде с требованием выдачи. Посол сперва пытался протестовать. Но Нессельроде настоял на своем. Доставленный к царю, Трубецкой запирался. Его предупредили об уликах. Нет, он твердил, будто ничего не знает. Предъявили черновик – сразу сломался. Упал на колени перед Николаем, ползал в его ногах. Но у государя были и другие дела. Допросы он поручил генералу Левашову. Хотя о задержанных и результатах допросов велел докладывать себе лично.

В городе было тихо. А большинство нижних чинов, участвовавших в восстании, просто... возвратились в казармы. Сожалели, что поддались на обман. Царь решил, что держать войска под ружьем больше нет нужды. Прежде чем распустить их, велел построить. Объехал полки, вставшие на Дворцовой, Адмиралтейской, Сенатской площадях, Английской набережной. Благодарил их за верность долгу, за проявленное усердие. Здесь же по распоряжению Николая был построен бунтовавший Флотский экипаж. Но он пошел на Сенатскую за своими офицерами, а потом первым, в полном составе, раскаялся. Николай проявил поистине царскую милость. Простил матросов. Возвратил им знамя, и экипаж тут же привели к присяге.

А во дворец привозили все новых задержанных. Некоторые приходили сдаваться сами. Но поведение тех, кто намеревался ниспровергнуть империю и династию, строить какую-то новую Россию, до сих пор вводит в шок исследователей. Они сдавали своих целыми пачками! Сыпали именами сообщников, чуть ли не наперегонки. Цеплялись за надежды спасти шкуры, писали покаянные письма императору, предлагая услуги по раскрытию «всех сокровенных сторон заговора».

Вот тогда стали всплывать связи с очень крупными фигурами. Царь писал брату Константину: «Все это восходит до Государственного совета, именно до Мордвинова». В разговоре с Карамзиным упомянул, что и Сперанского «не сегодня, так завтра, может быть, придется

отправить в Петропавловскую крепость». Большие подозрения падали на сенатора Сумарокова, на начальника гвардейской пехоты генерала Бистрома и командира Финляндского полка Моллера – фактически устранившихся от подавления мятежа.

17 декабря Николай учредил для расследования Особый Комитет (Следственную Комиссию), в него вошли военный министр Татищев, великий князь Михаил Павлович, Голицын, новый генерал-губернатор Петербурга Голенищев-Кутузов, генерал-адъютанты Бенкендорф и Левашов. Но... сам же царь определил принцип работы. Не искать виновных. Каждому заподозренному давать возможность оправдаться. Из-за этого даже декабристов Якубовича и Назимова, нагло отвергавших обвинения, отпустили на свободу. Хотя вскоре добавились новые улики, и они вернулись за решетку. А для Сперанского, Мордвинова и других высокопоставленных лиц вроде бы не нашлось достаточных доказательств виновности. Они остались при своих чинах и должностях.

20 декабря царь провел первый прием дипломатического корпуса. Сделал заявление, что мятеж ни в коем случае не был династической междоусобицей. Это был результат заговора группы офицеров, заразившихся заграничными революционными учениями. Солдат они повели за собой обманом, «а потому восстание это нельзя сравнивать с теми, что происходили в Испании и Пьемонте. Слава Богу, что мы до этого еще не дошли и не дойдем никогда». Николай подчеркнул, что пример нашей страны, вскрывающей и зачищающей гнойник, оказывает тем самым большую услугу для всей Европы. Благодарил Бога, что «в России нет данных» для революции [34].

Конечно, перед иностранными дипломатами государь сгладил картину. Он чувствовал, откуда «ветер дует», и брату Михаилу сказал более откровенно: «Россия на пороге революции, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока Божьей милостью я буду императором» [35]. Сгладил и кровавые последствия восстания, чтобы не омрачать начало царствования. Число жертв не называлось и неизвестно до сих пор. Исследователи оперируют данными некоего чиновника министерства юстиции Н. Корсакова. Но при внимательном анализе они представляются недостоверными. Очевидно, это фальшивка.

Согласно этим данным, всего погибло 1271 человек, из них 1 генерал (умерший Милорадович), 1 старший офицер (Стюрлер), 17 младших офицеров, нижних чинов 321, посторонних людей 903 (в том числе 79 женщин и 150 детей). Такие цифры вызывают недоверие хотя бы из-за 17 младших офицеров. Среди заговорщиков не было убитых и даже раненых. Об этом с удивлением писали сами декабристы. Значит, из правительственных войск? Но это была Лейб-гвардия, где служил цвет дворянства, аристократы. Замолчать гибель 17 офицеров было никак невозможно. А таковых не зафиксировано ни одного.

Среди простонародья были жертвы от пальбы мятежников. Потом площадь очищали, и вокруг восставших скапливались лишь самые буйные. В такой обстановке более чем сомнительно, чтобы на Сенатской осталось столько женщин и детей. Когда заговорили пушки, и толпа ринулась спасаться, многие пострадали в давке. Но все равно 903 погибших представляется крайне завышенным числом. Очевидно, пропагандистским, для дискредитации «царизма». Хотя здесь-то чего на «царизм» пенять? Чужой кровью оплачивались амбиции и ложь. Ведь ни солдаты, ни чернь так и не знали истинных целей заговорщиков! А Николай говорил брату Михаилу: «Самое удивительное, что нас не убили». Впрочем, беда все же задела его семью. Для царицы переживания 14 декабря обернулись тяжелой нервной болезнью, которой она страдала всю жизнь.

Но трагедией на Сенатской площади попытка смуты еще не завершилась. Оставалось «Южное общество», многочисленное и лучше организованное, чем «Северное». Даже арест Пестеля не парализовал его. Руководство взяли на себя командир батальона Черниговского пехотного полка Сергей Муравьев-Апостол и его брат Матвей. Наметили захватить Киев, соединиться с поляками. Штаб Черниговского полка располагался в городке Василькове на Киевщине, подразделения были разбросаны по окрестным селам. Муравьев-Апостол с братом отправились в Житомир, договорились о совместном выступлении с командирами Ахтырского и Александрийского гусарских полков. Но братья отчалили назад, а в Житомир пришло известие о разгроме столичного мятежа. Гусары сразу передумали бунтовать.

А в Васильков в это время приехали жандармы с предписанием командиру полка Гебелю арестовать Муравьева-Апостола. Его не было.

Между прочим, хорошая иллюстрация, насколько разболталась дисциплина в армии при Александре I. Командир батальона куда-то делся, и командир полка не представляет, куда и надолго ли? Полковник Гебель с жандармским подпоручиком выехали искать его. Но и заговорщик Михаил Бестужев-Рюмин помчался предупредить своих. Обогнал Гебеля и перехватил Муравьевых на дороге. Свернули в село Трилесь, там стояла рота их сообщника, поручика Кузьмина. Но и Гебель 29 декабря случайно заехал к Кузьмину – узнать, не видал ли он Муравьевых. Застал у него братьев, объявил арестованными, велел сдать оружие. Однако те предложили полковнику перед дорогой попить чаю, он легкомысленно согласился.

А братья как раз ждали на совещание других заговорщиков. Появились штабс-капитан Соловьев, поручики Щепилло, Сухинов, Кузьмин. Стали кричать на Гебеля, что он хочет «погубить Муравьевых». Щепилло схватил у караульного ружье и ударил полковника штыком. Взялись за ружья и его товарищи. Гебель выскочил во двор, его настигли, стали колоть. Нанесли 14 ранений в грудь, в живот, в голову, в спину, сломали руку прикладом и бросили умирать. Но все же ранения оказались не смертельными, полковника спас рядовой Максим Иванов. перевязал и увез от убийц.

А они взбунтовали роту. Двинулись по селам, собирая подразделения своего полка. 30 декабря вошли в Васильков, захватили оружие и полковую казну, 17 тыс. рублей серебром и 10 тыс. ассигнациями. Муравьев-Апостол беззастенчиво лгал. Своего младшего брата Ипполита представлял солдатам, как курьера от «императора» Константина, приехавшего с приказом идти в Варшаву. Уверял, будто он, Муравьев-Апостол, назначен командиром полка вместо Гебеля. Будто на сторону Константина перешла вся дивизия, и вскоре вся армия присоединится.

Майор Трухин пробовал вразумить солдат, его избивали. А «верность» подчиненных подогревали деньгами, как раз на это пошла полковая казна. Те напивались, дисциплина стала разваливаться. Предводители хотели идти на Киев, взбунтовать там гарнизон, а заодно и крестьян, горожан. Рассчитывали на поддержку соседних полков, гусар. 31 декабря выступили к ним, на Житомир. Добралась до Мотовиловки и узнали, что никто их не ждет, никто не восстал.

Повернули на юг, на Белую Церковь – туда помчался подпоручик Вадковский, обещал поднять свой полк, 17-й егерский.

Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин пытались придать восстанию идейный характер. В Мотовиловке зачитывали перед солдатами составленный ими «Православный катехизис»: откровенно еретический и масонский. Провозглашалось – Бог создал человека, «чтобы он был свободен и счастлив», «Почему же русский народ и русское воинство несчастно? – Оттого, что цари похитили у них свободу». Делались выводы, что «Бог создал всех нас равными», а цари «прокляты от Него как притеснители народа», «присяга царям богопротивна». Дескать, «святой закон» повелевает русскому народу и воинству «раскаяться в долгом раболепии», низложить «неправду и нечестие тиранства» [36].

Но извращения Священного Писания ничего хорошего не дали. Мало того, они противоречили изначальной лжи об «императоре Константине». А признание всех «равными» и отрицание присяги вызвали полную анархию. Нижние чины стали выходить из-под контроля, грабить. Первым делом искали спиртное. В той же Мотовиловке разгромили трактир и израсходовали 360 ведер «водки и прочих напитков»! Упивались, обливали водкой друг друга. Врывались в дома. Забирали вино, любые вещи, какие приглянулись. Впоследствии комиссия, опрашивая пострадавших, составила огромный перечень похищенных кожухов, шапок, рубах, исподнего, даже женских юбок и чулок. Били хозяев, насиловали баб.

Всего за несколько дней «освободительного похода» полк превратился в буйные непросыхающие толпы. Офицеры не осмеливались прекратить безобразия, чтобы подчиненные хоть как-то слушались их. Самые здравомыслящие солдаты стали просто исчезать. Капитан Козлов со своей ротой присоединился к мятежникам только для того, чтобы не повторить участь Гебеля или Трухина. Но держал солдат под собственным влиянием, и, в общем разгуле, увел роту прочь.

А в Белой Церкви явившегося туда Вадковского сразу арестовали. Полк, который он хотел взбунтовать, немедленно отвели подальше. 2 января, дойдя до села Пологи, черниговцы узнали – их ждут не соратники, а правительственные войска. Повернули на запад. Но их уже обкладывали с разных сторон, и навстречу выдвигался отряд генерала Гейсмара, кавалерия и артиллерийская рота. Муравьев-Апостол

услышал о них от крестьян, но даже сейчас лгал солдатам, чтобы не разбежались – это свои, идут к нам на соединение. 3 января возле села Устимовки увидели развернутые орудия.

Муравьев-Апостол все еще надеялся, что по «своим» огонь не откроют. А там, глядишь, перейдут на их сторону. Приказал идти прямо на пушки без выстрелов. Но когда мятежники не выполнили требований остановиться, орудия ударили ядрами. Офицеры-заговорщики кричали и звали вперед. Тогда по ним шарахнули картечью. Черниговцы заметались, падали убитые. Щепилло сразило наповал. Раненый Ипполит Муравьев покончил с собой. Кузьмин, тоже раненый, еще силился звать солдат в общую атаку. Понял, что не получится, и застрелился.

Да и какая там атака! Воинство было пьяным вдребезги. После боя осмотрели ружья – большинство солдат не удосужились их зарядить. У многих вместо кремней стояли деревянные заглушки. В одно ружье зарядили наоборот, сперва пулю, потом порох. В другое – вместо заряда забили свечку... Муравьева-Апостола ранило в голову. Он еще схватил знамя, собирая бойцов. Увидел – правительственная конница. Вскочил на лошадь. Но свой же солдат Буланов ударил ее штыком, чтобы начальник не удрал. Сказал: «Вы нам наварили каши, кушайте с нами!» Все было кончено. В плен попали 6 офицеров и 895 нижних чинов.

ГЛАВА 12. О «ЗВЕЗДЕ ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ»

Допрос декабристов в Особом следственном комитете

Представляется не случайным, что только 29 декабря, когда до южных городов дошли известия о подавлении мятежа и воцарении Николая, из Таганрога двинулась процессия с царским гробом. И опять это сопровождалось загадками. Царица Елизавета Алексеевна с телом мужа не поехала. Сославшись на плохое самочувствие, осталась в Таганроге. Везли гроб очень медленно, с остановками в крупных городах. 28 февраля 1826 г. Николай I встретил кортеж в Царском Селе. Для прощания гроб выставили закрытым. Вскрыли крышку лишь ненадолго, для царской семьи. Впрочем, это понятно. Даже набальзамированный покойный слишком долго оставался

непогребенным. И насколько можно было опознать его, большой вопрос.

13 марта прошли похороны в Петропавловском соборе. Супруга на них так и не приехала. Она собралась в путь лишь в апреле. По некоторым сведениям, при вскрытии гроба у императрицы-матери возникли сомнения, ее ли сын перед нею. Насколько достоверны эти упоминания, неизвестно. Но Мария Федоровна зачем-то выехала встречать невестку. Остановилась в Калуге, ожидая ее. Однако Елизавета Алексеевна не доехала до Калуги всего 90 верст. 3 мая она прибыла в захолустный Белев. Остановилась в доме купца Дорофеева. Ни с кем не общалась, сразу ушла отдыхать.

Непонятным образом рядом с Елизаветой не оказалось ее духовника. Ночью в дом позвали священника местного духовного училища, он исповедовал и причастил некую «закутанную женщину». А под утро хозяев разбудили известием, что императрица умерла [37]. В Белеве даже условий для бальзамирования не было, и бригада лейб-медиков уже вернулась в Петербург. Протокол вскрытия составил личный врач Елизаветы Стофреген. Гроб по распоряжению Николая I был запаян. 13 мая его доставили в столицу, 21 июня похоронили. Вероятно, царь и его родные уже поняли – дело неладно. Но тайну сокрыли в своей семье. Дневники и другие бумаги Елизаветы Алексеевны Николай I и императрица-мать уничтожили.

А в 1830-х под Тихвином появилась странница Вера Александровна. О своем прошлом молчала, молилась по монастырям. Ей отдавали детей для обучения грамоте и молитвам, а она была очень образованной, знала несколько языков. Но полиция арестовала ее за отсутствие паспорта. В Валдайской тюрьме на вопросы о фамилии и происхождении она ответила следователю: «Если судить по-небесному, то я – прах земной, а если по-земному, то я – выше тебя» [38]. После чего замолчала навсегда. Ее поместили в дом умалишенных. Через некоторое время о ней узнала графиня Орлова-Чесменская. Та самая, что была близка к Елизавете Алексеевне, организовывала с Фотием удар по еретикам и сектантам.

Она добилась от Новгородской консистории, чтобы Веру Молчальницу поместили в Сырков монастырь на содержании графини. Монахини сперва приняли ее враждебно, игуменья поехала в Петербург к митрополиту Серафиму, чтобы Веру выселили. Но услышала от него:

«Ах ты, дура баба! Да нас скорее с тобой выгонят, чем ее, и вспоминать об этом не смей!» [39]. Подвижница жила в келье-избушке, выходила только в храм, а на Пасху – на монастырскую стену. У нее проявился дар прозорливости, к ней потянулись посетители. Она никому не отказывала, отвечала записками. А в собственных выписках из Священного Писания часто рисовала монограммы с буквами А, П, Е. Александр Павлович и Елизавета. Есть упоминания, что в 1848 г. ее посетил царь, несколько часов беседовал за закрытыми дверями. Ее ответы опять были письменными. При расставании Николай поцеловал ей руку, а ответы сжег в пламени лампы [40].

И еще примечательные факты. В помяннике Орловой-Чесменской имена Александра I и его супруги отсутствуют. Лейб-медик Тарасов, один из посвященных в тайну, не ходил на ежегодные панихиды по Александру Павловичу до 1864 г., когда в Сибири преставился старец Федор Кузьмич. С этого времени стал появляться на панихидах. Тожество Александра со старцем, и Елизаветы Алексеевны с Верой Молчальницей в наши дни подтверждал известный подвижник и провидец, святой Старец Николай (Гурьянов). Но мы отвлеклись от линии нашего повествования.

Траурные церемонии шли своим чередом, а следствие над декабристами продолжалось. Либеральная и советская история изображала их мучениками, спекулировала мифами о царской жестокости. Действительность была иной. Даже к страшным преступникам, готовившим гибель и империи, и династии, Николай I отнесся с поразительным человеколюбием. Содержание Каховского (напомню, вдребезги промотавшегося) государь взял на себя, велел его «содержать лучше обыкновенного, давать ему чай и прочее, что пожелает». Раненого Муравьева-Апостола приказал «снабдить всем нужным», лекарю осматривать его ежедневно и делать перевязку. Всем арестованным царь распорядился давать улучшенное питание, табак, книги религиозно-нравственного содержания. Им разрешалась переписка с родными, свидания.

Николай затребовал справки о материальном положении узников и их близких. Тем, кто жил бедно, назначит солидные пособия! Отец братьев Борисовых жил на пенсию в 200 руб., помогали сыновья. Ему увеличили пенсию вдвое. Жене подполковника Берстеля дали пенсию в 500 руб., шестерых его детей приняли в казенные учебные заведения.

Такие же пенсии определили матерям Щепина-Ростовского, Дивова, Корниловича, Палицына, женам Тизенгаузена и Янтальцева. На мели очутилась семья одного из главных преступников, Рылеева. И ведь, скорее всего, он протратился на подготовку мятежа! Его жене Николай передал вместе с письмом мужа 2000 руб. На именины дочери Рылеева царица послала тысячу. И пенсию назначили, 3000 руб. в год. Ошеломленный Рылеев наказывал жене молиться за государя, сам писал ему: «Святым даром Спасителя мира я примирился с Творцом моим. Чем же возблагодарю я Его за это благодеяние, как не отречением от моих заблуждений и политических правил. Так, Государь, отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно» [41].

Однако царь предпринимал и меры для оздоровления страны. 21 апреля 1826 г. подписал рескрипт министру внутренних дел Ланскому о тайных обществах. Указал, что при их запрете в 1822 г. многие утаили свое членство в них. От всех дворян и чиновников, как служащих, так и отставных, требовалось взять повторную подписку о неучастии в таких структурах. Не только официально, но и фактически, через встречи, знакомства. Те, кто состоял раньше, должны были сообщить название и цели организации. Чистосердечное изложение таких сведений освобождало от ответственности, но их сокрытие приравнивалось к государственному преступлению.

А личное милосердие государя не отрицало правосудия. 30 мая 1826 г. Особая Следственная комиссия представила итоговое Донесение по результатам расследования. Через два дня Николай учредил Верховный Уголовный суд над мятежниками. Составил его из представителей высших органов империи: Государственного совета, Сената и Синода – специально ввел и вельмож, подозреваемых в соучастии: Мордвинова и Сперанского. Еще через неделю был издан новый Цензурный устав, очень строгий, закрутивший гайки разгулявшегося вольнодумства.

Революционный заговор выявил и слабость политического сыска в России. Этими вопросами должна была заниматься Особая канцелярия при Министерстве внутренних дел. Но ее полномочия были совершенно неопределенными, подчинение запутанным. 25 июня Николай I учредил новую должность шефа жандармов. Ему были подчинены Жандармский полк, существовавший в войсках, и жандармские команды, разбросанные по стране – до сих пор они

числились в составе Корпуса внутренней стражи. Шефом жандармов стал генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф. Герой наполеоновских войн, он прекрасно проявил себя 14 декабря, стал одним из доверенных Николая.

А Собственная Его Императорского Величества канцелярия до сих пор была просто секретариатом, занималась перепиской. Николай решил превратить ее в свою реальную опору. Одной из главных причин непорядков в стране он видел несовершенное и запутанное законодательство. Последний общий свод законов, Соборное Уложение, был принят в 1649 г. Потом наслаивались указы и законы различных царей, многие из них устарели, противоречили друг другу. Для кодификации права Николай создал II Отделение Собственной Его Величества канцелярии, возглавил его ректор Петербургского университета М. А. Балугьянский – когда-то он преподавал царю юриспруденцию.

А в июле государь упразднил Особую канцелярию Министерства внутренних дел, преобразовал ее в III Отделение Собственной Его Величества канцелярии. Начальником поставил Бенкендорфа – под его руководством объединились политическая полиция и жандармерия. В штат III Отделения сперва входило всего 16 офицеров и чиновников, а задачи перед ним ставились очень широкие. Политический сыск, полицейская статистика, секты и раскольниковство, дела фальшивомонетчиков, цензура, надзор за теми или иными лицами, ссылки и места заключения государственных преступников, контроль над иностранцами (в том числе контрразведка).

III Отделение должно было также бороться со злоупотреблениями должностных лиц, расследовать факты жестокого обращения помещиков с крестьянами, надзирать за нравственностью молодежи, даже узнавать о бедных чиновниках, нуждающихся в помощи. Но и полномочия сотрудники Бенкендорфа получили очень большие. Любые начальники и ведомства должны были немедленно выполнять их требования. Хотя действовать им предписывалось мягко и осторожно. Выявляя нарушения законов, они должны были начинать с профилактики, увещаний «заблудших» – и уж если не поможет, обращаться к строгости.

Царь и в отношении декабристов старался проявлять милосердие – до того предела, насколько это возможно. Все нижние чины,

вовлеченные ложью в столичный мятеж, были помилованы. Но позор им предстояло все же искупить. Из них сформировали Сводный Гвардейский полк, послали воевать на Кавказ. В Черниговском полку вина солдат была более серьезной – крутые грабежи и погромы. 805 человек (за исключением раненых) прогнали сквозь строй. Потом тоже отправили на Кавказ. А роту, отставшую от взбунтовавшегося полка, наградили. Перевели в Петербург, зачислили в Лейб-гвардии Московский полк.

Из дворян-заговорщиков под следствие попали 579, но к суду привлекли только 287. Виновность остальных была признана недоказанной или незначительной. И даже из подсудимых больше половины (149) отделались высылками и служебными взысканиями. Тех, кто заслужил более строгие наказания, распределили по 11 разрядам. В июле Верховный Уголовный суд вынес приговор. Пять преступников, признанных «вне разрядов», Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский, приговаривались к смертной казни четвертованием, 31 осужденных «первого разряда» – к смертной казни отсечением головы. (Виды наказания выбирались в соответствии с действующими законами, и во многих европейских странах такие казни еще применялись). Причем суд в данном отношении был единодушным. Только Мордвинов принципиально и демонстративно голосовал против смертной казни.

Остальные декабристы осуждались к разным срокам каторги – от 4 лет до пожизненной, восьмой-девятый разряды – к ссылке. Десятый и одиннадцатый к лишению чинов и дворянства, сдаче в солдаты (с возможностью выслужиться в офицеры и тем самым вернуть себе дворянство). Царь смягчил кары почти всем. Из 36 осужденных на смерть помиловал 31–всех преступников «первого разряда», заменив им казнь пожизненной каторгой. Приговоренным к пожизненной каторге снизил сроки до 20 лет. Приговоренным к 20 годам – до 15 и т. д. В итоге на каторгу и ссылку были осуждены 120 человек. К сдаче в солдаты – 12. (Это из 579 уличенных заговорщиков!). Лишь 5 главных преступников государь не помиловал – полагал, что не имеет на это морального права. Главари заговоров, предводители военного мятежа, погубившие множество людей. Убийца Милорадовича и Стюрлера. Но и им император смягчил наказание, заменил четвертование

повешением. 13 июля приговор был приведен в исполнение. Николай писал, что для него это был «ужасный день».

И все же при внимательном изучении материалов по делу декабристов можно прийти к выводу – многие важные аспекты при этом замяли. Следствие как-то деликатно обошло стороной масонские корни тайных обществ, финансирование (а оно было – кто и на какие деньги напоил солдат на Сенатской и примкнувшую чернь?). Связи декабристов с польским «Патриотическим обществом» были полностью доказаны. Делопроизводитель Следственного комитета А. Д. Боровков записал, что как раз через поляков осуществлялись связи с масонскими структурами Англии, Франции, Испании, Венгрии [23]. В Польше тоже прокатились аресты. Но... из-за ее автономии расследование было передано польскому правительству, Административному совету. После двухмесячных разбирательств он... освободил всех обвиняемых. Потому что суд польского сейма отказался признать деятельность «Патриотического общества» государственной изменой. Революционеры получили возможность спокойно готовиться к новому восстанию.

В первых показаниях декабристов, когда они еще пребывали в шоке, проскальзывали и другие факты. Так, уже упоминалось, что Никита Муравьев и Давыдов обмолвились о контактах с иллиуминатами. В августе 1826 г. царь назначил дополнительное расследование, Муравьеву и Давыдову даже пообещали полное прощение «за указание следов иллиуминатов». Оба ответили, что никаких связей с ними не было. Отсюда был сделан вывод – если бы что-то знали, то уж, конечно же, захотели бы заслужить прощение. А разве не могло быть иначе? Что раскрытие правды было для них куда более опасным, чем Сибирь? При расследовании замяли и связи декабристов с иностранными державами.

Хотя в показаниях были упоминания о тайном «Финляндском обществе». Австрийский посол Лебенцельтерн пытался укрыть Трубецкого. Один из сотрудников его посольства, Шварценберг, побывал на Сенатской площади, «поехал в каре мятежников и очень долго с ними беседовал». Мы уже рассказывали и о показаниях Муравьева-Апостола – как декабрист Княжевич ездил в Варшаву для встречи с английским послом Стрэтфордом Каннингом. Но «Финляндскому обществу» не нашли подтверждения и списали, что это

была «выдумка мятежников» – для подбадривания друг друга. Поведение австрийского посла объяснили родством с Трубецким (а Шварценберга? Осталось без объяснения). А информацию о совещании в Варшаве с английским послом самоуверенно отверг великий князь Константин Павлович. Объявил – это ложь, у него в Варшаве контроль образцовый, неужели от него могло бы что-то утаиться? Не верить Константину было нельзя. Вопрос закрыли [23]. Хотя последующее польское восстание показало, что в Варшаве Константин был глух и слеп, абсолютно не знал, что творится у него под носом.

Учитывая подобные особенности следствия, стоит ли считать случайным, что не нашлось достаточных доказательств для высоких покровителей декабристов? А крайними оказалась пятерка повешенных. Один убийца (но отказавшийся убить царя). У четверых других вдобавок к известным их преступлениям было еще кое-что общее. Слишком много знали. В том числе о связях с иностранцами (взаимодействие с поляками курировал Бестужев-Рюмин). Могила сокрыла их тайны. Но многие другие заговорщики, игравшие важные роли, отделались очень легко. Например, Федор Глинка, помощник Милорадовича, извещавший сообщников обо всех планах правительства. Его арестовали, но под суд он вообще не попал. В июне 1826 г. освободили, исключили с военной службы и сослали в... Петрозаводск. Там он отлично устроился советником Олонецкого губернатора.

Такие странности могут найти объяснения, если учитывать, какое окружение сформировалось вокруг Николая I. Оно возникло в короткий период междуцарствия и мятежа – до того его положение не было высоким, и собственного окружения у него не было. Тайный Манифест о престолонаследии выдвинул в число ближайших доверенных А. Н. Голицына. Экстренное составление царских актов и законодательные замыслы Николая снова возвысили Сперанского. В талантах юридических формулировок ему равных не было. Поэтому Балугьянский возглавлял II Отделение Его Императорского Величества канцелярии чисто номинально. Реально там стал заправлять Сперанский. Большой вес набрал Бенкендорф. Но... и он являлся масоном! Обычно указывают – «бывшим». Ложа «Соединенные друзья», где он состоял, после запрета 1822 г. прекратила собрания. Но личного разрыва с масонами Бенкендорф никогда не декларировал. Так

что вопрос о «бывшести» остается открытым – ведь и Пестель до 1822 г. состоял в одной ложе с ним.

А патриотическая партия Аракчеева потерпела в придворной борьбе поражение. Сам Аракчеев брал на себя неудачные инициативы Александра, вроде военных поселений – а теперь ему оставалась роль «козла отпущения». Но он и слишком занесся. Осенью 1825 г., занятый драмой с убийством сожительницы, самоустранился от дел, не поехал в Таганрог, куда звал его Александр. И в Петербурге появился лишь 9 декабря, по сути игнорируя Николая и не оказав ему поддержки – хотя он-то знал тайну престолонаследия. Без последствий это не осталось. Аракчеев привык являться к Александру прямо в кабинет, без предварительного доклада. Когда Николай Павлович стал государем, точно так же зашел к нему. Но император его попросту выставил его в приемную, где ожидали министры [26]. В апреле 1826 г. Аракчеев отправился в отставку.

Однако после этого попали под удары и те, кто помогал ему свалить Голицына – ревностные борцы с вольнодумством Магницкий (попечитель Казанского учебного округа), Рунич (попечитель Санкт-Петербургского учебного округа). В 1826 г. на них напустили ревизию генерала Желтухина. В Казани она накопила массу жалоб, представила картину полного развала университета, нашла какую-то недостачу казенных денег. Магницкого отстранили от должности и сослали в Ревель, для покрытия недостачи наложили секвестр на его имения. Рунич тоже попал под суд, был уволен со службы.

Архимандриту Фотию, главному борцу с еретиками, Николай I дозволил писать о чем угодно в его собственные руки, но... доступ ко двору ему был закрыт. Ему пришлось вернуться в свой монастырь. Казалось бы, все вернулось на круги своя. Молодой неопытный государь – и весьма мутные приближенные. Как при Александре. Но Николай очень отличался от старшего брата. И на трон взошел в совершенно иной обстановке. Во время мятежа он так проявил и поставил себя, что отныне не окружение рулило царем, а царь рулил им. Навязывал ему свои убеждения, а не наоборот.

Любимое детище Голицына, Библейское общество, Николай Павлович не восстановил. Дальнейшие работы по переводу Священного Писания с церковнославянского на русский язык, очень серьезно искажавшие духовную суть, вообще запретил. При повторном

указе о запрете тайных обществ царь обратил внимание и на «пророчицу» Татаринову, угнездившуюся с «братией» в Михайловском замке. Их выгнали, в замке Николай решил устроить Инженерное училище. Хотя его приближенные, конечно же, оказывали подспудные влияния. Кого-то выгородить, прикрыть. Кого-то подставить. Та же Татаринова под покровительством Голицина переехала в пригород Санкт-Петербурга, где продолжала свои собрания еще 12 лет.

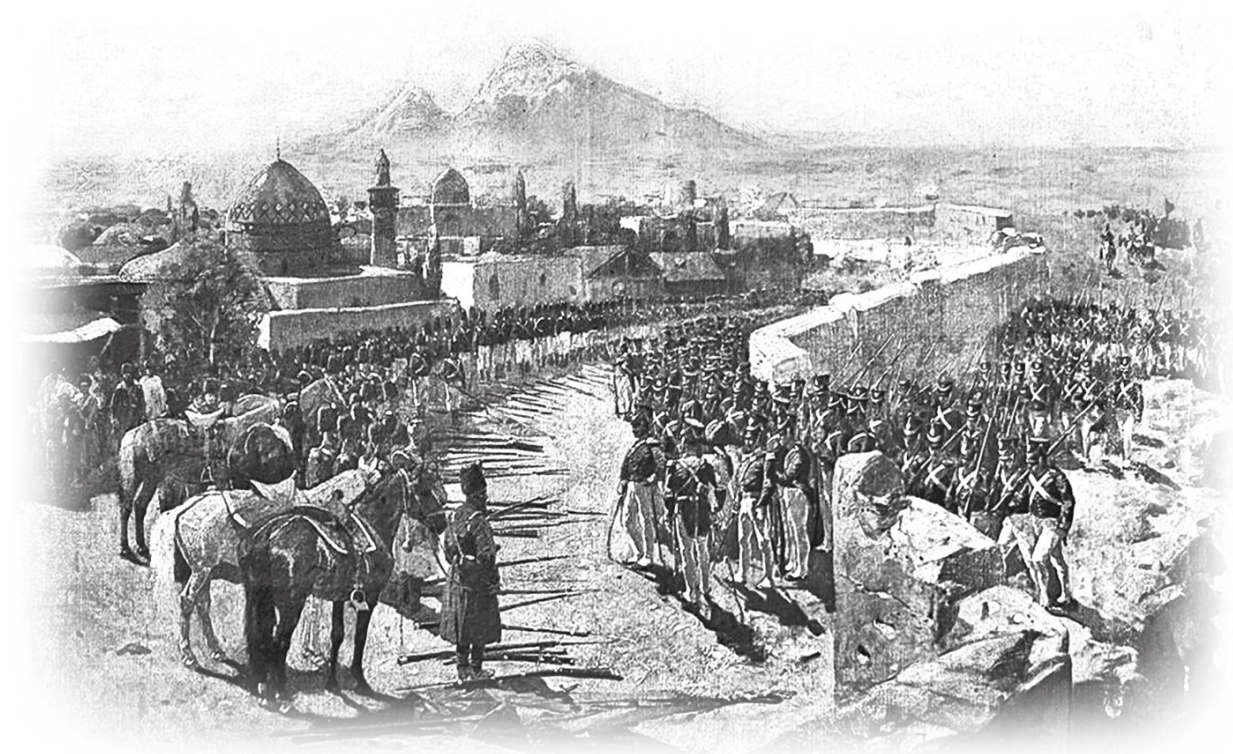
Скрытые либералы всю игру играли на лучших чувствах Николая – его милосердии, человеколюбии, рыцарстве. А в результате даже каторга для декабристов стала понятием довольно условным. Их было решено держать отдельно от уголовников, в Нерчинске, Чите и Петровском заводе. Начальником над этими заведениями Николай назначил генерала Лепарского – человека добрейшей души. Сразу по прибытии на место с осужденных сняли кандалы. Для них были оборудованы комнаты, просторные и удобные. И никаких «во глубине сибирских руд» вообще не было! Лепарский докладывал Николаю: «За неимением казенных работ занимаю их земляными работами, 3 часа утром и 2 часа пополудни, а зимой будут они для себя и для заводских магазинов молоть казенную рожь».

К семейным вскоре приехали жены, – со множеством прислуги. И даже весьма умеренная работа, «3 часа утром и 2 часа пополудни», превратилась в прогулки для желающих размяться. Выкликали кто хочет – то есть не скажется больным. Как вспоминали сами декабристы, шли туда с революционными песнями, а слуги и солдаты несли инструменты, складные стулья, шахматы, узлы с провизией. Придя на место работы, располагались на свежем воздухе, завтракали, играли в шахматы. Караульные доедали их трапезу и ложились поспать. А потом обратно – под революционные песни. Позже построили домики с токарным, столярным, переплетным станками: кто хочет скуки ради позаниматься ремеслами – пожалуйста. Было и фортепиано, помузицировать. Для женатых устроили двухкомнатные квартиры, они стали жить семьями. Регулярно привозили русские и иностранные газеты, журналы, во всех тюрьмах были большие библиотеки.

Но сразу же декабристы начали писать слезливые письма царю с прошениями о помиловании! И когда значительная часть из них еще не успела выехать в Сибирь, в августе 1826 г., последовала первая амнистия – в честь коронации Николая, с сокращением сроков.

Постепенно удовлетворялись многие прошения с переводом осужденных на солдатскую службу. Наконец, в 1835 г., в честь десятилетия царствования Николая, все оставшиеся заключенные «каторжных» тюрем были переведены на поселение. То есть освобождены – без выезда из Сибири. Хотя одновременно среди самих же декабристов, среди отечественных либералов и за границей создавался миф о страдальцах, их героических женах, о «звезде пленительного счастья». Создавался на будущее. Для воспитания новых поколений...

ГЛАВА 13. ГРОЗА НАД КАВКАЗОМ

Взятие русской армией Еревана.
Художник Ф. Рубо

В августе 1826 г., по истечении траура по Александру I и Елизавете Алексеевне (и после завершения дела декабристов), было назначено венчание на царство. В таких случаях Москва как бы снова преображалась в столицу России. Она празднично украсилась, съезжались массы народа. Прибыли императорский двор, гвардия, иностранные посольства. Наконец-то прикатил из Варшавы Константин Павлович, и люди могли видеть их вместе с царственным братом, пресекая слухи и догадки. Во всех храмах служились торжественные

молебны, а 22 августа под артиллерийский салют и перезвон всех колоколов началась главная церемония.

В Успенском соборе Николай громко, своим зычным командным голосом, прочитал Символ Веры. Перемежая действо молитвами, возложил на себя царскую порфиру, корону, принял скипетр и державу. Также и на супругу возложил корону, порфиру, орден Св. Андрея Первозванного. После Литургии они прошли к Царским вратам, и митрополит Новгородский помазал их на Царство. А Николая ввели в алтарь, и он причастился Святых Таин по царскому чину – отдельно Тела и отдельно Крови Христовой. Они с женой проследовали в Архангельский собор, поклонилась гробницам державных предков. Потом был торжественный обед в Грановитой палате. Праздновала и вся Москва, над городом сияла иллюминация, сплошной чередой покатались балы у вельмож, иностранных послов, маскарад в Большом театре, купеческий обед в Манеже.

13 сентября на Девичьем поле были организованы увеселения для простонародья. Понастроили красочные павильоны, накрыли огромные столы – горы пирогов, жареные быки и бараны, фонтаны вина, чаны с пивом. Когда прибыла царская семья, Николай объявил людям: «Дети мои, все это для вас». Но опыта столь массовых мероприятий еще не было. Рассчитывали, что народ будет смотреть выступления наездников, канатоходцев, плясунов, запуск огромного воздушного шара, монгольфьера. Но он, едва оторвавшись от земли, лопнул в клубах дыма.

А на зрелища отвлеклись немногие. Толпы ринулись к столам и фонтанам, расхватывая все, что можно урвать, опрокидывая, ломая. Царь со двором вскоре уехали, а беспорядок нарастал. Передавали друг другу слова Николая «все это для вас» – и крушили, разбирая на «сувениры», беседки, павильоны. Малочисленная полиция не могла ничего сделать со стотысячной массой, были задавленные, орудовали и воры, в тесноте выворачивали карманы. Примчался обер-полицмейстер Шульгин с сотней казаков. Догадался позвать пожарных, дежуривших на краю поля. Струи воды и нагайки кое-как рассеяли давку [42].

Но тут уж виноват был не царь, а психология толпы. И не только русской. Ф. Ансело, оставивший нам воспоминания о коронации, признавал, что похожие безобразия регулярно случались во время массовых гуляний на Елисейских полях. А Николай Павлович искренне

хотел порадовать всех подданных. Торжества сопровождались дождем награждений, повышений, амнистий. Особо государь вспомнил о Пушкине. Кстати, ссылка-то у него была в собственное имение – великолепная природа, поездки к соседям. Современные туристы, посещая Пушкинские места, восхищаются такими условиями. Но поэт, хоть и много работал (создал за 2 года около ста произведений), жестоко страдал от невозможности их опубликовать, от скуки. Сошелся с крепостной сожительницей Ольгой Калашниковой, изрядно выпивал, болел.

Николай знал его произведения и оценивал поэта как исключительный талант. Вызвал из Михайловского, велел доставить прямо к себе. Пушкин прибыл 28 сентября. Больной, но ершистый. С ходу начал фрондировать. На вопрос, что бы он делал 14 декабря, если бы находился в Петербурге, заявил – был бы на Сенатской площади. Но император поставил его на место не гневом, не угрозами. Только своим величием и великодушием. Разобрал по косточкам революционную «романтику», назвав ее «мечтаниями итальянского карбонарства и немецких Тугенбундов», «республиканскими химерами». Логика его была железной, аргументы четкими, и политический спор Пушкин проиграл, вынужден был согласиться. Даже признал, что царь совершил великое дело, сокрушив голову «революционной гидры». Он ухватился за стандартные обвинения революционеров о «другой гидре» – злоупотреблениях чиновников, коррупции.

Николай это и сам знал. Ответил, что «для глубокой реформы, которой Россия требует, мало одной воли монарха... Ему нужно содействие людей и времени... Пусть все благонамеренные и способные люди объединяются вокруг меня». «Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет, ибо только в общих усилиях – победа, в согласии благородных сердец – спасение». Возразить Пушкину было уже нечего. А государь напутствовал его: «Я был бы в отчаянии, встретив среди сообщников Пестеля и Рылеева того человека, которому я симпатизировал и которого теперь уважаю всей душой. Продолжай оказывать России честь твоими прекрасными сочинениями и рассматривать меня как друга».

«Служи родине мыслью, словом, и пером. Пиши для современников и для потомства. Пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим буду я». От обычной

цензуры он Пушкина освободил. Из ссылки тоже. «Я не вижу перед собой государственного преступника – вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы...» [43, 44]. После этой беседы царь сказал Д. Н. Блудову: «Знаете, что нынче я долго говорил с умнейшим человеком России?» [45]. Но и Пушкин был под глубоким впечатлением от встречи. Появились его стихотворения «Стансы», «Друзьям», посвященные Николаю.

«Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждою, трудами.
О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит...»

Да, внутреннее состояние России успокоилось. Но Николаю I пришлось принимать правление в очень непростой внешнеполитической обстановке. Англия исподтишка пакостила России, где только могла. Втягивала в свои интриги и Францию. Хотя в 1824 г. там на престол взошел Карл X, взял курс на укрепление расшатанной королевской власти, резко повернул политику к сближению с Россией. Уже который год полыхала восстаниями Греция, и ее борьбу британцы тоже использовали для антироссийских игр. А особенную тревогу вызывала ситуация на Кавказе.

Там Ермолов разгромил мюридов Кази-Мухаммеда под Чахкери, уничтожил ряд селений, и Чечня притихла. А командующий Черноморской линией генерал Власов провел ряд успешных походов за Кубань, охладив воинственный пыл черкесов. Но... Ермолов был ставленником Аракчеева. Теперь он остался без покровителя, и замаскировавшиеся либералы в окружении нового царя повели под него подкоп. Николаю внушали, будто он был связан с декабристами,

готовил выступление своего Кавказского корпуса (Ермолов был родственником Каховского, и при Павле I арестовывался по подозрению в заговоре). В январе 1826 г. по этим доносам в крепости Грозной арестовали одного из помощников Ермолова, дипломата и писателя Грибоедова. Доставили в Петербург на допрос к генералу Левашову.

Какую-либо вину он отрицал, и многих декабристов в таких случаях отпускали. Но Грибоедова держали 5 месяцев, добивались показаний против Ермолова. Он писал царю, просил очной ставки с авторами обвинений, чтобы разоблачить клевету. 2 июня Николай велел освободить его, принял лично, в компенсацию за арест повысил в чине и выдал годовое жалование «не в зачет». Расследование, проведенное Дибичем, впоследствии опровергло не то что соучастие, а даже сочувствие Ермолова заговорщикам. Но враги кавказского наместника принялись играть на лучших чувствах молодого царя, реанимировали обвинения в «жестокости». Доказывали, что такая политика Ермолова только злит горцев, затягивает конфликт до бесконечности. Хотя прежняя история Кавказской войны свидетельствовала обратное – к плачевным последствиям приводили либеральные заигрывания царской администрации.

Но «священная война», разожженная Кази-Мухаммедом, как и попытки свалить Ермолова оказывались лишь звеньями более глобального плана. Британского, по вытеснению России с Кавказа. Англичане в это же время подталкивали к нападению Персию. Она не смирилась с прошлым поражением, когда ей пришлось отдать территории нынешнего Азербайджана и Карабаха. Персидским главнокомандующим был наследник престола Аббас-Мирза, его окружали английские советники. Обучали и перевооружали иранскую армию британскими пушками и ружьями. Агенты Аббас-Мирзы с большими суммами денег проникали в Азербайджан, готовили восстания. Одним из приближенных персидского принца был и грузинский царевич Александр. Он обосновался в Эривани, собирал отряды из перебежчиков и наемников. А в Тифлисе его ждали сообщники из «Тайного общества грузинских дворян», чтобы ударить русским в спину.

Смена царя на престоле и мятежи в России (известия о которых преувеличивались слухами) убедили персов – время самое подходящее.

Ермолов докладывал Николаю о военных приготовлениях соседей. Государь пробовал предотвратить столкновение. Направил послом в Иран князя Меншикова, соглашался даже на уступки, вернуть часть Тальшского ханства (юго-восток Азербайджана). Но Аббас-Мирза воспринял это как доказательство – Россия боится, она действительно ослаблена. Меншикова вместо ответа он арестовал. 19 июля 1826 г. без объявления войны его многочисленная армия ринулась через границу.

Основные силы русских находились на Северном Кавказе. В Закавказье были только небольшие гарнизоны, казачьи посты. Лавина неприятелей смяла их. А многие «земские караулы» из азербайджанцев присоединялись к персам. У Балык-Чая рота Тифлисского полка, 166 бойцов штабс-капитана Воронкова, столкнулась с целым корпусом. Отчаянно дралась в окружении. Израсходовав патроны, пробивалась штыками. Большая часть солдат и офицеров погибла, тяжело раненый Воронков попал в плен. Но 40 человек все же вырвались, добрались до своих.

Вражеская армия осадила крепость Шуша, где отбивался отряд полковника Реута – 1300 солдат и казаков. А в Елисаветполе (Гяндже) уже поджидал заговор. По сигналу в городе вспыхнул мятеж. Перерезали русский гарнизон, открыли ворота авангардам Аббаса-Мирзы. Ермолов спешно формировал Действующий корпус, собирая части и подразделения, раскиданные по Северному Кавказу. Задержать неприятелей, нацелившихся на Тифлис, он направил генерала Мадатова. У него было 3 тысячи штыков и сабель, 8 орудий. Но они с ходу раскидали передовые части противника, в том числе грузинских изменников царевича Александра.

Возле Шамхора 3 сентября Мадатов встретил 18-тысячный корпус, в его составе были отборные части шахской гвардии, вооруженные и обученные англичанами. Но русская артиллерия открыла огонь, пехота дружно атаковала в штыки. А Мадатова не случайно называли «хитрейшим из храбрых». Своим обозам он велел мчаться к месту битвы на рысях, двумя колоннами повозок. Они приближались с грохотом, подняли огромные тучи пыли. Персы сочли, что на них несется масса кавалерии, и побежали. Их погнало, перебили 1,5 тыс. при своих потерях 7 убитых и 24 раненых [46]. Мадатов победителем вступил в Елисаветполь.

Аббас-Мирза, осаждавший Шушу, встревожился, двинулся сюда со всей армией. Но в Закавказье подтягивались и русские войска. Командира Действующего корпуса определил сам государь, генерала от инфантерии Ивана Федоровича Паскевича. Когда-то Кутузов представлял его Александру I как «лучшего генерала Отечественной войны». А Николая связывали с ним особые отношения. Паскевич раньше командовал гвардейской дивизией, где великие князья Николай и Михаил командовали бригадами, был их наставником. Царь любил его и называл «отцом-командиром». На Кавказ послал, не доверяя Ермолову, как противовес ему.

Но война есть война. На фронт Паскевич полетел со всей быстротой. В Елисаветполь он прибыл, когда там собралось всего 10 тыс. пехоты и конницы с 24 орудиями. А вид кавказских частей просто шокировал генерала, привыкшего к блестящим шпалерам гвардии. Солдаты в лохматых шапках и домотканых куртках, казаки в драных черкесках. Но для строевых смотров было не время. Приближалась вся иранская армия, 40 тыс. воинов. 13 сентября загрохотали орудия. Персы волна за волной накатывались на русскую пехоту, построившуюся в батальонных каре, их отбрасывали огнем и штыками. Сам Паскевич находился в боевых линиях, отражая атаки. А кавказские воины со своим невзрачным видом оказались великолепными профессионалами. Противника измотали, повыбили. Потом ударил кавалерийский резерв, и враги покатались прочь, их гнали и рубили 12 верст.

Известие о победе пришло к Николаю Павловичу, когда двор еще находился в Москве – благодарственные молебны как бы продолжили торжества коронации. Их восприняли как явный знак Свыше. Господь благословляет новое царствование, сразу же украсил его победными лаврами! В октябре российскую территорию очистили от неприятелей. Деблокировали Шушу, 47 дней просидевшую в осаде. Зима и бездорожье прервали активные действия.

Но возобновились интриги вокруг Ермолова. Конфликт усугубился его «двоевластием» с Паскевичем. Главнокомандующий на Кавказе, конечно же, понимал, что «отца-командира» прислали в пику ему. А Паскевич, хотя и был формально подчинен ему, но сносился напрямую с царем. Разделились и генералы, офицеры, одни «ермоловцы», другие уже пристраивались к Паскевичу. Когда Ермолов повесил одного из предводителей чеченских набегов, он получил строгий выговор из

Петербурга. Посыпались приказы вернуться к мягким мерам усмирения горцев. Понаехали ревизии и комиссии. В результате 28 марта 1827 г. Николай отправил Ермолова в отставку. Точнее – даже в ссылку, он получил царский приказ «возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления». Под опалы и расследования попал целый ряд его помощников.

Заменил Ермолова Паскевич. Чтобы вынудить персов к миру, надо было самим вторгнуться в их владения. К этому времени на Кавказ прибыли подкрепления – 20-я пехотная дивизия, ряд кавалерийских частей. Пришел и Лейб-гвардии Сводный полк из солдат, бунтовавших на Сенатской площади. Летом 1827 г. наши войска вступили в Восточную (персидскую) Армению. Аббас-Мирза примерно догадывался, как они будут действовать. Расположил армию за Араксом, надеялся на рубеже полноводной реки остановить Паскевича. Был уверен, что у него есть запас времени, пока русские будут осаждать и брать крепости – а персидское войско станет мешать им, бить по тылам. Однако Паскевич на крепости не отвлекался. Самую сильную из них, Эривань, просто блокировал, отрядив для этого 20-ю дивизию, новичков на Кавказе.

А сам с главными силами устремился на полевую армию персов. Разгромить ее и открыть дороги во внутренние области страны. Аббас-Мирза задержался. Чтобы задержать русских, бросил навстречу массу курдской конницы. Она заняла оборону возле крепости Сардар-Абад, на притоке Аракса речке Занга. Но укрепиться не успела. На нее вылетел авангард Паскевича – драгуны, уланы, несколько казачьих полков под командованием Константина Бенкендорфа (младшего брата шефа жандармов). Он даже останавливаться не стал. Конница с ходу, под пулями, ринулась вброд через Зангу. Курды откатились за другую речку, бурную Абарань. Но и русские мчались следом, врубились в скопища неприятелей. Опрокинули их, прижали к Араксу. Одних настигали на берегу шашки и пики, другие бросались в воду, многие утонули.

А за рекой, возле крепости Аббас-Абад, стояло войско Аббаса-Мирзы. Но подходил весь корпус Паскевича, а авангард Бенкендорфа через Аракс опять устремился вплавь, еще и перевез на плотиках конную артиллерию, захватил плацдарм и завязал сражение. 5 июля под прикрытием конницы навели понтонный мост, и за Араксом развернулась пехота, ударила в штыки. Персов сбили с позиции, Аббас-

Мирза приказал отступить на 4 версты, занять другой рубеж. Нет, его не отпустили. Навалились снова, конная артиллерия поливала гранатами, русская конница смяла правый фланг, а Нижегородский драгунский полк вломился в боевые порядки прямо по центру, к ставке Аббаса-Мирзы, он бежал. Поручик Левкович захватил его знамя с надписью «Победное». Разгромленные персы катились прочь, крепость Аббас-Аббад сдалась.

И все же Аббас-Мирза сумел еще раз собрать свои растрепанные контингенты. Пытаясь спасти Персию от вторжения, решил отвлечь русских назад. Хитрым маневром он обошел Паскевича и вырвался в его тылы. 15 августа 1827 г. 30-тысячное войско с 24 орудиями подступило к главной армянской святыне, монастырю Эчмиадзин. В нем находились 500 русских солдат, полусотня донских казаков и армянская дружина. Им предложили сдать крепость, сулили золотые горы и все возможные блага на службе у шаха. Комендант, подполковник Линденфельден, ответил: «Русские собой не торгуют». Началась осада, артиллерийская бомбардировка.

Канонаду слышали в лагере 20-й дивизии, оставленной у Эривани. Ее командир, генерал Красовский, повел на выручку 4 тыс. солдат. Но им пришлось пробиваться через всю персидскую армию. Их окружили, и они дрались больше пяти часов. Продвигались к Эчмиадзину, прокладывая штыками каждый шаг. Уже возле самого монастыря Красовского с замыкающим отрядом отрезали от своих. Спасли его 50 донских казаков – бросились на тысячную толпу персов, прорубили дорогу и вывели окруженных. В сече было убито и ранено 1154 наших солдата и офицера. Врагов положили 3 тыс. [46].

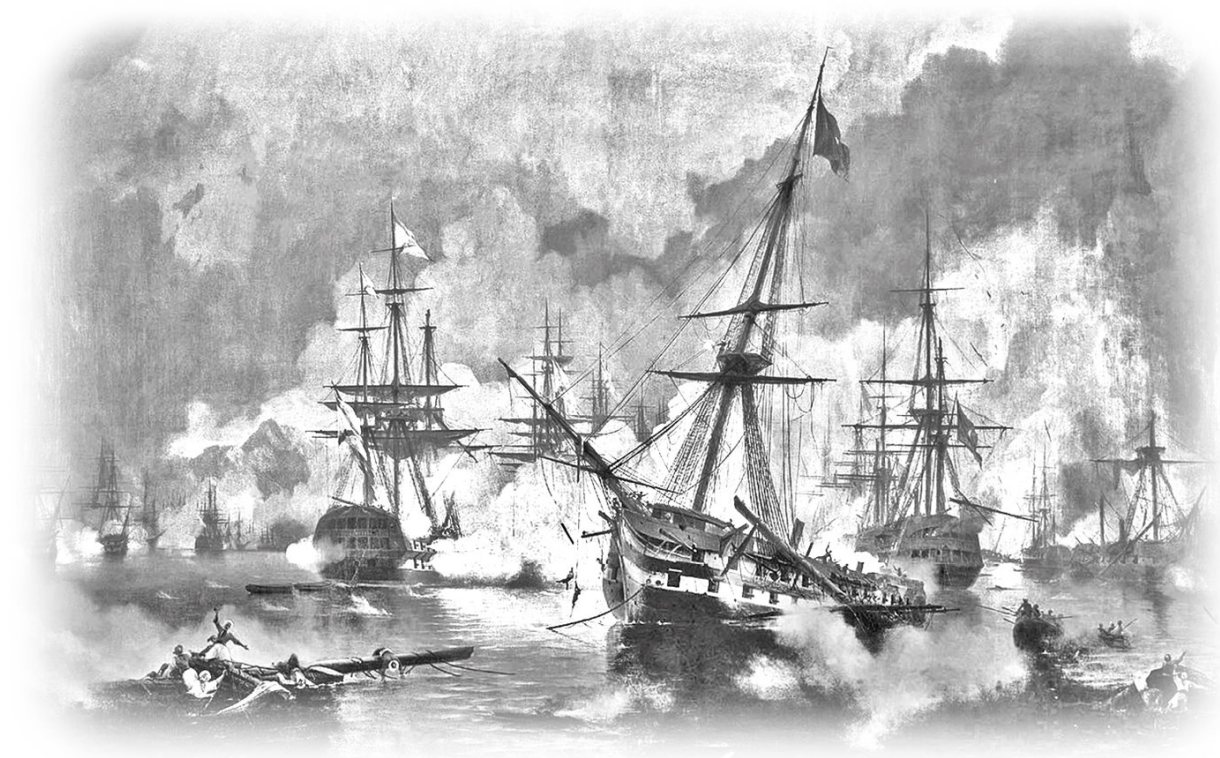
Паскевич уже брал иранские крепости, но узнал, что Аббас-Мирза у него в тылу, и тоже повернул к Эривани. А персидский командующий больше не рискнул вступить в сражение. Убрался восвояси. Русские окружили Эривань и 1 октября взяли ее одним штурмом (потеряли около 100 человек). Армяне восторженно встречали наших воинов. Классик армянской литературы Хачатур Абовян был свидетелем этих событий. Он писал: «Как друг, как ангел-благовестник с венцом свободы и милосердия, вступил князь Паскевич в Сардарский дворец. Проходя в тысяче мест, он должен был сам сдерживать слезы, видя, как старики, дети, девушки, старухи не только у него ноги целуют, но

бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении».

Персы были деморализованы, их сопротивление вообще сломалось. Русские занимали город за городом. 14 октября передовой отряд генерала Эриванского ворвался в Тебриз, и Аббас-Мирза взмолился о мире. Что ж, Паскевич согласился на переговоры. Непосредственно их вел Грибоедов и добился подписания Туркманчайского мира. К России отошла Восточная Армения – Эриванское и Нахичеванское ханства, а также участок каспийского побережья до реки Астара. Кроме того, персы платили контрибуцию в 20 млн руб., а армяне, оставшиеся под властью шаха, получили право переселиться в российские владения.

Ирану на этот раз всыпали так крепко, что больше он с русскими не воевал никогда. Сорвались и планы грузинских сепаратистов. Их лидер царевич Александр при бегстве оставил в Эривани жену с сыном. Николай I отнесся к ним благородно, совсем не как к пленникам. Приказал доставить в Петербург, назначил высокое содержание. Жена Александра с титулом княгини Грузинской вошла в «высший свет», сын был принят в офицерское училище. Паскевич за эту победу стал графом Эриванским, был награжден орденом Св. Георгия II степени, получил миллион рублей. А особенно отличились в войне казаки. Они и награду получили особенную. Царь принял их как бы под свое семейное покровительство, в 1827 г. назначил 9-летнего наследника Александра Августейшим атаманом Казачьих Войск. Единым атаманом для всех казаков России. Это стало традицией, отныне наследники престола становились Августейшими атаманами. А жены наследников официально получали титул «атаманши».

ГЛАВА 14. ГРОЗА НА БАЛКАНАХ

Наваринское сражение.
Художник И. К. Айвазовский

Османские каратели опустошали восставшую Грецию, стирали с лица земли города и села, но подавить сопротивление не могли. Греков неофициально поддерживали Сербия и Черногория – они в предшествующие годы фактически сбросили власть султана, хотя Турция упорно не признавала их автономии. Повстанцам помогали и Англия, Франция. И только Россия в этом конфликте зависла в неопределенном положении, ведь Александру I внушили, что поддержка греков противоречит принципам Священного Союза. А западные державы пожинали плоды, отбирая Балканы из-под российского влияния под собственное.

Министр иностранных дел при Николае I остался прежний – Карл Нессельроде. Один из соавторов Священного Союза, и всегда почему-то крайне щепетильный, как бы тем или иным шагом не обидеть Англию. Однако новый царь понял суть западных интриг и настоял на кардинальном изменении политики. Он предложил британцам и французам замирить бойню на Балканах. Чтобы не потерять перед греками имидж «друзей», те вынуждены были согласиться. В июле 1827 г. в Лондоне три державы заключили конвенцию, требуя от султана прекратить боевые действия, предоставив Греции автономию – она останется в составе Османской империи, будет платить дань, но получит внутреннее самоуправление.

Николая добивался, чтобы в конвенцию включили секретную статью – в случае отказа турок Россия, Англия и Франция разрывают с ними дипломатические отношения и силой заставят их замирииться. Но тут уж британцы и французы стали выкручиваться. Применение силы заменили весьма обтекаемой формулировкой – что эскадры трех держав в Средиземном море объединятся «для предупреждения расширения военных действий и установления перемирия». Султан Махмуд II конвенцию отверг. Он же видел – Лондон и Париж уклоняются от решительных действий. Но у берегов Греции появились британская эскадра Кодрингтона, французская – де Риньи, и русская, адмирала Гейдена.

И сразу же они обнаружили в Наваринской бухте соединенный турецкий и египетский флот. С кораблей как раз высадился карательный корпус Ибрагима-паши, жег села, весь горизонт покрылся столбами дыма. А у союзников общее командование принял Кодрингтон, старший по чину. Он полагал, что поставленная задача уже выполнена. Предусматривалось «объединиться» – они объединились. Вот и патрулировать в зоне конфликта, пресекать дальнейшие перевозки войск. Но русские настаивали на выполнении конвенции не по букве, а по смыслу. Вынудить турок к перемирию, если нужно, то и оружием. После долгих споров Кондрингтон все же согласился на демонстрацию силы. Войти в Наваринскую бухту и повторить требования – прекратить карательную операцию.

20 октября 1827 г. корабли двинулись в бухту двумя колоннами, в одной – англичане и французы, в другой – русские. Хотя турки ни с какими требованиями считаться не собирались. Их силы превосходили

и по количеству кораблей, и по артиллерии – у них было 2200 орудий против 1700 у союзников, их прикрывали береговые батареи, еще 165 орудий. Ибрагим-паша и его головорезы чувствовали себя настолько уверенно, что на попытку переговоров ответили наглым вызовом. Двоих британских парламентариев, высланных на шлюпках, расстреляли из ружей. С египетского корвета ударили пушки по французам. Но уж тогда-то открылась канонада с обеих сторон.

Русскую колонну возглавлял 74-пушечный линейный корабль «Азов». А командовал им один из лучших моряков, первооткрыватель Антарктиды, капитан I ранга Лазарев. И в экипаже у него было сразу несколько будущих флотоводцев и героев – лейтенант Нахимов, мичман Корнилов, гардемарин Истомин. Русские корабли проскочили под огнем береговых батарей вплотную к неприятельскому флоту. «Азов» дрался против 5 вражеских кораблей. Потопил 3 фрегата и корвет. Помог флагманскому английскому кораблю «Азия» – с ним схватился турецкий 84-пушечный флагман, неосторожно повернулся к русским кормой, и орудия Лазарева разнесли ее, османский корабль взорвался.

«Азов» получил 153 попадания, у него были сбиты все мачты. Но турецкий флот уничтожили, он потерял 60 кораблей, больше 4 тысячи моряков. У союзников погиб 181 и 480 получили ранения. Из них у русских 59 убитых и 141 раненый. «Азов» стал первым в нашей стране кораблем, удостоенным Георгиевского флага. Но сразу же открылось, насколько эфемерным был «миротворческий» союз. Когда в Англии узнали о блестящей победе, король и правительство схватились за головы. А взбешенный султан хорошо представлял, чьими усилиями он получил такой «подарок». Он объявил войну не англичанам и французам. Только русским. И не просто войну, а священную, «джихад». 14 апреля 1828 г. Николай I тоже подписал Манифест о войне.

План действий был уже разработан. Главный удар наносила Дунайская армия фельдмаршала Витгенштейна. Намечалось прорываться за Балканы, на Константинополь. Но на Дунае дорогу преграждала целая система крепостей: Браилов, Шумла, Силистрия, Исакча, Мачин, Варна. Поэтому на ближайшую кампанию намечалось лишь подготовить решающий бросок, расчистить путь. Схватка предстояла серьезная – турецкие силы почти вдвое превосходили русских. И сам царь отправился на фронт отнюдь не в парадном

качестве. Покидая Петербург, он оставил Государственному совету секретный указ, как действовать в случае его гибели: возвести на престол сына Александра при регентстве великого князя Михаила Павловича [47]. А по прибытии в армию на военном совете Николай объявил: если он, по несчастью, окажется в плену, руководствоваться указаниями, которые давал на подобный случай Петр I – царем его не считать, и требований, даже за его собственноручной подписью, не выполнять [48].

25 апреля 1828 г. русские форсировали Прут, ринулись в Молдавию и Валахию, с ходу заняли Бухарест. Основные силы армии двинулись к крепости Исакча, где намечалась переправа через Дунай. К началу войны царское командование приурочило и операцию по переманиванию на свою сторону Задунайской Сечи. Еще при Екатерине II, после ликвидации слишком распустившейся Запорожской Сечи, часть казаков ушла к султану, получила несколько сел на Дунае. Турки с ними не особо церемонились. Немало казаков сложили головы при подавлении восстания в Греции – их бросали в самые гиблые схватки, на штурмы городов. Но для Османской империи был очень выигрышным сам «бренд» Сечи, она была центром притяжения для беглых и дезертиров из России. Это был и пропагандистский козырь, султан выставлялся защитником «казачьих вольностей».

Этот центр и решено было ликвидировать. Провели тайные переговоры с кошевым атаманом Осипом Гладким, обговорили условия. С началом войны он отправил в турецкую армию тех казаков, кто предпочитал сражаться на стороне басурман. А с остальными провел общую раду (совет), постановившую перейти к русским. 10 мая 1828 г. около 800 задунайцев прибыли к царю. Сложили к его ногам полученные от султана знамена, фирманы, атаманскую булаву. Николай сказал им: «Бог вас простит, Отчизна прощает и я прощаю. Я знаю, что вы за люди» [49].

27 мая наши войска под огнем форсировали Дунай. Государь при этом продемонстрировал особое доверие к прибывшим казакам, его лодкой правил Гладкий, на веслах сидели куренные атаманы. Исакчу взяли штурмом, и русские корпуса разошлись, осадив еще несколько крепостей. Капитулировали Мачин, Браилов. Из задунайцев было сформировано Отдельное Запорожское войско. Еще в прошлых войнах в Россию стали возвращаться от турок и другие беглецы,

старообрядцы-некрасовцы. На их базе Николай I повелел создать еще одно новое казачье войско – Дунайское. Его пополняли добровольцами из балканских народов.

Сражения начались и на Кавказе. Под командованием вице-адмирала Меншикова эскадра Черноморского флота высадила десант у Анапы. Большие корабли не могли подойти к крепости из-за мелководья, но часть орудий перегрузили на мелкие суда и транспорты, открыли бомбардировку. 12 июня последовал жестокий штурм. Авангард из пластунского батальона и Ейского казачьего полка возглавил наказной атаман Алексей Безкровный – он воевал всю жизнь и получил столько ранений, что Александр I велел называть его не Безкровным, а Бессмертным. Пол Анапой его снова ранило картечью, но пластуны и ейцы первыми ворвались в крепость, в ней захватили 4 тыс. пленных и 70 орудий.

А для Отдельного кавказского корпуса Паскевича перерыва как бы и не было. Одолели персов и повернули на турок. 20 июня корпус подступил к крепости Карс – ее считали неприступной. Но после трехдневной осады неудержимой атакой Карс был взят. Повернули на другую крепость, Ахалкалаки, и через месяц она тоже пала. Не давая противнику опомниться, устремились на Ахалцих. Внезапным броском в город влетели егеря и взвод 4-й донской батареи. Казаки втащили свои пушки на крышу дома и стали бить по турецким скоплениям на улицах. Их окружили, им пришлось отстреливаться и из орудий, и из ружей, и рубиться саблями, но Ахалцих взяли. После этого крепости Ацхур и Ардаган сдались без боя. А от главных сил Паскевич разослал отдельные отряды. Один из них овладел портом и крепостью Потти. Другой с налета захватил важную крепость Баязет.

Но на главном направлении, на Дунае, успехи застопорились. В «войне крепостей» корпуса рассредоточились. Ждали, когда подтянутся парки осадной артиллерии, оставшие части с Украины, Лейб-гвардия. А у турок сил было много, они принялись контратаковать то на одном, то на другом направлении. Основное ядро русской армии Витгенштейн повел к Шумле, где в укрепленном лагере стояла армия великого визиря Мехмеда Решад-паши. Фельдмаршал надеялся выманить его и разбить в генеральном сражении. Хотя получилось наоборот. Наши войска очутились как бы в осаде, турки клевали их со всех сторон. А в Варне засел 20-тысячный гарнизон со 178 орудиями, контратаками отогнал

отряд генерала Ушакова. Но в середине июля сюда прибыл от Анапы Черноморский флот и десантный корпус Меншикова. Присоединил отряд Ушакова, снова осадил Варну.

Царь из-под Варны отправился на фрегате «Флора» в Одессу, самому торопить запаздывающие подкрепления. Но здесь он узнал, что под Шумлой дела обстоят совсем худо. Витгенштейн, некогда боевой фельдмаршал, состарился и растерял прежние качества. Осторожничал, полностью отдал инициативу противнику. Турки перекрыли ему все дороги, без подвоза фуража стали падать лошади. Окружали наши войска своими батареями, обстреливали их. Витгенштейн вообще собирался отступить, но Николай запретил ему. Слал конкретные указания, где и как надо действовать. А Дибичу возмущенно писал: «Мне кажется, что со времени моего отъезда и вашей болезни все заснуло и идет наперекор здравому смыслу... Но что же делает собранная у вас несметная артиллерия? Разве она существует для того, чтобы переморить с голоду лошадей, не сделав ни единого выстрела? Наконец, что же думает фельдмаршал, если он думает?»

В августе под Варну наконец-то прибыл Гвардейский корпус. Осадные работы возглавил один из лучших инженеров России, Карл Шильдер – он командовал любимой частью Николая I, Лейб-гвардии Саперным батальоном. Крепость окружили окопами, приближались к стенам зигзагообразными апрошами. Турки дрались жестоко. Самому Меншикову ядром перебило обе ноги. Как раз в это время из Одессы под Варну вернулся царь. Заботливо навестил князя, стойко переносившего страдания. Его увезли в Одессу вместе с другими ранеными. А Николай на простой казачьей лошадке выезжал к передовым отрядам, разговаривал с офицерами и солдатами, намечал места для прокладки дорог, строительства новых укреплений.

Хотя это было опасно, турки появлялись из лесов и гор в самых неожиданных местах. В сентябре они направили на выручку Варны 30-тысячный корпус Омера-Врионе. Завязались схватки не только на внутреннем, но и на внешних обводах окружения. Другой корпус, Ирагима-паши, попытался вторгнуться в Валахию, в тылы русских. Но у села Боелешти его обнаружил отряд генерала Гейсмара. У него было всего 4 тыс. штыков и сабель с 14 орудиями. У неприятеля – 30 тыс. и 30 орудий. Но Гейсмар атаковал Ибрагим-пашу. В упорном сражении, продолжавшемся весь день и ночь, неприятелей полностью разгромили,

взяли всю артиллерию, обозы, 500 пленных. Захватили и ценнейший документ – письмо султана с турецкими военными планами.

А тем временем под Варной русские траншеи постепенно подошли вплотную к укреплениям. Под руководством Шильдера подвели мины. Они подняли на воздух два бастиона, в груды развалин превратились соседние кварталы. Тут уж защитникам стало ясно, крепость обречена, 29 сентября Варна капитулировала. Пытавшийся ей помочь корпус Омера-Врионе сразу покатился прочь, и его преследовали, били в хвост [50]. Осень прервала войну. Закрепившись гарнизонами в занятых крепостях, армию отвели на зимние квартиры. Царь отплыл в Россию на корабле «Париж» и попал в страшную бурю. Могло если не потопить корабль, то поломать снасти и отнести к турецким берегам. Кое-как дошли до Одессы, причалили ночью. Первым делом Николай отправился в городской собор. Прибежал разбуженный священник, и государь в пустом храме горячо молился с несколькими приближенными.

Его ждали совсем другие дела и хлопоты, 24 октября скончалась его мать, Мария Федоровна. А на фронтах настало затишье. Хотя оно было обманчивым. Великий визирь из своего лагеря под Шумлой выступил отбивать Варну, и его останавливали в боях. Были вылазки на других направлениях. К новой кампании турки собирали все, что могли – 150 тыс. на Дунае, 40 тыс. в Албании, более 100 тыс. на Кавказе. Помогать им взялись англичане. Подстрекали Персию расторгнуть мир. В январе 1829 г. в Тегеране не без участия османской и британской агентуры разбушевались фанатики, разгромили посольство России. Посол, А. С. Грибоедов, с несколькими сотрудниками и казаками охраны отбивались до последнего, положили 80 нападающих, но почти все погибли, 37 человек.

Неожиданно вздыбилась и партнерша России по Священному Союзу – Австрия. Озаботилась усилением русского влияния на Балканах, угрожала вмешаться в войну. Под видом маневров сосредотачивала войска в Трансильвании. Николай I был вынужден отвлечь на австрийскую границу крупные контингенты под командованием брата Константина – 6 русских корпусов и армию Царства Польского. А к польским подданным и их национальной гордости государь относился очень внимательно. Даже победу под Варной, одержанную сугубо русским оружием, представил, как общую.

Вспомнил, что в 1444 г. в битве с турками под Варной погиб польский король Владислав III. Царь объявил, что хочет почтить память «моего предшественника», велел поставить в Варшаве памятник Владиславу, послал туда «в честь героя» 12 трофейных пушек из Варны – как символ, что Николай расквитался за него.

Оценили? Как бы не так! Заговорщиков из польского «Патриотического общества» война с турками очень обрадовала. Сочли, что русские увязнут, будут терпеть поражения, нести потери – и сложатся подходящие условия для их восстания. Шли лишь чисто теоретические споры, не помешает ли это освободительной борьбе Греции? Ведь ей громогласно сочувствовал весь Запад. А потом добавилась угроза со стороны Австрии, и тут уж «патриоты» вообще возбудились. Польские войска оставались в тылу. Были свежими, сохранили силы. С нетерпением ждали, когда же австрийцы вступят в войну. Вот тут-то поляки ударят русским в спину. Кстати, ни в какую нормальную логику это не вписывалось. Польские области, доставшиеся австрийцам, не получили никаких особых прав и автономий, в отличие от российских. Нет, «патриоты» готовились перекинуться на их сторону!

Но замыслы врагов России расширить конфликт не удалось. Правительство Персии после полученной взбучки боялось русских. Шах с извинениями отправил в Петербург целый обоз драгоценностей, чтобы не навлечь за истребление посольства новую грозу. Сдержать Австрию помогла дружба Николая с королем Пруссии, своим тестем Вильгельмом III. Тот намекнул австрийскому императору, что не стоит задевать его зятя. Горячо вступился вдруг и французский король Карл X. Открытым текстом передал в Вену – если посмеет выступить против России, то он объявит Австрии войну.

А завязнуть в затяжных боях с турками Николай не собирался. Витгенштейна он сместил, назначил главнокомандующим Дибича. Тот деятельно занялся пополнением и обеспечением армии. Наладил четкое взаимодействие с Черноморским флотом адмирала Грейга, и с эскадрой Гейдена, которая все еще оставалась в Эгейском море, помогая грекам. Армия великого визиря Мехмеда Решад-паши по-прежнему стояла у Шумлы. Дибич наметил прорыв в другом месте, у Силистрии. К этой крепости двинулись осадные части, саперы, артиллерия. Руководить

инженерными работами снова определили Шильдера. Он навел понтонный мост через Дунай, царские полки двинулись через реку.

Чтобы сорвать переправу, турки стянули к ней все корабли своей дунайской флотилии. Но Шильдер был еще и энтузиастом использования ракет. Они не были новинкой, англичане позаимствовали их у индусов, применяли в наполеоновских войнах. Хотя у тогдашних пороховых ракет была очень низкая точность попадания. Однако Шильдер превратил несколько лодок и баркасов в плавучие ракетные батареи, и уж такую цель, как масса вражеских кораблей на реке, они накрыли хорошо. Флотилия запыхалась, уцелевшие суда спешили убраться.

Начались бои и на море. Из Босфора вышла турецкая эскадра, 15 кораблей, чтобы препятствовать русским перевозкам. Между Синопом и Батумом она перехватила и заставила сдать 36-пушечный фрегат «Рафаил». Разгневанный Николай I издал указ – если фрегат будет возвращен России, сжечь его (по возвращении из плена нижние чины были прощены, офицеров присудили к смертной казни, но царь заменил ее разжалованием в рядовые матросы). А всего через 3 дня, 14 мая, позор русского флота смыл 18-пушечный бриг «Меркурий» капитан-лейтенанта Казарского. Его взяли в клещи два самых мощных турецких корабля, «Селимие» (110 орудий) и «Реал-бей» (74 орудия). Но 115 человек команды приняли неравный бой. У двери пороховой камеры положили заряженный пистолет – чтобы последний, оставшийся в живых офицер, взорвал корабль. Канонада гремела несколько часов, и случилось невероятное. Наши моряки повредили мачты и паруса у обоих турецких кораблей, бриг оторвался от них.

«Меркурий» получил 22 пробоины в корпусе и 133 в парусах, 4 человека были убиты и 6 ранены, но маленький кораблик победил двух гигантов! Он был награжден Георгиевским флагом, нижние чины – Георгиевскими крестами. Все офицеры удостоились орденов, их повысили в чинах, Казарского – сразу на две ступени. Всем им в дворянские гербы царь добавил изображение пистолета – лежавшего у кюйт-камеры. Повелел, чтобы в составе Черноморского флота всегда состоял корабль под названием «Меркурий». А вылазки турецких эскадр пресекли. По плану Дибича в конце мая Черноморский флот и Средиземноморская эскадра Гейдена блокировали с двух сторон

Босфор и Дарданеллы. Заперли неприятельских моряков в Константинополе.

Под Силистрией, как в прошлом году под Варной, наши войска все теснее обкладывали крепость, приближались к ней траншеями. Все ближе строили осадные батареи, крушившие укрепления. Но великий визирь осаду Силистрии считал делом второстепенным. Он был обуян идеей вернуть Варну, важнейший порт. Собрал свои лучшие силы 40 тысяч воинов с 56 орудиями, и в конце мая выступил к Варне. Вот тут Дибич его подловил. Он пропустил турецкое войско мимо своей армии. Часть сил оставил у Силистрии, а с собой взял подвижный корпус из 25 тысяч штыков и сабель и стремительно вышел в тыл великому визирю, 30 мая захватил высоты у села Кулевча.

Мехмеда Решад-паша встревожился, что его отрезают от Шумлы, развернулся и бросился в сражение. В отчаянной рукопашной погибли два русских батальона, другие подразделения стали отходить. Но прямо в гущу схватки генерал Арнольди вывел батареи конной артиллерии. Они окатили турок картечью в упор. Сам Арнольди останавливал отступающую пехоту, она перестроилась под прикрытием орудий. А Дибич кинул в бой резервы. Турок отшвырнули и погнали, они потеряли 5 тыс. убитых, 1,5 тысячи пленных, 43 орудия, весь обоз.

Разгромленный великий визирь откатился обратно в Шумлу и запаниковал. Был уверен – сейчас вся армия Дибича двинется добить его. Спешно собирал подмогу, откуда только можно. Приказал идти к нему гарнизонам ближайших крепостей. Вызвал 12 полков, охранявших проходы в Балканских горах. Но тем самым он, как нельзя лучше, подыграл Дибичу! Русский главнокомандующий уже готовил свои лучшие части к главной цели – походу за Балканы. Осадные работы и нарастающая бомбардировка Силистрии делали свое дело, 18 июня крепость сдалась [51]. Вот теперь турки ждали удара на Шумлу. Однако Дибич отправил туда только один корпус – блокировать великого визиря в его лагере. А сам с главными силами вдруг устремился на юг, к Балканским перевалам!

На Кавказе турки, собрав 120 тыс. воинов, в это время перешли в наступление тремя группировками. У Паскевича было всего 18 тыс. штыков и сабель, 70 орудий. Но он не стал ждать, когда эти массы нахлынут на него. Сам выступил навстречу 70-тысячной армии Гаджи Сапеха. Два турецких корпуса шли по отдельности, и русские

расшвыряли их по очереди. Выплеснулись к крепости Эрзерум – а она-то осталась без защитников. 27 июня после артобстрела она капитулировала. Вместе с армией этот поход с разрешения царя проделал А. С. Пушкин, описав впечатления в своем «Путешествии в Арзрум» [52]. Другая, 19–тысячная вражеская группировка, подступил к Баязету, где находился лишь маленький отряд князя Чавчавадзе. Атаки продолжались непрерывно 38 часов! Когда их отразили, турки перешли к осаде. Без еды, почти без воды, защитники держались 13 дней, пока не подошла подмога, отогнав неприятелей. Паскевич за свои успехи удостоился высшей военной награды, ордена Св. Георгия I степени.

А Дибич углублялся в сердце Османской империи! По дороге, попутно, взяли несколько крепостей. Великий визирь спохватился, узнал, куда нацелились русские. Отправлял туда собравшиеся у него войска, но было уже поздно. Они или не успевали за нашими полками, или их били по частям. Чтобы преградить путь Дибичу, турки смогли собрать только 20–тысячный корпус у города Сливен, но 31 июля его разнесли в клочья. 7 августа русские очутились у Адрианополя. Начальник гарнизона был настолько ошеломлен их появлением, что согласился сдать город. Это была «вторая столица» Турции! Уже на подступах к Константинополю! Султан, его правительство и все столичное население были в полной прострации. Русские стояли рядом, их эскадры перекрыли морские дороги в Константинополь, не позволяя подвозить войска и припасы.

К Дибичу явились султанские уполномоченные, просили о переговорах. Хотя вскоре стало ясно: турки нарочно тянут резину. Надеялись на вмешательство Англии, Австрии. У султана имелась еще одна армия, албанская, 40 тыс. воинов Мустафы-паши, и она уже шла на помощь. А у русских на самом-то деле положение было критическим. По дороге приходилось оставлять гарнизоны в занятых крепостях, и к тому же в войсках свирепствовала дизентерия. В строю оставалось не более 25 тыс. Но Дибич взял турок на пушку. Объявил, что у него инструкция – перемирие только до 1 сентября. Иначе он продолжит наступление.

Пугая неприятелей, он отправил несколько отрядов к Константинополю, стал пересылаться курьерами с Черноморским флотом у Босфора, эскадрой Гейдена у Дарданелл. И подействовало.

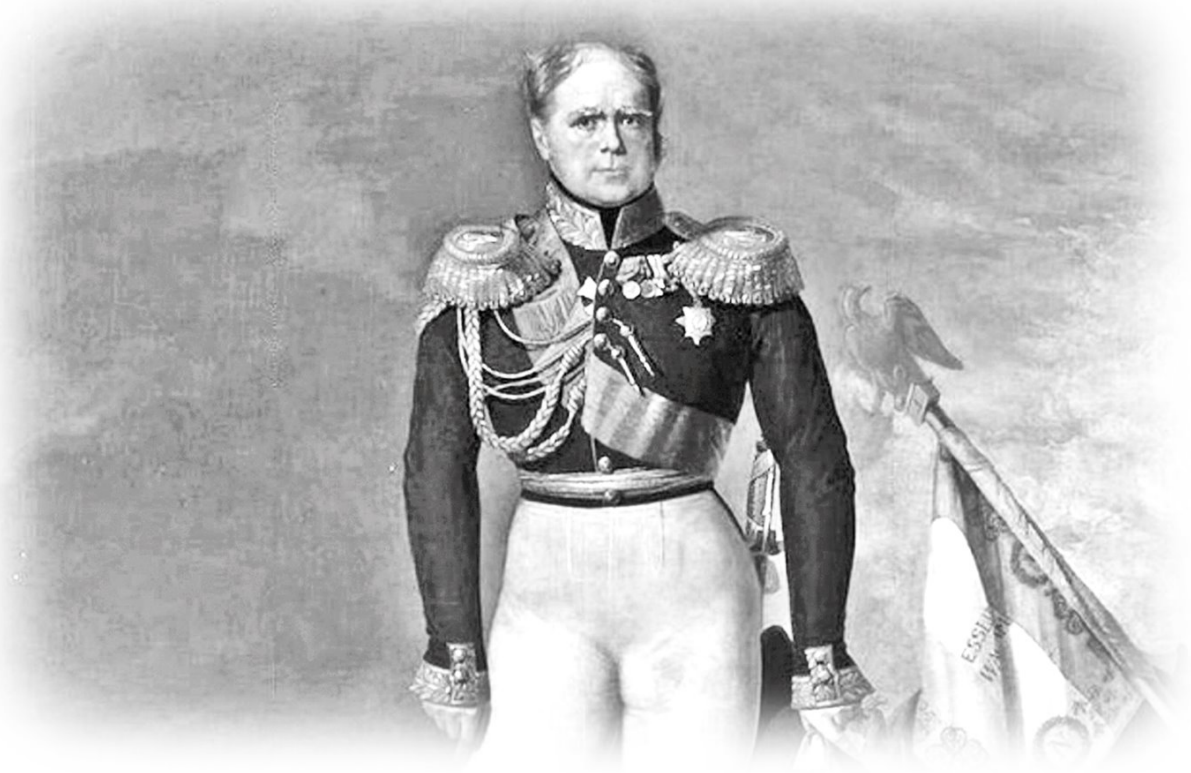

Султан упросил посла Пруссии быть посредником. Но теперь и англичане с австрийцами подталкивали турок! А то вдруг русские войдут в Константинополь! 2 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мир. Правда, бои еще продолжались. В сентябре отряды Гейсмара и Киселева выбивали албанскую армию Мустафы из Софии, заставили покинуть Болгарию. Паскевич под Байбуртом разогнал врагов в октябре.

Но война была выиграна. Дибич был награжден орденом Св. Георгия I степени – стал последним из четырех полных кавалеров этого ордена в истории России. Он стал и фельдмаршалом, графом Забалканским. И было за что! По условиям мира, Россия присоединила черноморское побережье с городами Анапой и Потти, дельту Дуная с островами. Для русских судов открывались Босфор и Дарданеллы, свободное плавание по Дунаю. Турция платила нашей стране контрибуцию в 1,5 млн. голландских червонцев. Признала и автономию Греции, Сербии, Валахии, Молдавии.

И вот ведь как интересно получается! Сын Николая I, Александр II, в свое время отвоюет автономию для одной Болгарии, и его будут славить как Освободителя. Потому что он пойдет на поводу у либералов, откроет зеленую улицу для их реформ. А его отец добился свободы для четырех балканских стран! Причем с гораздо меньшими издержками и потерями. За всю войну Россия потеряла около 10 тыс. солдат и офицеров убитыми и 5 тыс. умершими от ран и болезней. Но эта победоносная война оказалась затертой и позабытой, а царь заслужил оскорбительное прозвище «Палкина». За то, что слишком уж прищемил либералам хвосты. В том числе и за разгром декабристов.

ГЛАВА 15. ХОЛЕРА И РЕВОЛЮЦИИ

Великий князь Константин Павлович, наместник Польши

Николай I очень уважительно относился к свершениям старшего брата – в том числе и к автономии Польши, дарованной ей конституции. Старался укреплять эдакий «двуединный альянс», как замышлял Александр I. Даже своего сына Александра начал готовить к наследованию не только российского, но и польского престола. Попросил Константина Павловича прислать надежного солдата, говорящего только по-польски. Государь хотел его приставить к сыну «дядькой», чтобы тот в живом общении изучил польский язык, обычаи [53].

Николай сохранил полякам все дарованные им братом льготы, привилегии. Их законы настолько отличались от российских, что у них существовал даже гражданский брак. Но царь не покусился нарушить

эти законы даже после восстания декабристов, когда местное правительство и сейм выгородили их сообщников из «Патриотического общества». Однако взаимной дружбой даже не пахло. Оправданные злоумышленники, убедившись в безнаказанности, действовали все более широко. Ветви заговора охватывали польское офицерство, шляхту, студенчество. Лидерами выдвинулись князь Адам Чарторыйский, профессор Лелевель, инструктор военного училища подпоручик Петр Высоцкий – он создал законспирированную боевую организацию внутри самих «патриотов». Целью ставили не просто независимость, а возрождения Речи Посполитой «в восьми воеводствах», в границах 1772 г. – с возвращением Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины.

Наместник Польши генерал Зайончек все же считал долгом согласовывать каждый шаг с великим князем Константином, официально числившимся главнокомандующим Польской армии и Литовского корпуса. Но тот, влюбленный в Польшу, лишь подтверждал решения самих поляков. В 1826 г. Зайончек умер, и Николай рассудил, что такое «двоевластие» выглядит ненужным и лицемерным. Назначил наместником Константина. Заговорщики использовали это для агитации – прижимают «свободы», вместо поляка наместник стал русским! Но и Константин был уже окружен их агентами, шел на поводу у националистов.

В 1827 г. он принялся доказывать царю, что ради «братской дружбы» надо и впрямь отдать полякам Литву, Волынь, Подолию. Нет, вот тут Николай повел себя куда более дальновидно и осторожно. Указал, что в составе Австрии и Пруссии поляки вообще не имеют особенных прав, зачем же еще какие-то уступки? Перечисленные области они потеряли при Екатерине II в жестоких войнах, и виноваты в них были поляки. А пересмотр старых договоров – дело чреватое. Возвращать провинции панам – значило бы «посягать на целостность империи», могло повлечь для нее «самые плачевные последствия». Царь резюмировал: «Пока я существую, я никак не могу допустить, чтобы идеи о присоединении Литвы к Польше были поощряемы» [53].

Впрочем, Николай, как он писал Константину, старался «быть столь же хорошим поляком, как и хорошим русским». Мы уже отмечали, что после взятия Варны он сделал широкий жест, повелев воздвигнуть в Варшаве памятник Владиславу III с трофейными

турецкими пушками. (На что польские «патриоты» ответили «благодарностью» – планами ударить на русских при нападении австрийцев). А в 1829 г. война еще продолжалась, но Николай, доверяя Дибичу, на фронт больше не поехал. Накопилось много других дел. Одно из них – согласно польской конституции, Николаю следовало короноваться не только в Москве, а еще и в Варшаве. Такая церемония никогда не проводилась – Александр стал королем при самом создании Царства Польского. Подняли протоколы коронаций прежних королей. Многие элементы для русского царя не годились: возложение короны католическим архиепископом, ритуальные взмахи мечом у алтаря собора, лежание государя на полу.

Сценарий переработали, согласовывая с поляками и католическим духовенством. А в Польше узнали о коронации, и оживились... заговорщики. Решили по приезду убить Николая вместе с женой и наследником, и это станет сигналом к восстанию. Исполнителем вызвался быть сам руководитель боевой организации Высоцкий. Хотя большинство поляков радостно взбудоражилось. Обсуждали, что Николай держит слово, исполняет 45-ю статью их конституции! Дамы стали шить платья для балов, простонародье ждало развлечений. Варшаву разукрасили, построили трибуны для зрителей на 2 тыс. мест – билеты раскупили мгновенно. 10 мая 1829 г. Николай с семьей и свитой прибыл в польскую столицу. В открытых колясках проехали по улицам, переполненным публикой, и государя бурно приветствовали. На следующий день состоялся смотр польских войск, а 12 мая коронация.

В кафедральном соборе Св. Иоанна Николай I и Александра Федоровна приняли благословение католического архиепископа, присутствовали на службе. Варшавяне восприняли это с воодушевлением – царь выказал уважение к их вере и обычаям. Но короноваться в католическом соборе он не стал. Прошел с женой в Варшавский замок, в зал Сената. Католический примас прочитал молитву и вручил государю корону – условно «польскую», из России привезли корону Анны Иоанновны (в войнах и мятежах настоящих польских корон уже не осталось). Царь сам возложил ее на себя, взял скипетр и державу. Ударил салют, зазвонили колокола. А Николай встал на колени и прочитал молитву по-французски. Это было компромиссом, французский язык считался международным, образованные поляки

владели им, как родным. Царь принес и присягу исполнять конституцию. Но после этого отправился с царицей на молебен в православный храм – здесь же, в замке.

Как водится, покатались балы, празднества, бесплатные угощения для горожан. Государь с женой гуляли на улицах, в толпах народа. Его опекали Бенкендорф со своими сотрудниками и варшавская полиция, но подойти к нему мог любой желающий. Один мальчик бросился под ноги Николаю, царь спросил: «Чего ты хочешь?» Тот ответил: «Ничего, просто я поспорил с другими ребятами, что поцелую ноги царю». Император засмеялся, поднял его и подарил несколько рублевых монет. Многие передавали и свои прошения, их собирала свита, насчитали 11 тыс. В Петербурге потом Николай создал аж два комитета для их рассмотрения. Но заговорщики в атмосфере общей доброжелательности и праздника предпочли отказаться от покушения.

Через год, на май 1830 г., Николай назначил созыв польского сейма. Но ему пришлось столкнуться с неприятными открытиями. До сих пор он уважительно относился к системе конституционной монархии, только считал, что для России она не подходит [43, 44]. Но при выборах в сейм к царю обратился министр внутренних дел Польши Мостовский. Просил выделить средства «для привлечения голосов» пророссийской партии, а также «должности, награды, деньги и обещания» для подкупа фигур из оппозиции, чтобы сняли свои кандидатуры. Николай был шокирован, узнав столь циничную подоплеку «демократии».

Но председатель Государственного совета Новосильцев подтвердил ему – да, для конституционных выборных органов это обычные технологии. Царю было противно заниматься подобными делишками. Он поручил Новосильцеву решать выборные вопросы не через него, а через Константина. Сам же «запомнил эти неблагоприятные маневры, коими обманывают народы и бесчестят монархов». Позже Николай Павлович высказался о конституционной системе еще более определенно: «Это абсурдная форма правления, придуманная мошенниками и интриганами для таких же, как они» [54].

Царь приехал в Варшаву на открытие сейма, произнес речь. Призвал делегатов «упрочить творение восстановителя вашего отечества (Александра I), пользуясь с уверенностью и благоразумием правами, которые он даровал вам. Пусть спокойствие и единение

сопутствуют вашим занятиям». Но... до единения, спокойствия и благоразумия оказалось далеко. «Избранники народа» жаждали расширения дарованных «свобод». Подали Николаю петиции о поправках в конституцию: упразднении цензуры, введении судов присяжных, освобождении арестованных смутьянов. Государь на уступки не пошел и, в свою очередь, предложил отмену гражданских браков. Его проект дружно отвергли. А заговорщики обыгрывали возникшие разногласия, нагнетали атмосферу.

Но в 1830 г. политические страсти разыгрались и по всей Европе. Эпицентр вырвался во Францию. При низложении Наполеона и реставрации Бурбонов здесь было установлено конституционное правление, важную роль играл парламент. Но Карл X, как мы уже отмечали, принялся укреплять монархическое начало и сближаться с Россией. На короля вздыбилась либеральная оппозиция. Такой монарх не устраивали и Англию. Она деятельно подзуживала либералов. Николай I видел, что положение Карла становится опасным. Предупреждал его, что он может спровоцировать бурю, призывал к осторожности.

Однако Карл советам из Петербурга не внял, решил припугнуть оппозицию. 2 марта 1830 г. выступил на открытии сессии парламента, пригрозил чрезвычайными мерами, если парламент «будет создавать препятствия для его власти». Но это лишь подлило масла в огонь. 221 депутат подписал обращение к королю, требуя отставки правительства, якобы угрожающего «вольностям французского народа». В ответ на их демарш Карл распустил палату представителей, назначил новые выборы. Но оппозиция их выиграла и упрочила позиции, получила 274 депутатских мандатов.

Король решил «стукнуть кулаком», 25–26 июля подписал четыре указа. Новая палата представителей тоже распускалась, ужесточалось избирательное право и цензура. Но несколько месяцев мирного противостояния и выборную кампанию либералы использовали как нельзя лучше. Организовали революционную партию, раскачали парижских рабочих, люмпенов, бродяг. Хотя уж им-то что плохого сделал король? Они-то в парламент не избирали и попасть никогда не могли. Да и цензура к ним никакого касательства не имела. Но лозунги «борьбы за свободу», как обычно, действовали опьяняюще.

Указы короля стали удобным предлогом, и 27 июля улицы Парижа перекрыли баррикадами. У Карла под рукой было всего 6 тыс. солдат, их послали усмирять мятеж. Именно этим событиям посвящена картина Делакруа с кучей трупов и полуголой «Свободой на баррикадах». Но в армии и национальной гвардии у либералов были сообщники. Войска стали переходить на сторону восставших, толпы врывались во дворцы. 2 августа король отрекся от престола в пользу своего внука – и поспешил скрыться. А на его акт о наследнике оппозиция даже не обратила внимания. Парламент передал корону дальнему родственнику Карла, герцогу Орлеанскому Луи Филиппу.

Был перечеркнут сам принцип легитимной монархической власти по праву наследования, король выбрал парламент. Он расширил и другие свои права, правительство тоже становилось подотчетным парламенту. «Свобода слова» провозглашалась неограниченная, вводились суды присяжных. Снижались избирательные цензы, и число избирателей увеличивалось. Кстати, совсем ненамного, с 90 тыс. до 240 тыс. Это была победа крупной буржуазии. А кровью за нее заплатил народ, в Париже погибло свыше 950 человек, более 5 тыс. было ранено и искалечено.

Причем революция этим не завершилась. С одной стороны, за восстановление законной династии пытались бороться монархисты. С другой, возбудились крайние радикалы, якобинцы, жаждущие республики. Это вылилось в цепь бунтов и восстаний, добавило еще свыше 800 убитых и 1200 раненых. А из Франции революционная зараза стала расплескиваться по Европе. Были вспышки волнений в Папской области и других государствах Италии. Зашевелились тайные общества в Пруссии, тоже начали сеять смуту среди рабочих и черни.

А в Нидерландах после Наполеоновских войн было создано единое королевство – Голландия, Бельгия, Люксембург. На юге и севере существовали языковые и религиозные различия. Хотя это никому не мешало. Межэтнических и межконфессиональных столкновений не зафиксировано ни одного. По меркам того времени страна жила припеваючи. Но Англия считала объединенные Нидерланды с развитой промышленностью своим конкурентом. Для революции здесь не было не только причин, а даже видимых поводов. Однако ее подготовили целенаправленно – в Бельгии тайные организации заранее запасли оружие, понаделали флаги. Сигналом стал показ в Брюсселе 25 августа

националистической оперы «Немая из Портичи». Восстания вспыхнули одновременно по разным городам: Брюссель, Намюр, Льеже, Юи, Левен, Вервье. Создавались добровольческие вооруженные отряды, фрайкор.

Ошеломленный король Нидерландов Виллем I пробовал вести переговоры – не помогло. Послал на мятежников 12-тысячную армию. Четыре дня шли бои, с обеих сторон полегло 1200 человек. Но нидерландские войска на юге состояли в основном из местных жителей, они перебежали к бельгийцам, и оставшиеся части отступили. А повстанцы провозгласили независимость Бельгии, созвали Национальный конгресс, принявший конституцию. Всем гражданам гарантировались «права человека», полная «свобода слова». Правил страной парламент, он назначал не только министров, но и короля. На эту роль выбрали видного масона герцога Саксен-Кобургского Леопольда, жившего в Англии. Его как раз прочили в короли Греции, и он уже согласился. Но Бельгия ему показалась предпочтительнее, хотя для этого парламент потребовал от него перейти в католицизм и жениться на дочери французского Луи Филиппа.

В европейской свистопляске Николай I очутился в сложном положении. С точки зрения монархического права занятие французского трона Луи Филиппом, как его называли, «королем-гражданином», выглядело совершенно незаконным. Но поползли вдруг по швам принципы Священного Союза, которые царь считал основой своей международной политики. Главные партнеры в этом Союзе, Австрия и Пруссия поспешили признать Луи Филиппа – даже без консультаций с Россией! А Николаю Павловичу новый французский король прислал личное письмо, будто согласился занять престол вынужденно, спасая страну от общего мятежа и хаоса. Выражал желание поддерживать со всеми европейскими государствами мир и дружбу.

Скрепя сердце, ради сохранения союза с Пруссией и Австрией, царь тоже признал Луи Филиппа. Но ответил ему – дружественные связи будут возможны лишь в том случае, если будут поддерживаться обязательства по существующим договорам. И отношения с новыми властями Франции стали более чем прохладными. В частных разговорах Николай предсказывал: если создан прецедент, когда

мятежники возвели Луи Филиппа на трон, то рано или поздно его скинут таким же образом (что и исполнилось в 1848 г.).

Но в России в это же время добавилось собственное бедствие – эпидемия холеры. Она началась в Индии, из Персии проникла в Закавказье. В Тифлисе, когда обнаружилась холера, большинство жителей в ужасе разбежалось. Власти пытались остановить распространение заразы карантинами. А это вызвало другие негативные последствия. В Севастополе холеры не было, но в марте 1830 г. город закрыли на карантин, людям запрещали выходить из домов. Нарушился подвоз продуктов, купцы взвинтили цены, народ возмутился. В мае по всему городу ограничения сняли, но для Корабельной слободы, населенной мастеровыми и беднотой, карантин продлили на 2 недели, потребовав от жителей на время выселиться за город. Они взбунтовались, присоединились матросы. Расправлялись с купцами за дороговизну, убили губернатора Столыпина и нескольких офицеров, силившихся восстановить порядок.

Гарнизон отказался подавлять бунт, и перепуганный комендант Турчанинов отменил карантин. Город 5 дней был в руках мятежников. Потом подошла армейская дивизия и уладила их. 7 зачинщиков по приговору суда расстреляли, около тысячи отправили на каторгу, 4200 расселили по другим городам. Турчанинова «за малодушие и совершенное нарушение своих обязанностей» лишили всех чинов, наград и разжаловали в рядовые. А в Тамбове поползли слухи, что холеру распространяют отравители. 5 тыс. горожан разгромили больницу, захватили в заложники губернатора Миронова, его лишь на следующий день отбили жандармы. Миронов хотел усмирить беспорядки, приказал местному батальону стражи стрелять по толпе – он отказался. Опять уладили регулярными войсками, но здесь обошлось без убийств, и наказания были мягче, 8 зачинщиков выпороли, 2 осудили на каторгу. Батальон, не выполнивший приказ, отправили на Кавказ.

В августе 1830 г. холера появилась и в Москве. Власти развернули временные холерные больницы, дороги перекрыли карантинами. Из-за этого помещики, проводившие лето в деревнях, вынуждены были остаться там на неопределенное время – в том числе Пушкин, застрявший в Болдине (как раз холера обеспечила ему плодотворную «болдинскую осень», он завершил «Евгения Онегина», написал

«Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», отразив царившие настроения в «Пире во время чумы»). А в Москве царила паника, состояние обреченности. Хозяйственная жизнь была парализована, закрылись банки, рынки, учреждения.

Но в разгар бедствия, 27 сентября, жителей как громом поразило известие – к ним едет царь! Не щадя себя, он прибыл в эпицентр смертоносной эпидемии. Ободрил людей своим присутствием, молился вместе с ними в Успенском соборе. Лично руководил противоэпидемическими мерами городского и губернского начальства. Да, Россия в эти дни как бы заново узнала Николая Павловича, без колебаний готового жертвовать собой ради подданных. Он оставался в Первопрестольной целую неделю, до 7 октября, и москвичи воспрянули духом, очень высоко оценили его приезд. Пушкин, восхищенный поступком царя, посвятил ему стихотворение «Герой».

Зато польских «патриотов» холера очень обрадовала. Победу либералов в Париже они восприняли как собственную, как начало общеевропейской революции. Волнения в Италии и Пруссии, взрыв в Бельгии подтверждали их надежды. А в России эпидемия, карантин, бунты! Казалось, что лучшей обстановки для восстания и представить невозможно. Заговорщики сколачивали отряды, перетянули на свою сторону авторитетных генералов Хлопицкого, Круковецкого, Шембека. Выступление наметили на 26 ноября, и сигналом должно было стать убийство Константина Павловича. По улицам Варшавы расклеили прокламации с откровенным намеком на это – объявление, что Бельведерский дворец (где жил наместник) с нового года «отдается в наем». Однако о планах революции слишком много болтали. Дошло до супруги Константина графини Лович, и она предупредила мужа, великий князь перестал появляться на улицах. Но «патриоты» нашли новый козырь для агитации.

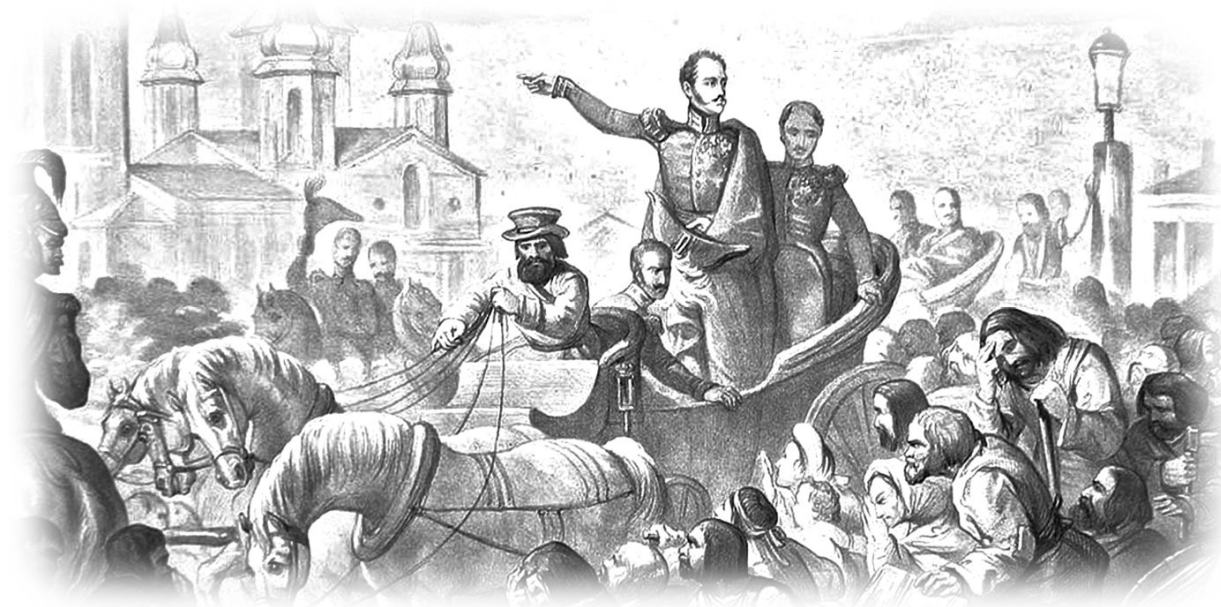
Король Нидерландов Виллем I хотел все же усмирить Бельгию, направил на нее основные силы своей армии. Она стала громить добровольческий фрайкор. Не тут-то было, на помощь бельгийцам выступили французские войска. Тогда Виллем воззвал к державам Священного Союза – России, Австрии, Пруссии. Дело уже пахло раздуванием международного пожара, и Австрия откликнулась, обратилась к царю. Он тоже не забыл заключенных договоров. 5 октября из холерной Москвы дал распоряжения графу Чернышеву о

подготовке к походу. Намечалось послать три русских и Литовский корпуса, кавалерийский резерв и Польскую армию. По просьбе австрийцев, главнокомандующим над объединенными силами двух держав был назначен Дибич, поразивший Европу прорывом за Балканы. Впрочем, Николай надеялся обойтись без войны, демонстрацией силы. Но полагал, если даже дойдет до сражений, необходимо «доказать якобинцам всех государств, что их не боятся» [55].

Вот тут-то польские заговорщики взялись возмущать военных, шляхту, ремесленные цехи, студентов, что поляков хотят использовать против идейных «братьев» – французов и бельгийцев. Сразу стоит оговориться, что это был лишь предлог. Восстание готовили уже давно, и подходящие случаи выискивали неоднократно. И на самом-то деле никакой поход вообще не состоялся бы. Потому что ловить рыбку в мутной воде вокруг Бельгии уже взялась Англия. Она организовала здешнюю смуту, но никак не хотела, чтобы страна досталась французам. В декабре 1830 г. лорд Палмерстон созвал Лондонскую конференцию, жонглировал лозунгом «права наций на самоопределение» и предложил независимость Бельгии.

Его поддержала Пруссия, считавшаяся ближайшей союзницей России. При этом дала понять – даже в случае нападения французов на Австрию она окажет лишь «моральную поддержку». Но тогда и австрийцы сразу отказались от военных действий. Вместе с Англией и Пруссией признали независимость Бельгии, и опять без консультаций с Россией. Николай I увидел – никаких идеалов Священного Союза больше нет. Все играют в собственные игры. Царь указал, что в подобном раскладе «Россия никогда не принесет в жертву ни своих денег, ни драгоценной крови своих солдат». Как раз в это время, в конце 1830 г., он повернул от «панъевропейской» политики Александра I к национальной, руководствуясь сугубо российскими интересами. Николай Павлович приходил к выводу, что такой поворот «ставит нас в положение новое, одинокое, но, я осмелюсь высказать это – положение почетное и достойное нас» [56]. Но польские «патриоты» предлогом уже воспользовались, и сигнал прозвучал.

ГЛАВА 16. ГРОЗА НАД ПОЛЬШЕЙ

Николай I в одиночку усмиряет холерный бунт в Петербурге

29 ноября 1830 г. с наступлением темноты мятежники в Варшаве собирались в назначенных местах, раздавали оружие, в предместьях поднимали чернь. Звучали призывы: «Братья, час свободы настал!» Один из отрядов вломился в Бельведерский дворец. Но обер-полицмейстер Любовицкий поднял тревогу, и великий князь Константин сбежал из города. Другие группы заговорщиков убивали польских начальников, сохранивших верность царю – военного министра Гауке, генералов Потоцкого, Новицкого, Блюмера, Трембицкого, Сементковского, полковника Мецишевского.

В Варшаве располагалось 7 тыс. русских войск и 10 тыс. польских. Но из-за беспечности и слепоты Константина никакого плана действий на случай восстания не существовало. Толпы мятежников блокировали казармы. Полки не получали приказов и сидели в бездействии. Поначалу даже большинство польских частей не поддержали бунт. А полковник Жимирский с полком конных егерей вступил в бой со смутьянами, вырвался из города и встретился с Константином

Павловичем. Но вместо усмирения повстанцев великий князь вызвал все русские полки к себе. С ними ушла и часть польских войск. Варшава оказалась в руках революционеров.

На следующий день был образован «Патриотический клуб» – аналог французского «Якобинского клуба». Он первым делом потребовал чистки правительства, ряд министров заменили заговорщиками, и было создано Временное правительство во главе с Чарторыйским. Главнокомандующим стал генерал Хлопицкий, соратник Костюшко и Наполеона. Но руководство восстанием разделилось. Радикальные «патриоты» надеялись, что их поддержат французы, бельгийцы, карбонарии. Рвались разжигать европейскую революцию, поднимать поляков в Пруссии, Австрии, венгров. Эти буйные революционеры составили большинство в созванном сейме. Но в правительстве и военном командовании возобладали умеренные. Они формально признавали Николая I своим королем и настаивали, что надо попытаться договориться с ним. Можно даже сохранить за ним польскую корону, если он восстановит Польшу в границах 1772 г., расширит права сейма – а сам удовлетворится номинальной властью, как прежние польские короли.

Правительство вступило в переговоры с Константином Павловичем. А он настолько «ополячился» и был обработан советниками, что воевать с милым ему народом вообще не желал. Написал царю, что необходимо любой ценой решать конфликт миром, а «всякая капля крови только испортит дело». Константин согласился отпустить польские части, принявшие его сторону, а с русскими войсками покинуть Царство Польское. Отозвал с собой и гарнизоны крепостей Модлин и Замостье. За это поляки обязались дать ему свободную дорогу, снабдить припасами, и он ушел на восток. Мятежникам без боя досталась вся Польша.

Но Николай I был настроен совершенно иначе, чем Константин. Брату он написал: «Если один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть на мгновение?». 12 декабря он издал Манифест, охарактеризовав восстание «гнусным предательством». В Петербург прибыли делегаты поляков Езерский и Любицкий, вывалили требования возвращения «восьми воеводств», «свобод», «гласности» и т. д. Нет, государь назвал им другие условия: общая амнистия, если безоговорочно сдадутся. Ответ узнали в

Варшаве, и 13 января 1831 г. сейм единодушно принял акт о низложении Николая Павловича и запрете династии Романовых занимать польский престол. Радикальные революционеры выступали за то, чтобы Польшу сразу же провозгласить республикой.

Симпатии к полякам бурно стала раздувать вся западная пресса. Посыпались запросы в парламентах о помощи «борцам за свободу». Англия принялась продавать им оружие, специально для этого на Варшавском монетном дворе отчеканили 164 тыс. золотых дукатов. Британцы и французы оказали Польше и официальную дипломатическую поддержку. Попытались влезть с посредничеством в «урегулировании». Но получили твердый отказ с разъяснением, что польская измена – сугубо внутреннее дело Российской империи. Однако Николай Павлович осознавал – схватка предстоит не шуточная. В прошлых польских войнах в XVIII в. против русских действовали партизанские отряды шляхты, ополчение Костюшко. Сейчас у неприятелей была прекрасная профессиональная армия, вооруженная и обученная за русский счет. Она насчитывала в мирное время 30 тыс. штыков и сабель, 108 полевых орудий. А выбор конца ноября для восстания был не случайным. Зима и бездорожье дали запас времени для мобилизации. Армия увеличилась до 80 (а потом и 150) тыс.

У России сил было гораздо больше, но они были разбросаны по стране, их предстояло еще собирать. Главнокомандующим царь назначил Дибича. Он наметил сокрушить противника одним решительным ударом – прорываться к Варшаве и брать ее. Так же, как в свое время действовал Суворов, как сам Дибич действовал против турок. В конце января 1831 г. два русских пехотных и один кавалерийский корпуса двинулись в наступление. Но началась оттепель, войска завязли в грязи, растянулись.

Поляки этим воспользовались. Корпус генерала Дверницкого у села Сточек подкараулил два передовых кавалерийских полка, оторвавшихся от своих. Враги обрушились и разбили их, погнали прочь. Широко раструбили о победе, раздувая ее масштабы и возбуждая в Польше воинственный дух. Основные неприятельские контингенты развернулись на сильных позициях у села Грохова, закрыв путь к Варшаве. 7 февраля на них вышла одна из русских дивизий, атаковала с ходу, но ее отбросили. Дибич начал стягивать сюда

остальные соединения. 13 февраля разгорелось общее сражение, очень жестокое и упорное. Поляки дрались умело и стойко.

Николай I, как и все люди (и как все властители) порой совершал серьезные ошибки. Но умел признавать их, старался исправить. Так было с делом Ермолова – к 1831 г. царь разобрался, что генерала оклеветали. Возвратил его на службу, назначил членом Государственного совета. Четыре года провел под следствием и помощник Ермолова, донской казак Максим Власов. Его обвинили в «излишней жестокости» при походах на черкесов. Но обстановка на Кавказе показала его правоту – при переходе к «мягким» мерам она резко ухудшилась. Военный суд оправдал Власова. Николай извинился перед ним и повысил, назначил походным атаманом всех казачьих частей в Польше.

Власову было уже 64 года, но под Гроховом он лично возглавил атаку, первым врубился в ряды вражеской конницы. Получил 8 сабельных ран, его сбили с седла и дважды ударили пиками. Но казаки, увидев атамана в беде, налетели на польских улан и перекололи всех. Звать за собой солдат в атаку пришлось даже самому Дибичу. Он повел в штыки гренадерскую дивизию и наконец-то сбил противника с позиций. Неприятельский командующий Хлопицкий тоже находился в гуще сражения, и его увезли тяжело раненным. В этом побоище русские потеряли 8–9 тыс. человек, поляки 10–12 тыс., и все же не позволили себя разгромить. Часть их армии отступила за Вислу, другая отошла в правобережное предместье Варшавы, Прагу. Следом вышли войска Дибича.

Но обнаружилось, что повторять опыт Суворова и штурмовать Прагу невозможно. Ведь и поляки учитывали прошлый опыт, сильно укрепили предместье. А у русских не было не только осадной артиллерии, но выявилась нехватка боеприпасов, продовольствия, обозы застряли в грязи где-то в тылах. Дибич приказал отступить от Варшавы. Расположил армию на отдых, дождаться подвоза припасов и более благоприятных условий. Но у поляков вместо раненого Хлопицкого главнокомандующим стал один из лучших генералов, Скржинецкий. Он решил отвлекать русских на разные направления, взорвать их тылы и бить по частям. Отряд Серавского отправил поднимать восстание под Люблином, корпус Дверницкого – в Подолию и Волынь. Дибич получил преувеличенные донесения об их силах,

выслал против них своего начальника штаба Толя с кавалерийским корпусом, пехотной бригадой, потом добавил ему новые части.

А в Литве действовал Виленский Центральный Комитет заговорщиков. Русских войск здесь было мало – мелкие гарнизоны, инвалидные команды, только в Вильно неполная дивизия, 3200 солдат. В марте заполыхало повсюду. Мятежники почти без сопротивления захватывали города, удержались лишь Вильно, Ковно и Видз. Литовские помещики создавали отряды из своих крестьян. Нападали на военные склады, громили обозы на дорогах. В Белоруссии большинство помещиков тоже были поляками или литовцами, с аналогичными бандами расплескали партизанскую войну по лесам. Один из отрядов сформировала даже девица, Эмилия Плятер (впрочем, вовсю развратничала и с другими такими же командирами, и с подчиненными). Активное участие в восстании приняли католические и униатские священники, монахи. Их монастыри становились базами мятежников.

Дибичу пришлось рассылать подкрепления для расчистки тылов. А сам он в марте, когда подсохли дороги и сошел лед на реках, готовился идти за Вислу, ударить на Варшаву с западной, левобережной стороны. Для переправы выбрал городок Тырчин. На правом берегу, для прикрытия с тыла, оставил кавалерийскую дивизию Гейсмара и корпус Розена. Но поляки следили за русскими, и в их распоряжении был мост в самой Варшаве. Узнав, что главные силы Дибича ушли, Скржинецкий скрытно, через город, перевел на правый берег 40 тыс. пехоты и конницы. Внезапно налетел на Гейсмара и разгромил его, захватив 2 знамени, 2 пушки и 2 тысячи пленных. Следом поляки обрушились на корпус Розена. Он отбивался, отступал. Но враги превосходили его вдвое, догнали сперва у Калушина, потом у Игана. Корпус потерял 2,5 тыс. убитых и раненых, 10 орудий, 2 тыс. попало в плен.

Дибич отменил переправу, повел на выручку Розену всю армию. При следующей атаке Скржинецкий нарвался на свежий корпус графа Палена. Бой опять был жарким. Начальник пехотной дивизии генерал-лейтенант Иван Скобелев (дед знаменитого «белого генерала») выслужился из рядовых. В сражении ему ядром оторвало левую руку по локоть. Но во время операции и перевязки он сел на барабане на виду у солдат и позвал песенников, приказав им исполнять бравые песни. А

правый фланг неприятеля обошли гусары и кубанские казаки, поляков наконец-то побили и отогнали.

Хотя Скржинецкий задумал новый сюрприз. На соединение с русской армией шел корпус Лейб-гвардии под командованием великого князя Михаила, 27 тыс. солдат. Польский командующий решил перехватить его и уничтожить. Против Дибича он оставил отряд, изображать всю свою армию, а сам повел 40 тыс. бойцов навстречу гвардейцам. Напал на них у местечка Нур. Но гвардейские егеря прикрыли своих товарищей, 8 часов отражали атаки. А тем временем Михаил Павлович ушел из-под удара, занял позиции за рекой Нарев. Форсировать ее поляки не смогли. И Дибич с запозданием понял, что его обманули, вел на помощь гвардейцам всю армию. Под Остроленкой войско Скржинецкого разбили, он отступил к Варшаве.

А в Литве и Белоруссии повстанческие отряды в боевом отношении ничего не стоили. Когда появлялись царские войска, то отбивали у них города так же легко, как они были захвачены. Добавилось и мудрое решение царя. Было объявлено, что помещики, примкнувшие к восстанию, подлежат суду, их имения – конфискации. А крестьяне, сложившие оружие, будут прощены. Белорусские и литовские мужики убеждались, что им-то нет никакого резона воевать и страдать за панские амбиции, стали расходиться по домам. К маю ситуация нормализовалась.

Но в России продолжало свирепствовать и другое бедствие, холера. К концу мая насчитывали 5 тыс. заболевших в действующей армии. Заразился и Дибич, 29 мая умер. А великий князь Константин пребывал в неопределенном положении. После всего, что произошло, он не спешил показаться на глаза царю. Но и Николай не изъявлял такого желания – высказывать накопившееся старшему брату было не слишком приятно. Некоторое время Константин околачивался без дела при русской армии. Подначивал Дибича, пел под его окном «Еще Польша не сгинела». Радовался победам польских войск, как бы «своих», которые он формировал и выучил, предрекал России поражение. Ему «намекнули» – хватит. Константин уехал в тыл, поселился в Витебске в доме губернатора. Но и он подхватил холеру, 15 июня его не стало.

А в России эпидемия, притихшая зимой, с апреля 1831 г. объявилась в Петербурге. Здесь она тоже вызвала панику. Среди

простонародья заговорили, что виноваты поляки и их шпионы. Посыпают по ночам ядом огороды, источники воды. Кто-то вбросил идею (случайно? или преднамеренно?), что поляками подкуплены полиция, доктора – специально морят людей. 22 июня начались беспорядки, толпы искали «отравителей». Санитарные правила рекомендовали иметь при себе раствор хлорной извести или крепкого уксуса для дезинфекции рук. Но знали и пользовались этим только образованные. Теперь взбунтовавшийся народ обыскивал «подозрительных», если находили флакон с жидкостью, заставляли выпить.

23 июня масса людей захлестнула Сенную площадь, где находилась центральная холерная больница, и разнесла ее. Убили лекарей, нескольких полицейских. Николай находился в Царском Селе, и ему доложили не сразу. Узнав о погромах, он вызвал войска и сам помчался туда. На Сенной площади появились Саперный и Измайловский батальоны, взвод жандармов. Буйная толпа перед дулами ружей остановилась, но и командиры, и солдаты были в растерянности. Казалось, вот-вот народ хлынет на них и сомнет. И в эту минуту появился царь. Он въехал на коляске прямо в скопище людей и крикнул громовым голосом: «Православные, что вы делаете? Забыли Бога, забыли обязанности ваши и производите беспорядки! На колени!»

Масса людей повиновалась, рухнула перед государем. Лишь кто-то пытался кричать. Но Николай пресек это: «До кого вы добираетесь, кого хотите, не меня ли? Я никого не боюсь, вот я!». А дальше стал говорить: «Я пришел просить милосердия Божия за ваши грехи. Молитесь Ему о прощении. Вы Его жестоко оскорбили. Русские ли вы? Вы подражаете французам и полякам. Вы забыли ваш долг покорности мне. Я сумею привести вас к порядку и наказать виновных. За ваше поведение в ответе перед Богом – я. Отворите церковь, молитесь в ней за упокой души невинно убитых вами». И вся толпа благоговейно внимала ему! Стала молиться вместе с ним [57] ...

А в военных поселениях вокруг Старой Руссы строевые войска ушли на фронт, остались только резервные и «военно-рабочие» батальоны (занятые на ремонте дорог, сенокосах и др.). 22 июля здесь тоже начались поиски «отравителей». К солдатам присоединились горожане, разорили кабаки, перепились. Перебили врачей и фельдшеров, полицмейстера, старого генерала Мевеса, еще нескольких

офицеров и унтер-офицеров. Прибыл генерал Леонтьев с несколькими батальонами, прекратил беспорядки, но мятежники растеклись по деревням, поднимали соседние военные поселения, и снова нахлынули в Старую Руссу.

Леонтьев не решился стрелять в людей и поплатился – погиб в возобновившемся погроме. Бунт продолжался больше двух недель. Пришлось стягивать надежные войска. 6 августа в Новгород приехал царь, говорил перед одумавшимися бунтовщиками. Лишь 7 августа верные государю части снова заняли Старую Руссу, а 8 августа рассеяли огнем бесчинствующие толпы. Судили 3 тысячи человек. Зачинщиков били кнутом и отправили на каторгу, остальных пороли розгами, шпицрутенами, рассылали в арестантские роты или в сибирские гарнизоны.

А война тем временем продолжалась. 25 июня в армию прибыл новый главнокомандующий – Паскевич. У него собралось 50 тыс. штыков и сабель. Ждали еще 14 тыс. У Скржинецкого оставалось 40 тыс., и для пополнения поляки объявили поголовное ополчение. Паскевич сохранил план Дибича. Перейти за Вислу и штурмовать Варшаву с западной стороны. Но переправу он выбрал подальше от польской армии, местечко Осек, возле прусской границы. А на правом берегу для прикрытия оставил отряд генерала Головина – 5,5 тысяч солдат.

Скржинецкий попытался действовать так же, как в прошлый раз. Разгромить части прикрытия и ударить русским по тылам, сорвать переправу. Он вывел из Варшавы ядро своих полков, но Головин оказался готов к этому. Едва на него вышла польская армия, как он сам бросил свой отряд в атаку. Врагов было вчетверо больше, но русские навалились на них неудержимо и дружно. Потеряли около тысячи убитых и раненых, но неприятеля отбросили. Отвлечь Паскевича от переправы не удалось. Вернувшись в Варшаву, Скржинецкий намеревался идти навстречу ему, но узнал, что русские уже на левом берегу и приближаются к польской столице. Отряды, пробовавшие задержать их, сбивали с ходу.

Скржинецкий подал в отставку. Настроения в Варшаве взвинтились. Этим решили воспользоваться польские якобинцы, «Патриотический клуб», чтобы перехватить власть. Расшумелись об «измене», «шпионах». По их требованиям правительство арестовало

генералов Янковского, Бутковского, еще ряд начальников, потерпевших поражения. По обвинениям в шпионаже схватили жену русского генерала Базунова, камергера Феншау (он действительно был шпионом, но польским – приставленным к Константину). А при известии, что русские уже за Вислой, «патриоты» устроили бунт. Толпа ворвалась в тюрьмы и растерзала всех арестантов, 33 человека. Но генерал Круковецкий, назначенный новым главнокомандующим, разогнал мятежников войсками. Четверых активистов повесил и «Патриотический клуб» закрыл.

7 августа русская армия обложила Варшаву. На левом берегу – основные силы Паскевича, на правом, у Праги, подошел корпус Розена. Вместе – 71 тыс. солдат, 360 орудий. У поляков было 50 тыс., 200 орудий. Мнения неприятельских генералов разделились. Круковецкий предлагал вывести все силы в поле и дать сражение, Уминский – ограничиться обороной, Дембинский – прорываться в Литву. Приняли второй вариант. С запада Варшаву прикрывали две линии укреплений. Внешняя опиралась на мощный форт Воля, внутренняя – цепь редутов в километре от нее. Розену Паскевич приказал штурмовать Прагу, если будут подходящие условия. Но поляки такой вариант парализовали, выслали на Розена всю конницу.

25 августа загрохотал штурм. За укрепления первой линии закипели рукопашные. Дальше всех отбивался форт Воля. На предложение сдать его комендант Савинский ответил, что потерял ногу в Бородинском сражении, «и я теперь не могу сделать ни шагу назад». Он погиб в схватке, форт взяли. Паскевич перенес туда свой штаб, приказал переместить артиллерию и открыл бомбардировку второй линии.

В Варшаве заседал сейм, но переругался. Депутаты оскорбляли друг друга, обвиняли Круковецкого и правительство в измене. А русская армия в ночь на 26 августа, как раз в годовщину Бородинской битвы, стала выдвигаться для нового штурма. Поляки выплеснулись в общую контратаку – их расстреляли картечью. И следом наши полки с музыкой ринулись вперед. Дрались опять жестоко, даже Паскевич был ранен в руку, но и второй линией укреплений овладели. После этого появился парламентар от Круковецкого, передавшего, что он получил полномочия на подписание капитуляции.

В город отправился генерал Берг, принявший этот акт. Но сейм его не утвердил, спорил об условиях. Тогда Круковецкий махнул рукой на грызущихся депутатов. Сказал, чтобы сами спасали Варшаву, «а мое дело – спасти армию». Собрал оставшиеся 32 тыс. солдат и увел из города за Вислу. Хотя спорить-то было уже не о чем. Варшава открыла ворота, следующим утром в нее вступили русские. С победной реляцией в Петербург Паскевич отправил не простого гонца – Александра Суворова, внука прошлого покорителя польской столицы. Он привез царю донесение: «Варшава у ног Вашего Величества». Николай I назначил Паскевича наместником Польши, наградил его титулом светлейшего князя Варшавского.

Остатки войск Круковецкого, рассыпаясь в беспорядке, ушли в Пруссию, где были разоружены. Конница предпочла спастись в Галиции и сдаться австрийцам. Последними держались крепости, так легкомысленно сданные без боя Константином – Модлин и Замостье. Но помощи ждать им было больше неоткуда. Модлин капитулировал в конце сентября, Замостье в октябре. Царь в своем Манифесте объявил: «Возженная изменой война прекратилась».

ГЛАВА 17.
ЯВНОЕ И ЗАКУЛИСНОЕ

Британский посол Чарльз Стрэтфорд Каннинг, курировавший заговор декабристов

При подавлении революции поляки потеряли 40 тыс. убитых и раненых, русские – 23 тыс. Но Николай I отнесся к побежденным с редкой, исключительной милостью. Не было репрессий, не назначались контрибуции. Пленных, взятых в боях, распределяли служить по русским войскам. А тех, кто сдался, отпускали. Солдат по домам, офицерам царь велел свободно давать паспорта для выезда за границу. Арестовали только руководителей восстания, редакторов революционных газет и журналов. Но даже они вскоре очутились за рубежом. Чтобы не допустить голода в разоренной стране, царское правительство закупило на Украине огромные гурты скота, направило в Польшу запасы хлеба. Нуждающимся раздавали продовольствие безвозмездно. Граждане, не участвовавшие в мятеже, получали от казны компенсацию за утраченное в войне имущество.

Но саму Польшу за коварство и неблагодарность Николай наказал. Ее конституцию упразднил, взамен издал Органический статут. Царство Польское с сохранением прежнего названия становилось нераздельной частью России, лишалось сейма, собственной армии и валюты. Не ценили дарованную автономию – сами виноваты. Варшавский и Виленский университеты, превратившиеся в эпицентры революционной заразы, были закрыты. Упразднили и польскую кадетскую школу, ее воспитанников перевели в российские кадетские корпуса. В Варшаве была построена цитадель на 6 тыс. солдат. На охрану польской границы были определены казачьи полки.

Разгром революции в Польше способствовал стабилизации и по всей Европе. Пожар не смог распространиться на польские области в Пруссии, на австрийские Галицию и Венгрию. После этого притихли и немецкие, итальянские смутьяны. Сохранялась еще напряженность вокруг Бельгии. Хотя тут уж вилял нидерландский король Виллем. Он и сам признал Бельгию, перепугавшись французской армии. А вот решения Лондонской конференции о границах отвергал. Надеялся на общеевропейскую войну, чтобы чужой кровью удовлетворили его запросы. Но Николай I переориентировался на национальную политику, было признано, что «голландско-бельгийский вопрос» не состоит «ни в каком непосредственном прикосновении к выгодам и пользам России».

Наша страна выступила посредником, предложив Виллему склониться к компромиссам. Когда он отказался, Россия присоединилась к Англии, Пруссии и Австрии. Виллему пришлось согласиться с тем, что ему дают, французам – отступить от Бельгии. Но при этом Николай Павлович сохранил и принципиальность, бельгийского короля Леопольда так и не признал. А главный выигрыш от бельгийской революции получила Англия. Отделение от Нидерландов обвалило экономику Бельгии. Производительность ее фабрик упала в 3–4 раза. Торговля через ее порты совсем рухнула. Масса людей осталась без работы. У тех, кто сохранил ее, заработная плата снизилась на 70%. Такова была цена «свободы». Зато были подорваны позиции британских конкурентов, и вдобавок Англия стала гарантом бельгийской независимости. Покровительницей новоиспеченного государства!

Но и польская революция, даже проигравшая, оказалась очень важной для западных врагов России. До сих пор наша страна в Европе предстояла в ореоле освободительницы, победительницы Наполеона. Теперь либеральная пропаганда стала разрушать этот образ, насаждать безудержную «полонофилию» – в паре с русофобией. «Общественное сознание» захлестнули сочувствием к благородным несчастным полякам, реанимируя старый миф о России как о средоточии деспотизма и «варварства» – якобы угрожающей «цивилизованной Европе». И на этой почве Англия заново стала формировать блок с Францией.

Однако события вокруг Польши всколыхнули и повышенный интерес к тайным революционным структурам, их связям с заграничными центрами. Одним из тех, кто пытался вскрыть эти процессы, был писатель Фаддей Булгарин, близкий ко многим декабристам, но после их восстания кардинально поменявший свои взгляды. Еще в 1827 г. на запрос Бенкендорфа он указал на особую роль декабриста Корниловича – на шумных обедах у него собирались не только заговорщики, но и литераторы, иностранные дипломаты, «отсюда вышло много связей». Корниловича вернули из Сибири, допросили, но сотрудничество с иностранцами он напрочь отрицал, и этим удовлетворились.

10 августа 1830 г. Булгарин подал в III Отделение новую записку. Сообщал, что тайные структуры по-прежнему существуют, но сменили

тактику, и военных заговоров больше не будет. «Форма действий общества изменилась, и оно действует явно» – через продвижение своих людей на руководящие посты, систему образования молодежи, овладение общественным мнением. «Уцелевшие от 14-го декабря ныне в славе, в чести, в силе. Все, что есть дерзкого, буйного, вольнодумного, революционного между молодыми людьми, покровительствуется партией Карамзина и Муравьева» [58]. Каких-либо последствий записка Булгарина не имела.

Когда в Польше запыхало, 14 января 1831 г. раскаявшийся масон генерал А. Б. Голицын через военного министра Чернышева передал царю большой доклад «Об иллюминатстве в 1831 году». Писал, что это всемирный заговор «против всех престолов Божьих и царских, против всех народов», «к ниспровержению христианской веры и к отнятию власти от всех земных царей и правителей». «Цель секты состоит в том, чтобы вкрадываться самым воровским и нечувствительным образом в правление государств, окружать престолы легионами неутомимых членов, которые все должны стремиться к одной цели». Генерал пояснял, что в разных странах иллюминаты выступают под разными названиями: во Франции – якобинцы, республиканцы; в Англии – радикалы; в Италии – карбонарии; в Польше – «патриоты». Но члены ордена строго подчинены руководителям, связаны страшными клятвами, которые не могут нарушить.

Голицын отмечал, что в России эти структуры разрослись в правление Александра I, беря под контроль систему образования, где подвизались профессора Арсеньев, Герман, Раупах, Шлецер, сея семена вольнодумства. А в настоящее время руководство иллюминатов обращает особое внимание именно на Россию, считая ее главной помехой для своих целей. На нее действуют три центра – Саксонский (главный), Парижский и Гамбургский. Генерал считал, что в нашей стране под влияние ордена попало не менее 40 тыс. человек, ключевыми фигурами называл А. Н. Голицына, Сперанского, Кочубея. Подчеркивал, что III Отделение Бенкендорфа «все знает, но не передает». Получив этот доклад, царь велел доставить генерала Голицына в Главный штаб и провести расследование. Здесь он написал второе письмо, целиком посвященное обвинениям Сперанского.

Получая такие сигналы и информацию о польских событиях, Николай вспомнил сосланного в Ревель сотрудника Аракчеева, М. Л.

Магницкого – в свое время он тоже поднимал вопрос о влияниях иллюминатов. В 1831 г. император вызвал его, поручил обобщить сведения об иллюминатах и их российских связях. Первую записку Магницкий подал 3 февраля, «Об иллюминатском заговоре, потрясшем Европу». В ней изложил общие сведения об ордене. Указывал, что он «обнимает уже всю Европу», хотя членство в нем неравноправное. Есть «начальники невидимые» и «управляемый народ иллюминатский» – исполнители, не знающие подлинных целей.

Вторая записка, от 7 февраля, называлась «Историческое изложение входа и водворения иллюминатства во всех многообразных его видах в России». Магницкий рассказал, как развивалось масонство в нашей стране. Агентами влияния при Александре I назвал академика Паррота, Каразина. Выделял и Сперанского, «кабинет которого сделался ложею» – поскольку он был вовлечен в сеть иллюминатом Фесслером. Третья записка, от 17 февраля, была «Об иллюминатстве академическом, духовном, народном». Магницкий подтверждал мнение генерала Голицына, что главным инструментом заговорщиков стала система просвещения. Полагал, что под их влияние попал попечитель Петербургского университета Уваров, открывший дорогу либеральным профессорам. Во все науки стал внедряться дух материализма, человеческих «свобод» – превращая молодых людей в вольнодумцев и потенциальных мятежников.

Магницкий выделял и «духовное иллюминатство» среди священников «нового духа», мечтающих реформировать Церковь. И «народное» – бунтарство среди простонародья, мелких чиновников, нахватавшихся вредных идей. Он утверждал, что в Англии и Франции иллюминаты уже «захватили правительства» и готовят «всемирный переворот». Главный бастион на их пути – Россия, и против нее будут вестись атаки «двух родов». Внешнеполитические и внутренние: расшатыванием экономики, финансов, и одновременно внедрением либеральных идей через культурную сферу, формированием нужного «общественного мнения» [58].

Последующая история показала, что доклады Голицына и Магницкого содержали сущую правду. Но последствия этих докладов показали и другое. Что окружение Николая I было уже заражено масонскими влияниями. Оба автора задели слишком высокие фигуры – Сперанского, А. Н. Голицына, Кочубея, даже Бенкендорфа. К

расследованию привлекли отставного начальника тайной полиции при Александре I – Якова де Санглена (именно он в свое время способствовал отставке и ссылке Сперанского). Но ведь и Санглен был масоном! [59]. Хотя даже он округло признал – во многом «доноситель ударяет в истину». Однако относил эту истину только к прошлому, а в настоящее время сведения объявил ложными. За «клевету» А. Б. Голицын был заключен в крепость, где просидел 5 лет. Магницкий был опять отправлен в ссылку – в Одессу, потом в Херсон. Умер в нищете.

Зато в этом же 1831 г. в честь победы над Польшей была объявлена амнистия – коснувшаяся многих декабристов. А вот судьбы тех, кто помог вскрыть их заговор, сложились печально. Шервуду, доложившему о заговоре, Николай I повелел носить фамилию Шервуд-Верный. перевел его в Лейб-гвардии драгунский полк. Он отличился и на турецкой, и в польской войнах. Удостоился нескольких орденов, дослужился до полковника. Но в 1844 г., по воспоминанию племянника, его круто подставили. Дали инструкцию по жандармской части, наблюдать «за нравственностью России», а его доклад объявили «ложным доносом», и Шервуд-Верный отсидел 7 лет в Шлиссельбургской крепости.

Капитан Майборода, разоблачивший Пестеля, также был переведен в Лейб-гвардию, в Гренадерский полк. Воевал с персами, поляками, горцами. Сам царь благоволил к нему, был крестным двух его дочерей. Майборода был назначен командовать Апшеронским пехотным полком. Но в 1844 г., одновременно с делом Шервуда, случилась непонятная история, его вдруг отстранили от должности, отправили в отпуск по болезни, и в Дагестане в Темир-Хан-Шуре нашли мертвым, оставив открытым вопрос – убийство это или самоубийство.

В общем, есть о чем призадуматься. Видно, что уже в те времена среди российской верхушки действовала «пятая колонна». Но тем более примечательно, что даже пронизанное масонами окружение государя могло осуществлять свои ходы только исподтишка. Повернуть политику Николая в либеральном направлении оно не осмеливалось и не пыталось. Наоборот, он вел окружение в собственной упряжке. Использовал таланты и способности приближенных масонов во благо государства.

Можно определенно утверждать и о том, что Николай I имел какие-то свои источники информации. В том числе, об участии иностранных держав в российских заговорах. Архивы сохранили далеко не все документы. Многие потом погибало, зачищалось. Но факты дают нам яркое косвенное доказательство. Мы уже рассказывали про британского посла Стрэтфорда Каннинга, который как раз перед восстанием декабристов, в 1824–1825 гг., задержался на переговорах в Российско-американской компании. По сути, в штабе «Северного общества», постоянно общаясь там с Рылеевым, с его покровителем Мордвиновым. А потом почему-то поехал в Лондон через Варшаву, где состоялось совещание с посланником «Южного общества». Очевидно, и с польскими «патриотами». Напомним, показания Муравьева-Апостола об этом совещании отверг Константин Павлович. Объявил, что в Варшаве без его ведома ничего подобного быть не могло [23].

Но в 1832 г., уже после подавления польского восстания (и захвата польских архивов), министр иностранных дел Англии Палмерстон направил свою «правую руку» Стрэтфорда Каннинга на один из самых престижных и ответственных постов. Послом в Россию! Теперь не для временной миссии, а постоянным. И вдруг Николай Павлович... отказался допустить его в нашу страну. Это вызвало страшный дипломатический скандал. Посла назначил британский кабинет, верительные грамоты уже подписал король. А царь его не принимает!

Палмерстон кипятился, угрожал. Заявлял, что другого посла в России не будет. Велел советнику посольства исполнять обязанности посла до вступления в должность Каннинга. Однако и Николай уперся. В ответ, понизил ранг российской миссии в Лондоне, назначил поверенным в делах второстепенного чиновника. А на требования Пальмерстона подтверждал отказ. Но ведь с назначенным послом надо было что-то делать. Палмерстон нашел лишь курьезный выход, Каннинга в ранге «посла в России» отправили... в Испанию. А перед царем Палмерстон сбавил тон, просил разругать ситуацию по-хорошему. Пускай Каннинг только приедет в Петербург, представится императору и сразу уедет. Ответ Николая был характерным: что он согласен дать послу любой из российских орденов, только приезд для него запрещен [60].

О причинах, которые царь так и не назвал, до сих пор гадают историки. Потому что Каннинг в каких-либо антироссийских акциях

как будто не светился. Публичных высказываний против нашей страны не делал. А после своего визита в 1824–1825 гг. в России не бывал. Отсюда как раз и видно, царь располагал сведениями о тайной деятельности Каннинга во время этого визита. И информация была настолько весомой, что он пошел на международный скандал. Причем Николай знал – причина его отказа хорошо известна и Палмерстону, и Каннингу. Пояснять ее не требовалось. (И англичане таких разъяснений даже не запрашивали! Они действительно знали причину!).

Палмерстон додумался лишь до провокации. Раз царь не принял Каннинга, демонстративно направил к нему послом лорда Дургам. Вот он-то проявил себя оголтелым русофобом в парламентских выступлениях, в пропагандистских кампаниях. Но... его Николай I принял! Дургам прибыл на линейном корабле, подчеркивая мощь Британии. А на рейде Кронштадта как раз в это время Николай I объезжал русские корабли на лодке. Одной рукой сам управлял рулем, другой держал на коленях сына Константина – в 6 лет он уже числился генерал-адмиралом. Дургам и английские офицеры были поражены, увидев Царя так запросто, без всякого этикета.

А Николай пригласил посла на свой пароход «Ижора», и опять же, запросто, без церемоний побеседовал с ним. Дургам был совсем выбит из колеи. Взгляды на международное положение царь изложил ему честно и совершенно открыто. Ничего не надо было выведывать хитрыми окольными путями. Посол, ехавший в Россию ее врагом, был очарован императором! Стал его другом и почитателем! А мы еще раз видим подтверждение – то, что натворил в нашей стране Каннинг, было гораздо серьезнее, чем даже открытая пропагандистская русофобия.

ГЛАВА 18. ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ

Министр народного просвещения С. С. Уваров, автор формулы:
«Православие, Самодержавие, народность». Художник Я. К. Каневский

Графиня А. Д. Блудова писала: «Николай Павлович – самый православный государь из царствующих над нами со времен Федора Алексеевича. Он, может быть, и самый Русский...» Повальному западничеству, давно уже охватившему русское общество, царь старался положить предел. При дворе было велено разговаривать только по-русски. Принимая делегацию иркутских купцов, Николай выразил неудовольствие, что они явились во французских костюмах: «Я надеялся увидеть вас одетыми по-русски, а вы подражаете иностранцам; мне приятно было бы вас видеть в народном русском платье, которое так красиво и покойно!» [61]. А французскому путешественнику де Кюстину царь говорил: «Я люблю Россию и думаю, что понял ее. Когда я сильно устаю от разных мерзостей нашего времени, то забвения от всей остальной Европы ищу, удаляясь вглубь России». Николай Павлович пояснял французу, что Петербург – «русский город, но это не Россия». Советовал увидеть настоящую Россию, побывать в Москве, Нижнем Новгороде.

Глубокую веру государя – всей душой, по-русски, отмечала не только Блудова. Пушкин был человеком очень наблюдательным. Регулярно бывая при дворе на церковных службах, он описывал А. О. Смирновой: «Всякий раз, что я видел его за обедней, он молился; он тогда забывает все, что его окружает. Он также несет свое иго и тяжкое бремя, и страшную ответственность, и чувствует ее более, чем это думают. Я много раз наблюдал за царской семьей, присутствуя на службе; мне казалось, что только они и молились».

То же самое подтверждал о царе Е. Н. Львов: «Когда он у обедни, то он решительно стоит перед Богом, и ни о чем земном не думает. Надо было его видеть у обедни, чтобы убедиться в этих словах». Фрейлина М. П. Фредерикс вспоминала о Причастии: «А когда приобщался, Боже мой, что это была за минута! Без слез нельзя было видеть глубокое чувство, которое проникало его в это время». Любимой молитвой царя была «Ныне отпускаеши...». А супруга рассказывала, что в самых трудных ситуациях, когда нервы были на пределе, он просыпался ночью, становился на колени и тихо пел псалмы Давида, находя в этом успокоение [62].

Да, царский двор блистал роскошью. Пышные праздники, балы, маскарады, парады. Но это было одной из сторон государевой службы. Все это должно было показать и для подданных, и для иностранцев –

богатство, могущество державы и ее монарха, внушать почтение и восхищение. В этой службе добросовестно выполняли свои обязанности и сам Николай, и его супруга, самозабвенно танцующая на балах. Но жил государь весьма скромно. В быту он роскоши вообще не любил. Ел самые простые блюда. Спиртного почти не употреблял, обычно пил чистую воду. Спал на жесткой койке. У него была любимая старая шинель, заменявшая царю и домашний халат, и одеяло. Его рабочий день начинался в 7 часов утра и длился 16–18 часов. Архиепископ Херсонский Иннокентий отмечал: «Это был... такой венценосец, для которого царский трон служил не возглавием к покою, а побуждением к непрестанному труду».

Ему ежедневно приходилось заниматься самыми разнообразными вопросами. Необходимость преобразований в России и искоренения порочных явлений Николай осознавал ничуть не хуже революционеров или масонствующих «реформаторов». Нет, государь осознавал их гораздо лучше. Конструктивно, а не деструктивно. И не случайно во время следствия над декабристами он поручил секретарю Следственной комиссии А. Д. Боровкову собрать мнения мятежников о состоянии государства, о реформах. Доклад, составленный Боровковым, император изучил очень внимательно, велел сделать копии для своих помощников.

Ранее упоминалось, что в 1826 г. Николай Павлович создал II Отделение Собственной Его Величества канцелярии, поставив перед ним колоссальную задачу – полную кодификацию русского права. И ценное, что увидел царь в идеях революционеров, он учитывал. Причем фактически работу стал выполнять Сперанский. Либерал, масон, подозреваемый в соучастии в заговоре. Но Николай знал и другие его качества. Феноменальную трудоспособность, особый талант в изложении юридических документов. А руководил им царь, контролировал и направлял лично. Поэтому ничего похожего на либеральное прожектерство времен Александра I даже близко не повторилось.

Гораздо глубже и куда более искренне, чем декабристы, царь пришел к убеждению упразднить крепостное право, доставшееся ему в наследство. С самого вступления на престол он начал собирать материалы по данному вопросу. 6 декабря 1826 г. создал Секретный комитет по улучшению государственного устройства и управления.

Поручил ему заняться и крестьянской проблемой. Но на этом поприще Николай встретил сильнейшее противодействие аристократии, дворянства и даже собственных братьев Михаила и Константина. Поэтому на первом этапе были только подтверждены законы Павла I о запрете розничной продажи крепостных без земли, разделения крестьянских семей. Кроме того, Николай первым из монархов прекратил награждения отличившихся дворян селами и деревнями – заменил такие пожалования деньгами.

Разбираясь с идеологией тайных обществ, царь сделал выводы не только о цензурных мерах, но и о серьезной проблеме в системе образования. До сих пор в России юных дворян часто отправляли в зарубежные университеты – даже сам Николай когда-то чуть не поехал в Дрезден. Но за границей молодежь, наряду с техническими и гуманитарными знаниями, набиралась вольнодумства, «передовых» теорий. А чтобы прекратить столь неоднозначную практику, требовались новые и очень качественные учебные заведения на родине. Николай I взялся за это со свойственной ему деловитостью и энергией.

Уже в 1828 г. в Петербурге был восстановлен упраздненный в свое время Главный педагогический институт, учрежден Технический институт. В 1830 г. добавилось Архитектурное училище, в Царском Селе был открыт Александровский кадетский корпус. Вслед за ними были созданы Училище гражданских инженеров, Военная академия, Училище правоведения, Ветеринарная школа в Харькове. Было издано новое Положение об учебных округах. За закрытие Варшавского и Виленского университетов государя заклеили «гонителем просвещения». Хотя вместо ликвидированных революционных гнезд он учредил новый университет – Киевский Святого князя Владимира.

При реорганизации сферы образования Николай Павлович желал придать ей и вполне определенное идеологическое направление. Созидательное, патриотическое. В 1833 г. он назначил Министром народного просвещения видного ученого Сергея Семеновича Уварова. 19 ноября он представил царю свой первый доклад, «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», и в противовес либеральной триаде «свобода, равенство, братство», выдвинул патриотическую – «Православие, Самодержавие, народность». Четко сформулировал ту

самую идеологию, которую старался проводить Николай. Она стала официальной.

Конечно же, царь постоянно держал в поле зрения и вопросы безопасности страны. Причем он изначально не тешил себя иллюзиями о дружелюбии западных держав, как было при Александре. Еще в 1827 г. Николай Павлович обратил внимание на Кронштадт – деревоземляные укрепления, устаревшие чугунные пушки. А ведь Кронштадт прикрывал столицу, был ее морскими воротами! Государь был прекрасным военным инженером. Сам взялся руководить строительством мощных каменных фортов, дальнобойных батарей. Прокатившиеся революции подтвердили, насколько ненадежен мир в Европе. Николай занялся укреплением западных границ. В Польше он уже давно оценил ключевое положение старинной крепости Модлин, построенной еще Карлом XII. Указал возводить здесь большую современную крепость Новогеоргиевск – базу для обороны Польши, а если понадобится, то и для наступления на запад. Также реконструировали крепость Демблин, Николай повелел переименовать ее в Ивангород, в честь Ивана Паскевича. На западном направлении он приказал усилить и старые крепости, Брест, Бобруйск, заново отстроить Динабург (ныне Даугавпилс).

Целый ряд проблем поставила перед государем и правительством эпидемия холеры. Она выявила серьезнейшие недостатки системы здравоохранения. Под контролем Николая I пошло строительство новых больниц, госпиталей. Крупные дотации были выделены на научные разработки в области медицины. А для детей, лишившихся родителей, царь начал создавать по всей стране Сиротские институты. Уже в 1830 г. такой институт был открыт в столице, в следующем году в Москве, потом они были организованы в Керчи, Киеве, Астрахани, Белостоке, Варшаве, Тифлисе и др.

Во время холерных бунтов Николай побывал в военных поселениях и пришел к выводу: эти уродливые образования пора упразднить. Хотя ум у него был поистине государственный. Делать это он наметил не сплеча, росчерком пера, а по возможности безболезненно. Хотя начал сразу же, в 1831 г. Крестьян, приписанных к военным поселениям, отделяли от войск, давали им статус «пахотных солдат». Но у них уже не было военных занятий, регламентации. Они приравнивались к государственным крестьянам, могли хозяйствовать

по своему усмотрению. Но должны были 3 дня в неделю работать на армию, заготавливая для нее продовольствие и фураж. А строевые солдаты освобождались от таких обязанностей. За 5 лет задача была выполнена. Военные поселения остались таковыми лишь по названию, но фактически исчезли.

А польская революция попутно вскрыла давние угрозы в религиозной сфере. В Белоруссии, Подолии, Волыни, Литве за оружие брались простые мужики по призыву своих панов – которых им было совершенно не за что любить. Но подбить их на мятежи помогали католическая и униатская церкви. Государь еще раньше отмечал, что католики и униаты в западных областях занимают господствующее положение, а православные храмы находятся в жалком состоянии. 31 декабря 1831 г. он издал указ Подольскому и Волынскому военному губернатору о восстановлении и строительстве православных храмов за казенный счет [63].

Открытые гонения на католиков ополчили бы на Россию всю Европу. Но Николай I сделал поистине гениальный ход! Он и его помощники сумели откопать старую буллу папы римского об упразднении мелких монастырей, где проживают менее 7 монахов или монахинь. Их предписывалось распределять по другим обителям того же ордена. Об этом документе давно забылось, но в Белоруссии, Подолии, на Волыни большинство католических монастырей были именно такими. Российская власть принялась выполнять давнее указание папы, высылая монахов по принадлежности, а монастыри передавая православным [64].

Ну а униаты не были едиными. Часть из них в подчинении Ватикана тяготилась положением верующих «второго сорта» по сравнению с католиками. Это крыло возглавлял епископ Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), выступавший за воссоединение с Православной Церковью. Государь поддержал его. Был создан Секретный комитет по делу униатского вероисповедания. В деликатной религиозной сфере работа велась долго, без спешки. Завершили ее только в 1839 г. Собрали 1305 подписей униатских священнослужителей, согласных с воссоединением.

12 февраля в Неделю Торжества Православия (в праздник победы над ересями!) в Полоцке открылся собор и отменил Брестскую унию 1596 г. К Православной Церкви перешли более 1500 священников, 1600

приходов, более 1,6 млн. прихожан, вернулись многие святыни, в том числе Почаевская Лавра. В честь этого события отчеканили особую медаль с надписью: «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». На медали был изображен Лик Христа – и пояснение «Такова имама Первосвященника». Ведь у православных Первосвященником почитается Сам Спаситель, а у католиков и униатов – папа. Да, свершение Николая I было историческим! На территории России униатская церковь прекратила существование!

Чтобы представить себе царские труды, стоит учитывать – все эти важнейшие дела совершались вперемежку с массой повседневной текучки. Доклады, письма, резолюции, звания, должности, проступки, взыскания, награждения, смотры, учения. Значительную часть времени Николай Павлович вообще проводил в пути. Он объезжал с проверками бескрайние просторы своей державы, путешествовал за границу – особенно часто бывал у родственников жены в Берлине. Царь не брал с собой никакой свиты. Ехали двумя-тремя колясками. Единственная охрана – Бенкендорф. Спали в дороге. Наскоро обедали в попутных городах, а то и где-нибудь в поле, пили чай на почтовых станциях. А шоссейных дорог с твердым покрытием в России еще не было. Они были грунтовыми, выбитыми, в дожди их развозило грязью. Поездки по ямам и ухабам зачастую были мало приятными.

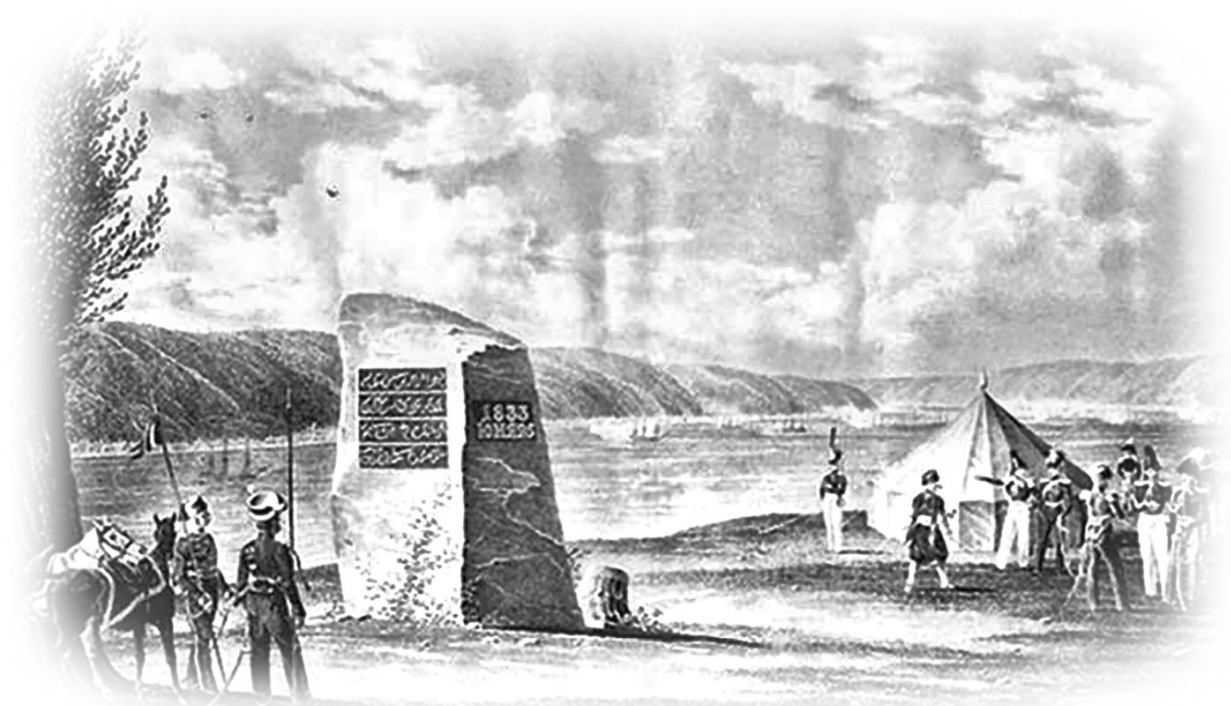
Оценить подобные путешествия можно на примере осени 1832 г. Государь отправился в Лугу и Великие Луки. Проверил здешние войска и реорганизацию военных поселений. Потом в Смоленск – его еще полностью не восстановили после разрушения в 1812 г., и Николай выделил большие суммы для возрождения города. Строительными работами он остался доволен и покатил в Бобруйск, оттуда в Киев (там император всегда шел первым делом помолиться в Киево-Печерскую лавру). Затем Лубны, Полтава, Харьков, Чугуев, Белгород. Конечно, местное начальство ожидало высочайших визитов, усиленно готовилось. Но проверки Николая Павловича были отнюдь не поверхностными. Он сам выбирал, куда зайти. Посещал учебные заведения, тюрьмы, больницы. Отмечал и хвалил тех, у кого дело было поставлено хорошо. С нерадивых строго взыскивал.

В Белгороде в городском соборе государь увидел собственный портрет и глубоко возмутился. Велел портрет снять и написал поручение в Синод, сделать строгий выговор Курскому епископу

Илиодору (Чистякову). Тот сумел оправдаться, что в Курской губернии такой порядок был заведен с 1787 г., поэтому в соборе имелись и другие портреты – Екатерины, Павла, Александра. Синод доложил об этом царю, и он смягчился, дозволил не объявлять выговор. Но потребовал разослать по России указание – в храмах не помещать никаких изображений, кроме икон. Сам он из Белгорода повернул в Воронеж. Там как раз перед этим открыли нетленные мощи святителя Митрофана Воронежского. Синод начал процесс его канонизации, и Николай Павлович специально сделал крюк, чтобы поклониться новоявленному святому, приложиться к его мощам. Через Рязань и Москву возвратились в столицу.

Такие поездки сближали, роднили царя с Россией, а Россию с царем. Между ними не было не то что непроницаемой, в вообще никакой «стены». А в Петербурге государя уже ждали другие дела. В январе 1833 г. он неожиданно явился на заседание Государственного совета, доложил о завершении работы над полным Сводом законов Российской Империи. За такой грандиозный труд брались и Екатерина II, и Александр I, и не справлялись, откладывали. Николай I справился. Благодаря канцелярским талантам Сперанского – всего за 7 лет. Царь тут же снял с себя орденскую ленту Андрея Первозванного и возложил на него. Скромно умолчав о собственной определяющей заслуге. Свод законов не стал механической компиляцией прежних актов. В нем было много нового. Законы о труде, об охране окружающей среды и еще целый ряд положений вводились впервые в России – а разрабатывались они по инициативе самого царя [65].

ГЛАВА 19. БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

Русские солдаты на Босфоре у памятника в честь заключения Ункяр-Искелесийского договора

Едва спала напряженность вокруг Бельгии и Польши, как стала накаляться ситуация на юге. И заварили кашу опять западные державы. Они встревоженно вопили при победе России над Турцией в 1828 г., но... воспользовались сами. Франция захватила у султана Алжир, и турки, надорвавшие свои силы, не смогли противиться. Однако такого приобретения показалось мало. Французская и британская дипломатия настроили наместника Египта пашу Мехмета-Али, и тот объявил о независимости. Начал войну против султана Махмуда II, двинул войска на Константинополь. Его взятие и свержение султана грозило чудовищным потрясением, обвалом огромной Османской империи! Чего и добивались в Париже и Лондоне.

Но неожиданный блестящий ход сделал Николай I. Предложил вдруг недавнему врагу и дипломатическую, и военную помощь.

Махмуд II и его правительство были настолько поражены, что перепугались. Поспешили отказаться. Однако египетская армия побеждала, и турки все же обратилась к царю. Он откликнулся немедленно. Отозвал из Египта российского консула. Направил туда на военном корабле своего посла, генерала Николая Муравьева. Потребовал от Мехмета-Али прекратить боевые действия и покориться султану, обещая взамен посредничество в урегулировании конфликта. Авторитет императора был настолько высоким, что наместник Египта согласился.

Хотя результаты миссии перечеркнул посланник султана Халиль-паша, подкупленный французами. Он известил Мехмета-Али, что дела Махмуда II совсем плохи, армия разваливается, и тот воодушевился. Приказал сыну Ибрагиму продолжить наступление. Турецкий флот под началом того же Халиля-паши позорно бежал от египетской эскадры. Османские войска стали переходить на сторону противника. Но русские продолжали переговоры с султаном о военной помощи. Англичане и французы всячески старались помешать этому, в Константинополе завязалась настоящая дипломатическая «драка». Однако положение Махмуда становилось безнадежным, и он решился ухватиться за последнюю соломинку – за царя.

И можно ли считать случайным совпадением, что в России в это же время, в конце 1832 г., с какой-то стати активизировались последние осколки прежних заговоров? «Тайное общество грузинских дворян» под руководством царевичей Окропира и Дмитрия успело вырасти. В него вошли видные представители грузинской аристократии и интеллигенции Элизбар и Георгий Эристави, Соломон Додашвили, Дмитрий Кипиани, Григол Орбелиани, Иасе Палавандишвили и др. Они задумали переворот и датой, как ни кощунственно, выбрали Рождество Христово, 25 декабря. Грузинская знать устроит в Тифлисе бал, куда пригласит все местное русское начальство, офицеров, чиновников. Прямо на праздничном балу их должны были перерезать, провозгласить независимость и призвать на трон Грузии царевича Александра из персидской эмиграции.

Но до кровопролития дело не дошло. Молодой князь Палавандишвили проговорился брату. Тот ужаснулся, представив резню и ее последствия. Уговорил доложить властям. 10 декабря, за две недели до намеченного мятежа, 59 заговорщиков арестовали. Правда,

царю, судя по всему, доложили в сглаженном виде. Дело свели к авантюрным мечтаниям грузинских царевичей, мутивших воду среди друзей. И наказания были легкими, недалекие ссылки, пожизненные запреты проживать на Кавказе, лишение дворянства и княжеских титулов. Окропира отправили в Кострому, Дмитрия в Смоленск.

Да и помилования последовали очень быстро. Года не прошло, как Окропиру разрешили вернуться в Москву, Дмитрию в Петербург. Возвращали и титулы, дворянство, отменяли запреты – через 2–3 года многие сосланные заговорщики снова появились в Грузии. Кроме... доносчика Палавандишвили. Хотя его-то вообще не судили, дворянства не лишали. Но с чиновничьей должности перевели унтер-офицером в исправительный полк в Финляндию. Потом, в чине прапорщика, в Архангельск. Потом лесничим на Мезень. И до конца дней князь прожил в таежном селе Усть-Цильма. Впрочем, и сам наверняка знал, в Грузию ему ехать нельзя, отомстят.

Но остается открытым вопрос – неужели грузинские «декабристы» были настолько глупыми, что лелеяли хоть какие-то надежды на успех? Но какими силами? Грузинского милиционного ополчения? Оно во всех войнах показало самые плачевные боевые качества. На турок и персов рассчитывать было никак нельзя. Значит, должна была существовать иная сила, подстрекавшая заговорщиков, манившая обещаниями поддержки. Такой силой, боровшейся за влияние на Кавказе, могли быть только англичане. И грузинских сепаратистов они давно опекали. Можно предположить, что настоящей причиной попытки мятежа (заведомо обреченного!) послужили события в Турции. Отвлечь русских от Константинополя, создать им собственные проблемы – а судьба заговорщиков и тех, кого они увлекут, заказчиков не интересовала.

И разве случайно, что в это же время польское эмигрантское «правительство», сидевшее в Париже и Лондоне, тоже вдруг решило реанимировать восстание? Операция получила название «Мечь народа». Под руководством полковника Заливского в австрийской Галиции и на польских землях в Пруссии создали отряды. С оружием и деньгами помогли итальянские карбонарии. В марте 1833 г. польские боевики ринулись через границу, убив нескольких казаков и солдат. Лозунгами «свободы, равенства, братства» принялись поднимать крестьян. Но восстания не получилось. Российские власти

отреагировали быстро. Некоторые отряды, преследуемые войсками, улизнули обратно за рубеж, около 150 человек поймали. Одного из предводителей, Воловича, повесили. Остальных отправили на каторгу, в арестантские роты или на поселение в Сибирь.

В общем, отвлечь русских «революциями» не удалось. Царь во время бала на Масленице получил экстренное послание султана с мольбой о помощи. Кстати, иностранцы были уверены, она уже все равно опоздает. Но Николай прямо на балу дважды удалялся из танцевального зала, отдавая необходимые распоряжения. И всего через 12 дней в море вышла эскадра Черноморского флота, везла несколько сотен казаков, бригаду пехоты с артиллерией. Во главе экспедиции был назначен тот же генерал Муравьев. Под его начало султан передал и последний верный ему отряд своей гвардии. Войска высадились на азиатском берегу Босфора, преградив египетской армии путь к Константинополю.

Вскоре подошли дополнительные силы русского флота, привезли еще одну бригаду. С ними прибыл и чрезвычайный посол России – граф Орлов, принял общее руководство. Вот тут уж Англия и Франция взбеленились! Русские взяли под контроль черноморские проливы и сам Константинополь! Подняли по тревоге и вывели свои флоты из Мальты и Тулона. Но Орлов твердо заявил британским и французским дипломатам: сколько времени здесь будут находиться русские, зависит от паши Египта и... от вас самих. Мехмет-Али нарушил свое обещание царю замирился и покориться султану. Мы заставляем его силой. Как только это осуществится, наши войска сразу удалятся. Переполошившиеся западные послы погнали своих доверенных в Египет.

И подействовало. Мехмет-Али подтвердил присягу султану, готовность платить ему дань. Ибрагим получил приказ отца и развернул армию. Никто не верил, что русские действительно уйдут. Вожделенные проливы так запросто попали в их руки! Но Орлов послал своих офицеров удостовериться – египетские войска двинулись на родину. После этого и наши полки, к общему изумлению европейцев, начали грузиться на суда. Султан не знал, как благодарить русских. Всех начальников наградил орденами, всех офицеров, матросов и солдат – особыми медалями, выбитыми ради этого случая.

А наградой для России и царя стал Ункяр-Икселесийский договор, заключенный Орловым с Османской империей. О мире, дружбе и оборонительном союзе. В случае нападения на одну из держав, вторая брала обязательство оказать военную помощь. В договоре была и секретная статья – если будет воевать Россия, турки могли не присылать войска. Но обязаны были закрыть проливы для военных кораблей любого государства, враждебного нашей стране. Это был потрясающий успех, одержанный без единого выстрела! Россия фактически стала покровительницей спасенной ею Османской империи!

В Лондоне и Париже поднялись бури возмущения. Британское и французское правительства требовали пересмотра договора. Их военные эскадры угрожающе крейсировали по Средиземному морю. Но царь уступать не собирался. Дал понять, что войны не боится. Писал: ну что они могут нам сделать? Сжечь Кронштадт? Но и сами крепко получают. Высадиться на Балтике? Но должны вспомнить, что стало с армией Наполеона. Если даже турки от страха, от глупости или измены пустят их в Черное море, то они могут уничтожить Одессу, даже Севастополь. Но куда они денутся, если наши войска через 29 дней могут оказаться на Босфоре, как в прошлую войну? [66] Запереть в Черном море любого противника.

Действительно, английская и французская эскадры помаячили-помаячили, да и вернулись на базы. Кизис вокруг Константинополя благополучно разрешился. Но поляки так и не угомонились. Стали засылать в Россию террористов для убийства Николая Павловича. А он как раз в мае 1833 г. отправился в очередную поездку по стране – причем в западные области. Никаких специальных мер охраны не предпринимал. Говорил: «Бог – мой страж, и если я уже не нужен более для России, то Он возьмет меня к Себе». Царь разрешил Бенкендорфу только посадить на козлы своей кареты одного вооруженного казака. Царь посетил Псков, побывал на освящении новой крепости в Динабурге. Затем направился в Ригу, открыто появлялся среди народа. Но в Риге уже прошел слух о готовящемся покушении. Здешние молодые дворяне и купцы сами мобилизовались для охраны. И когда государь из Риги поехал в Ревель, на маневры флота, они на конях сопровождали карету.

Нескольких террористов Бенкендорфу удалось обнаружить. Один, пойманный с поличным, покаялся, обещал служить III Отделению, сообщать о планах эмигрантов. Ему поверили, отправили с таким заданием за границу. Но из Парижа он прислал письмо с ругательствами и угрозами в адрес царя и Бенкендорфа. Второй молодой человек, приехав в Петербург из-за рубежа, осознал, что западная пропаганда о России, толкнувшая его на «подвиг», откровенно лжет. Он сам явился к Бенкендорфу. Увидеться с ним пожелал и царь. После беседы с ним молодой человек попросился на российскую службу, и Николай направил его в Польшу, лично написал рекомендательное письмо Паскевичу.

Летом 1833 г. Россию постигла страшная засуха – неурожай, падеж скота. Стране грозил голод. Государь выделил для спасения подданных более 20 млн. руб. Закупали хлеб в Германии. В пострадавших губерниях безвозмездно раздавали нуждающимся хлеб и деньги. Для контроля, чтобы раздачи были справедливыми, Николай разослал собственных флигель-адъютантов. Он мобилизовал и другие ресурсы. Пересмотрел и откорректировал Положение о губернских комиссиях народного продовольствия. Для закупок хлеба и скота учредил по губерниям вспомогательные земские капиталы, призвав дворян и купцов к помощи страждущим. Все эти меры дали свои результаты. А народ был благодарен царю, своему спасителю.

А внутренние проблемы приходилось решать параллельно с внешними. Англия, Франция, Испания и Португалия объявили о создании «четверного союза» – с явным либеральным и антироссийским душком. В противовес ему Николай Павлович решил восстановить былой альянс с традиционными монархиями, Пруссией и Австрией. Он не хотел дополнительно возбуждать Запад конференцией трех держав, предложил две отдельные встречи, в Пруссии и Австрии. Для первой выбрали город Шведт, для второй замок Мюнхенгрец. 15 августа государь отчалил за границу на своем пароходе «Ижора». Попали в сильнейшую бурю, с невероятными трудами и риском вернулись в Кронштадт.

Но уже на следующий день, чтобы не опоздать на свидание, Николай выехал посуху. Путешествовали инкогнито, что было уже не впервой. Царь в таких случаях изображал из себя адъютанта Бенкендорфа, и нередко это приводило к забавным казусам. В Шведт

прибыли вовремя, и совсем не с той стороны, откуда ожидали прусский принц и его свита, тревожно вглядываясь в штормящее море. Однако переговоры стали очень трудными, поскольку либерализм в значительной степени заразил и прусских вельмож. Только личное обаяние Николая помогло добиться согласия на союз. Но от переутомления царю стало плохо. Его личный врач Арендт отстал по дороге, пришлось вызывать прусского лейб-медика. Хотя государь каким-то образом отлежался в запертой комнате, на своей обычной походной постели – мешке с сеном. Смог продолжить путешествие, теперь уже с прусским принцем и его свитой.

Встреча с престарелым австрийским императором Францем стала более чем дружелюбной. На переговорах тон опять задал Николай, и министр иностранных дел Австрии Меттерних был восхищен, как точно и кратко, всего за час, он смог доказать жизненную необходимость союза. Цель – обуздать Англию и Францию, остановить потоки революционной пропаганды. Австрийцы согласились. Договорились и о том, чтобы польский вопрос считать общим. Мятежников, в чьих бы владениях они не находились, преследовать сообща, выдавать друг другу. В свете недавних вылазок поляков это стало очень важным. На родину возвращались через Польшу. Здесь царь проверил, как идет строительство крепостей, как несут службу войска. Властям Варшавы, приглашавшим его в город, отказал. Заявил, что прибыл на этот раз к своим воинам, а Варшаву, провинившуюся перед ним, посетит как-нибудь потом. Впрочем, принял делегацию поляков в строящейся Новогеоргиевской крепости.

Заботы у царя возникали порой самые неожиданные. Той же осенью 1833 г. зачастили ночные пожары в Москве. Жители волновались, говорили о поджигателях, польских диверсантах. Николай снова поехал в Первопрестольную, успокоил москвичей своим появлением. Снова шел пешком на службы в кремлевские соборы. Но и на пожарах он появлялся сразу же, сам руководил тушением. А пожарные при нем старались изо всех сил, эпицентры возгорания ликвидировали быстро. Толпы, сбегаящиеся на пожары, относили это к заслугам царя, кричали ему «ура». Наконец и поджигателей поймали. Возможно, это сделали бы и без государя, но москвичи были благодарны именно ему. Приехал на 6 дней – и все выправил. А

злоумышленников прогнали сквозь строй на месте преступления, и больше желающих безобразничать не находилось.

Ну а поездка в Шведт и Мюнхенгретц имела еще одно последствие. Дело в том, что в 1816 г. по указанию Александра I был принят гимн России «Молитва русского народа». Текст был В. А. Жуковского, но в качестве мелодии взяли напев британского гимна. Теперь отношения с Англией стали натянутыми, а получалось так, что в Пруссии и Австрии в честь Николая звучала музыка гимна Англии. В свите, прибывшей в Мюнхенгретц, находился композитор Алексей Львов. Царь попросил его написать новую мелодию. Слова под нее снова взялся сочинять Жуковский, и в декабре 1833 г. новый гимн был впервые исполнен, Николай Павлович официально утвердил его:

«Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!»

Да, Господь хранил государя. А государь хранил свою страну, свой народ. Бог благословлял и его супругу, семья стала большой. Весной 1834 г. страна праздновала совершеннолетие наследника, Александра Николаевича. Церемонию его присяги отец специально назначил 22 апреля – на величайший из православных праздников, Пасху Христову. Сын зачитал текст присяги со слезами на глазах, обнялся с царем. Но подрастали и дочери Мария, Ольга, Александра. Сынишку Константина отец с пеленок наметил руководить флотом, сынишку Николая – на армейское поприще. А младшему, Михаилу, когда старший приносил присягу, исполнился только годик.

ГЛАВА 20. ПО ЗАКОНУ И ПО ПРАВДЕ

Николай I и его сподвижники.
Художник Ф. Крюгер

В августе 1834 г. Николай Павлович почтил память старшего брата. На Дворцовой площади установили монумент, без которого сейчас трудно представить Санкт-Петербург – Александровскую колонну,

созданную архитектором Монферраном. Памятник был необычный, грандиозный. И торжества устроили грандиозные, в параде участвовало около 100 тыс. войск. Сам Николай командовал ими, отдал честь державному брату.

А осень стала уже традиционным временем его путешествий. Он собирался в Нижний Новгород и Казань. Но проливные дожди развезли дороги, пришлось повернуть на юг, в Орел. Там царь проверил драгунский корпус, переформированный и вооруженный по его новым указаниям. А уж потом Николай направился на Волгу, в Ярославль. Осмотрел учебные заведения, больницы, монастыри, строительство набережной. Дальнейшая поездка стала погружением в отечественную историю – а Николай Павлович знал ее превосходно.

В Костроме он посетил Ипатьевский монастырь, где его с благоговением и восторгом встретил простой народ. Осмотрел покои, где жил будущий царь Михаил Федорович, начиналась династия Романовых. До сих пор здесь побывала только одна императрица, Екатерина II, и каких-то последствий для монастыря ее визит не имел. Храмы и корпуса с кельями стояли полуобвалившиеся, их подмывала речка. Николай повелел капитально отремонтировать обитель, укрепить берег каменной кладкой. В Костроме он принял не только местных дворян, но и делегацию крестьян Сусаниных. Когда-то царь Михаил Федорович щедро наградил потомков своего спасителя, но они успели разориться. Этим потомков насчитывалось 123, и Николай приказал губернатору представить предложения по улучшению их положения, а детей из этого рода распорядился обучать за казенный счет.

Экскурс в историю Смутного Времени продолжился в Нижнем Новгороде. Царь пожелал спуститься в склеп Кузьмы Минина. Осмотрел простенькое надгробие и велел изготовить достойную гробницу, перенести ее в собор рядом с захоронениями местных князей. Да и Нижний Новгород Николай захотел украсить. Указал, как спланировать красивую набережную, место для общественного сада. Поездкой по Волге он был доволен. Писал: «Край процветает, везде видна деятельность, улучшение, богатство, ни единой жалобы, везде одна благодарность, так что мне, верному слуге России, такая была отрада» [67].

Повернули на Владимир с его древними соборами, гробницами великих князей. Царю понравилось содержание здешних больниц,

богадельни, дома умалишенных. Но за состояние тюрьмы он устроил крупный разнос. Через Москву Николай вернулся в Петербург и почти сразу же засобиравшись вместе с наследником в Берлин – царица отправилась туда к отцу, и муж решил устроить ей сюрприз. Помчались на перекладных, опять инкогнито, и через 5 дней были уже в столице Пруссии. Государь объявил, что приехал только как родственник, не собирается заниматься никакой политикой.

Однако визит стал не только личным. Британская, французская пресса и вторящие ей германские журналисты успели сильно испортить среди немцев репутацию царя и России. Теперь император в одиночку, без охраны гулял по Берлину, бывал в театре, на балах. Его простота и доступность лучше всякой пропаганды развеивала предубеждения. Немцы видели царя и на парадах вместе с их королем, их дружбу. Видели, как Николай и его наследник по просьбе короля проводили занятия с прусскими войсками. Отношение к России быстро и разительно переменялось.

На обратном пути царь согласился посетить и Варшаву. Жители восприняли это как знак высочайшей милости! Благодарили, толпы горожан приветствовали его радостными криками. Но даже в дальних путешествиях Николай не оставлял других дел. 2–3 раза в неделю фельдъегеря доставляли ему бумаги из Петербурга, и государь принимался за них сразу же, иногда и по ночам, невзирая на усталость. Документы он не просматривал, а всегда читал внимательно, и через сутки-двое тот же фельдъегерь мчался обратно, увозя его резолюции.

Хотя в те времена путешествия были совсем не легкими. В этой же поездке, при возвращении из Берлина с женой, царские экипажи застряли в распутице. Свита и все грузы отстали. В домах, где останавливались на ночлег, императрица и дочка Мария вынуждены были даже белье брать у хозяек. А при переправе через Двину возле Риги по реке пошел лед. Царскую чету с трудом перевезли на пароме, отталкивая и разбивая льдины, но остальным Николай переправляться запретил – слишком опасно.

Ну а польские террористы начали на императора настоящую охоту. В 1835 г. он собрался в Калиш на общие маневры русских и прусских войск, а оттуда в Прагу, на свидание с прусским королем и австрийским императором. Паскевичу написал: «Я знаю, что меня хотят зарезать, но верю, что без воли Божьей ничего не будет, и совершенно спокоен».

Перед этой поездкой царь составил завещание. Хотя меры предосторожности все-таки начали предпринимать. Паскевич «разгласил» ложный маршрут Николая, направил туда конвой для охраны, а император проскочил инкогнито другой дорогой [68]. Впрочем, опасности бывали и куда более прозаические. В 1836 г. в обычном путешествии по стране царский экипаж перевернулся на ухабах, Николай Павлович сломал ключицу.

Террористы жаждали убить «душителя свободы». А царь в это же время снова занялся проблемой освобождения крепостных. В 1833 г. он издал указ, запрещающий продавать крестьян с публичных торгов. В своих замыслах ликвидации крепостного права Николай нашел единомышленника, генерала Павла Дмитриевича Киселева. Он был либералом, вероятно, масоном. Но служил честно, представлял Россию при правительствах Молдавии и Валахии. Изучая его доклады, царь обратил внимание на мысли об освобождении крестьян и в 1834 г. вызвал в Петербург. Он долго беседовал с Киселевым, показал массу документов, собранных им по данной теме. Говорил: «Я знаю, мы займемся этим когда-нибудь: я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имеем те же идеи, питаем одни и те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают, который их пугает».

Царь ввел Киселева в Государственный совет, а в марте 1835 г. создал новый Секретный комитет по крестьянской проблеме. В следующем году Николай преобразовал его в V Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. А в 1838 г. на базе V Отделения учредил Министерство государственных имуществ во главе с Киселевым. Было разработано и принято новое Положение об устройстве и управлении государственных крестьян. Малоимущим и малоземельным обеспечивалась поддержка за счет казны – ссуды, распределение дополнительных наделов.

Эти меры помогли существенно повысить благосостояние государственных крестьян, недоимки по податям за время правления Николая I снизились вдвое. Но в вопросе освобождения крепостных усилия царя и Киселева опять утыкались в противодействие всей дворянской верхушки. Удавалось реализовать лишь косвенные меры. Ограничивались права помещиков по отношению к крепостным. Для них расширялись возможности выкупа на волю. А за соблюдением прав

крестьян налаживался государственный контроль, защищая их от произвола. Такие меры оказывались тем более эффективными, что мелкие дворяне разорялись, значительная часть имений была заложена и находилась под государственной опекой.

Законодательная деятельность императора не ограничилась созданием полного Свода. Появились первый закон об акционерных обществах, Вексельный устав, Городовое положение Санкт-Петербурга – оно стало образцом для реформы городского управления по всей стране. По инициативе Николая I было составлено Уложение о наказаниях – первый в России кодекс уголовного права. Началась кодификация законов Финляндии, был принят отдельный Свод законов для кочевых инородцев Восточной Сибири.

Но царю приходилось сталкиваться с делами самого широчайшего спектра. В последующие времена возникло немало спекуляций о гонениях Николая I на старообрядцев. Хотя в этом вопросе пора внести ясность. Против старообрядческих богослужений государь никогда не возражал и неоднократно напоминал чиновникам – преследовать за верность старым обычаям нельзя. После побед над турками в подданство России перешло немало некрасовцев. На их основе царь создал Дунайское казачье войско. Другие предпочли труд рыбаков, перевозчиков. Никаким гонениям они не подвергались, Николай Павлович разрешил им построить в Измаиле свою каменную церковь, и даже «со звонами» (с колоколами) – некрасовцы восприняли это как великую милость со стороны императора.

Старообрядцами оставалась и значительная часть терских, донских, сибирских казаков. Уральские приняли единоверчество – отправляли богослужения по старым обрядам, но подчинялись Синоду, имели официально поставленных священников. Другие стали «беспоповцами», жили вообще без священников, сами выбирали «уставщиков». Раз или два в году за плату нанимали и привозили к себе обычного священника Православной Церкви, и он скопом крестил всех родившихся детей, венчал всех молодоженов, служил полный чин отпевания умерших.

Военное и гражданское руководство воспринимало это вполне нормально – зная службу казаков, их боевые качества. Но церковное начальство катило на казаков нападки с обвинениями в «раскольничестве», «сектантстве». Николай в данном случае принял

сторону казаков. В 1836 г. издал указ, подтвердивший повеление Петра I – дозволить казакам отправлять богослужение по своим обрядам и не задевать их. После этого слишком рьяные церковники сокрушались, что на Тереке «раскольники открыто строили молитвенные дома, открыто держали беглых попов, заводили секты, а начальниками станиц назначались явные раскольники, даже между командирами Гребенского и других полков встречались раскольники».

Но конфликт возник как раз по поводу «беглых попов». Из-за отсутствия своих священников у старообрядцев существовало течение «беглопоповцев», искавшее и привлекавшее беглых священников. Чаще всего они были совсем не из достойных служителей Церкви – нарушивших государственные, церковные или нравственные законы, запрещенных в служении. При этом общины становились тайными, богослужения подпольными. Вот с этой практикой и боролся Николай I, разгоняя нелегальные организации.

Впрочем, последующие клеветники вообще постарались выставить его жестоким и бездушным «деспотом», насаждавшим по всей стране «палочную» дисциплину. Для этого в исторический оборот вбрасывались откровенные фальшивки, вроде резолюции царя на предложение о казни преступников: «В России, слава Богу, нет смертной казни, и не мне ее восстанавливать, а дать каждому по 12 тысяч палок» – что трактовалось как изощренный, но завуалированный смертный приговор. Но это ложь. Такой резолюции не было и не могло быть. Потому что смертная казнь в России существовала. Хоть и редко, применялась. Разве царь мог этого не знать? Да и сам сюжет у разных авторов расходится. У одних жертвами расправы выступают разбойники, у других – еврейские контрабандисты, нарушившие холерный карантин на Днестре.

Кстати, и наказывали не палками, а шпицрутенами – прутьями. Не мешает вспомнить, что в то время телесные наказания применялись по всей Европе. Причем самыми жестокими они были на британском флоте (провинившихся пороли «кошками», протаскивали «под килем»). В России они сильнее всего разгулялись при Александре I, хотя он никаких нареканий у либералов не вызывает. А Николай Павлович с самого начала царствования стал ограничивать подобные меры, наказывал за жестокость. Например, в 1827 г. в Курском гарнизонном батальоне офицеры допустили смерть солдата при телесном наказании.

Царь вынес решение: «Всех разжаловать в рядовые до выслуги» [69]. Для прогонов сквозь строй он установил предел – 6 тыс. шпицрутенев, потом снизил до 3 тыс.

О воинах Николай очень заботился. Внес существенные изменения в форму одежды. Упразднил тяжелые и громоздкие кивера. В повседневном строю они заменились легкими фуражками, у нижних чинов – бескозырками. Мундиры стали более просторными и удобными, чем обтягивающая форма времен Александра I. А. в 1834 г. царь снизил срок службы солдат, вместо 25 лет их после 20 стали увольнять в «бессрочный отпуск». Хотя 5 лет они еще формально числились на службе, как бы в запасе, при острой необходимости их могли призвать в строй.

Заботу о нижних чинах Николай Павлович считал своим долгом. На турецкой войне в летний зной на фронт прибыл новый полк. После строевого смотра начальство разбежалось в тень, обливаться водой, а про солдат забыли, оставили стоять в полной выкладке. И вдруг по лагерю разнесся зычный голос царя. Солдатам он сам скомандовал: «Ложись», созвал всех командиров и устроил страшный разнос: «Все предаются отдыху, а о бедных людях не подумали, что они в ранцах под ружьем в жару стоят».

Государь и среди офицеров воспитывал высокую ответственность за подчиненных, ценил ее. Так, мичман Шульгин бросился в воду с шедшего под парусами корабля, рискуя жизнью, спас тонущего матроса. Шульгина представили к медали, но Николай повысил статус до ордена Св. Владимира. А мичман Домашенко в такой же ситуации, спасая матроса, погиб. Николай Павлович отметил его в личном приказе, повелев зачитать по всему флоту. Матери Домашенко назначил двойной оклад сына, 2400 руб., и такие же суммы сестрам до их замужества.

За обиду, унижение нижних чинов, царь строго взыскивал. Майоры Грибовский и Печковский при дознании над провинившимися солдатами били и истязали их. Николай Павлович приговорил обоих офицеров, «лишив чинов, орденов и дворянства, отдать на 10 лет в крепостные арестанты». Отставной поручик Гаевский оскорблял солдата, стоявшего на часах. Император разжаловал Гаевского в рядовые. Корнет Дмитриев вовлек подчиненных в преступление, приказал ограбить дом. Николай рассудил: «Корнета Дмитриева, лишив

чинов и дворянства, отправить в крепостные арестанты в Бобруйск на 10 лет, по прошествии коих обратить на службу рядовым. Нижних чинов, им завлеченных в грабеж, избавить от наказания» [70].

А рядовой Белозеров дезертировал из части. За это по закону полагалась очень суровая кара. Но при расследовании выяснилось, что солдат убежал со службы, чтобы проведать тяжело больную мать. Николай Павлович наложил резолюцию всего из одного слова: «Простить». В 1841 г. пьяный крестьянин говорил «дерзкие слова» в адрес императора. Его осудили на каторгу. Но и его государь распорядился простить [71]. Да, он бывал строгим, правил по закону. Но и по Правде! Высшему, Божескому закону для царя.

Сохранилось немало других свидетельств о душевных качествах Николая Павловича. Память у него была удивительная. Он запоминал в лицо тысячи чиновников, офицеров, солдат, слуг, с кем когда-либо общался. Узнавал их при встрече через 20–30 лет, называл по именам. Николай I был последним русским царем, ходившим и ездившим по столице, по другим русским городам без всякой охраны. Был уверен – среди подданных ему ничто не может угрожать.

Однажды он проезжал по Исаакиевской площади и увидел: старая кляча везла гроб. На нем – чиновничья шпага и треуголка. А провожала только бедно одетая старушка, то ли вдова, то ли служанка покойного. Ясно было, что хоронили мелкого государственного служащего, умершего в нищете. Одинокого, никому не нужного. Николай Павлович остановил свою карету, вышел и молча пошел за гробом. Естественно, к нему стала пристраиваться видевшая это публика. Когда телега въехала на Николаевский мост, ее сопровождала уже внушительная процессия. Царь обернулся и попросил: «Господа, мне некогда, я должен уехать. Надеюсь, что вы проводите до могилы». Конечно, никто не посмел его послушаться...

Гуляя по Петербургу или Москве, царь любил нанимать обычных извозчиков. Разговаривал с ними, узнавал о настроениях, нуждах простонародья. Иногда брал извозчика до какого-то пункта, а там ловил другого. Камердинеру было велено всякий раз, когда император отправляется на пешую прогулку, класть ему в карман 6 серебряных четвертаков – платить извозчикам [72].

Как-то раз государь мчался по Петербургу ночью на санях. Вдруг на дороге выскочил человек, его чуть не сбили. Николай схватил кучера

за плечи, тот резко затормозил, сани чуть не перевернулись. Рассерженный царь позвал виновника происшествия, но тот замахал руками и убежал. Император сообщил полицмейстеру приметы, человека быстро нашли, доставили во дворец. Это оказался мелкий чиновник. На вопрос, почему не выполнил требование царя, он ответил – «виноват, ваше величество.., некогда было, у меня жена в трудных родах мучилась, я бежал к бабке». Николай признал причину уважительной. Представил его своей супруге как образцового мужа, который ради помощи жене даже царя не испугался. Семья бедного чиновника получила щедрые подарки [73].

Кстати, подобную заботу о простых людях царь с царицей проявляли неоднократно. Будучи в Москве, Николай Павлович решил заглянуть в историческое место, Коломенское. Никого не предупреждал заранее, и в здешнем храме застал венчание крестьянской четы. Казалось бы – сам царь появился! Но он указал службу не прерывать. Терпеливо дождался конца, поздравил новобрачных и пригласил на другой день в свой кремлевский дворец. Там им вручили богатые подарки от императора и его супруги.

А к военному врачу Соколову приехал в столицу из-под Можайска его бывший крепостной, выкупившийся на волю. Стал упрашивать, что хотел бы взглянуть на царя. Соколов рассказал, по какому маршруту обычно гуляет по утрам Николай Павлович. Предупредил, чтобы снял шапку, но не опускался на колени, государь этого не любит. Но крестьянин, увидев императора, ошалел, все-таки грохнулся на колени. Тот подошел, поинтересовался: «Что тебе нужно?» Мужичок крестился и пробормотал, что ему ничего не нужно. Просто никогда не видел царя, а теперь Господь сподобил увидеть, и можно умереть спокойно. Николай улыбнулся, сам поднял его, расспросил, откуда он, как живет. Сказал: «Спасибо, дружище, приходи смотреть крещенский парад».

На Крещение мужичок отправился к дворцу. Полиция не пускала его в зипуне и в лаптях. Но он заявил: «Мне сам царь велел смотреть парад». Справились через начальство, появился какой-то генерал, показал крестьянину место у ворот, велел стоять, пока не позовут. Необычный гость смог хорошо увидеть выход императора с семьей, обряд водосвятия на Неве. А потом к нему подошел уже другой генерал, отвел на дворцовую кухню и передал повеление угостить

получше. Домой крестьянин уехал в полном восторге, и весь Можайский уезд обсуждал, как он «у самого царя обедал» [74].

Но если крестьянину требовалось только увидеть Государя, то были и такие, кто старался встретить его на прогулке с насущными просьбами. Известны случаи, когда родственники осужденных рассказывали ему обстоятельства, не учтенные судом. Царь внимательно слушал, и если доводы были весомыми, смягчал приговор. Известны и случаи, когда он без всяких ходатайств, ненароком узнавал о бедственном положении отставных военных, чиновников. Всегда старался помочь [74]. Но вот что особенно примечательно! При этом для него оставались возможными прогулки в одиночестве! Не парализовывались толпами просителей! И причина была только одна – он был настоящий царь, в полном смысле этого слова. Без весомых оснований к нему не обращался никто. Налгать ему, выклянчивая какие-то выгоды, никто попросту не осмелился бы!

Николай Павлович с большим вниманием относился к встречным людям и в своих путешествиях. Однажды обогнал воинскую команду, которая ему понравилась прекрасным строем, порядком. Остановились на станции пообедать, и показалась та же команда. Царь вызвал офицера, это оказался совсем юный прапорщик. Император пригласил его к своему столу. Офицерик засмутился, но государь радушно угощал его. А после вина у него развязался язык, он принялся откровенно рассказывать о своем житье-бытье. Даже о том, что влюблен в красавицу-блондинку, дочь казначея, но ревнует другая девушка, коварная брюнетка. Вскоре безвестный армейский прапорщик был вдруг переведен в Лейб-гвардию. Царь угадал в нем отличного офицера. Только при встречах подшучивал, что пишет ему блондинка, и что подделывает брюнетка.

А при очередном путешествии через Польшу Николай заметил, что ямщик Ян, знакомый ему по прежним поездкам, держится угрюмо. Царь стал допытываться, что у него случилось. Тот отнекивался, но наконец выдал: «Ваше величество сделалось скупы». Дескать, раньше за царский проезд выдавали по червонцу, а теперь по рублю. Государь немедленно расследовал и открылось, что камердинер обворовывал ямщиков, клал деньги в свой карман. На этой же станции его усадили на тройку и увезли с жандармами на поселение в Сибирь [75].

В 1837 г. царь впервые отправил в путешествие по России своего наследника. Маршрут ему наметил дальний, до Tobольска, в Сибири русские царственные особы еще никогда не бывали. Государь составил специальные инструкции для сына и сопровождающих. Подчеркивал, что он не инспектор, едет лишь для ознакомления с родной страной. В случае замеченных недостатков не имеет права действовать самостоятельно, только через соответствующих начальников. Но в остальном учил согласно собственным привычкам – вставать в 5 утра и сразу в путь. В любом городе первым делом посетить собор и местные святыни. Если остановка запланирована не на один день, утром быть на Литургии. «Где же случится посещать Богомолия, исполняй все обряды с подобающим уважением к Святыне».

На обед к себе предписал приглашать губернатора и других местных начальников. Но ответных приглашений не принимать. Если позовут на бал, сходить можно, протанцевать 3–4 танца. Но на ужин не оставаться и вообще долго не задерживаться. Прошения принимать. Но самому по ним решений не выносить. Запечатывать и собирать для передачи царю. Государь наставлял, как надо обходиться при встречах с дворянами, купцами. Суждения высказывать с крайней осторожностью. Личные симпатии и антипатии оставлять при себе. Обязательно выделять заслуженных людей.

А «с простым народом доступность и *непритворно* ласковое обращение к тебе привяжет». «Ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом и не почти сие за заслуженное тобой, тебя примут везде как свою Надежду...» [76]. Поездка была и практикой для наследника, подготовкой к царствованию. Он должен был записывать впечатления, пересылать отцу. Тот изучал, поощрял полезные замечания и действия сына, в чем-то поправлял.

ГЛАВА 21. ТАМ, ГДЕ НЕ СТИХАЛИ ВЫСТРЕЛЫ

Казаки на Кавказской войне

В России в XIX в. сложилось парадоксальное положение. Вся страна жила мирно, а на Кавказе шла постоянная война. Остановка ермоловского планомерного наступления в горы, отвлечение войск против персов и турок, имели самые негативные последствия. С Кавказа приходили трагические донесения. Кабардинцы погромили хутор, зауряд-хорунжий Федотов и 20 казаков пали в бою, 6 жителей зарезаны, 17 угнаны в рабство... чеченский набег на станицы... уничтожен пост у станицы Червленной... банда Джембулата сожгла станицу Незлобную, погибло 370 жителей [77].

Оружием горцев снабжали турки и англичане. Но после победы над Османской империей к России отошло морское побережье, и «ворота» на Кавказ решили перекрыть. Генералу Вельяминову было

поручено строить Черноморскую береговую линию от Анапы до Сухуми. Обеспечивал операции Черноморский флот адмирала Лазарева. Под прикрытием корабельной артиллерии, с боями, в 1830 г. был высажен первый десант у Гагр. Второй – в Геленджикской бухте. Солдаты рубили лес, строили укрепления. Такие десанты стали повторяться каждый год. Возводились укрепления Новороссийское, Новотроицкое, Михайловское, Вельяминовское (Туапсе), Лазаревское, Головинское, Св. Духа, Навагинское (Сочи). Хотя эти места были еще совсем не курортными. Маленькие крепости простреливались с гор, с внешним миром были связаны только морем. Побережье было болотистым, свирепствовала малярия. Бывало, что гарнизоны вымирали за год. Но солдаты расчищали заросли, брали берег под контроль.

Однако на восточной оконечности Кавказа имам Кази-Мухаммед поднял всю Чечню, часть Дагестана и сам перешел в наступление. В ноябре 1831 г. его мюриды ворвались даже в Кизляр, считавшийся по здешним меркам сильной и большой крепостью. Ее разорили, всех жителей угнали в плен или перебили. Нахлынули на крепости Бурную и Внезапную. Они отразили атаки, но горцы опустошили окрестности. Такие дерзкие нападения и царь, и его военачальники восприняли, как пощечину. Против Кази-Мухаммеда стянули все силы Кавказского корпуса, обкладывали его с разных сторон и загнали в аул Гимры. В августе 1832 г. в ожесточенном штурме погибли и Кази-Мухаммед, и все его помощники. Уцелел только один, прикинувшийся мертвым – Шамиль. Но в здешних краях настало затишье. Его восприняли как победный перелом в войне. Главнокомандующий фон Розен и его помощники успокоились. Налаживали гарнизонную службу, занялись реорганизациями гражданского управления.

Важную роль на Кавказской войне играли казаки. А Николай I их очень любил. Может быть, из-за их народного духа, к которому и сам тянулся. Он часто надевал мундир Лейб-гвардии казачьего полка и даже короновался в нем. Царь много сделал и для организации казачества. В 1828 г. он утвердил полный перечень казачьих воинских чинов: казак, урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник, полковник. Мы уже рассказывали, как он учредил новые казачьи войска. Дунайскому была поручена охрана границы с Молдавией и побережья от Одессы до Измаила. А Отдельному Запорожскому, из

возвратившихся задунайских казаков, выделили землю под Бердянском и переименовали войско в Азовское, приписав к нему несколько тысяч местных крестьян и мещан, усилив добровольцами. Ему поставили задачу охранять морскую границу и поддерживать связь с крепостями на кавказском побережье. Команды по 20 казаков патрулировали на баркасах, которые базировались на Сухумской и Константиновской станциях.

А казачьи полки, прикрывавшие укрепления Кавказской линии – Кавказский, Кубанский, Хоперский, Волгский, Моздокский, Гребенской, Кизлярский, царь повелел объединить. Они составили новое Кавказское линейное казачье войско, с единым управлением. Но Положения о Казачьих Войсках, принятые в царствование Александра I, носили самый общий характер. Это нередко создавало разночтения, путаницу. Николай I с его тягой к четким юридическим проработкам распорядился подготовить новые. Начали с Войска Донского, Положение для него было принято в 1835 г. Отныне у войскового атамана появился свой штаб, по гражданской части учреждалось Войсковое правление. Территория Войска делилась на округа. В Войсковом правлении и в округах вводились структуры, занимающиеся образованием, здравоохранением, почтой и др. Положение определило срок службы казаков – 30 лет. По сменам, 3 года в полку или 4 года на Кавказе, потом на 2 года домой, на льготу. Потом снова на службу. Увеличилась боевая сила полков. До сих пор они были пятисотенными, стали шестисотенными, каждая сотня из 144 казаков. А для формирования полков были учреждены «отделы» – каждый отдел выставлял полк.

Чтобы опробовать и налаживать казачью службу и жизнь по новым правилам, царь выбрал недавнего героя польской войны (впрочем, как и еще 5 или 6 войн) Максима Григорьевича Власова. Ему было уже 69 лет, но Николай лично пригласил его к себе, даже не приказал, а просил послужить еще невзирая на возраст и раны, занять пост атамана на Дону. Император не ошибся. Казаки любили Власова беззаветно, и он отдавал себя казакам без остатка. Мог даже на свадьбе у наследника престола, на глазах у иностранных послов, упасть на колени перед царем, с просьбой о повышении жалованья казачьим офицерам. А донское Положение стало образцом, по нему стали перерабатываться Положения для остальных казачьих войск. Николай Павлович разделил

их на две категории. Кавказские – Черноморское и Линейное, и «степовые» – все остальные. Но на Кавказе поочередно несли службу и донские, астраханские полки, даже подразделения маленького Дунайского Войска – две сотни дунайцев посменно дежурили в Грозном.

А затишье в здешних краях оказалось обманчивым. Хотя Османская империя вроде бы стала союзницей русских. Но турецкие начальники и таможенники легко покупались взятками, поэтому англичане по-прежнему завозили на Кавказ смертоносную контрабанду. В марте 1835 г. две шхуны и целый склад оружия были с боем уничтожены у Новороссийска. В этих же местах в 1836 г. бриг «Аякс» перехватил британскую шхуну «Виксен». С нее уже успели выгрузить на берег 8 пушек, 800 пудов пороха, и в трюме еще нашли груз ружей. Позже выяснилось, что в закупке и пересылке этого арсенала участвовали английские дипломаты в Турции и... польское эмигрантское «правительство». А в британском правительстве и парламенте конфискация «Виксена» вызвала бурю возмущения. Министр иностранных дел Палмерстон призывал к войне. Британский флот был приведен в полную боевую готовность.

Но Николай I на угрозы не поддался. Тоже привел в боевую готовность армию и флот. Англичан ткнули носом в Адрианопольский договор, признавший черноморское побережье Кавказа владениями России. Всерьез воевать им было совсем не с руки. «Засветившихся» дипломатов отозвали из Константинополя, и конфликт рассосался. А у кавказских мюридов преемником погибшего Кази-Мухаммеда стал его ученик Гамзат-бек. Русских он сперва не трогал, повел войну против других горцев, лояльных к России. Коварно убил андийских князей, и из кровной мести прикончили его самого.

Имамом Дагестана выдвинулся Шамиль. Умелый и упорный воин, великолепный организатор. Он тоже обрушился на горцев, предпочитавших дружить с русскими. Царские войска начали экспедиции против него. И запольхало. Бои шли и на Кубани, и в Кабарде, и в Дагестане. Участились набеги на Грузию. С этой стороны оборона была слабее, чем на Северном Кавказе, проще было угонять скот, похищать людей. Для защиты грузин от чеченских и лезгинских нападений пришлось строить новую Лезгинскую линию от Кодор до Нухи.

А на выручку дружественным аварцам и казикумухцам был отправлен отряд полковника Клюки фон Клюгенау. Выгнал из их княжеств мюридов Шамиля. Преследовал их, взяв штурмом аул Гоцаль. Однако сам Шамиль ускользнул, снова собирал вокруг себя силы. В 1837 г. на него выступил генерал Фези. Горцы поймали в засаду и окружили передовой отряд генерала Ивелича, две роты Апшеронского полка. Вырваться и спастись сумели лишь 150 человек. Но подошел Фези с главными силами, Шамиль стал отступать в горы. Его преследовали, брали штурмом аулы, где он пытался закрепиться – Хунзах, Ашальты, Ахульго. Наконец, в июне обложили в ауле Тилитль. Но тут-то сказался курс на «мягкую» политику. Шамиль вступил в переговоры, обещал замириться. И... Фези удовлетворился. Отпустил его!

Вот в такой обстановке, в сентябре 1837 г., царь отправился в очередную поездку, в Крым и на Кавказ. Из Севастополя он на корабле прибыл в приморские крепости, осмотрел Геленджик и Анапу. Посетил Пятигорск, Тифлис, Эривань. Ходом боевых действий Николай был очень недоволен. На Кавказ были собраны значительные силы, но командование распорядилось ими плохо. Пассивно выжидало, реагируя только на нападения противника. В походе на Шамиля пролилось много крови, но завершился он ничем. Николай попытался исправить просчет Фези. Поручил генералу Клюки фон Клюгенау передать имаму, что император приглашает его на личную аудиенцию, готов принять на службу. Генерал согласился о переговорах. Но ситуация была совсем иная, чем в окруженном ауле. Шамиль снова чувствовал себя хозяином положения, явился со свитой возбужденных воинов. Клюки фон Клюгенау протянул Шамилю руку, но один из мюридов тотчас влез между ними, не позволил вождю пожать ее. Вместо переговоров вспыхнула ссора, едва удалось предотвратить драку и разойтись.

Вдобавок на Кавказе обнаружилось страшные злоупотребления. Царю докладывали, что Эриванская крепость отремонтирована и дооборудована, на деле он увидел все те же персидские глинобитные стены. Указал, что это вообще не крепость, а «просто глиняный горшок». После осмотра остального местного хозяйства Николай поприветствовал Эриванских чиновников весьма своеобразно: «Служите верою и правдою, иначе разнесу вас в прах». А Эриванским полком командовал князь Дадияни – зять Кавказского

главнокомандующего Розена и флигель-адъютант императора. Он настолько распоясался, что превратил полк в личное хозяйство.

Держал стада свиней, верблюдов, пасеки, сенокосы, винокуренный завод. Вместо казармы построил за казенный счет собственную мельницу. Трудились на него солдаты и их жены – и за провинности их секли розгами. Проверка выявила 534 рекрута, которые с прибытия на службу так и не получили ни формы, ни сапог, работали на своего начальника оборванные и босые. Николай Павлович объявил строевой смотр полка. А после парада, при всех, объявил вину Дадиани, велел снять с него эполеты, ордена и флигель-адъютантский аксельбант. Тут же подкатила фельдъегерская тройка, в нее усадили арестованного князя и под конвоем умчали в Бобруйскую крепость, под следствие и суд [78].

Главнокомандующего фон Розена император отправил в отставку, заменил генералом Головиным. На обратном пути он побывал на Дону. В Новочеркасске устроил строевой смотр, и тут уж даже заслуженный атаман Власов получил выговор. Николай возмутился: «Я ожидал увидеть 22 полка казаков, а увидел 22 полка мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!». Однако Власов увидел в его словах не каприз царя, привыкшему к идеальному строю лейб-гвардии. Он воспринял критику как справедливую. Кони у казаков, съехавшихся со всего Дона, и в самом деле были разношерстными, у многих плохими. Форма тоже оставляла желать лучшего, а на строевые приемы обычно никто не обращал внимания. Атаман взялся исправлять ситуацию. Организовал станичные табуны, племенной завод. Разработал «Правила для состава и построения казачьих полков» – первый казачий строевой устав. Сохранил в нем казачью специфику, но соединил ее со строевой подтянутостью и молодцеватостью, чем казаки тоже стали гордиться.

Визит царя на Кавказ имел и другие последствия. Осмотрев станицы и крепости Кавказской линии, царь повелел создавать здесь военные поселения. Но они были совсем не похожими на детище Александра I и Аракчеева. Их устраивали по образцу казачьих станиц, без муштры и мелочной регламентации. Определяли в них семейных солдат, давали землю. Также в казаков поверстали часть ставропольских крестьян, нижних чинов Куринского полка, а потом стали направлять сюда переселенцев с Украины и Центральной России.

По сути, Николай вернулся к идее Ермолова – для укрепления русских позиций на Северном Кавказе – заселять его казаками. Ведь солдаты, 20 лет прослужившие в здешних краях, были по своей выучке и складу почти «готовыми» казаками – и постепенно сливались с ними. Как и местные крестьяне, выросшие с оружием, в постоянной опасности.

Царю понравилось и вооружение казаков на Кавказе, шашки, перенятые у горцев. В 1838 г. он указал по всем казачьим войскам ввести шашки вместо сабель кавалерийского образца. Для Черноморского и Линейного войск были сохранены и кавказские кинжалы. Император повелел и разработать новую форму для казаков. Для степовых войск он улучшил и утвердил прежнее обмундирование, а для Черноморского и Кавказского Линейного войск были официально приняты черкески.

Но в России была еще одна обширная область, где жизнь никак нельзя было назвать мирной. Прикаспийские, уральские степи, южная Сибирь. Соседи в Средней Азии – Хивинское, Бухарское, Кокандское ханства, давно пришли в упадок. Но их подданными были и кочевые племена, промышляли грабежами, угонами скота и людей. А власти Хивы, Бухары и Коканда поощряли разбой. Получали от него прибыли, скупали добычу и пленных. Русские крестьяне становились у них невольниками, девочки пополняли гаремы. В степи кочевали и казахи, числившиеся подданными царя. Они тоже подвергались набегам. Но нередко тоже соблазнялись пограбить, присоединялись к соседям.

В первые годы царствования Николая Павловича было решено совершенствовать степную оборону. Казачьи и солдатские посты Оренбургской и Сибирской линий начали выносить вперед, в степи. Они вели разведку, подавали сигналы опасности. Но и сами посты, удаляясь от пограничных крепостей, подвергались нападениям. Особенно беспокойно было на Хивинском направлении. За безводными пустынями это ханство чувствовало себя в безопасности, превратилось в перевалочную базу для степных хищников, перепродавало пленников по всей Средней Азии, в Персию.

В 1833 г. Царь назначил генерал-губернатором огромного Оренбургского края боевого генерала и своего друга Василия Перовского. Поручил ему навести порядок на степной границе. Он основал на Каспийском море Ново-Александровский форт, затем Ново-Петровский на полуострове Мангышлак. А с 1835 г. всю систему

пограничных укреплений стал сдвигать в степи, строить Новую линию между Орской и Троицкой – «старая» шла по правому, европейскому берегу Урала, Новая – по левому. Но «разбои» не прекращались. Документы того времени переполнены известиями о них: разгромлен казачий пост в 15 верстах от Оренбурга... ограблен купеческий караван... угнано 25 тыс. овец... пленена команда военного бота во главе с лейтенантом Гусевым... на Иргизе захвачен караван, угнали в плен сопровождающих... На берегу Каспия похищено 200 рыбаков [79]

...

Становилось ясно, что пассивной обороны недостаточно. Император дал добро на решительные действия. В 1837 г. Перовский выслал в степь 550 уральских казаков. В наказание за набеги они захватили скот, пленных, которых обменяли на русских. Среди казахов распространили постановление генерал-губернатора: кочевников, уличенных в убийствах, грабежах, измене, будут предавать военному суду – с перспективой попасть на виселицу. А Хивинскому хану направили ультиматум выдать русских невольников. Тот проигнорировал. Тогда Николай I велел организовать поход на Хиву.

Летом 1839 г. отряды Перовского построили промежуточные базы, укрепления Эмбинское и Ак-Булак на Аральском море. А в ноябре сам генерал-губернатор с 5 тыс. казаков и солдат, 2 тыс. казахов выступил в степь. Но начались метели, ударили 40-градусные морозы. С невероятными трудностями и лишениями добрались до Ак-Булака. Люди замерзали, обмораживались, их начал косить тиф. От холодов и бескормицы пали все верблюды. За неимением топлива пожгли ящики, канаты, деревянные части укрепления. 1 февраля Перовский приказал возвращаться. Поход обернулся трагедией, погибли 11 офицеров, 3 тыс. нижних чинов и 1 тыс. казахов. Но Хивинский хан все же струхнул. Оценил, что царь угрозы на ветер не бросает, и возвратил тысячу пленных.

ГЛАВА 22. «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

А. С. Пушкин в Санкт-Петербурге

Эпоху Николая II, конец XIX – начало XX вв., принято называть «Серебряным веком русской литературы». Не задумываясь, что это была эпоха декаданса. Погоня за некими изощренными формами для передачи совсем не оригинального содержания. Искания новизны в сферах темного, запретного, зачастую болезненного, извращенного. Больная культура тяжело больного общества. А «Золотым»—то веком была эпоха Николая I! Эпоха литературных открытий, талантов, яркого расцвета.

Это было время, когда на улице можно было запросто увидеть Пушкина, перемолвиться с Гоголем, на почтовой станции разминуться с Лермонтовым. Когда творили Жуковский, Грибоедов, Островский, Крылов, Тургенев, Некрасов, Гончаров, Достоевский, Кольцов, Тютчев, Майков, Григорович, Денис Давыдов, Лев Толстой. А сколько еще было талантов, оставшихся в тени звезд первой величины? Бестужев-Марлинский, Баратынский, Булгарин, Вяземский, Глинка, Гнедич, Греч, Дельвиг, Загоскин, Лажечников, Ишимова, Киреевский, Кукольник, Погодин, Сенковский, Соллогуб, Хомяков, Языков, Аксаков и десятки других!

Хотя традиционно эту эпоху изображают тусклой, серой. Ну а как же! Никакой «общественной жизни», «гонения», «цензурный гнет». Что ж, после восстания декабристов, при ликвидации широкого заговора, жесткие цензурные требования были вполне здоровыми. Но уже в апреле 1828 г. царь ввел новый Цензурный устав, значительно смягчив ограничения. Запрещались сочинения, направленные на расшатывание православной веры, самодержавной власти, противоречащие законам, оскорбляющие «добрые нравы и благопристойность». А также задевающие чью-либо честь неприличными выражениями, клеветой, обнародованием сведений личной жизни.

Цензоры должны были обращать главное внимание на направленность и дух произведения, но рассматривать только сам текст, не позволяя себе произвольных толкований и поисков «подтекста», не цепляться к отдельным словам и фразам, не оспаривать мысли автора и даже его литературные ошибки. Позвольте, что же здесь чрезмерного? Все верно даже с точки зрения сегодняшнего дня. Другое дело, что сами цензоры нередко проявляли излишнюю бдительность. Выслуживаясь, пытались быть «святее папы римского». Но царь-то здесь был ни при чем. В таких случаях ему самому приходилось поправлять чрезмерно усердных чиновников.

Художественный вкус у Николая I был очень развитым. Между прочим, он был способным художником. Сохранились его портретные рисунки жены, некоторых офицеров, выполненные на довольно высоком уровне. И совсем не случайно он выделял Пушкина. Видел в нем настоящего гения, достояние всей России. Но и повозиться с Пушкиным ему пришлось изрядно. Ведь характер у поэта был далеко не «сахарным» – натура творческая, бурная, склонная к метаниям и

крайностям. Однако и император понимал: гению можно простить кое-что из того, что другим прощать не стоило бы. Так, в 1828 г., находясь на войне с турками, Николаю пришлось разбираться с делом о богохульной поэме «Гавриилиада». Она всплыла в списках, а стиль и художественное мастерство указывали на Пушкина. Преступление было очень серьезным, и наказание грозило соответствующее.

Но поэт заявил, что откроет правду только самому царю. 2 октября отправил ему личное письмо. Признался, что «Гавриилиаду» написал он в 1817 г., называл это «шалостью, столь же постыдной, как и преступной» – «повергая себя милосердию и великодушию царскому» [80]. Очень может быть, что богохульная мерзость стала для него обрядом «попрания святыни» при посвящении в масонство. Не исключено, что и Николай догадался об этом. Во всяком случае, он счел раскаяние искренним и распорядился закрыть дело. Опять рассудил не по букве закона, а по своей царской Правде. И в итоге оказался прав. Сумел почувствовать, что Пушкин в своих духовных блужданиях от юных пагубных увлечений поворачивает в верную сторону. Внутренне уже увидел в нем того Пушкина, который вскоре создаст патриотические шедевры – «Полтава», «Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина», «Клеветникам России» и др., возмущившие либералов.

С Александром Сергеевичем у царя сложились некие особые отношения. Николай и его жена бывали на литературных вечерах у фрейлины Александры Смирновой, к которой заглядывали Жуковский, Пушкин, Гоголь. Поэту и императору было интересно беседовать друг с другом. Например, оба они увлекались отечественной историей (и Николай знал ее лучше, сам изучал малодоступные архивные материалы). Однажды Пушкин встретил царя во время прогулки в Летнем саду. Тот подсказал, что всегда гуляет здесь в это время, и в случае надобности поэт может обратиться к нему когда угодно. Александр Сергеевич говорил А. О. Смирновой: «Меня упрекают в том, что я предан государю. Думаю, что я его знаю, и знаю, что он понимает все с полуслова. Меня каждый раз поражает его пронизательность, его великодушие и искренность» [81].

Хотя из-за такой близости к императору у поэта появилось немало завистников, да и вспыльчивая натура Пушкина умножала число его врагов. Против него то и дело затевались интриги, его силились

поссорить с Николаем Павловичем. А Александр Сергеевич не злоупотреблял правом напрямую обращаться к царю, считал это неудобным. Но государь и государыня периодически через Смирнову передавали ему советы «не задирать людей». А когда Булгарин слишком разошелся, опубликовал в своем журнале «Пчела» злую и несправедливую статью о Пушкине, царь приказал Бенкендорфу вообще запретить ему литературную критику или закрыть журнал.

В 1831 г. Николай определил Пушкина в Министерство иностранных дел с чином титулярного советника – хотя никаких служебных поручений ему не давали, но в качестве государственного чиновника он был допущен для работы в архивах. В 1833 г. его избрали в Российскую академию, а царь присвоил ему придворный чин камер-юнкера. Пушкин фыркал, что для него это не по возрасту, но... чиновничье и придворное жалованье было для него ощутимым подспорьем, его материальные дела были совсем не блестящими. Николай Павлович неоднократно выступал и прямым его спонсором. Выделял деньги на публикацию произведений, крупные выплаты, которые сам поэт деликатно вуалировал условием «в счет жалованья».

Дуэль и смерть Александра Сергеевича стали для Николая I тяжелым ударом. Ведь скандал с приставаниями Дантеса к его жене сперва удалось разрулить. Царь персонально беседовал с Пушкиным, и тот дал слово отказаться от дуэли, ничего не затевать, не сообщив государю. Но не выдержал, сорвался, отправил оскорбительное письмо... На смертном одре поэт больше всего переживал, что нарушил обещание императору. Просил у него прощения. Николай Павлович отправил к нему своего лейб-медика Арендта, послал и наследника проведать умирающего. Сам написал ему: «Если Бог не велит нам уже увидиться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть похристиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение» [82].

Александр Сергеевич, услышав это, сказал: «Жаль, что умираю, весь его был бы...» Совет царя он исполнил, исповедовался, причастился. Николай Павлович записал: «Пушкин погиб, и, слава Богу, умер христианином». Свое обещание он выполнил немедленно. Распорядился заплатить долги поэта, очистить от долгов заложенные имения, вдове и дочери назначил пенсии, сыновей взял в пажи, определив им по 1500 руб. содержания. Семье единовременно выдал

помощь в 10 тыс. руб. А все сочинения Александра Сергеевича велел издать за казенный счет в пользу жены и детей [83]. Да, первое полное собрание сочинений Пушкина издал и оплатил царь. Так что, вспоминая величайшего русского поэта, можно задаться и вопросом – а смог бы он достичь таких вершин творчества, такого значения и известности без поддержки Николая Павловича?

Но вот первое знакомство государя с творчеством Лермонтова было совсем не приятным. Оно касалось распространявшегося в списках стихотворения, которое сейчас стало хрестоматийным, «Смерть поэта». Только название у Лермонтова было совсем другое – «Воззвание к революции». Впрочем, царь снисловился, сделал скидку на молодую горячность. Михаил Юрьевич был всего лишь переведен из Лейб-гвардии в армию, в Нижегородский драгунский полк, воевавший на Кавказе. А всего через полгода прощен, возвращен в Лейб-гвардию и даже повышен в чине. Но последовало новое серьезное преступление, дуэль с сыном французского посла. Поэта арестовали, его ждал военный суд. Но Николай Павлович, по ходатайству Лермонтова, переданному через брата Михаила, опять смягчил наказание. Михаилу Юрьевичу пришлось лишь распрощаться с гвардией насовсем, отправиться на Кавказ в Тенгинский пехотный полк.

Когда в печати стал выходить «Герой нашего времени», Николай Павлович читал его в захлеб, восхищался литературным мастерством. Но поначалу отнес название «героя» к Максиму Максимовичу. Безвестному служаке-капитану. Император был уверен, что именно такие офицеры настоящие герои, фундамент России, заслуживают популяризации и внимания писателей. Поняв свою ошибку, Николай был разочарован, что яркий талант обращен отнюдь не на пользу стране. Писал: «Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают сердца... Счастливый путь, г. Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит тебе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать».

Впрочем, эпоха Николая I стала «Золотым веком» не только для литературы, но и всей русской культуры! Это было время выдающихся скульпторов и архитекторов – Бенуа, Лансере, Бове, Клодт, Мартос,

Монферан, Тон, Росси, Стасов, Витали, Ефимов, братья Пименовы, Рамазанов, Штакеншнейдер, Боссе, Садовников, Резанов, Стасов, Жилиярди. Рождалась музыка Глинки, Даргомыжского, Алябьева, Львова, Гурилева. Создавали шедевры такие художники как Венецианов, Брюллов, Айвазовский, Тропинин, Бруни, Иванов, Боссе, Галактионов, Федотов, Уткин, братья Чернецовы и др.

А государь об этом тоже заботился – чтобы Россия богатела художественными талантами, мастерами изобразительного искусства. Способных молодых людей отправляли совершенствовать навыки в Италию за государственный счет, на казенном пенсионе. Когда царь в 1845 г. находился в Риме с официальным визитом, он пожелал увидеть и работы начинающих художников, скульпторов, архитекторов, проходивших там стажировку. Специально для императора устроили выставку. Осмотрев ее взглядом знатока, Николай сразу же делом поощрил лучших – по понравившимся ему этюдам заказал картины, статуи в мраморе для своих дворцов и парков. Он не поленился проверить и бытовые условия художников, побывал в их студиях. Задавал вопросы, из которых нетрудно увидеть и его неподдельный интерес, и тонкий вкус [84].

И особо стоит отметить, Николай Павлович собирал произведения искусства не персонально для себя, а для России. Хотел, чтобы и его подданные имели возможность наслаждаться шедеврами. В 1828 г. царь подписал указ о создании Румянцевского музея с историческими и художественными коллекциями графа Румянцева. Открытие состоялось в 1831 г., и посещать музей могли все люди без исключения. И именно Николай I открыл для широкой публики личный царский музей, Эрмитаж! Для этого было специально построено здание рядом с Зимним дворцом, а при подготовке к открытию на зарубежных аукционах целенаправленно купили для Эрмитажа произведения Рафаэля, Тициана, Карраччи, Кампена, ван Эйка, дель Пьомбо, Госсарта, Веккьо и других великих мастеров.

Время Николая Павловича характеризовалось и высочайшим взлетом русского театра. На сценах сверкали тогдашние звезды: Каратыгины, Щепкин, Сосницкие, Брянские, Рязанцев, Дюр, Мартынов, Самойловы, Максимов, Асенкова. В балетных труппах России государь позаботился собрать исполнительниц с мировыми именами: Тальони, Эльслер, Черито, Гризли. В труппе французского

театра: супругов Аллан, Брессана, Дюфруа, Плесси, в опере славились супруги Петровы. Сам царь и его жена были страстными театрами, не пропускали ни одной премьеры. Николая привлекали все театральные жанры. Он не терпел только скабрёзности и пошлости на сцене. Всех заметных артистов и актрис знал персонально. Встречался с ними запросто, интересовался их проблемами, помогал. За удачно сыгранные роли поощрял ценными подарками. Повысил сам статус актеров, жалую им личное и потомственное почетное гражданство.

Император хотел, чтобы было больше хороших отечественных пьес. Он лично, в обход слишком рьяной цензуры, открыл дорогу на сцену таким произведениям, как «Горе от ума» и «Ревизор». После премьеры «Ревизора» говорил: «Ну и пьеска! В ней досталось всем, а мне в особенности». Эти две комедии были у Государя любимыми, Николай не уставал смотреть их многократно, из года в год. И, между прочим, творчество Гоголя он тоже периодически поддерживал солидными пособиями.

Крупнейшим событием в культурной жизни России стала постановка первой русской оперы Глинки «Жизнь за Царя» («Иван Сусанин»). Даже подготовка оперы всколыхнула все общество, обсуждалась, как дела первостепенной важности. Над либретто трудились лучшие авторы – Кукольник, фон Розен, Соллогуб, Жуковский. Премьера в 1836 г. потрясла столицу. Глинку опера сразу же поставила в ряд композиторов мирового уровня. Слушать «Жизнь за Царя» ходили по много раз. Весь зал вставал и подпевал финальному апофеозу, когда величественно и мощно звучит хор:

«Славься, славься, наш Русский Царь!
Господом данный нам Царь-Государь!
Да будет бессмертен твой Царский род,
Да им благоденствует русский народ!»

Потом вошла звезда Александра Островского. Кстати, тоже имевшего крупные проблемы с цензурой. Посмотрев первую его комедию «Не в свои сани не садись», император был восхищен: «Очень мало пьес, которые бы мне доставляли такое удовольствие, как эта» – и на следующее представление привез всю свою семью. Выдающиеся артисты, Щепкин и Бурдин, утверждали, что благодаря вниманию

Николая I, его время стало самым блестящим для отечественного театра, дальше пошел упадок [85] .

Ни один дом в центральной части столицы не возводился без ведома царя, он сам изучал и утверждал проекты. И как раз при нем Санкт-Петербург стал приобретать привычный нам облик. Были построены Исаакиевский собор, здания Сената и Синода, на Дворцовой площади – арка Генштаба, взметнулся ввысь Александрьевский столп. При Николае I в столице появились Мариинский и Михайловский дворцы, здания министерств, Публичная библиотека, был заново отделан собор Смольного монастыря. Украшались новыми постройками загородные императорские резиденции, Царское Село, и особенно его любимый Петергоф – здесь были сооружены знаменитые каскады, собор Петра и Павла, театр, конюшни, знакомые нынешним туристам изысканные павильоны. В 1838 г. случился сильнейший пожар в Зимнем дворце. Царь привлек лучших архитекторов, скульпторов, художников, и за два года дворец не просто восстановили, а в значительной степени отстроили и отделали заново, по своему великолепию он значительно превзошел прежний, екатерининский.

Но Николай Павлович очень любил и Москву. Ее украсила Триумфальная арка – память о победах над Персией, Турцией, Польшей. Было реконструировано здание Большого театра, построен Большой Кремлевский дворец. А величественный памятник победе в Отечественной войне, Храм Христа Спасителя, заложили еще в 1817 г., деньги на него собирала вся страна. Но... в полной мере сказались тенденции той эпохи. Автор проекта Витберг был лютеранином, видным масоном. Храм он наметил просто фантастический, высотой 240 м., его начали строить на Воробьевых горах, чтобы вздымался над Москвой. А огромные суммы растеклись неведомо куда, и работа остановилась.

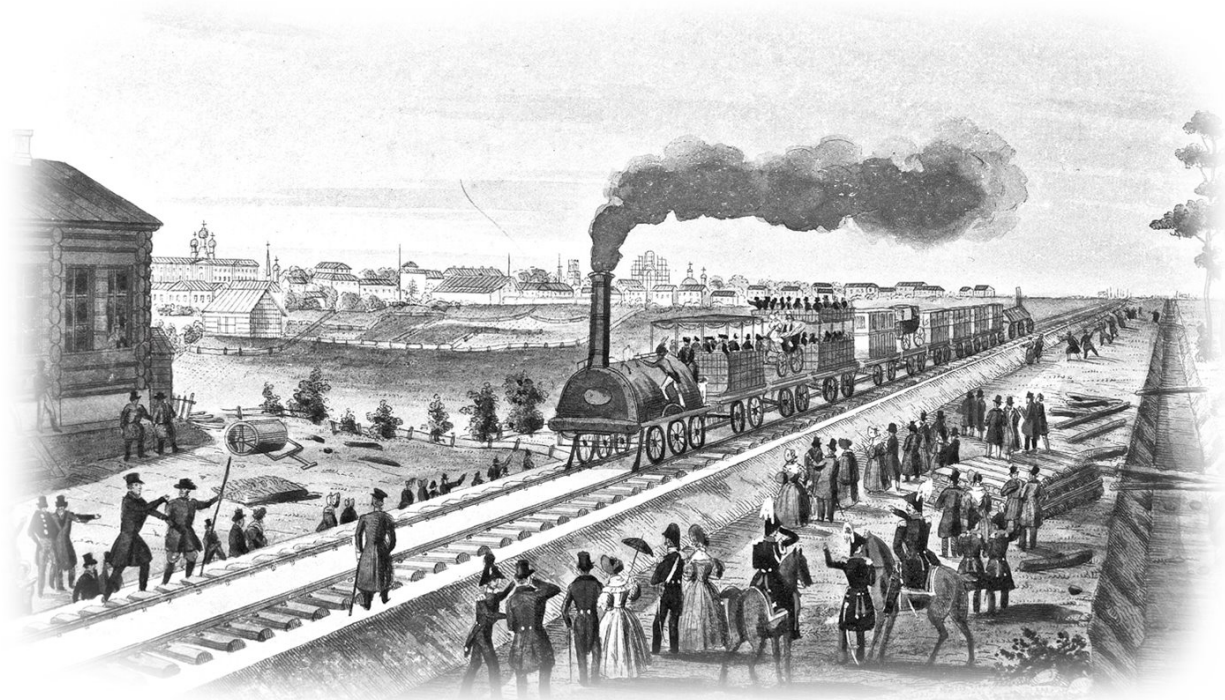
Николай I взялся наводить порядок во всех сферах. Следствие выявило колоссальные хищения, растраты в миллионы рублей. Виновные попали под суд, были оштрафованы, отправлены в ссылки – в том числе, архитектор Витберг. А ко всему прочему царь был прекрасным инженером. Проверил стройплощадку и указал, что почва ненадежна, склон Воробьевых гор не выдержит колоссальной тяжести. Император сам выбрал новое место на Волхонке, на живописном

берегу Москвы-реки. Поменял и проект, обратившись Константину Тону.

Этот архитектор разработал новый, «русско-византийский» стиль, сочетавший древние традиции зодчества с современными достижениями XIX в. Скорректировались и размеры комплекса, они оставались очень масштабными, но уже реальными (высота – 103 м). В 1837 г., в 25-ю годовщину Бородинской битвы митрополит Филарет (Дроздов) освятил вторую закладку храма (строиться ему предстояло 44 года, но облик он приобрел «николаевский»). На церемонии присутствовал Лев Толстой. Это позже он возгордится, ударится в либеральные и еретические мудрствования, запустит оскорбительный штамп «Николая Палкина». А тогда он был молодой, чистый, искренний и описал свои впечатления: «При закладке Храма Спасителя помню чувство восторга, был влюблен в Царя... Николай Павлович – величественен».

ГЛАВА 23. РУССКИЕ «КАТЮШИ» И ПОДВОДНЫЕ РАКЕТОНОСЦЫ

Царскосельская железная дорога

В царствование Николая I продолжались русские географические исследования. В основном они касались северной части Тихого океана, освоения Аляски. Ранее отмечалось, что занималась этим «полугосударственная» Российско-Американская компания, учрежденная в 1799 г. Павлом I и получившая от него монополию на торговлю в этом регионе. «Столицей» Русской Америки был город Ново-Архангельск на острове Ситка. Другими опорными пунктами были Павловская Гавань на острове Кадьяк, Константиновский редут на материковом берегу Аляски, городки на острове Уналашка и Северных островах. Русские базы и поселения существовали и на

Сахалине, Курильских островах, даже на северном японском острове Хоккайдо – он еще не был завоеван японцами, у них существовал городок только на южном побережье Хоккайдо.

Российско-американская компания получала значительную поддержку от государства. В нее откомандировывались специалисты, военные, корабли. Но у нее имелась и собственная флотилия, а прибыли она получала от промысла морского зверя и торговли пушниной, скупая ее у алеутов, эскимосов, индейцев, айнов. Причем с индейцами отношения были сложными, периодически происходили столкновения. Но алеуты и эскимосы в таких случаях принимали сторону русских. Церковь направляла в компанию своих миссионеров. Они действовали очень успешно, обратив в Православие значительную часть алеутов и жителей Курильских островов.

При Николае Павловиче освоение американских и тихоокеанских владений России значительно активизировалось. Ново-Архангельск рос, превращаясь в развитый город. Здесь были построены кирпичный, лесопильный, мукомольный заводы, судовой верфи, они спускали на воду корабли довольно высокого качества, даже пароход «Николай I», двигатель для него купили у американцев. В 1835 г. компания предприняла попытку установить торговые, а в перспективе и дипломатические отношения с Японией (уже вторую, первая была в 1803 г.). Но эта страна еще в XVII в. оценила опасность европейской экспансии, установила режим самоизоляции. Допускала к себе лишь голландцев, в один порт, и контактировала с ними только особые чиновники. Русский корабль японцы обстреляли и к берегу не подпустили. Зато удалось завязать дружбу и начать торговлю с Гавайскими островами (они еще были независимыми). Русская смекалка додумалась и до выгодного бизнеса – возить и продавать лед испанцам в Сан-Франциско.

И если до сих пор русские базы в Америке располагались только на океанском побережье и островах, то при Николае I началось их продвижение вглубь материка. Были построены редут Св. Михаила у залива Нортон, редут Св. Дионисия – в устье реки Стикин, от них русские фактории и промысловые «артели» начали распространяться на Юкон и в другие отдаленные районы Аляски. Эти земли были населены индейцами, и администрация старалась наладить с ними дружеские отношения. Впрочем, их разобщенные племена враждовали между

собой, и нередко бывало так, что индейцы сами просили построить у них русскую факторию для защиты от соседей. А главный управитель компании Адольф Этолин даже попытался объединить местных индейцев под эгидой России. Он учредил пост «верховного вождя», определив на него вождя тлинкитов, принявшего православие – Михаила Кухкана. Но кандидатура оказалась неудачной. Михаил не пользовался авторитетом среди индейцев, и другие общины его власть не признали.

Но продвижение вглубь Аляски обострило и конкуренцию с соседями. Мы уже упоминали, что в 1824–1825 гг. были заключены соглашения о разграничении владений между Российско-Американской компанией, США и британской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде (те самые соглашения, которые подписывал в Петербурге Стрэтфорд Каннинг, связанный с декабристами). Но по мере углубления русских на материк стали возникать конфликты с англичанами, занимавшимися теми же промыслами. Начались непростые переговоры, и в 1839 г. в Гамбурге было подписано новое соглашение о сферах влияния. Стороны обязались не торговать с индейцами во владениях друг друга. Один из участков, у р. Стикин, особенно мешавший британским факториям, русские согласились отдать им в аренду за плату около 120 тыс. руб. в год. Но ценой такой уступки в договор удалось включить политический пункт. Две компании сохраняли нейтралитет и продолжали сотрудничать даже в случае войны между Россией и Англией. В условиях периодического нагнетания вражды это было очень важным.

Да, эпоха Николая I была яркой, насыщенной разнообразными событиями и свершениями. За либеральными мифологическими штамповками «отсталой» и «крепостнической» России оказалось затерто и забыто, что это было время бурного взлета не только отечественной культуры, но и науки, техники. И опять же, благодаря личному вниманию Государя. Например, на Кавказе шла тяжелая война, но в 1829 г. состоялась первая научная экспедиция на Эльбрус. Прикрывали ее 600 солдат и 400 казаков, а на вершину взойшли 6 ученых, 20 казаков и проводник-кабардинец.

Николая Павловича интересовала и география, и история, и астрономия, и технический прогресс. Император в полной мере понимал их важность как для престижа державы, так и для ее развития,

практических нужд. При его покровительстве в 1834 г. была создана Археографическая комиссия, затем Императорское Одесское общество истории и древностей, Археолого-Нумизматическое общество. Случайное и любительское, зачастую безграмотное собрание исторических артефактов, выборочное выдергивание письменных источников прошлого наконец-то стали систематизироваться, ставиться на научную основу. Николай Павлович учредил и Императорское географическое общество. Со своей блестящей инженерной подготовкой он сам выбрал лучшее место для Пулковской астрономической обсерватории, открытой в 1839 г. Были также построены обсерватории при Московском и Казанском университетах.

В России работали такие выдающиеся ученые, как математик Николай Лобаческий – создатель неевклидовой геометрии, математик и механик Михаил Остроградский – разработчик волновой теории, химик Герман Гесс – основатель термохимии, математики и астрономы Дмитрий Перевошиков, Василий Струве – один из основоположников звездной астрономии, математик и экономист Федор Чижов, крупнейший естествоиспытатель Карл Бэр, физиологи Даниил Веллинский и Павел Загорский, физик-изобретатель Георг Паррот, Василий Петров – первый в мире электротехник, первооткрыватель вольтовой дуги. А первооткрывателем принципов электромагнетизма и одним из основоположников теплотехники стал великий физик Эмилий Ленц, кстати, один из участников экспедиции на Эльбрус.

Хирург Николай Пирогов создал первый атлас топографической анатомии, стал родоначальником военно-полевой хирургии, впервые стал целенаправленно применять анестезию. Светила медицины Андрей Поль и Федор Иноземцев внедрили при операциях методы наркоза, правила антисептики. Семен Гаевский разработал научные методики борьбы с холерой и другими эпидемиологическими заболеваниями.

Военный инженер Павел Аносов изобрел «русский булат», открыл новые технологии термической обработки, легирования, выплавки и обработки стали. Его достижения царь оценил очень высоко, результаты повелел докладывать ему лично. Из поручиков Аносов быстро дорос до генерала, стал директором Златоустовских металлургических и оружейных заводов. В 1834 г. на уральских заводах Демидовых была введена в строй первая в нашей стране железная

дорога. И грузы по ней перевозили первые русские паровозы, созданные братьями Черепановыми.

А в 1835 г. на встрече Николая Павловича с австрийским императором договорились о строительстве железной дороги между Варшавой и Веной, начались работы на трассе. На этой же встрече австрийский инженер и предприниматель Герстнер предложил царю соединить железной дорогой Москву и Петербург. Хотя ставил условия, чтобы ему на 20 лет дали монополию на такие работы в России и построенные железные дороги передала ему в собственность. Николай создал комиссию, и приняли осторожное решение. Для оценки затрат и возможностей нового транспорта, сперва построить небольшую магистраль. Под руководством Герстнера была проложена железная дорога от Петербурга до Царского Села. Первыми пассажирами стали солдаты – для испытания. Потом проехал царь. В 1837 г. Царскосельская железная дорога была введена в эксплуатацию. Но в монополии и праве собственности Герстнеру отказали, и он уехал в США. А в России начались собственные проработки.

Успешно внедрялась и такая новинка как телеграф. Сперва – оптический, семафорный, французского изобретателя Шато. Передача информации между телеграфными маяками с помощью фигур, меняющих свою форму. Такие линии связали в 1833 г. Петербург с Кронштадтом, затем с Варшавой. Но блестящий инженер и боевой офицер Павел Шиллинг в ноябре 1832 г. продемонстрировал в Петербурге собственное изобретение: первый в мире электрический телеграф. Для передачи информации он составил кодовую таблицу, аналог азбуки Морзе. В качестве опыта электрическую телеграфную связь установили между царской канцелярией в Зимнем дворце и министерствами, Адмиралтейством.

Николай Павлович поощрял и «утечку мозгов» из-за рубежа. Считал, что талантливые специалисты всегда пригодятся. Одним из них стал Мориц Херманн Якоби, в 1834 г. создавший в Пруссии первый в мире электродвигатель. По рекомендациям Струве и Шиллинга уже в следующем году изобретатель получил должность профессора в России, и свои труды «по применению электромагнетизма для движения машин» издавал уже в нашей стране. Оценив оплату и ассигнования на свои опыты, он навсегда связал себя с Россией, превратился в Бориса Семеновича Якоби. На царской службе он

изобрел ряд электрических приборов, открыл технологию гальванопластики, создал буквопечатающий телеграфный аппарат – уже не требующий кодировки и расшифровки сигналов.

С Якоби и Шиллингом тесно сотрудничал военный инженер Карл Андреевич Шильдер. Мы уже упоминали, как он руководил работами при взятии Варны, Силистрии. Царь произвел его в генерал-адъютанты, назначил начальником инженерных войск всей действующей армии в Польскую войну. А после нее Шильдер предложил проект подводной лодки. Николай очень заинтересовался, были выделены значительные средства. Лодка была построена за 3 месяца на Александровском литейном заводе Петербурга.

В 1834 г. состоялись несколько военно-морских испытаний. Шиллинг продемонстрировал царю действие электрических взрывателей для морских мин. А Шильдер представил императору подводную лодку. Она имела водоизмещение 16 тонн, экипаж составлял от 8 до 13 человек. Могла погружаться на глубину 10–12 м. На металлическом корпусе было две башенки-рубки. В передней – «оптическая труба», прообраз перископа. В задней – труба для забора воздуха и ручной насос. Запаса воздуха хватало на 6 часов погружения. Потом достаточно было выставить на поверхность трубу на 3 минуты, чтобы обновить запас.

А вооружение составляли одна пудовая гарпунная мина с электрическим взрывателем и 6 пороховых ракет калибра 102 мм. Это был первый в России и в мире подводный ракетноносец! После пробных погружений 29 августа 1834 г. на 40-й версте Шлиссельбургского тракта в присутствии государя состоялись полномасштабные испытания. Экипаж из 8 человек под командованием мичмана Жмелева делал маневры под водой. Произвел пуск ракет из подводного положения, точно поразив цели – стоявшие на якорях шаланды! Император был очень доволен. Специально позаботился, чтобы о результатах испытаний стало известно послу Англии. Британцы были в шоке, что у русских появилось такое вооружение.

Хотя лодка Шильдера имела крупные недостатки. Для подрыва вражеского корабля миной надо было подойти вплотную к нему. Лодка вонзала в неприятельское днище гарпун с миной, отходила на безопасное расстояние, разматывая за собой провод, и включался гальванический замыкатель. Но самым слабым местом было отсутствие

двигателя! Существовали только паровые, в подводной лодке его не установишь. В надводном положении она ставила съемную мачту, шла под парусом. На дальние расстояния ее должен был буксировать пароход. А под водой экипаж греб вручную, для этого лодка была оснащена оригинальными «гребками» на кронштейнах, напоминающими утиные лапы. Расчетная скорость составляла 2 км в час, реально получилось еще меньше, около 600 м в час.

В 1838 г. прошла еще одна серия морских испытаний. Якоби представил на Неве первый в мире «электроход» – шлюпку с электрическим двигателем. Он питался от гальванических батарей, обеспечивших 7 часов работы. Хотя двигатель получился еще слабоватым, скорость составила 2 км в час. Позже Якоби сумел построить «электроход» с более сильным двигателем мощностью в 1 лошадиную силу. А на рейде Кронштадта царю показали вторую лодку Шильдера, она пускала ракеты, подорвала макет судна гарпунной миной. Но ходовые испытания кончились тем, что одна из «утиных лап» сломалась.

Шильдер построил и третью подводную лодку. На ней уже был двигатель, водометный, приводился в действие ручным гидравлическим насосом. Но в 1841 г. разработки подводных лодок были прекращены. Царь пришел к выводу, что реально боеспособными они могут стать лишь в очень далекой перспективе. А проекты были очень дорогостоящими. Деньги остро требовались для насущных нужд государства.

Одним из направлений, куда шли крупные капиталовложения, стало оборудование шоссейных дорог с твердым покрытием. При Александре I начали мостить только одну, от Петербурга до Москвы, и сделали небольшой участок. Николай I достроил ее в 1834 г. и продолжил оборудовать другие дороги – он-то вдоволь накатался по грязи и ухабам, знал, что это такое. Ну а насчет железных дорог все министры выступали однозначно против. Отговаривались дороговизной, сомнениями в безопасности. Но Николай Павлович лично «продавил» положительное решение [86]. И в том же 1841 г. началось строительство железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой. А одновременно с рельсами по России стали прокладываться линии телеграфа. Уже не оптического, а электрического.

Но и вопросам обороноспособности страны царь уделал первостепенное внимание. Даже при строительстве железных дорог задумывался о них. В Европе была принята ширина колеи 1435 мм. Николай Павлович выбрал не европейскую, а «американскую» колею, 5 футов, 1524 мм. Чтобы нашими дорогами не смогли воспользоваться вторгшиеся враги для легкого преодоления русских пространств. (Ох, как пригодилась его стратегическая предусмотрительность в 1941 г.!)

С 1845 г. пошло перевооружение всей русской армии новыми ружьями и пистолетами. Не кремневыми, как раньше, а ударно-капсюльными. По тем временам капсюль был новинкой, не зависел от превратностей погоды, меньше стало осечек. Росла оснащённость русского флота парходами, и большая часть из них строилась на отечественных заводах. В данной области сам Николай I внес новшества. В 1835 г. он повелел крупнокалиберные «бомбические» орудия на парходо-фрегатах устанавливать «на поворотной платформе». В западных флотах такого еще не практиковалось, по сути, это был прообраз орудийных башен.

Что же касается подводных лодок, то государь распорядился перенести усилия и ресурсы на другие направления, выделив самые перспективные. Резолюция военного министра Чернышева № 949 от 9 октября 1841 г. гласила: «Высочайше повелено дальнейшие опыты над подводною лодкою прекратить и вместе с тем обратить особенное внимание на усовершенствование подводных мин и действие ракет». Во исполнение этих указаний была создана мина Якоби. Она была плавучей, имея воздушную камеру. Устанавливалась на якорь на заданной глубине. И использовала гальванические взрыватели, срабатывающие при столкновении с бортом судна. Россия стала первой страной, принявшей морские мины на вооружение. Развернулось их серийное производство. На флоте и в саперных частях под руководством Якоби стали формировать и обучать команды гальванеров для обслуживания электрических взрывателей.

Ракетное направление вели Шильдер и еще один талантливый инженер, полковник Константин Константинов. Он изобрел ряд новейших для той эпохи приборов для измерения параметров ракет. Николай Павлович назначил его начальником капсюльного, а с 1850 г. – первого в России Санкт-Петербургского ракетного завода. До сих пор применение пороховых ракет ограничивалось их низкой точностью. Но

Константинов усовершенствовал их, а вместо точности перенес упор на другой фактор – кучность. Были сконструированы пусковые установки для одновременного запуска до 36 ракет Константинова калибром 106 мм. Это были первые в мире системы залпового огня! Предшественницы знаменитых «катюш». И их тоже приняли на вооружение, запустили в производство. В войсках появились ракетные батареи. А Шильдер разработал пароход «Отважность» – первый в истории прообраз эсминца, вооруженный артиллерией и ракетными установками.

ГЛАВА 24.

«НА НАС ЖЕ ЛГУТ ЗАВЕДОМО...»

Михайловское укрепление на берегу Черного моря, поселок Архипо-Осиповка (реконструкция)

На Кавказе после царской инспекции подтянули порядок, сюда прибыли большие подкрепления. Главнокомандующий генерал Головин надеялся решительными ударами наконец-то завершить войну. В 1839 г. на Кубани черноморские и линейские казаки разбили черкесов, в бою пал их предводитель Казбич. А главные силы были собраны на восточном фланге, генерал Граббе повел их на Шамиля. Осадил имама в ауле Ахульго. Это гнездо было очень сильно укреплено. В июле предприняли три штурма, а успеха так и не добились. В августе последовал четвертый штурм, но удалось всего лишь подойти к главным линиям обороны, каменным башням.

Граббе хотел избежать лишнего кровопролития. Атаки чередовал с переговорами, и Шамиль на словах соглашался замириться. Но Граббе, помня печальный опыт Фези, требовал в заложники сына имама. Тот отказывал. 3 сентября начался пятый штурм. Со страшным

остервенением дрались даже женщины и дети. Раненые мюриды изображали, будто сдаются, протягивали шашку или кинжал и вдруг вонзали в солдата. В этом побоище погибла жена Шамиля с грудным ребенком, его сестра в безвыходном положении бросилась в ущелье. Но Граббе опять прервал бой переговорами, и Шамиль согласился выдать заложником сына Джамалуддина. Русские обрадовались, расслабились. А имам как раз этим воспользовался. Сдаваться он даже не думал, ночью с двумя десятками мюридов ускользнул через подземные ходы и пещеры. Остальные его соратники и большинство жителей прикрыли его, пали в последней схватке.

В царских войсках насчитали 580 убитых, множество раненых. Но доклады-то были победные! Войско Шамиля уничтожено! Сын в заложниках! В честь взятия Ахульго была выбита медаль с награждением всех участников. Сына Шамиля Николай Павлович принял под свое личное попечительство, определил в офицерское училище. Но имам, в общем-то, и не волновался о его судьбе. Знал, что царь не повесит его, не заточит в темницу. Шамиль вынырнул в Чечне, и у него было уже 200 воинов. Созвал «съезд чеченского народа» – и опять полыхнуло. Имам сумел договориться с популярным дагестанским лидером Хаджи-Муратом. Разослал по Кавказу своих заместителей-наибов. В западной части Кавказа его наиб Магомет-Амин не только объединил вокруг себя «немирных» жителей, но и взбунтовал часть замирившихся.

Весной 1840 г. массы горцев хлынули вдруг на укрепления по берегу Черного моря. В жестоких боях погибли гарнизоны фортов Лазаревского, Головинского, Вельяминовского, Николаевского. В Михайловском укреплении 500 солдат Тенгинского полка под командованием штабс-капитана Лико приняли бой с 5 тыс. врагов. Когда пали почти все защитники, рядовой Архип Осипов взорвал пороховой погреб – вместе с собой и с неприятелями. Николай I установил для него особую награду. Осипов стал первым солдатом, навечно зачисленным в списки части. Тогда же был введен церемониал – героя вызывали на переключке, и звучал ответ: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении!».

В мае Черноморский флот снова начал операции по высадке десантов. С большими потерями отбивали разрушенные форты, восстанавливали их. А на восточной оконечности Кавказа войска

двинулись на Шамиля и столкнулись с ним в жестоком сражении на реке Валерик, описанном Лермонтовым. Завершилось оно фактически «вничью», но имам с Хаджи-Муратом перешли в наступление. Под их контроль попал почти весь Дагестан. Началась самая тяжелая стадия Кавказской войны. Царское командование все еще цеплялось за замыслы покончить с противником быстро, массированными ударами. А у мюридов была отличная разведка. Узнав о подготовке очередной экспедиции, они перекрывали дорогу завалами из деревьев. Колонны останавливались, а их поливали пулями с заросшими лесом горных склонов. Такую тактику применили, когда генерал Граббе в 1842 г. предпринял поход на базу Шамиля, аул Дарго. Потеряли 1700 человек и вернулись ни с чем.

Были сняты со своих постов и Граббе, и главнокомандующий Головин. Но перестановки генералов не исправляли ситуацию. А наращивание сил лишь усугубляло ее. Солдаты и офицеры свежих частей, переброшенных на Кавказ, не имели нужной выучки, росли лишние потери. К тому же, сюда традиционно ссылали «штрафных». Например, направили на Кавказ польских пленных. Но они легко поворачивали оружие, 3 тыс. поляков очутились у Шамиля, из них составила личная охрана имама. Польский офицер стал у него начальником артиллерии. В его воинство вливались и русские дезертиры. Имам создал в подконтрольных районах Кавказа настоящее теократическое государство. Сформировал органы администрации. Установил налоги, ввел всеобщую воинскую повинность. Реорганизовал войска, поделив мюридов на полки по тысяче человек. Они, в свою очередь, подразделялись на пятисотенные отряды, на сотни и десятки. У Шамиля появилась артиллерия, даже собственный артиллерийский завод, где отливались пушки, собственные пороховые фабрики.

На самом-то деле резкое обострение на Кавказе стало совсем не случайным. В это же время кардинально изменилась международная обстановка. В Австрии ушел в мир иной дружественный России император Франц II. Его преемник Фердинанд был очень болен, страдал эпилепсией и гидроцефалией, государственными делами почти не занимался. Не читая, подписывал бумаги, представленные министрами, и страна стала сползать к либерализму, объявлялись амнистии политическим преступникам.

Ну а Англии и Франции не давал покоя Ункяр-Икселесийский договор с российским покровительством Турции. Они разыграли грандиозную провокацию. Вторично настроили на мятеж египетского наместника Мехмета-Али. В 1839 г. умер султан Махмуд II, и наместник двинул войска в наступление, на его сторону перешел весь турецкий флот. Но... на этот раз западные державы преднамеренно подставляли его. На трон взошел новый султан Абдул-Меджид, а он давно уже находился под влиянием англичан и французов, замышлял либеральные реформы. Россия исполнила договор, сразу же предложила помощь султану. Но ее предложили и Англия, Франция, Австрия, Пруссия, и Абдул-Меджид выбрал западных друзей.

А британцы сделали хитрый ход, привлекли для миротворческой операции Австрию. Как бы союзницу русских. На самом же деле сыграли на честолюбии главы Венского правительства канцлера Меттерниха, перетягивая австрийцев в свою упряжку. В Сирию направили английскую эскадру адмирала Нейпира с контингентами британских, австрийских и турецких войск. Совместными силами египтян разбили. Мехмета-Али заставили замириться, сократить армию с 200 до 18 тыс., вернуть султану флот и уничтожить собственные судовой верфи. Но в Лондоне прекрасно представляли – австрийцам в Сирии делать нечего. Повоевали, и отправились домой. А главными «спасителями» Османской империи оказались англичане. За «помощь» они навязали султану договор о свободной торговле, распространив его и на Ближний Восток, Египет. В следующие 10 лет он полностью обвалил турецкую экономику, привел страну в финансовую, хозяйственную и политическую зависимость от Англии.

И в это же время, в 1840 г., умер король Пруссии Фридрих Вильгельм III – тесть Николая I, друг и самый верный союзник России. На престол взошел его сын Фридрих Вильгельм IV. А он шел на поводу у своих либеральных воспитателей и советников, грезил конституцией. Его отец жестко боролся с революционной заразой. Так, в 1836 г. была раскрыта обширная студенческая организация, арестовали 204 человека, кое-кто даже получил смертные приговоры. Сын, взойдя на трон, сразу же помиловал всех политических преступников, прекратил дела по «преследованию демагогов» (революционных идеологов и агитаторов), все смутьяны были освобождены. А в международных делах новый король и его правительство начали сближение с Англией.

На двух Лондонских конференциях по урегулированию в Османской империи Россия осталась в одиночестве. Австрийские и прусские дипломаты присоединялись к британским. А в 1841 г. еще и истек срок Ункяр-Икселесийского договора, заключенного на 8 лет. На второй конференции была принята Лондонская конвенция о черноморских проливах. Возобновлялось «древнее правило» Османской империи, согласно которому Босфор и Дарданеллы признавались в мирное время закрытыми для всех военных кораблей. В том числе и для русских. Нашему Черноморскому флоту пресекали выход в Средиземное море. А гарантами безопасности Турции и выполнения конвенции о проливах признавалась вся коалиция европейских великих держав. Англия, Франция, Австрия, Пруссия. России оставалось только присоединиться к ним, чтобы вообще не очутиться за бортом.

Но реальной покровительницей султана отныне стала Великобритания. Между прочим, стоит иметь в виду, что в те времена она представляла собой не небольшое островное государство. Это была гигантская мировая империя. Ей принадлежали Канада, Австралия, Новая Зеландия, Капская колония в Южной Африке, Сингапур, Малакка, Бирма. Она подмяла под себя экономику стран Центральной и Южной Америки. Завершила покорение Индии. Но британцам этого было мало. Они нацеливались на мировое господство, и их империя была весьма агрессивной. В 1839 г. английские войска вторглись в Афганистан.

А Китай посмел ограждать себя высокими тарифами и пошлинами от засилья британских товаров. Причем главным из этих товаров, поставляемым из Индии, был опиум. Англичане получали на наркоторговле сверхприбыли! Китайское правительство запретило его ввозить, но продолжалась широкая контрабанда. С ней повели борьбу, в 1839 г. в Кантоне конфисковали 20 тыс. ящиков опиума. Но тогда Англия объявила войну, в 1840–1841 гг. направила сюда свой флот. К британцам охотно присоединились и эскадры Франции, США.

У одряхлевшей Китайской империи было 800 тыс. солдат, но ее флот из легких джонок англичане и их союзники расстреливали из орудий. Бомбардировками крушили прибрежные китайские города. Сея ужас, смерть и разрушения, стали продвигаться по рекам вглубь страны. Тем самым вынудили императора Доагуна заключить в 1842 г.

Нанкинский договор. Англия получила в Китае постоянную базу, остров Гонконг. Китайские порты были открыты для торговли Великобритании и ее союзников. В страну хлынули потоки опиума, превращая народ в наркоманов, подрывая хозяйство и создавая почву для последующего закабаления. Как видим, разборчивостью в средствах «цивилизованные» европейцы не отличались.

А Николай I в сложившейся обстановке видел – европейское равновесие, которое он создавал союзом с Пруссией и Австрией, поползло по швам. Старался спасти этот союз. Регулярно навещался в Берлин к Фридриху Вильгельму IV. При личных беседах тот заверял, что прежние обязательства, принятые его отцом, остаются в силе. Курс Пруссии будет неизменным. Но царь уезжал, а либеральные советники оставались рядом, и заявления короля расходились с действительностью. Сами по себе эти поездки были опасными. За императором охотились польские террористы, а в Пруссии теперь они чувствовали себя вольготно. Управляющий III Отделением Дубельт, получая донесения о подготовке терактов, перед очередным путешествием за границу даже дал Бенкендорфу пару заряженных пистолетов. Упросил потихоньку положить в коляску государя, где-нибудь под сиденье [87].

А в августе 1843 г., отправляясь в Берлин, Николай Павлович указал военному министру Чернышеву на своего наследника: «В случае, если я не возвращусь, вот ваш командир». Но царь всегда говорил, что охраняет его Господь, что и подтвердилось. Обрато из Берлина он выехал через Познань. С ним было всего 6 сопровождающих, катили тремя колясками. Прусские власти не держали в тайне маршрут и время проезда, террористы все узнали. Но возле Познани Николая встретили представители городского начальства. Сообщили, что в городе хоронят прусского генерала Крона, многолюдная процессия заполонила улицы. Просили направиться в объезд, и император повернул вокруг Познани. Но последняя, третья коляска с чиновниками походной канцелярии Суковкиным и Кириллиным, отстала. Их не предупредили, они въехали в город. На главной улице загрела стрельба, карету изрешетили 10 пуль. Лишь по случайности никто не пострадал, только шинель Кириллина пробило тремя пулями [88].

Были и обычные дорожные опасности. В другой царской поездке лед на Немане оказался подтаявшим, и экипаж императора провалился. К счастью, недалеко от берега, где было еще мелко. Но в экипаж хлынула вода. Ямщик выбрался на берег, звал на помощь. Прибежал оказавшийся поблизости майор Думбровский (по другим источникам – Добровольский). Человеком он был могучим, вошел в реку и вынес Николая Павловича на своих плечах. С помощью солдат и собравшегося народа вытащили экипаж.

А между тем за границей, в том числе и в «дружественных» Пруссии и Австрии, набирала обороты информационная война против России. Сыпались мыслимые и немыслимые обвинения. Снова Польша, Кавказ, мнимые планы захватить Константинополь. Прусский кронпринц Вильгельм при встрече с царем спрашивал, почему же тот не отвечает в прессе на враждебные выпады. Николай I ответил: «Я никогда в жизни не унижусь до того, что начну спорить с журналистами» [89]. Впрочем, в письме Паскевичу он раскрыл более глубокую подоплеку: «Мне уже часто предлагали отвечать на статьи и брошюры, издаваемые за границей с ругательствами на нас». Император считал это «ниже нашего достоинства» и бесполезным: «Мы будем говорить одну истину, на нас же лгут заведомо; потому неравен бой. Сильнее гораздо опровержение в самих делах, когда они доказывают ложь... Мы идем чисто, прямой дорогой, а вот чем нам платят. Потому и теперь не могу согласиться заводить полемику; пусть лают на нас, им же хуже» [90].

Нагнетание напряженности и европейские перемены были настолько тревожными, что царь в 1843 г. счел необходимым скорректировать военные планы. До сих пор западные границы прикрывали союзные Австрия и Пруссия. Но Николай уже предвидел: они могут оказаться в стане врагов. В своем проекте он выделил два сектора: северный – «против Пруссии»; и южный – «против Австрии» и «против Турции». Царь определил уязвимые места обороны, наметил строить еще несколько крепостей. Повелел продолжить ряд шоссейных дорог, обеспечить коммуникации потенциальных фронтов [91].

Хотя главным своим долгом Николай Павлович считал разрядить конфронтацию. Использовал для этого не только государственную, но и свою личную дипломатию. В 1844 г. он предпринял большое турне за границу. Побывал в Берлине, а оттуда неожиданно направился в...

Лондон. С англичанами визит не согласовывали, они узнали всего за два дня – когда царь по дороге заглянул к королю Нидерландов. Но визит и не был официальным. Не предполагал никаких переговоров. Просто монарх одной державы заехал из дружеских чувств к королеве другой. Император сошел с корабля ночью, остановился в российском посольстве. Но, конечно же, такая сенсация поставила «на уши» всю Англию. Разумеется, королева Виктория приняла венценосного гостя по высшему разряду. Были приемы, парады, охоты, посещение скачек, оперного театра. А были и обычные для государя прогулки по улицам Лондона, он навестил целый ряд известных лиц, в том числе и враждебных к России.

О цели его приезда строили самые невероятные предположения и европейские политики, и журналисты. А она была совершенно простой – разрушить предубеждения против нашей страны и царя, нагромождавшиеся на Западе. И этой цели Николай Павлович достиг. Его простота, непринужденность, открытость, совершенно обворожили и британский двор, и все английское общество. Даже явные проявления вражды он не без юмора сглаживал. Например, у графини Сомерсетской был назначен благотворительный бал «в пользу неимущих польских выходцев». То есть, устроившихся в Англии польских революционеров и террористов. Царь отлично это понимал. Но отправил к графине российского посла с некоторой суммой денег и письмом, что ему угодно видеть в бале «лишь дело благотворительности, а не политическую демонстрацию».

Были и частные беседы государя с членами британского кабинета – лордом Эбердином, Пилем и др. С ними Николай пытался разрешить политические разногласия, развеять недоверие. Свою позицию он, как обычно, выражал прямо, коротко, честно. А самым острым вопросом был – развал и недавние мятежи в Османской империи, которую царь назвал «больным человеком». Он открывал карты, что Россия ни в коем случае не желает «смерти больного человека», в чем обвиняли нашу страну. Наоборот, старается поддерживать и подкреплять Турцию, что уже доказала, спасая ее в 1833 г. Потому что падение Османской империи было чревато общеевропейской войной.

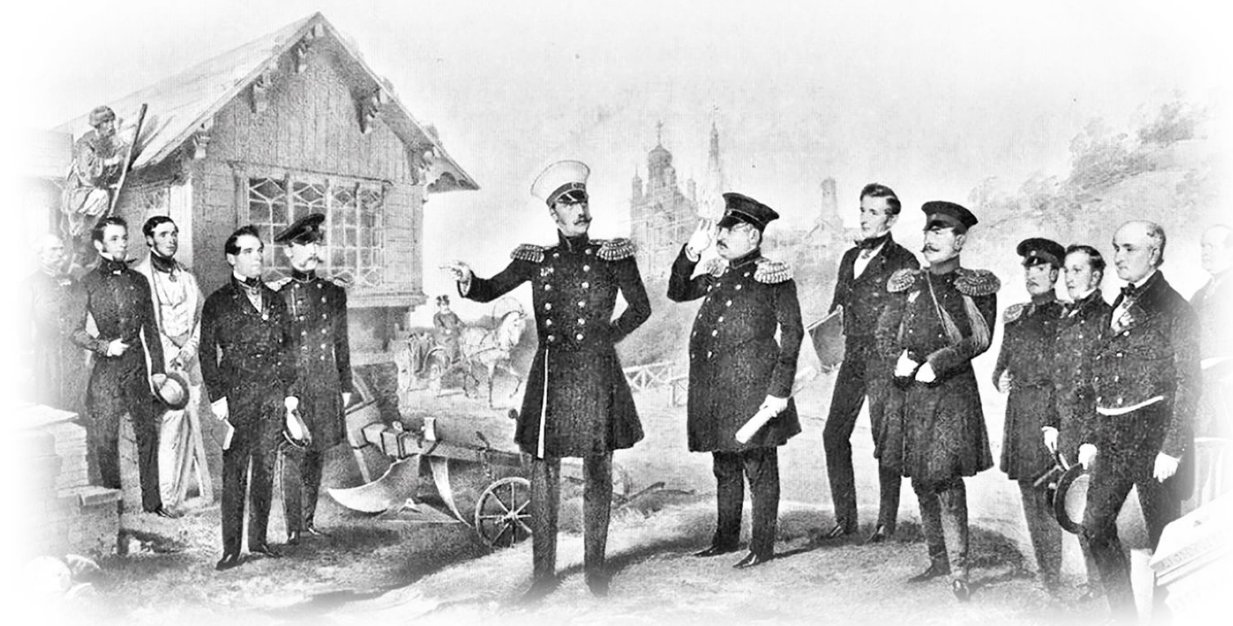
Тут уж вмешались бы и Россия, и Австрия, и Англия, и Франция. «Сколько пороховых бочек близ огня! Кто помешает искрам взорвать их?». Государь указывал прямо: «Я не хочу единого вершка турецкой

земли, но не позволю и другим державам присвоить хотя бы один вершок». Он раскрыл секретное соглашение с Австрией, заключенное в 1833 г. – всеми силами поддерживать стабильность Османской империи, а в непредвиденных ситуациях действовать сообща, согласовывая свои позиции. Такое же соглашение Николай Павлович предлагал и Англии [92]. Вот здесь он ошибся. Англичан не интересовала стабильность и общеевропейская безопасность. Они-то как раз специализировались на «ловле рыбки в мутной воде».

И соблюдение взаимных интересов, разграничение сфер влияния им тоже были не интересны. В различных регионах земного шара они нацеливались урвать выгоды только для себя. Ну а победа Николая Павловича над британским «общественным мнением» стала очень недолговечной. В немалой степени дело испортил российский канцлер Нессельроде. После царского визита в Лондон издал официальный меморандум в таком робком и заискивающем тоне перед англичанами, что свел на нет успехи личного обаяния государя [93]. Да и само западное «общественное мнение» легко регулировалось прессой. Его и повернули в прежнее русло, нужное для истинной британской политики. А рыцарским кодексам в этой политике места не было.

С 1842 г., как только Ункяр-Искелесийский договор сменился Лондонской конвенцией, а для турок – покровительством Англии, она направила послом в Османскую империю нашего «знакомомого» Стрэтфорда Каннинга. Того самого, который вел тайные дела с декабристами. Он быстро стал главным советником султана Абдул-Меджида и вообще самым влиятельным лицом в Константинополе! Стоит ли удивляться «совпадению», что великим визирем в это же время стал Решид-паша, «отец» турецких масонских лож и основатель либеральной партии «Молодая Турция». В своих играх британцы делали ставку и на Шамиля. Турки возобновили связи с горцами и помощь им. Поэтому активизация и успехи мюридов тоже стали отнюдь не случайными.

ГЛАВА 25. РОССИЯ НА ПОДЪЕМЕ

Николай I на строительных работах.
Художник М. А. Зичи.

Многообразие дел, которыми приходилось заниматься Николаю Павловичу, и зачастую одновременно, просто поражает. Систему образования он кардинально реформировал. До сих пор ее основу составляли «классические» гимназии, делавшие упор на гуманитарные дисциплины – как считалось, для воспитания «просвещенного» дворянства и чиновничества. Но царь сам тяготел к точным наукам, отлично осознавал, что стране нужны технические специалисты. В 1839 г. он повелел организовывать в гимназиях «реальные» классы для «преподавания технических наук». А в 1840 г. по всей стране стали создаваться училища двух типов, уездные (4 года обучения) и реальные

(7 лет). По направленности они разделялись на технические, коммерческие и агрономические.

Открывались и новые высшие учебные заведения: Морская и Артиллерийская военные академии, Строительное училище в Петербурге, Константиновский межевой институт в Москве, Ветеринарная школа в Дерпте. Царь учредил также несколько женских институтов, создал Комитет о женском образовании и Главный совет женских учебных заведений. Николай организовал особые казенные училища даже для евреев, они действовали наряду с частными и раввинскими школами. Но гораздо больше царь сделал для своего народа, он впервые озаботился массовым образованием для крестьян. Для них было устроены сельские школы, их открыли более 2,5 тыс., и обучалось в них 111 тыс. человек.

Но в том же самом 1840 г., когда развернулись тяжелые бои на Кавказе, дипломатические баталии вокруг Османской империи, создавалась сеть реальных училищ, грянуло еще и стихийное бедствие. Неурожай. Особенно пострадали Тульская, Калужская, Рязанская, Калужская губернии. Царь направил туда графа Строганова, предоставив ему чрезвычайные полномочия. Выискивал меры для спасения от голода, денежные ресурсы – а их требовалось много, средств не хватало [94]. И все же удалось нормализовать положение, не допустить катастрофы.

Николай Павлович не оставил и замыслов об освобождении крепостных. Внедрял частные меры вроде запрета приобретать крестьян для безземельных дворян. Вместе с Киселевым он разработал указ об «обязанных крестьянах» – помещик мог отпустить крепостного на волю, заключив с ним договор, что тот, уже лично свободный, будет платить определенный оброк. Получалось, что дворяне не остаются в накладе, многие из них давно уже отпускали крепостных «на оброк». Поэтому государь был уверен в успехе. 30 марта 1842 г. он сказал супруге: «Благослови меня, жена! Я стою перед самым значительным шагом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян» [102].

Проект был принят, 2 апреля Николай подписал указ. Но... исполнение-то предполагалось добровольное! Хотя сам царь пропагандировал подобный механизм, на встречах с дворянскими

делегациями призывал использовать его. Не тут-то было. Зачем помещикам было внедрять какие-то новшества, да еще и возиться с договорами? Не откликнулся почти никто, как и на следующий указ от 12 июня 1844 г., о праве освобождать дворовых крепостных без земли. Дело, казавшееся Николаю Павловичу таким перспективным, завязло в дворянской среде.

Куда более успешно Николай I решил другие проблемы, доставшиеся ему от предшественников. Одной из них была совершенно расстроенная финансовая система. Еще его бабушка Екатерина II наряду с металлическими деньгами ввела бумажные ассигнации. Их можно было обменять на «ходячую монету». Но... только на медную. Потому что золота и серебра в казне постоянно не хватало. Государственные расходы компенсировали увеличением чеканки медных денег и новыми выпусками ассигнаций. В России возникли две валюты. Конвертируемая – серебряный рубль, и внутренняя – ассигнации и привязанные к ним медные копейки.

И постепенно курс внутренней валюты снижался. В 1815 г. рубль ассигнациями или медью котировался в 5 раз дешевле серебряного. Часть ассигнаций стали изымать из обращения. Но их курс колебался и оставался низким. Заслугу финансовой реформы обычно приписывают министру финансов Канкрину. Факты говорят другое. Его министерство плыло по инерции, пока за дело в 1839 г. не взялся сам царь. На заседании Государственного совета он пояснил, что в начале правления слепо полагался на мнения специалистов в финансовой области и следовал им. Но за годы царствования «стыдно было бы доверяться на слово и не приобрести самому каких-нибудь практических познаний».

Было создано промежуточное звено, депозитная касса, обменивавшая ассигнации на депозитные билеты по курсу 3,5 руб. за серебряный рубль. А в 1841 г. был начат выпуск новых банкнот, кредитных билетов – привязанных уже не к медным деньгам, а к серебряным. В 1843 г. Царь вынес на рассмотрение Государственного совета собственный проект завершения реформы, и тот же Канкрин оценил его очень высоко. Говорил: «Дай Бог, и я скажу это без всякой лести, нашему брату, поседевшему в подобных делах, написать что-нибудь подобное» [96]. Ассигнации окончательно упразднились. Из нескольких видов банкнот сохранялись только кредитные билеты. Медные копейки снова привязывались к серебряному, а не к бумажному

рублю. Такая реформа Николая I стабилизировала и упрочила финансы России.

А это способствовало решению другой застарелой проблемы – развитию промышленности. К началу царствования Николая I ее состояние было наихудшим за всю историю Российской империи! Промышленности, способной конкурировать со странами Запада, по сути, не существовало! Россия экспортировала только сырье, превращаясь в такой же придаток британской экономики, как страны Латинской Америки. Львиная доля изделий высокого качества закупалась за рубежом. При Николае Павловиче положение стало меняться, и очень резко. Хотя никаких программ индустриализации в те времена не принималось. Но первым делом сказалось наведение дисциплины и порядка в стране. Предпринимательство становилось защищенным от чиновничьего произвола, от злоупотреблений и хищничества.

Важным было и личное внимание государя. Он периодически встречался с купечеством. В поездках по стране посещал заслуживающие внимания предприятия. Через Государственный коммерческий банк на строительство заводов и фабрик выделялись кредиты. Николай занялся и развитием казенных предприятий, особенно металлургических. Полезные новшества отмечались, поощрялись. Царь поддержал политику ограждения интересов отечественных предпринимателей повышением тарифов на импорт. Добавилась финансовая реформа. И если в 1830-х гг. успехи были еще плавными, малозаметными, то в 1840-х они прорвались бурным подъемом.

В России создавались технически передовые текстильная и сахарная промышленность, множились фабрики и мастерские по производству стеклянных, фарфоровых изделий, металлообрабатывающие, кожевенные, швейные, обувные предприятия. Именно тогда родилось отечественное машиностроение. Мы уже отмечали, что в 1830-х столичный литейный завод смог строить подводные лодки. Начали изготавливать российские инструменты, станки, даже паровозы. Производство хлопчатобумажных тканей, за время правления Николая I увеличилось в 30 раз, объем продукции машиностроения в 33 раза! Годовая выработка на одного

рабочего выросла втрое. Но росло и число самих рабочих – доля городского населения увеличилась более чем вдвое.

Вслед за первой шоссейной дорогой от Петербурга до Москвы Николай Павлович распорядился строить следующие, от столицы на Варшаву, от Москвы сразу несколько – на Смоленск, Ярославль, Тулу, Рязань, на Нижний Новгород – и дальше в Сибирь, на Иркутск. Протяженность дорог с твердым покрытием за годы его царствования достигла 8,5 тысяч верст. За это же время царь успел проложить 2 тыс. верст линий телеграфной связи. Продолжалось строительство Николаевской железной дороги.

Все эти многообразные хлопоты царя дополнялись и семейными делами. А в монархической России они были совсем не «личными». Наследнику Александру отец уже давал ответственные поручения, посылал для переговоров за границу. В одном из таких путешествий ему организовали неофициальные «смотрины» невесты, ею стала Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская. Она прибыла в Россию. Как водится, перешла в православие, превратившись в Марию Александровну. 16 апреля 1841 г. состоялось пышное венчание. А вскоре Николай Павлович стал дедом. Один за другим стали рождаться внуки: Александра, Николай, Александр (будущий Александр III), Владимир, Алексей, Мария...

Выходили замуж и дочери. Мария стала герцогиней Лейхтенбергской, и тоже принесла отцу 7 внуков и внучек. Со второй дочерью, Ольгой, дело долго не ладилось. Претендентов на ее руку и сердце было сколько угодно, но они по разным причинам не подходили ни царевне, ни родителям. Однако с детьми как-то устраивалось, а все большую тревогу вызывало здоровье императрицы. Ее нервная болезнь, полученная в день восстания декабристов, прогрессировала. Александра Федоровна исхудала, у нее случались приступы лихорадки. В 1832 г., после седьмых родов, врачи потребовали, чтобы государь прекратил с ней супружеские отношения. Доказывали, что следующих родов она не переживет.

А Николай Павлович был мужчиной видным, в расцвете сил. У него появилась возлюбленная, Варвара Нелидова. Сирота из обедневшей семьи, царь познакомился с ней на маскараде. Она понравилась и царице, была зачислена фрейлиной. Осуждать ли за это императора? Каждый ответит по-своему. Хотя можно вспомнить слова

Евангелия: «кто без греха, пусть первым бросит камень». Стоит учесть, что нравы в XIX в. были очень вольными. Внебрачные связи не считались слишком серьезным грехом. Например, Пушкин перед свадьбой с Натальей Гончаровой, даже похвалялся, что это его сто тринадцатая любовь. Но Николай I все же выделялся из своих современников. Он не искал мимолетного удовлетворения желаний. Его близость с Нелидовой стала прочной, длилась 17 лет. И она-то была делом сугубо личным. Варвара не стала фавориткой царя. Не получала никаких наград, пожалований, не пользовалась близостью с государем для родных и друзей. Она просто любила Николая Павловича. Он отвечал ей привязанностью и дружбой.

А. И. Соколова, относившаяся к императору очень неприязненно, запустившая в оборот ряд сплетен о нем, в данном случае признавала: «Единственная серьезная вошедшая в историю связь его была с Варварой Аркадьевной Нелидовой... Но связь эта не могла быть поставлена в укор ни самому императору, ни без ума любившей его Нелидовой. В нем она оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую государь обожал, но которую берег и нежил. Как экзотический цветок. Нелидова искупала свою вину тем, что любила государя всеми силами своей души, не считаясь ни с его величеством, ни с могуществом, а любя в нем человека. Императрице связь эта была хорошо известна... Она, если так можно выразиться, была санкционирована ею» [97].

А фрейлина Мария Фредерикс вспоминала: «Все делалось так скрыто, так благородно. Например, я, будучи уже не очень юной девушкой, живя под одним кровом, видясь почти каждый день с фрейлиной Нелидовой, долго не подозревала об отношениях, существовавших между императором и ею. Она не помышляла обнаруживать свое исключительное положение среди своих сотоварищей... Она была достойная женщина, заслуживающая уважения» [98]. Да, это было сугубо личное дело государя, наглухо замкнутое в мирке его кабинета, где он отдыхал на жесткой койке, покрытой шинелью. А любовь Нелидовой помогала этому отдыху.

За всеми проблемами Николаю приходилось очень трудно. Один за другим уходили из жизни его помощники. Сперанский, министр юстиции Дашков, председатель Государственного Совета Васильчиков. Особенно тяжелым выдался 1844 г. В Петербурге сыграли свадьбу

младшей дочери царя Александры с принцем Гессен-Касельским. Радовались, строили планы. Дочка почти сразу забеременела. А когда царь в Лондоне вел сложнейшие переговоры, он вдруг получил известие лейб-медиков: у Александры обнаружили туберкулез. И уже в последней стадии, без надежды на выздоровление. Она родила сына за три месяца до срока, и ребенок прожил лишь несколько дней. Почти одновременно с ним умерла дочка, пожелав родным – «будьте счастливы».

Вскоре скончался ближайший соратник царя, его спутник во всех путешествиях, Бенкендорф. На посту начальника III Отделения его сменил граф Орлов. Следом похоронили А. Н. Голицына. Переживания и утраты, постоянные перегрузки, подорвали здоровье самого Николая. В декабре он расхворался. Ставили диагноз «водянка», хотя он не подтвердился, Николай Павлович переборол болезнь. А вот состояние царицы совсем ухудшилось. Доктора вынесли вердикт, что ей необходимо сменить климат. Самым подходящим называли Сицилию. Да и то сомневались, поможет ли. Представляя, что жена может умереть где-то вдалеке, царь со слезами умолял врачей: «Оставьте мне мою жену!» Но, обсудив, решили, что ей надо ехать. В августе 1845 г. Александра Федоровна отправилась в Италию, а ее муж, как обычно, покати по России.

Объехал южные области, Елисаветград, Николаев, Севастополь. И все же решил сделать жене сюрприз, из Харькова повернул за границу. Перехватил супругу в Милане, сам проводил до Палермо. Но даже это путешествие Николай Павлович сочетал с важными политическими делами. Откровенно враждебно вел себя Ватикан. Не забыл удара по униатам. Раздувал спекуляции о преследовании католиков в нашей стране. Устраивал провокации, вроде «сенсационных» показаний неких монахинь, якобы бежавших от царских гонений. А фактически католическая церковь стала религиозным прикрытием для польских революционеров. Ее структуры в России возглавлял Могилевский архиепископ, и Николай Павлович предлагал учредить новую кафедру архиепископа, в Санкт-Петербурге (под покровительством, но и под присмотром правительства). Однако это лишало католиков обособленной базы в польско-литовских землях. Ватикан раз за разом отвергал подобный проект.

Царь даже собирал в Петербурге католических епископов и высказался перед ними открытым текстом: «Давно бы уже пала ваша церковь в моем государстве, если бы я не поддерживал ее верными средствами. Знайте, что она должна опасаться не правительства, а своего собственного духовенства. Между вами есть столько порочных священников, что даже страшно вспоминать о том. Духовенство ваше преисполнено или фанатизма, или равнодушия. Но фанатизма не религиозного, а политического, и под религиозными предложениями старается оно скрыть неповиновение и сопротивление правительству». Предупредил: «Я буду строго наказывать преступных, потому что отвечаю за их поступки» [99].

Ну а теперь Николай Павлович из Сицилии направился прямо в Рим, вызвав там изрядный переполох. Как обычно, открыто гулял по городу, осматривал достопримечательности, общался с людьми. Состоялась и его встреча с папой Григорием XVI. В общем-то полноценного диалога не получилось. Престарелый понтифик повторял заученные штампы о бедственном положении католической церкви в России. Государь отвечал учтиво, но твердо. Разъяснял действительное состояние дел, искаженное пропагандой. Но папа его доводам не внимал. Визит стал вроде бы безрезультатным. На самом деле – нет, государь все-таки сумел «сломать лед».

Переговоры продолжились уже без него, царскими дипломатами, и через 2 года удалось подписать конкордат (договор Ватикана с каким-либо государством). Он закрепил те самые положения, которые отстаивал Николай. Россия получила покровительство над католическими структурами на своих землях, поддерживала их ежегодными субсидиями в 104 тыс. рублей. Но католические епископы отныне назначались по взаимному согласию царского правительства и Ватикана, приходские священники – с согласия местных властей. Главой католической церкви в России остался Могилевский архиепископ, но... его резиденция переехала в Петербург.

А из Рима государь заехал в Вену, провел переговоры с австрийским канцлером Меттернихом. Он был совсем не другом России, всегда отстаивал интересы Австрии. Но в данное время они в основном совпадали. В ходе своей поездки царь составил весьма тревожное впечатление о настроениях в Европе, в том числе и в Австрии. Чувствовал, что в воздухе пахнет очередными политическими

потрясениями. Меттерниху Николай сказал откровенно: «Пока живы Вы – государство продержится. Что будет, когда Вас не станет?».

К счастью, отдых и лечение на Сицилии помогли императрице. Домой она вернулась только летом 1846 г., чувствовала себя гораздо лучше. В Палермо с Александрой Федоровной находилась дочь Ольга, и там она наконец-то встретила свою любовь, наследного принца Вюртембергского Карла. Его предложение о браке было принято. После возвращения в Россию сыграли свадьбу. Ее специально назначили 1 июля, в день рождения царицы и в годовщину ее венчания с Николаем. Вскоре Ольга уехала к мужу в Штутгарт.

А государю на родине снова пришлось столкнуться с религиозным конфликтом. Причем спровоцировали его извне. В этом приняли участие власти Турции и некие силы в «дружественной» Австрии. В обеих державах существовали общины русских эмигрантов-старообрядцев. Их активисты нашли покровителей в правительстве Австрии и договорились, чтобы на ее территории в Белой Кринице создать монастырь и кафедру архиерея – который будет рукополагать епископов, священников и посылать в Россию. На эту роль уговорили митрополита Амвросия (Паппа-Георгополи) из Константинопольской патриархии. Он был снят со своего поста за ссору с турецкой администрацией, сидел в тюрьме за долги, бедствовал.

Но обеспечением операции занялись именно турки. Через свои владения они провезли митрополита тайно, в наряде и с документами казака-некрасовца, и только на австрийской границе дали ему настоящий паспорт – чтобы сведения раньше времени не просочились в Россию. А в Вене его принял император Фердинанд. Напомним, сам он делами не занимался. Но ведь кто-то устроил аудиенцию, придавая начинанию солидный статус. В 1846 г. была создана Белокриницкая церковь, митрополит рукоположил двух епископов и нескольких священников.

Могло ли Николаю понравиться, что в Россию стали конспиративно засылать старообрядческих священников, подчиняющихся зарубежному начальству? Царь потребовал от Австрии прекратить деятельность Амвросия. Австрийское правительство поспешило загладить трения. Митрополита вызвали в Вену, предложили выбор – вернуться в Константинопольскую патриархию или отправиться в пожизненную ссылку. Он выбрал второе и доживал

век монахом в Словении. Но организаторам Белокриницкой церкви он был больше и не нужен. У них уже были епископы, рукополагали священников.

В России этих гостей из-за границы стали отлавливать. Под удар попали и общины, принимавшие их. Ну а слишком усердные чиновники и жандармы принялись шерстить всех «раскольников» подряд. Однако такую повальную кампанию царь остановил. Он боролся лишь с нарушителями законов и с течениями, опасными для государства и Православия. Николай Павлович поправил даже терминологию, запретив вешать на старообрядцев ярлык «раскольников». В 1850 г. своим указом он повелел именовать раскольниками только «вредные секты» – духоборцев, иконоборцев, жидовствующих и т. д., а остальных называть «староверами» и не трогать.

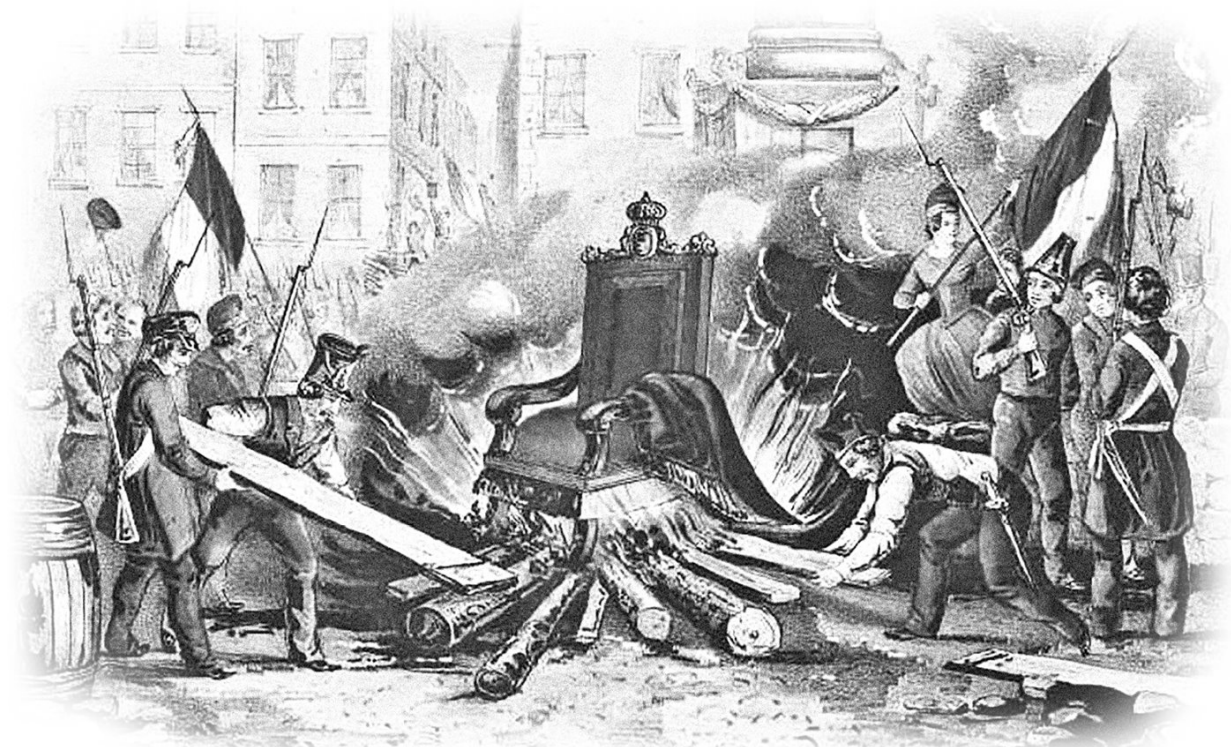
Что же касается освобождения крестьян, то оно оставалось постоянной заботой царя. В Грузии еще при Александре I был введен закон, разрешающий крепостным выкупаться на волю при продаже имения с торгов. В 1847 г. Николай Павлович решил распространить его на всю Россию, подписал соответствующие указ. В перспективе это могло привести к освобождению большинства крепостных – к середине XIX в. дворянство «измельчалось» и разорялось, превращаясь в офицерское и чиновничье сословие, две трети поместий оказались заложенными. Но царь снова столкнулся с сопротивлением сановников. Они на 2 года затянули разработку практических механизмов выполнения царского указа, и в итоговом «Положении о порядке продажи имений с публичных торгов» крестьянам дозволялось выкупаться на волю лишь с согласия помещика.

Царь обсуждал и правила освобождения дворовых – тех крепостных, кто не имел земли и хозяйства. Распорядился выделить 100 тыс. руб., чтобы давать им ссуды от казны. А 3 марта 1848 г. Николай Павлович подписал и ввел закон, позволяющий крепостным приобретать недвижимость на себя, а не на имя хозяина. Был налажен государственный контроль над помещиками. Например, царю доложили, что дворянин Гродненской губернии Бортновский жестоко обращается с крепостными, и приговор был строгим: «Определить рядовым в Отдельный Кавказский корпус» [100]. И не случайно

простой народ так почитал Николая Павловича, величал его «батюшкой», «заступником».

Усилия его крестьянской политики в своей совокупности все же давали результаты. За время его царствования доля крепостных среди населения России сократилась с 57–58% до 35–45%. Под руководством государя была проведена огромная подготовительная работа к окончательному освобождению. Для этого формировался юридический фундамент, постепенно продавливалась психология дворян, приучая их к мысли, что рано или поздно такая перемена неизбежна. Хотя осуществить ее довелось уже не Николаю I, а его сыну.

ГЛАВА 26. «ЯКО С НАМИ БОГ!»

Революция 1848 года во Франции, смутьяны жгут королевский трон

Масонское реформаторство, заразившее Европу, постепенно углублялось. В дополнение к либерализму появлялись еще более радикальные учения – социализм, анархизм. Оплотом всех революционеров оставалась Англия. А Франция раскрутила себе дутую славу «культурного» центра Европы и стала рассадником «прогрессивных» учений. Хотя тем самым расшатывала и собственные устои. На этом тоже играла Англия. На международной арене они были союзниками, но в Лондоне считали Францию и соперницей. После революции 1830 г. там заправляла узкая группировка финансово-промышленных олигархов. Для британских олигархов они были конкурентами. Но и у себя на родине их засилье раздражало круги буржуазии, не дорвавшейся до «кормушки», творческую

интеллигенцию. Поэтому новая раскачка пошла под лозунгами «борьбы с коррупцией», расширения избирательных прав. Впрочем, в других странах выдвигались иные лозунги, злободневные в местных условиях. Объединение Германии и Италии, возрождение Польши, национальные автономии в Австрии или в Османской империи. Но повсюду это увязывалось с конституциями, «свободами» и «правами».

Николай Павлович чувствовал – Европа катится к взрыву. В 1845 г. он объявил внеочередной рекрутский набор, якобы для войны на Кавказе. Это вызвало серьезное недовольство среди дворян. Но своим флигель-адъютантам Государь пояснил: «Господа, я знаю, на меня ропщут: если бы я был помещик, я бы и сам роптал. Кавказ – только предлог; в скором времени вы узнаете настоящую причину сего набора: они самые важные. Мне больно во всеобщем ропоте то, что в двадцать лет моего царствования меня не узнали, еще и не поняли, что без особенной причины я никогда не брал рекрутов» [101].

Его опасения оправдались. В Париже разрабатывались планы «Большого восстания» в Польше, оно должно было одновременно полыхнуть в прусских, российских и австрийских владениях. В Познань из Франции перебрался штаб революции во главе с «диктатором» Мерославским. В Пруссию и австрийскую Галицию завозили оружие, формировали отряды боевиков. Но царские власти лучше присматривали за порядком, на своей территории агитаторов своевременно арестовали. Раскрыли заговор и в Пруссии, взяли всю верхушку, 254 человека. Они предстали перед судом по обвинению в государственной измене. Правда, 134 их них оправдали, но 8, в том числе Мерославский, были приговорены к смертной казни (приговор в исполнение так и не привели), остальные угодили в тюрьму.

Заговорщики выступили только в Австрии. В феврале 1846 г. захватили Краков, властью объявил себя Революционный комитет и призвал всех поляков к оружию. Отряды стекались к Кракову, оттеснили австрийские части. Николай I немедленно привел в готовность войска. Два корпуса получили приказ выступить сразу же, если австрийцы попросят о помощи. Но на этот раз она не понадобилась. Ведь в восставшей Галиции поляки были помещиками. Крестьяне ненавидели их. Австрийские власти сделали то, чего русские в Польше себе не позволяли. Отменили в Галиции крепостное право и подняли крестьян против панов.

Те не заставили себя упрашивать. Ринулись грабить и жечь усадьбы, истреблять поляков. Австрийская администрация выплачивала им деньги за пленных, раненых, убитых мятежников. Но за убитых сумма была самой большой, так что пленными крестьяне себя не утруждали. И не особо разбирались, мятежник или нет. Приканчивали поляков всех подряд, отрезали головы и приносили для получения награды. За несколько дней, по разным оценкам, перебили от 1200 до 3000 человек, и окончательно подавить повстанцев, ошалевших от ужаса, уже не составило труда.

Но и Николай Павлович не преминул воспользоваться этими событиями для следующего шага к освобождению крестьян. После того, как австрийцы упразднили крепостное право в Галиции, Паскевич по указанию царя ввел в российской части Польши «инвентарии», жестко регламентирующие положение крестьян. Хозяев лишили права уменьшать их наделы, увеличивать повинности и оброки. В 1847 г. государь ввел аналогичные «Правила по управлениям именьями» в Киевском генерал-губернаторстве, на Правобережной Украине. Намеревался и дальше распространять эти меры на всю Россию. Следующий шаг он сделал 28 декабря 1852 г., были приняты «Инвентарные правила для управления помещичьими именьями в северо-западных и белорусских губерниях». Но ввести их уже не успели – помешала война.

Казалось, что она готова разразиться и раньше. Польское восстание 1846 г. оказалось лишь прологом (или фальстартом) более крупных потрясений. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV открыто заговорил о конституции, и Николай комментировал: «Братец мой шалит» [102]. А шалости «братца» дошли до того, что в 1847 г. он созвал ландтаг (парламент), провозгласил программу либеральных реформ. Государь писал Паскевичу: «Итак вот, чего мы опасались, сбылось! Пруссия из наших рядов выбыла, и ежели еще не перешла в ряды врагов, то почти наверно полагать можно, что через малое время и вопреки воле короля станет явно против нас... Нас было трое, теперь мы много что двое» [103]. Впрочем, проекты прусского короля только раззадорили парламентариев! От них посыпались такие предложения, что сам Фридрих-Вильгельм перепугался, предпочел распустить ландтаг.

А между тем, 1846–1847 гг. выдались тяжелыми для всей Европы. Вспышки холеры, кризисы, неурожай. В западных странах погиб картофель, пораженный фитофторой. Особенно пострадала Ирландия. Картофель там был основной культурой, начался голод. Крестьяне в Ирландии были свободными, арендовали землю. Но не могли уплатить аренду, и их стали выгонять. Для части крупных землевладельцев это стало лишь хорошим предлогом: они как раз стали переориентировать землю на более выгодное использование, под пастбища. Результат – около миллиона крестьян вымерло. Столько же эмигрировало, растекаясь по всему миру. Вот и спрашивается – могло ли такое быть в «крепостнической» России? Забили бы тревогу помещики, царь включил бы механизмы правительственной помощи. Но трагедия разыгралась в «передовой» Великобритании, бездушные власти и лендлордов никаких возмущений не вызвало.

А во Франции неурожай дополнился экономическим кризисом. 700 тыс. человек остались без работы, цены на продукты подскочили вдвое. Российский канцлер Нессельроде и министерство финансов убедили царя, что эту страну надо спасти. Выделили правительству Франции огромный заем, 50 млн. франков, чтобы оно закупило русский хлеб. Но этот благородный шаг оказался с политической точки зрения ненужным, а с финансовой – пустым выбросом денег. В Париже кризисом воспользовалась оппозиция всех мастей, от либералов до коммунистов. Раздувала возмущение «коррупцией» в правительстве, а для преодоления таких явлений требовала расширения избирательных прав (напомним, во Франции ими пользовалась лишь богатая верхушка, 250 тыс. чел.).

С осени 1847 г. оппозиция начала кампанию «банкетов». Как бы частных мероприятий, на которые не требовалось испрашивать разрешения. Но застольями маскировались политические митинги, с «тостами» выступали ораторы. А когда власти запретили очередной банкет, угрожая разгоном, этим воспользовались агитаторы, возбуждая народ. 22 февраля 1848 г. к месту банкета на Елисейских полях стали стекаться студенты, рабочие. Толпы двинулись по улицам, пели «Марсельезу», ворвались в Бурбонский дворец, где заседал парламент. Ночью стали громить оружейные магазины и строить баррикады. Король Луи Филипп ввел в город войска, но подавлять ими беспорядки побоялся – как бы не вызвать общее восстание. Усмирить волнения

приказал Национальной гвардии (городскому ополчению). Но она стала переходить на сторону мятежников.

Тогда король демонстративно пошел на уступки, отправил в отставку правительство, ввел в него лидеров оппозиции. Согласился на избирательную реформу. Казалось, обстановка разрядилась. Люди кричали о «победе», устраивали торжествующие шествия с песнями. Но в толпах действовали провокаторы крайних радикалов. Начали натравливать «победителей» на войска, чтобы разоружать их. Где-то это сходило с рук, ничего не понимающие и деморализованные солдаты отдавали ружья. Но на бульваре Капуцнок провокация удалась. Произошла стрельба, 16 человек было убито, больше 30 ранено. Подстрекатели нашли повозку, положили на нее тело девушки и еще несколько «эффектных» трупов. Стали возить по городу, кричали: «Король приказал нас убивать!» Тут же был вброшен и новый лозунг: «Да здравствует республика!»

Париж взорвался, бушующие толпы крушили все подряд, поджигали казармы. Разнесли дворец и сожгли трон. Луи Филипп подписал отречение в пользу своего 9-летнего внука при регентстве его матери и сбежал. Герцогиня Орлеанская, мать нового короля, примчалась с ребенком в парламент, депутаты встретили их стоя, намеревались признать мальчика монархом. Но и в парламент нахлынула буйная толпа. Большинство депутатов разбежалось, остались только левые радикалы. Вместе с набившимися в парламент людьми провозгласили республику. Список Временного правительства заговорщики составили заранее. Было введено всеобщее избирательное право (для всех мужчин, достигших 21 года). Назначили выборы в Учредительное собрание. В ходе революции погибло 350 человек, более 500 было ранено.

В Петербурге об этом узнали, когда в России праздновали Масленицу. Сперва о волнениях, об отставке правительства. А во время праздничного бала у наследника Николай Павлович появился озабоченный. Сообщил, что Луи Филипп отрекся, во Франции провозглашена республика. Царь с канцлером Нессельроде ушел совещаться во внутренние покои, бал скомкался. Встречаются упоминания, будто Николай хотел подавить революцию. Но они основаны на недостоверных слухах. Командирам гвардейских полков

государь сразу же объявил: он «дает слово, что за этих бездельников французов не будет пролито ни капли русской крови» [104].

Опасались другого. Что французы загорятся распространять «свободу» штыками, полезут на Германию. В таком случае предполагалось помочь союзным монархиям. Поэтому было решено ничего не предпринимать ни против Франции, ни против других государств, пока их революции остаются внутренними делами. Но быть готовыми, если разразится война. Для этого Николай Павлович повелел весной выдвинуть крупные силы к западным границам. Паскевич был настроен решительно. Заявлял: «К весне мы можем выставить 370.000 войска и с ним пойдем и раздавим всю Европу». Но вскоре и он переменял тон, заговорил только об охране российских владений. Да и царю пришлось оценивать европейский расклад совершенно иначе.

Потому что Францией революция не ограничилась. Забурлило в Южной Италии, и в королевстве Обеих Сицилий была провозглашена конституционная монархия. В Риме сам папа Пий IX взялся за либеральные реформы, ввел конституцию. Митинги и сходки разлились по Германии. В Бадене, Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Баварии, Саксонии «общественность» требовали «свобод». А монархи всюду шли на уступки, отправляли в отставки правительства, приводя к власти либералов.

Одним из главных лозунгов революционеров стало объединить Германию – и устроить по их принципам. Во Франкфурте-на-Майне съехались представители разных немецких государств, создали общегерманский парламент. Он начал разрабатывать общегерманскую либеральную конституцию. А в Дании умер король Кристиан VIII. Его сын и наследник Фредерик VII в полной мере разделял «передовые» взгляды. Сразу издал конституцию. Но датскому королю принадлежали герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Они вдруг объявили, что желают быть не в составе Дании, а объединенной Германии. Отделились, создали свое правительство, формировали войска. Началась война.

В Австрийской империи выступления оппозиции потрясли Венгрию, Чехию. Восстания против австрийцев вспыхнули в Милане, Венеции, их войска отступили из Ломбардии, Пармы, Модены. Сардинское королевство объявило Австрии войну. В Вене 13 марта открывалась сессия ландтага. Перед ним собрались массы студентов, рабочих и прочей публики, требуя отставки Меттерниха и реформ. Так

же, как в Париже, провокаторы устроили столкновение с войсками. И результат был тот же – Вена восстала, толпы захватили арсенал, растащив оружие, строили баррикады. Недееспособный император Фердинанд капитулировал. Снял Меттерниха, отменил цензуру, узаконил вооруженные формирования революционеров под видом национальной гвардии и студенческого легиона. Но и этого показалось мало, толпы осадили дворец. 15 марта Фердинанд провозгласил созыв конституционного собрания для выработки конституции.

В Пруссии французский сценарий четко повторился. В Берлине покатались банкеты, превращаясь митинги. 13 марта возбужденный народ возвращался с такого сборища, и подстрекатели спровоцировали стычку с солдатами. Город забушевал. Король Фридрих Вильгельм IV скис. Объявил о созыве парламента, упразднил цензуру. 18 марта множество людей собралось ко дворцу выразить ему благодарность за уступки. Но опять нашлись провокаторы. Прозвучали два выстрела, неизвестно чьих, и никто не пострадал. Но народ в панике побежал, началась давка. А по Берлину уже распространили слухи о кровавой расправе, сотнях жертв. Поднялись рабочие и студенческие отряды, возводили баррикады. Начались уличные бои, погибло 270 человек.

Король совсем пал духом и приказал войскам покинуть Берлин. Объявил амнистию всем политическим заключенным. В столице вместо армии для охраны порядка создавались военизированные городские дружины. Фридрих Вильгельм сам на коне проскакал через город, кричал: «Отныне начинается для немецкого народа новая славная история!» – и скакал не с прусским, а с «революционным» общегерманским флагом. Впрочем, королю захотелось и самому половить рыбку в революционной мути. В это время Франкфуртский парламент решил принять отпавшие от Дании Шлезвиг и Гольштейн в состав «Общегерманского союза». На помощь сепаратистам выступили саксонские и ганноверские воинские части. Фридрих Вильгельм тоже послал свою дивизию – радикалам всей Германии это очень понравилось.

Николай I с болью отслеживал эти потрясения. Меттерниху написал сочувственное личное письмо. Размышлял о Пруссии: «Была ли эта страна несчастлива? Была ли она бедна, недовольна? Промышленность, искусства, науки находились ли в бедственном положении? Не представляло ли королевство вид самый богатый,

самый счастливый, какой только можно было встретить? Что же было причиной подобного посягательства на столь блестящее прошлое?» [105]. Да, в отличие от Франции, революции в Германии не имели под собой никаких материальных причин. Это было откровенное наступление деструктивных мировых сил ради утверждения собственных ценностей, сноса традиционных устоев государств и общества.

Николай Павлович на такое наступление откликнулся однозначно. Поручил барону Корфу составить Манифест, «в котором показать, как все эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконец, отпрянули от России». Хотя проект Корфа не понадобился, текст написал сам царь. Этот Манифест был издан 14 марта (по юлианскому календарю – в Европе было 26 марта). Он настолько ярко отражает натуру Николая Павловича, что имеет смысл привести его полностью:

«После благословенного долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалье скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшей по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает и нашей Богом нам вверенной России. Но да не будет так!

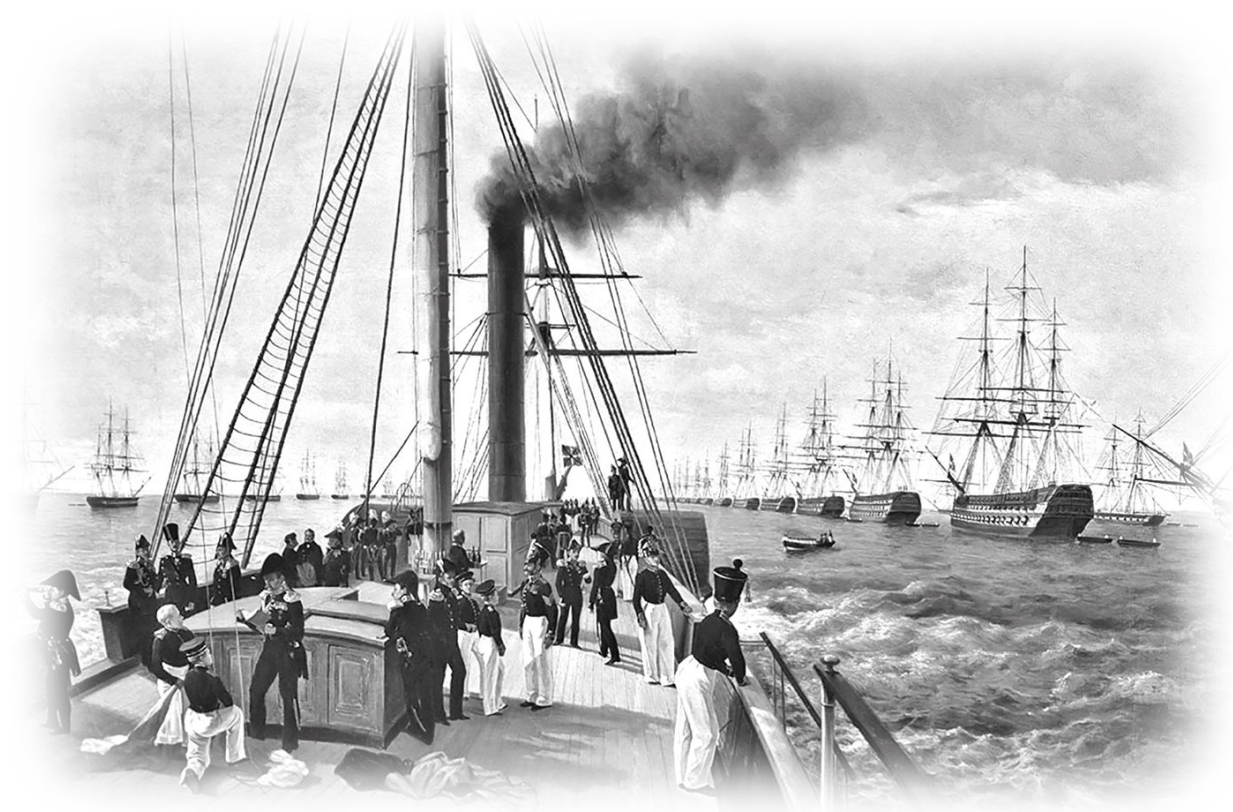
По заветному примеру православных наших предков, призвав на помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со Святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество – и ныне предскажет нам путь к победе, и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на Него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! разумеите, языцы и покоряйтесь, яко в нами Бог!» [104].

Россия осталась одна, без союзников. Но Николай I не страшился этого. Он открыто и честно бросал вызов международным силам, обрушившим в хаос всю Европу. Что ж, в западных странах реакция на

царский Манифест была «еще та» – поднялся бешеный, звериный вой. Но от тех кругов, которые оказались задеты, разве можно было ожидать иного? А заискивать перед ними государь не собирался. Он готовился защитить от них Россию. С Божьей помощью, Его крестом. И своим царским мечом. Через несколько дней, 19 марта, армия начала выдвигаться к западной границе.

ГЛАВА 27. ПОЖАР ЕВРОПЫ

Эскадра Балтийского флота.
Художник А. П. Боголюбов

Даже одно лишь выдвижение русских войск, еще без выстрелов, позволило одержать первую важную победу. Потому что назревал еще один взрыв в Польше. В Пруссии при общей амнистии вышли на свободу польские заговорщики, готовившие восстание в 1846 г., в том числе «диктатор» Мерославский. Прусские революционеры горячо им сочувствовали, подхватили лозунг, что «свободная и независимая Польша» станет для них щитом против России. Идею поддержал даже прусский министр иностранных дел фон Арним (очевидно, сработали масонские связи). Мерославский смог собрать в Берлине Польский легион, получил оружие из королевского арсенала.

К нему сразу потекли эмигранты из Франции во главе с их лидером Адамом Чарторыйским. Деньгами на проезд их снабжали французские революционные власти, а прусские устраивали им торжественные встречи, разрешили бесплатно пользоваться своими железными дорогами. В Познани было создано подобие правительства, Польский национальный комитет. Организовали военные лагеря, в них набралось 7 тыс. человек. Мерославский настоял пока не кричать о независимости, чтобы не поссориться с немцами. Заменяли обтекаемым термином «национальная перестройка». С таким требованием отправили делегацию к королю. Обратились и во Франкфуртский революционный парламент, чтобы герцогство Познань зарегистрировали как автономное образование.

Но ополчение у поляков получилось разношерстное, дисциплина была отвратительная. А польские жители Пруссии возбудились первыми же призывами о «свободе» и «возрождении Польши», сколачивали отряды. Нападали на прусских чиновников, евреев, на немецкие фермы. Те создали свои национальные комитеты, Немецкий и Еврейский, принялись вооружать свое ополчение. Посыпались жалобы в Берлин. Однако король и правительство боялись раздражать революционную «общественность», запрещали своим генералам трогать поляков. Вместо этого посылали представителей вести робкие переговоры. Но... у границы собиралась царская армия. Прусские либералы перепугались. Осознали, что буйные поляки обязательно заденут русских. А тем самым навлекут беду и на Пруссию! Ну а как же, она их вооружила, лагеря боевиков на ее территории.

Опасность решили срочно ликвидировать, и 29 апреля на поляков все-таки направили войска, разгромили 4 их лагеря. Мерославский сопротивлялся, в боях с обеих сторон полегло по две сотни человек. Но поляков обложили со всех сторон, и 9 мая они сдались. Их отряды разоружили и расформировали, 1500 человек попали в тюрьму, в том числе Мерославский. Но за него заступилась Франция! Даже заявила официальный дипломатический протест, и его отпустили. Откуда видно – революция распространялась по Европе совсем не стихийным образом. Зато угрожающий очаг у российских границ был ликвидирован. Да и прусский король избавился от него с явным облегчением. Автономию Познани он сразу похерил, ликвидировал

даже само герцогство Познанское, переименовав его в прусскую «область Позен».

Но переходить границы для наведения порядка русским все-таки пришлось. В Дании сепаратисты с помощью пруссаков и саксонцев одолевали королевскую армию, вторглись на Ютландский полуостров. Николай потребовал примирения, и в данном случае его поддержала Англия – война грозила ей убытками, нарушала судоходство в датских проливах. В Лондоне начались переговоры, но зашли в тупик. Дания не признавала отделения Шлезвига и Гольштейна, а их поддерживали Пруссия, другие германские государства, и уступать не желали. Однако в июле в датские воды вошла эскадра русского Балтийского флота, и немцы сразу согласились заключить перемирие на 7 месяцев.

Революция проникла и к южным соседям России, в Дунайские княжества. Молдавия и Валахия имели двойную юрисдикцию. Они оставались в составе Османской империи, сохраняя внутреннюю автономию. Но и наша держава по Адрианопольскому договору являлась их официальной покровительницей. Обе страны только-только выходили из феодальных отношений. Промышленность, буржуазия, интеллигенция были слабенькими. Имелись хиленькие парламенты, почти не имевшие полномочий. Но даже здесь существовала либеральная оппозиция. Ее целенаправленно вскармливала Франция. Французский язык был «почти родным» для образованных валахов и молдаван. Очень престижным считалось посылать сыновей учиться в Париж, там было создано «Общество румынских студентов».

На самом деле это была политическая подрывная организация. Студенческие кружки в Бухаресте и Яссах превратились в филиалы этого общества. Они обрастали не только студентами, а людьми разного возраста и положения, стали центрами «общественности». А кроме обычного набора «свобод» среди здешней «общественности» культивировался национализм. Это был масонский проект, самоназвания «валахи» и «молдаване» заменялись новым гордым термином «румыны» (римляне!) Разрабатывался и внедрялся «румынский язык», традиционную кириллицу стали заменять латиницей, доходило до призывов запретить употребление слов славянского происхождения. Ну а направленность проекта была вполне определенной – избавиться от покровительства России, и в перспективе

слить Дунайские княжества в единую Румынию, ориентированную на Запад.

Здесь студенты приняли активное участие в восстании в Париже. Обратились в министерство иностранных дел Франции, чтобы их отправили поднимать революцию на родине. Российский посол узнал об этом, выразил протест. Тем не менее французы отправили домой валашских и молдаванских радикалов. Господарь Молдавии Михаил Стурдза приказал закрыть границы и не пропускать их. Но и без них 27 марта в Яссах в гостинице «Петербург» собралось около тысячи оппозиционеров, составили «Петицию-прокламацию» из 35 пунктов: отмена цензуры, амнистия политзаключенным, преобразование школ, новое правительство, ответственное перед парламентом, улучшение положения крестьян и др.

До сих пор в Молдавии ничего подобного быть не могло. Господарь от петиции настолько растерялся, что согласился принять 33 пункта. Но быстро пришел в себя и приказал просто арестовать авторов. Участники собрания построили возле гостиницы единственную баррикаду, полиция взяла ее штурмом, без жертв. Часть оппозиционеров переловили, другие разбежались по деревням, сея призывы к реформам. Крестьяне восприняли их по-своему. Взбунтовались, принялись делить землю бояр, грабить имения. В мае господарь воззвал к Николаю I, просил прислать русские войска.

Но царь отказал. Понимал, что это испортит отношения с молдаванским населением, до сих пор видевшем в русских друзей и освободителей. Одностороннее вмешательство могло вызвать конфликт и с Османской империей. Император согласился только на демонстрацию, вывести дивизию к пограничной реке Прут, но не переходить ее. Уполномоченным комиссаром России при господаре был генерал Дюгамель. Он в обход царя договорился со своими друзьями в войсках, чтобы их части все же вошли в Молдавию. Николай Павлович строго одернул военных, повелел вернуться. Хотя этого оказалось достаточно. Узнав о появлении русских, крестьяне присмирели, и молдаванская революция сошла на нет.

В Валахии оппозиция учла опыт Молдавии. Действовала иначе. Петицию разработали тайно – с гражданскими «правами», выборами в Учредительное собрание, отменой барщины, раздачей земли крестьянам. Активисты ездили с ней по селам, агитировали народ.

Зачитывали и солдатам – из тех же крестьян. А 10 июня сельские жители стали стекаться в Бухарест, двинулись ко дворцу. Солдаты вышли из повиновения. Перед лицом толпы господарь Георгий Бибеску подписал петицию, и ее объявили конституцией. После чего господарь отрекся и укатил за границу.

Было создано временное правительство, раскрутило преобразования по полной программе. Отменило цензуру, сословия, смертную казнь, армию заменило национальной гвардией из добровольцев. Но само запуталось в реформах. Провозглашало отмену барщины – а кто будет кормить страну? Уговаривало крестьян потрудиться еще. Манило раздачей земли – а либеральные владельцы не хотели ее отдавать. Все были недовольны, то и дело поднимались бунты. Русских революционеры очень боялись. Защиту видели в турках, мечтали поссорить их с Россией. Для этого султану отправили огромную дань, которую господарь задолжал за много лет. Но тем самым ограбили собственную страну и народ, усугубляя возмущение.

Либеральный султан Абдул-Меджид шел на поводу своего британского советника Каннинга и мятеж подавлять не спешил. Но Николай I все же убедил его. Султан сообразил, что подобным образом может посыпаться вся его империя. Или русские вмешаются без него, что тоже было нежелательно. 19 июля он послал в Валахию 20 тыс. солдат. Либералы сразу поджали хвосты, временное правительство сложило полномочия, конституцию послало на рассмотрение султану. Но радикалы упрямылись, призывали к борьбе, стягивали силы к Бухаресту. Велись переговоры, пока турецкому командующему Фауд-паше не надоело. 13 сентября он отдал приказ войскам, слабенькие революционные отряды раскидали за день и заняли Бухарест. Хотя Фауд-паша действовал мягко, без расправ, руководителей мятежа, 91 человек, просто выслал из страны.

А царь действовал вообще мудро. Направил в Дунайские княжества 5-й корпус генерала Лидерса, в Молдавию он вошел в августе, но в Валахию – только 15 сентября, когда сопротивление было уже подавлено. И расположиться ему было назначено вдоль границы с Австрией и Венгрией. Там революция полыхала вовсю, и русские части стали «санитарным кордоном», отсекая ее от соседей. По Молдавии и Валахии между Россией и Турцией была заключена Балта-Лиманская конвенция. Оккупация совместными силами предполагалась до общего

установления порядка. Автономия княжеств урезалась. Господарей должен был назначать султан сроком на 7 лет – но по согласованию с царем.

Однако в это же время положение менялось и в других государствах. Организаторы революций ради собственных целей вовлекли в них всех, кто «против», готов крушить и ломать. Но самые «боевые» оказывались и самыми радикальными, самыми привлекательными для простонародья. Распробовав свою силу, они выходили из-под контроля, революции стремительно «левели». Если в Риме начинал либеральные реформы папа Пий IX, то уже вскоре из Лондона к нему перебрались лидеры итальянских боевиков Мадзини, Гаррибальди, а в итоге папе пришлось бежать, была провозглашена Римская республика.

Во Франции революция тоже начиналась под чисто либеральными лозунгами, но победили республиканцы. А они тут же попали под давление социалистов и коммунистов. При малейших разногласиях эти «союзники» поднимали массу рабочих, угрожая восстанием. В угоду им снижались цены на продукты, организовывались «национальные мастерские» с никому не нужным трудом за 2 франка в день. Причем говорить о защите «интересов народа» в данном случае совершенно не приходилось. Экономический и финансовый кризис революция только усугубила, и новая власть решила проблему, переложив все тяготы на крестьян. Они и без того бедствовали, а им повысили налоги сразу на 45 %.

23 апреля прошли выборы в Учредительное собрание – впервые в истории со всеобщим голосованием (но только для мужчин). Большинство мандатов получили умеренные республиканцы, их имена были на слуху, в их распоряжении была газетная реклама. Но социалисты и коммунисты объявили результаты подтасованными, взбунтовали людей. 15 мая вывели на манифестацию 150 тыс. человек. Требовали, чтобы Франция начала войну в поддержку Польши. Ворвались в Бурбонский дворец, где заседало Учредительное собрание и «именем народа» объявили его распущенным, принялись составлять собственное правительство. Мятеж кое-как уладили национальной гвардией, лидеров арестовали. 22 июня левые опять подняли рабочие предместья с требованиями освободить арестованных и установить «социальную республику».

Либералы сочли, что терпеть такое положение хватит. На следующий день Учредительное собрание ввело осадное положение и передало диктаторскую власть военному министру Кавеньяку, прославившемуся в Алжире как победами, так и жестокостью. Рабочие и студенты уже привыкли, что перед наглостью власть пасует, возбудились очередной раз вооружаться, строить баррикады. Но Кавеньяк вызвал в Париж войска и устроил крутую зачистку. С мятежниками не церемонился. За 3 дня расстреляли 11 тыс. человек. Да-да, не пятерых декабристов, а 11 тысяч. И никто во Франции не обвинял его в «зверствах». Наоборот, славили, как спасителя отечества. В рамках осадного положения он закрыл все политические организации – до президентских выборов, назначенных в декабре. Кавеньяк ничуть не сомневался, что он и станет президентом. Он уже был почти единовластным правителем страны. Как гарант твердого порядка он вполне устраивал и французские финансовые, промышленные круги.

Но... военная диктатура Кавеньяка привела бы к усилению Франции. А это не устраивало англичан. И на политическом небосклоне появилась вдруг неожиданная фигура, но с громким именем. Луи Наполеон Бонапарт – племянник императора Наполеона. Он был просто авантюристом. Ввязывался в разные заговоры, во Франции его дважды арестовывали. После революции пристроился к республиканцам, стал депутатом Учредительного собрания. И выставил свою кандидатуру на выборы. Он получил солидную финансовую подпитку из-за рубежа, замаскированную под пожертвования его сожительницы Гарриет Говард, богатой актрисы, унаследовавшей состояние одного из любовников. Она действительно продала свое состояние и заложила драгоценности для него. Но на предвыборную кампанию этого было бы маловато.

Велась эта кампания очень квалифицированно. Во Франции сохранялось всеобщее избирательное право, и тут-то сказались голоса рабочих, ненавидевших Кавеньяка. Голоса крестьян, обиженных за 45% повышения налога. А другие вспоминали императора Наполеона, золотой век для Франции. Его племянник победил триумфально, набрал 75% голосов. Принес присягу на верность республике и конституции. А одним из первых политических шагов послал войска на помощь римскому папе. Разгромил Римскую республику, вернул Пия IX на его престол – чем приобрел колоссальную популярность у французских

католиков и консерваторов. Хотя и для англичан это получилось очень выгодно. Иначе объединение Италии могло произойти под эгидой Франции. А теперь французы совершенно испортили свою репутацию среди итальянцев.

В Пруссии умеренные тоже поняли, что жить в постоянных мятежах и манифестациях совсем не уютно. Чернь распоясалась, и жители Берлина собрали 14 тыс. подписей, чтобы король вернул в столицу войска. Опираясь на эти настроения, Фридрих Вильгельм IV начал постепенно брать ситуацию под контроль. Перед другими германскими государствами он по-прежнему демонстрировал себя «революционером», поддерживая Франкфуртский парламент и сепаратистов Шлезвига и Гольштейна. Но свой революционный парламент он принялся мурыжить, тянуть отговорками с принятием конституции. Левых стали под разными предлогами вытеснять из городских военизированных дружин. Они возмутились, взбунтовали рабочих. 14 июня ворвались в берлинский цейхгауз, растащили не только оружие, но и полковые знамена, трофеи. Но уж такая выходка вызвала негодование всех добропорядочных немцев. Погромщиков разогнали войсками, большую часть оружия вернули. Это стало хорошим поводом и для отставки либерального правительства, смены революционного руководства городских дружин, слабых полицейских и военных начальников.

А в Австрии дела обстояли совсем худо. В Италии шла война сразу с несколькими здешними государствами и вновь возникшими республиками. Чехия объявила об автономии, и распоряжения австрийских властей не выполняла. Особенно разошлась Венгрия. Кроме собственного правительства и парламента формировала регулярную армию. Но бушевала и Вена. На любые попытки нормализовать ситуацию поднимались студенческие и рабочие вооруженные отряды, возводили баррикады. Как монархисты, так и умеренные либералы стали группироваться вокруг императора. Верными ему остались и военные. В июне 1848 г. фельдмаршал Виндишгрец двинул войска в Чехию. Бомбардировал Прагу из пушек, и она сдалась. Революционные организации закрыли, активисты попали в тюрьмы.

А в июле в Вене собрался новый рейхстаг. Он избирался уже по революционным законам, но большинство в нем составили умеренные.

На них все же можно было опереться, и власть стала действовать жестко. 23 августа очередные манифестации рабочих разогнали пулями. С Венгрией император попытался договориться. Направил туда генерал-лейтенанта Лемберга, назначил своим комиссаром и главнокомандующим. Но венгерское руководство объявило это назначение незаконным. Натравило на Лемберга толпу, генерала зверски растерзали. Стерпеть такое было уже нельзя. 3 октября Фердинанд издал манифест о роспуске венгерского правительства, отмене всех его решений. На подавление восстания послали хорватов – они традиционно враждовали с венграми. Теперь их бана (правителя) Елачича император назначил наместником Венгрии. Направил и австрийские войска.

Однако это вызвало новый взрыв в Вене! Революционеры разобрали рельсы, не позволяя везти в Венгрию солдат. Студенческие и рабочие формирования захватили город. Схватили и повесили военного министра фон Латура. Император с другими министрами и умеренными депутатами рейхстага бежали из столицы. А мятежники обратились за помощью к венграм. Диктатор Лайош Кошут выслал к ним целую армию. Оборону Вены возглавил лучший военачальник революционеров, польский генерал Бем. Но на Вену повернулись и хорватские войска Елачича, и армия Виндишгреца. В двухнедельных боях венгров отбросили. Город взяли штурмом с уличными боями. Диктатором стал Виндишгрец. Революционеров арестовывали, пачками расстреливали. Рядовых бойцов студенческих и рабочих отрядов отправляли солдатами на итальянский фронт. Для больного императора эти перегрузки стали чрезмерными. 2 декабря 1848 г. он отрекся от престола в пользу своего племянника, 18-летнего Франца Иосифа.

ГЛАВА 28. ЯДОВИТЫЕ РОСТКИ

Киевский университет Св. Владимира, основанный Николаем I

Революционеры имелись и в России. После разгрома декабристов они лишь затаились, как и масонские структуры. Но внедрение «прогрессивных» идей и разъедание общества подспудно продолжалось. В 1831 г. революционную организацию из студентов создал московский чиновник Сунгуров. Обсуждалось восстание, царевубийство, установление республики. Взяли 26 человек. Время было военное, шли бои в Польше. И статья суровая. Военный суд Московского округа вынес 12 смертных приговоров. Но законы против заговорщиков в России почти никогда не применялись по полной их строгости. Всех приговоренных царь помиловал. Трое были виновны в том, что предоставляли помещения для собраний, знали, что там говорится, но не донесли. Их вообще освободили под надзор полиции. Одного сослали пожизненно в собственное имение. Шестерых отдали в

солдаты, но с правом выслуги в офицеры (когда можно будет выйти в отставку). Лишь двое главных, Сунгуров и Гуров, отправились пожизненно на каторгу.

В 1834 г. в Москве арестовали кружок Герцена и Огарева, сеявший среди студентов даже не либеральные, а социалистические учения. Но время было уже мирное, к вооруженным переворотам и царевубийству они не призывали и под суд вообще не попали. Некоторые члены кружка отделались предупреждениями. А самого Герцена из Москвы перевели в Вятку, где он получил хорошее место в канцелярии губернатора. В 1837 г. город посетил наследник престола, и Герцен организовывал для него выставку местных достижений, блеснул в качестве экскурсовода. Замолвил словечко и о своем наказании. По ходатайству поэта Жуковского, сопровождавшего царевича, его перевели во Владимир, а в 1840 г. разрешили жить в столицах.

Он служил в министерстве внутренних дел, в Московском губернском правлении. В 1847 г. умер его отец, очень богатый помещик. Доходы с его имений (разумеется, от труда крепостных) обеспечили Герцену возможность жить, как ему вздумается, и он навсегда уехал за границу. Общаться с европейскими революционерами, учиться у них. Между прочим, он очутился в Париже как раз во время массовых расстрелов Кавеньяка. Герцен был в полном шоке, писал: «Дай Бог, чтобы русские взяли Париж, пора окончить эту тупую Европу!». «Вам хочется Францию и Европу в противоположность России так, как христианам хотелось рая – в противоположность земле... Я стыжусь и краснею за Францию. Что всего страшнее, что ни один из французов не оскорблен тем, что делается».

А Белинского и его кружок вообще никто не трогал. Хотя этот литературный критик стал знаменем либеральной интеллигенции, наставником целого поколения писателей, направляя их творчество в соответствующее русло. Обрушивался на «квасной патриотизм» – именно он ввел в широкий оборот это выражение Вяземского. Был воинствующим атеистом, писал Герцену: «В словах «Бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут». Самым откровенным выражением его «гражданской позиции» стало открытое письмо к Гоголю от 15 июля 1847 г., где Белинский выплеснул возмутительные нападки и на православие, и на самодержавную Россию. Это письмо стало

«бестселлером» среди молодежи, отравляя ее умы, распространялось в списках. И лишь после этого Белинского вызвали в III Отделение, да и то для профилактической беседы. Но он был уже тяжело болен, так и не дошел.

Еще один опасный узелок вскрылся в Киеве. В том самом университете Святого Владимира, который основал Николай I. Там возникло тайное «Кирилло-Мефодиевское братство» – первый махровый цветок украинского национализма. Выращен он был искусственно, корни были масонскими, причем след потянулся от... поляков. Да, Малороссия морями крови и усилиями России освободилась от польского гнета, в Галиции крестьяне с воодушевлением убивали польских панов, а в это же время малороссийская интеллигенция, выращенная под властью русского царя, перенимала у польских учителей идеи «освобождения» от этой власти.

Основателем «братства» стал Николай Костомаров. Сын барина-атеиста, учившего своих дворовых, что Бога нет и за гробом ничего не будет. Проповедовал так успешно, что они решили – если загробного наказания нет, то все можно. Убили барина и ограбили. Правда, у крепостных моральные устои оказались все же прочнее, чем у него. Совесть замучила, пришли в церковь и покаялись в преступлении. А сын унаследовал отцовские либеральные взгляды. Это не помешало ему стать видным историком, профессором. В «братство» он вовлек ряд преподавателей Киевского и Харьковского университетов. Выработывали проекты некой «всеславянской федерации», куда вошли бы Украина (после «освобождения»), Польша, Болгария, Сербия, Чехия, Россия. Но они должны были превратиться в республики, отменить крепостное право, уравнивать сословия. Руководить федерацией должен был двухпалатный сейм и президент.

К «братству» примкнул и Тарас Шевченко. Его фигура заслуживает отдельного внимания. Он был крепостным мальчишкой помещика Энгельгардта, отдавшего его в малярную мастерскую в Петербурге. Вместо оплаты хозяин должен был обучить его, чтобы стал дворовым художником. Днем юный Тарас трудился в мастерской, а в белые ночи шел в Летний сад, срисовывал статуи. Там его застал художник Сошенко – босого, в грязном малярном халате. Взглянул на эскиз и оценил талант. Заинтересовал Жуковского, художников: Брюллова,

Венецианова, Григоровича. Они решили выкупить мальчика. Но Энгельгардт смекнул, что дело может быть выгодным, заломил немислимую цену, 2,5 тыс. рублей (обычная цена крепостного была 100–200 руб.) Решение предложил Жуковский. Венецианов написал его портрет, и устроили благотворительную лотерею. Выиграла императрица, купила портрет за 2500 руб. На ее деньги Шевченко обрел свободу.

Покровительство столь видных художников позволило ему окончить Академию художеств, его трижды награждали медалями. Но резкая перемена в судьбе сказалась для Тараса совсем не лучшим образом. Он стал сильно пить. В творческих кружках, куда его водили, чувствовал себя белой вороной. Жгуче завидовал выступавшим там русским поэтам и пытался им подражать. Получалось слабо. Но природная хитреца нащупала выход. Шевченко стал брать чужие сюжеты, где-то услышанные (сам он книг не читал), переносил их в родную Малороссию и перелагал малороссийским наречием. Сменил и имидж, стал нарочито одеваться «мужицки». Помогло. Его начали приглашать как «диковинку». Появились новые друзья. Помогли издавать его творения. Хотя для этого редакторам приходилось не только править ошибки, но и дописывать, напрочь переделывать целые куски.

Шевченко подметил и то, что спросом пользуются «смелые» стихи, про «волю», они ценились у либеральной молодежи, а там хорошо наливали. Хотя даже такой либерал, как Белинский, вообще не признавал его поэтом. Писал: «Здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и подлеца, а сверх того, горького пьяницу». А друг Тараса Максимович позже признавал о нем: «Там столько грязного и безнравственного, что изображение этой стороны затмит все хорошее». Особенно некрасивая история случилась в 1845 г. Делая себе рекламу «мужика», Шевченко всюду выпячивал и лил слезы, что его братья и сестры до сих пор крепостные. Нашлись сочувствующие. Княжна Репнина организовала сбор средств на выкуп.

Но Тарас, получив деньги, пропил их. Репнина писала ему: «Жаль очень, что вы так легкомысленно отказались от доброго дела для родных ваших; жаль их и совестно перед всеми, которых я вовлекла в это дело». Тут уж от Шевченко отвернулось большинство друзей в столице, перед ним закрывались двери. Но некоторые покровители не

бросили его. Помогли получить хорошее место художника при Археографической комиссии в Киеве, срисовывать старинные храмы. А в Киеве он привычно сошелся с «прогрессивными» Костомарова, подстроился к их запросам стихами о «порабощении» Украины.

«Кирилло-Мефодиевское братство» сумело вырасти всего до 12 человек. Узнал один из студентов, доложил начальству. В марте 1847 г. всех арестовали. Но прямых призывов к революции националисты избегали. Хитрый Костомаров специально оговорил в учредительных документах, что «братство» будет добиваться своих целей сугубо мирным путем, согласно с «евангельскими правилами любви, кротости и терпения» (хотя как можно было мирными средствами «освободить» Украину, отделяя от России?). Но под серьезные статьи не попали. Отделались ссылками, и даже без Сибири. Костомарова выслали в Саратов, запретив ему заниматься преподавательской работой и публиковать свои произведения.

А Шевченко к «братству» как бы и не принадлежал. Но нашли его стихи, распространявшиеся в рукописях. О мифической украинской «вольности», о плаче и бедствии под царской властью, памфлеты на государя. Николай Павлович захотел взглянуть на них. Читая пасквиль про себя, он от души хохотал. Как писал Белинский, «вероятно, дело этим и кончилось бы, и дурак не пострадал бы из-за того только, что глуп». Но дошло до комедии «Сон», где Шевченко описал царя вместе с женой:

«Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою...»

Николай побледнел. Сказал: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?» [106]. Окарикатурить болезнь Царицы – это было слишком подло. А Шевченко проявил себя свиньей и в отношении России, и царских

приближенных, и в отношении Александры Федоровны, оплатившей его свободу. Конечно, царь имел возможность просто стереть его в порошок. Но все же сдержал гнев, наказал умеренно. По статье об оскорблении императорской особы Шевченко сдали в солдаты, отправили в Оренбургский корпус с запретом писать и рисовать.

III Отделение докладывало, что он выслушал приговор «с искренним раскаянием, сквозь слезы говорил, что он сам чувствует, сколь низки и преступны его занятия». Отправившись служить, он завалил Петербург прошениями о помиловании (написал больше двух дюжин), публиковал покаянные заявления в газетах, обращался к бывшим благодетелям. Но теперь никто не пожелал за него заступиться. Впрочем, и в Оренбургском корпусе хватало либеральных офицеров. Хорошо устроили, кормили со своего стола, службой не обременяли. По сути, сдача в солдаты продлила ему жизнь. Освобожденный в 1859 г., он за 2 года спился и умер.

Ему с «кирилловцами» повезло и в том, что арестовали их до европейского пожара. Когда по соседству с Россией запылало, царь взялся за революционеров куда более строго. При угрозе нового польского восстания 19 марта 1848 г. он подписал указы Виленскому, Киевскому генерал-губернаторам и исполняющему обязанности генерал-губернатора Бессарабии и Новороссии о введении особого положения. Мятежи и противоправительственные акции требовал пресекать жестко и без колебаний. Виновных предавать военно-полевому суду по трем разрядам. Первый – предводители. Приговоры для них на высочайшее утверждение не посылать, приводить в исполнение немедленно. Второй – участники мятежей. Смертную казнь заменять каторгой или ссылкой в Сибирь. Третий разряд – не принимавшие непосредственного участия, но замешанные в мятежах. Для них приговоры оставались на усмотрение командующих армиями. Тех, кто будет уличен в распространении воззваний или связях с зарубежными революционерами, предписывалось сажать в тюрьму для досконального расследования [107].

Меры предосторожности вводились и по всей России. Повышалась строгость цензуры. Закрывались издания с либеральным духом. А император, выступая перед депутатами столичного дворянства, поставил задачи по профилактической работе. Обращать больше внимания на собственных детей. Быть для них примером благочестия,

патриотизма, стараться исправлять дурные наклонности и влияния. Следить за дворовыми. Не вести при них политических и иных разговоров, которые слуги могут воспринять искаженно. Но царь требовал и повысить заботу о благосостоянии крепостных, добиваться их любви и уважения. Не давать повода как для накопления возмущения, так и для критиканства, подстрекательства к бунтам. Император призвал самих дворян привлекать к ответственности безнравственных и жестоких помещиков, докладывать о притеснениях, даже если они выявятся во владениях государя. «Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит» [108].

И в Европе, и в России самой податливой для подрывной пропаганды была студенческая среда. Царь повелел при приеме студентов отбирать только «отличных по нравственному образованию». Кроме штатных студентов в те времена существовала многочисленная категория «вольных слушателей» – обычно из всяких разночинцев, не способных оплатить учебу и старающихся получить образование самостоятельно. Их количество ограничивалось до 300 в каждом университете и тоже оговаривалось условием «строгой нравственности» [109]. Посылать русскую молодежь для обучения за границу Николай запретил. Кроме того, для студентов и старших классов гимназий был введен новый предмет. Военная подготовка. Либералы, кстати, страшно этим возмущались – «милитаризация» просвещения! Но ведь в грядущей войне пригодилось...

Усиливался полицейский надзор. То, на что год назад не обратили бы внимания, влекло наказания. Так, за «вольнодумство» в повести «Запутанное дело» поимел крупные неприятности молодой чиновник канцелярии военного министра Михаил Салтыков-Щедрин. Хотя для него дело ограничилось только тем, что из военного ведомства его перевели в гражданское, и из столицы – в Вятку (с повышением, старшим чиновником особых поручений губернатора). Были арестованы чиновники министерства внутренних дел, славянофилы Самарин и Аксаков – они распространяли взгляды наподобие чешских революционеров, фактически тот же либерализм, но с «панславянским» уклоном, с возбуждением «славян» против «немцев». Самарина Царь принял лично, сделал ему строгое внушение за разглашение служебных тайн и сеяние национальной розни. Наказанием стал перевод из

министерства на службу в Самарскую губернию. С Аксаковым беседовал шеф III Отделения Орлов, на вопросы о славянофильстве он ответил письменно. На этом документе Николай Павлович изложил свои разъяснения о недопустимости нагнетания национальной вражды. Орлову наложил резолюцию: «Призови, прочти, вразуми и отпусти».

А разработкой тайных организаций среди столичных студентов и интеллигенции занимался офицер полиции Иван Липранди. Обнаружил их целый букет. Некоторым удалось «отмазаться» через высокопоставленных друзей, как кружку Введенского, куда входили молодые Чернышевский, Благодетов, Милюков. Целый год Липранди держал «под колпаком» еженедельные собрания у Буташевича-Петрашевского. Там встречался почти постоянный контингент. Как и в других подобных кружках, честили «коррупцию», крепостничество, цензуру, изучали работы зарубежных социалистов и коммунистов – Кабе, Фурье, Прудона, переписывали друг у друга пресловутое письмо Белинского Гоголю.

Но Буташевич-Петрашевский старался расширять свою агитацию среди студентов. А с конца 1848 г. начал обсуждать с соратниками создание тайного общества под маркой «товарищества или братства взаимной помощи» (хотя его так и не создали). На собраниях заговорили, что надо разворачивать пропаганду в народе. Увлечшись, строили планы, что крестьян не так уж трудно настроить против помещиков, чиновников против начальства, что при этом необходимо «подрывать и разрушать всякие религиозные чувства». Разбирали особенности, как можно действовать на Кавказе, в Сибири, Прибалтике, Польше, Малороссии. Дальше болтовни дело не дошло. Или не успело дойти. Но для обвинения хватило и попало под статьи очень суровые.

Арестовали около 40 человек. При этом, кстати, правоохранительные органы допустили промашку. Вместо однофамильца взяли капитана Львова из Лейб-гвардии Егерского полка. Ошибку быстро выяснили и его освободили. Но характерно для Николая Павловича, что не просто освободили. Он чувствовал свою персональную вину, что невиновный офицер был арестован. 30 апреля 1849 г. на Марсовом поле проходил парад Лейб-гвардии. И вдруг царь зычно скомандовал: «Парад, стой! Львов ко мне!» Публично попросил у него прощения, перед всей столицей – и пожал руку офицера [110]. А

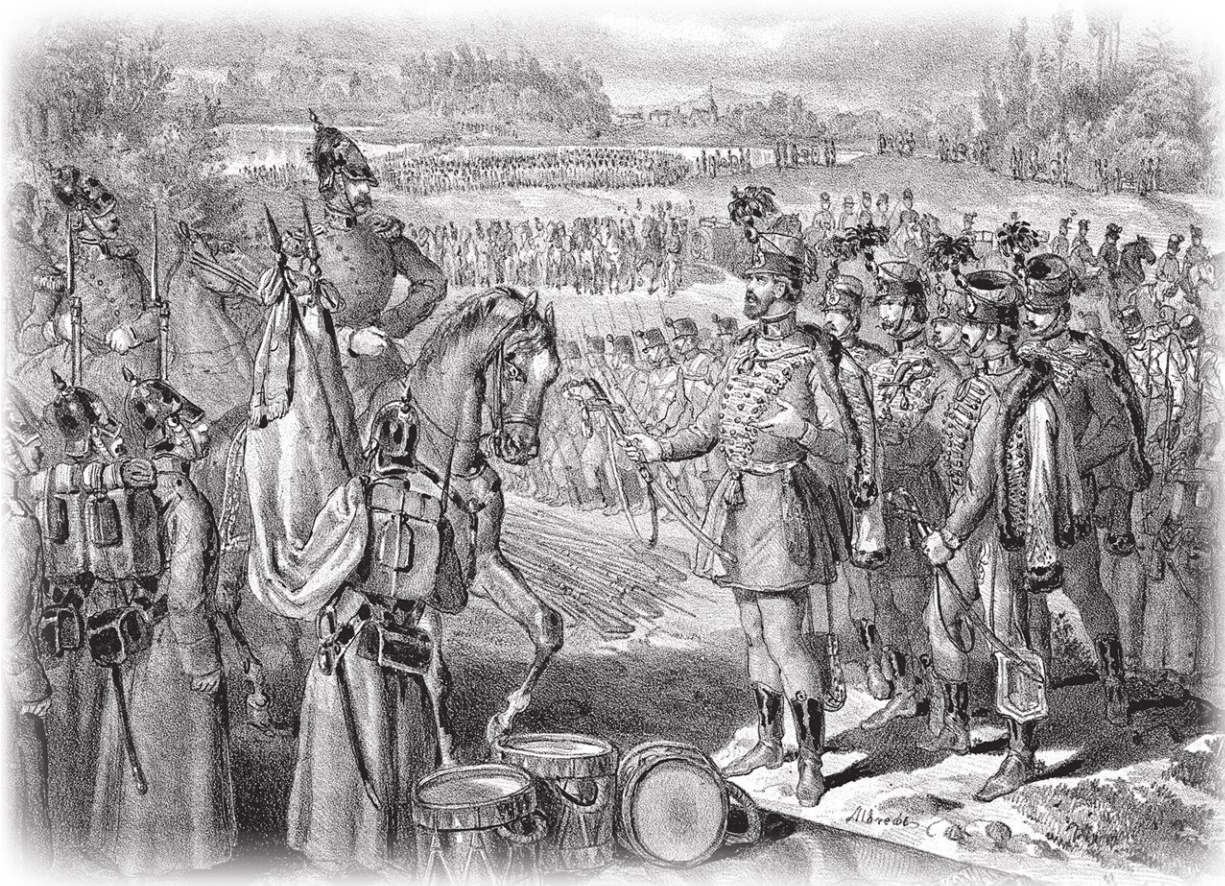
24 петрашевца попали под военный суд, и 21 из них (в том числе начинающий писатель Достоевский) были приговорены к смертной казни. Правда, заведомо для острастки. Тот же самый суд сопровождал приговор ходатайством о смягчении, а для поручика Пальма даже о полном прощении.

Царь действительно всех помиловал. Петрашевскому заменил приговор на пожизненную каторгу, двоим – 4 года каторги, потом отдать в солдаты, одному – 2 года каторги. Остальным – ссылки или солдатская лямка. Пальм остался офицером, но был переведен из гвардии в армию. Однако увлекшихся «ниспровергателей» все-таки пуганули, как следует. Привели на Семеновский плац на расстрел, надели смертные рубахи, позволили исповедоваться у священника. Трех привязали к столбам, завязав глаза. И лишь после этого объявили о помиловании. Жестоко? Но, может, это и был действенный способ вразумить обнаглевших молодых людей, занесшихся и отвергавших все святое?

Но стоит еще раз вернуться к фигуре Герцена. Для него отрезвляющего душа парижской бойни хватило совсем ненадолго. Он с головой ушел в «прогрессивные» европейские круги, вращался среди социалистов, начал издавать газету с Прудоном, причем финансировал ее личными средствами. И вовсю хаял Россию, царя. Пересылал на родину соответствующие письма, статьи. Тогда государь в июле 1849 г. арестовал имения Герцена в России, за счет которых он жил, вел свою деятельность, еще и французских социалистов подкармливал. Но у эмигранта нашелся неожиданный заступник.

В нашей стране образовался острый дефицит с финансами. Непредвиденных расходов потребовали рейды Балтийского флота к Дании, поход в Венгрию обошелся в 47,5 млн руб. Правительство обратилось о предоставлении займа к британскому банкиру Якобу Майеру Ротшильду. А он вдруг поставил условие – снять арест с собственности Герцена. Хотя, казалось бы, какое дело Ротшильду до какого-то Герцена? Оказывается, он уже был в поле зрения. Положение с деньгами было напряженным, и по настоянию министра финансов император был вынужден отменить решение об аресте. А вскоре и сам Герцен перебрался в Англию, обосновался там под покровительством Ротшильда. Да, вот так приоткрылось лицо закулисных организаторов революций.

ГЛАВА 29. ГРОЗА НАД ВЕНГРИЕЙ

Капитуляция венгерской армии перед русскими войсками

Нет, никак не успокаивалась революционная буря. Возобновилась война в Дании. Франкфуртский парламент после долгих споров принял общегерманскую конституцию. Германия провозглашалась империей, но чисто номинальной, император не получал никакой власти, парламент оставлял ее за собой. А бедствия Австрии отнюдь не завершились подавлением восстания в Вене. Полыхала Венгрия, совсем рядом с нашими границами. Она превращалась в международный очаг революции, сюда стекались крайние радикалы из разных стран. Формировались Итальянский, Германский легионы, Венский (из разбежавшихся боевиков австрийской столицы). И Польский тоже.

Множество поляков съезжалось в Венгрию со всей Европы. В венгерской армии занимали высокие посты польские генералы, с которыми русские не так давно сражались – Бем, Дембинский, Высоцкий. Поэтому было ясно, что революция готовится перекинуться и на российскую территорию.

Нового императора Франца Иосифа Венгрия не признала. На нее двинулись силы, усмирявшие Вену – армия Виндишгреца с хорватами. Нанесли неприятелям ряд поражений, 5 января взяли венгерскую столицу Пешт (она еще не была одним городом с Будой). Но правительство Кошута эвакуировалось в Дебрецен. Генералы Гергей и Дембинский измотали в боях имперские войска и остановили на рубеже Тисы. А генерал Бем взорвал их тылы. Он вместе с венгерскими агитаторами поднял на восстание всю Трансильванию. Австрийские гарнизоны в здешних горах оказались отрезанными от своих. Бем бил и гнал их к границам Валахии. И тогда царь счел нужным вмешаться. Приказал командиру 5-го корпуса Лидерсу, стоявшему в Валахии, помочь австрийцам. Но ограниченными силами и от границы не удаляться. Устроить предупредительную демонстрацию для мятежников.

В январе 1849 г. в Трансильванию вступили небольшие отряды генерала Энгельгардта и полковника Скарятин. Заняли крепости Брашов и Германштадт. Действительно, обнаружив их, Бем остановился. Это спасло австрийцев, которых он преследовал, около 10 тыс. солдат, смогли отступить в Валахию. Но Бем выждал и разобрался – русских мало, крупные силы за ними не идут. 15 февраля он с 12-тысячным корпусом штурмовал Германштадт. У Скарятин было всего 4 батальона пехоты, 5 сотен казаков и 8 орудий. В жестоком бою сам Бем был ранен, но под натиском врагов наши воины оставили город. Этот успех пышно праздновался по всей Венгрии. Русских победили! Хотя дальнейшее пребывание царских отрядов в Трансильвании не имело смысла, свою задачу они выполнили. Энгельгардт и Скарятин получили приказ возвращаться в Валахию.

А между тем Франц Иосиф и его советники принялись сворачивать «достижения революции». Сформировали консервативное правительство князя Шварценберга. А либеральному рейхстагу император объявил, что представленный ему проект конституции будет рассмотрен 7 марта. Но накануне подписал другой проект,

«октроированную конституцию» (вводимую не парламентом, а повелением монарха). Восстанавливалась власть императора и назначенных им органов управления, автономия провинций упразднялась, а в назначенный день 7 марта сам рейхстаг был распущен.

Но возобновилась война в Италии. Сардинский король Карл Альберт 12 марта перешел в наступление на австрийцев. Помощи у Вены просили и герцог Тосканы Леопольд II, король Обеих Сицилий Фердинанд II. Тот и другой от изначальных уступок, приведших лишь к разжиганию революций, перешли к их подавлению. Францу Иосифу пришлось перебрасывать в Италию значительные контингенты.

А венгры очень хорошо использовали передышку, вели мобилизацию. Численность их армий достигла 190 тыс. штыков и сабель, 400 орудий. В апреле Государственное собрание Венгрии приняло декрет о низложении династии Габсбургов. Провозгласило независимую республику – хотя тут же ввело военную диктатуру. В Государственном собрании единолично заправлял Кошут, он и передал власть самому себе с титулами президента-регента или правителя-президента.

А революционные войска как раз изготовились и нанесли сокрушающий удар. Смяли австрийцев, снова заняли Пешт, Буду и вдоль Дуная устремились на Вену. Захватили важную крепость Коморно, и дорога к австрийской столице открылась. Кошут хвастался, что возьмет ее к 10 мая. Это сулило страшные последствия. В Вене реанимируется еще один эпицентр революции, она снова расплескается по австрийским городам, в Чехию. Аукнется и в Италии: каково будет войскам сражаться, узнав о перевороте в столице? Франц Иосиф в полном отчаянии воззвал к царю, канцлер Шварценберг к наместнику в Польше Паскевичу. Сокрушался – пока известия дойдут до Николая, пока русские подоспеют, уже может быть слишком поздно.

Паскевич тоже доложил государю, но был уверен в ответе. Действовать начал немедленно, не дожидаясь повеления. Отрядил в помощь австрийцам дивизию заслуженного генерала Федора Панютина, 4 пехотных и 2 кавалерийских полка. Впервые в военной истории ее для быстроты перебросили по вновь построенной Варшавско-Венской железной дороге. 30 апреля полки Панютина уже выгружались из эшелонов в Чехии на станции Градиш. А Паскевич

начал выдвижение армии в Галицию. Там венгерская граница была прикрыта слабее всего и было удобнее начать наступление.

Решение Николая Павловича его «отец-командир» угадал совершенно правильно. Мало того, государь сам приехал в Варшаву. К нему прикатил Франц Иосиф. Неопытный, напуганный, повторяя мольбы о помощи. Царь ободрил его. Сказал, что защищать законную власть от злоумышленников считает своим священным долгом. 21 мая 1849 г. два монарха подписали Варшавский договор. Россия направляла армию на подавление революции. Кроме того, на время боевых действий русские гарнизоны оставались в Валахии, Молдавии и Галиции.

С Паскевичем Николай отправил в поход собственного сына Константина. Как когда-то его отец Павел I посылал сына Константина к Суворову. Пусть учится. А воинов напутствовал приказом: «Новые труды, новые подвиги вам предстоят! Мы идем помочь союзнику, усмирить тот же мятеж, который, попраный вами за 18 лет в Польше, вспыхнул вновь в Венгрии. С помощью Божиею, вы явитесь теми же православными воинами, какими русские всегда и везде были: страшные врагам всего священного, великодушные мирным жителям...» [111]. Походные колонны, 100 тыс. штыков и сабель, через Галицию двинулись в Карпатские горы. 15 июня миновали Дукельский перевал. Это направление прикрывала венгерская армия Дембинского (25 тыс.). Она отходила перед превосходящими силами, наши войска занимали города без боя.

А сражения в это время загремели на Дунае. Генерал Гергей, командующий 60-тысячной неприятельской армии, наступавшей на Вену, решил разгромить австрийцев до подхода русских. 20 июня у селений Зигард и Перед он обрушился на армию фельдмаршала Гайнау. Австрийцы покатались назад. Но преследующие их венгры наткнулись на стройные батальонные каре четырех русских полков. Это подошла дивизия Панютина. Лавина вражеских гусар несколько раз бросалась на нее, но так и не смогла порушить боевые порядки. Узнав о появлении русских, Гергей оттянул войска, занял позиции у села Перед.

На следующий день их атаковали австрийцы и русские. В тылу у врагов был деревянный мост через реку Ваг. Командир Брянского полка кликнул добровольцев уничтожить его. Вызвались офицер и 30 солдат. Поплыли, держа факелы в руках. Венгры заметили их, поливали

пулями. Храбрецы погибли все, но несколько человек сумели доплыть до моста, он запылал. Это переполошило неприятелей, они хлынули отступать. Их прижали к реке, и венгры бросались в воду, сдавались. Гергей потерял 9 тыс. человек, но все же сумел собрать и организовать свои части. Остановились у крепости Коморно, построив полевые укрепления.

2 июля Гейнау бросил на них свою армию. Но венгры отражали атаки, изматывали наступающих. А Гергей скрытно сосредоточил кулак свежих сил и нанес неожиданный контрудар. Смял и раскидал 1-й корпус австрийцев. Гайнау пал духом, скомандовал общее отступление. Только русская дивизия, стоявшая в резерве, не подчинилась приказу. Наоборот, двинулась вперед. Присоединилась к корпусу генерала Шпика, который еще вел бой. Вместе приняли удар венгров и отбивались 3 часа. Гайнау сообразил, что битва вовсе не проиграна, вернул отходившие войска. Они присоединились к дерущимся и перешли в общую атаку. Венгры сломались, побежали прочь, укрывшись в крепости Коморно.

Завязались бои и на другом направлении. Корпус Лидерса, стоявший в Молдавии и Валахии, получил приказ, наступать одновременно с армией Паскевича – на Трансильванию. 26 тыс. пехотинцев, кавалеристов, казаков двинулись через высокие и скалистые Южные Карпаты, их называют Трансильванские Альпы. 20 июня после ожесточенного двухдневного боя взяли крепость Брашов, открыв себе дороги в эту горную страну. Отряд Энгельгардта внезапным налетом захватил еще одну крепость, Фогараша. У противника сил было больше, чем у Лидерса, 32 тыс. А командовал ими Бем, лучший генерал мятежников. Он задумал заставить русских повернуть обратно.

С отборным корпусом из 12 тыс. конницы он обошел наши войска горными дорогами и ворвался в пределы Молдавии. Не получилось. Лидерс раскусил хитрость и продолжал идти вперед. Занял еще одну ключевую крепость, Германштадт. У Бема нервы не выдержали, и он сам бросился назад. Стал собирать все силы у города Сигишоара. Русские приближались, и Бем предпринял еще одну попытку тормознуть их. Послал сильный отряд Штейна перехватить дороги в тылу у Лидерса, отбить Германштадт. Опять не получилось. Русский гарнизон, оставленный в крепости, отразил нападение. Тогда

неприятельский командующий решился на сражение. 31 июля бросил свою армию в атаку. Но в результате ее разгромили.

Неприятелей так крепко отлупили, что они были просто в шоке, боялись русских. Их потрепанный корпус, 8 тыс. человек, обнаружили под Мюлленбахом. Но оказалось достаточно одной лишь атаки 1-го Донского казачьего полка, чтобы обратить их в бегство. 500 венгров перекололи и порубили, 1800 взяли в плен, втрое больше, чем было казаков в полку. Сами потеряли 5 убитых и 34 раненых. Только Бем еще не успокоился. Собрал боеспособные отряды и снова попытался ударить русских по тылам, устремился на Германштадт. Но и Лидерс разгадал его намерения, на этот раз погнался за ним. 4 августа вражеское воинство растрепали окончательно. При этом в рубке с казаками погиб один из предводителей революции, поэт Шандор Петефи. Бем с уцелевшими подчиненными повернул коней уходить подальше. А Лидерс занялся зачисткой отдельных отрядов, бродивших по Трансильвании.

А тем временем венгерский главнокомандующий Гергей, засевший в Коморно, узнал, что армия Паскевича продвигается все дальше, уже угрожает Пешту. Он оставил в крепости корпус генерала Клапки, 10 тыс. штыков, основные силы вывел и нацелился на русских. Его обнаружили 15 июля. На нашей стороне было подавляющее превосходство, и Паскевич хотел навязать решающее сражение. Но и Гергей понимал, что его раздавят. Занял неприступную позицию в горах у городка Вайцена. Паскевич пытался выманить его на равнину. Послал в атаку отряд генерала Засса. В тяжелом бою полегло около 400 наших солдат. Но Гергей уловку разгадал и преследовать запретил, остался на своих горных позициях.

Положение, в общем-то, сложилось «патовое». Лезть на эти позиции Паскевич не желал. Но и венгры торчали в горах, не могли нанести русским никакого вреда. Гергей придумал новый ход – выйти нашей армии в тылы, перерезать дороги. По горам обошел ее с севера и устремился на город Мишкольц. Однако и Паскович обрадовался возможности его перехватить. Развернул свои полки и двинулся туда же. Гергей столкнуться с ними никак не хотел. Заняв город, тут же бросил его. Пошел в Трансильванию, на соединение с армией Бема. Но и русские повернули в погоню. 2 августа они почти настигли неприятелей возле Дебрецена. Нет, Гергей опять уклонился от битвы.

Задержать Паскевича оставил корпус Надь Шандора – 8 тыс. солдат и 41 орудие. Он дрался очень упорно и был разгромлен. Потерял половину личного состава (у русских было 337 убитых и раненых).

А венгерский главнокомандующий вдруг узнал, что идет в никуда. Армия Бема, к которой он направлялся, как раз накануне прекратила существование. Когда Гергей покинул Коморно, то и австрийская армия Гайнау активизировалась. Оставила один корпус для блокады крепости, а 45 тыс. австрийцев и 11 тыс. русских выступили на венгерскую столицу. Оборонять Пешт оказалось некому, его заняли с ходу. Правительство Кошута бежало в Сегедин, стало собирать здесь новую, «южную» армию под началом Дембинского. Но она не успела сформироваться. Австрийцы и дивизия Панютина были тут как тут, сшибли и погнали ее. Эта «южная армия» откатилась к крепости Темишоар, где давно уже сидел осажденный австрийский гарнизон. Кошут стягивал сюда все части и соединения, какие у него остались. Дембинского за поражение снял, назначил командующим Бема.

Но тот еще ехал из Трансильвании, а войска Гайнау не отставали. Бем прискакал к Темишоару 9 августа – и узнал, что австрийская конница пошла в атаку, сражение уже началось. Хотя Гайнау по пути оставлял гарнизоны в городах, у него было всего 28 тыс. своих солдат и русская дивизия. Венгры значительно превосходили, их здесь скопилось 45 тыс. Несколько раз они отбрасывали австрийцев, переходили в контратаки. Но сама их «южная армия» была сбродной, наспех сбитой из разных частей. Развить успехи у Бема не получалось. А решающее слово опять сказала дивизия Панютина. Она мощным ударом захватила ключевую позицию врагов, деревню Бешеново, угрожая прорывом неприятельского фронта. Это вызвало замешательство. Австрийцы воспользовались, бросились в общую атаку, и «южная армия» побежала. Больше 10 тыс. мятежников было перебито, остальные рассыпались кто куда.

Лидеры революции к этому времени перебралось в городок Арад. Получив известие о полном разгроме, Кошут 11 августа объявил, что правительство «уходит в отставку», и он передает свои «диктаторские полномочия» Гергею. После чего сбежал в Турцию. Туда же подались поляки – Бем, Дембинский, Высоцкий. А Гергей получил распоряжение, что отныне «диктатор» – он. Но очутился в безвыходном положении. Он-то повернул к «южной армии», и узнал, что ее тоже

больше нет. Вместо своих наткнулся на австрийцев. А по пятам за ним шла армия Паскевича. У Гергея оставалось 30 тыс. солдат и 144 орудия, и он сделал выбор. Повернул русским навстречу и объявил, что капитулирует перед ними. Но не перед австрийцами, которые его не победили. Что ж, его выбор оказался разумным. Австрийцы со сдавшимися не церемонились. Сразу же расстреляли 13 генералов. По разным городам казнили еще ряд венгерских офицеров и активистов, не догадавшихся сбежать. Николай своих пленных тоже выдал Францу Иосифу – но с условием помилования. Поэтому Гергей отделался легко. Какое-то время посидел в тюрьме и был освобожден, доживал век частным лицом.

Вся венгерская кампания продлилась полтора месяца. Уже в конце августа царская армия получила приказ возвращаться по домам. Военское искусство она проявила высочайшее, и боевые потери оказались совсем небольшими. Погибло 708 солдат и офицеров, 2447 получили ранения. Куда больший урон нанесла эпидемия – в Венгрии обнаружилась холера, унесла более 10 тыс. жизней. Но и значение похода было колоссальным. Самый агрессивный очаг европейской революции был раздавлен. Царь и русские воины предотвратили ее распространение и на Россию, и на Балканские страны, спасли от нового пожара Австрию и Чехию. Австрийцы, благодаря этой помощи, смогли без помех завершить усмирение Италии. Мало того, военное вмешательство в Венгрии помогло стабилизировать положение в Германии. Здешние смутьяны перепугались, что к ним тоже могут нагрянуть «казаки».

В Дании немцы побеждали, продвигались к Копенгагену. Главную роль в этих успехах играли прусские войска, и Фридрих Вильгельм приобрел такой авторитет у немецких радикалов, что Франкфуртский парламент предложил ему корону объединенной Германии. Но... стало известно, что русские двинулись в Венгрию. А возле Копенгагена снова появилась эскадра Балтийского флота. Прусский король отказался принимать корону от революционеров и вообще объявил, что не желает иметь дел с Франкфуртским парламентом. Кроме Пруссии, франкфуртскую конституцию не признали и другие крупные германские государства: Бавария, Саксония, Ганновер, Австрия. А саксонский король немедленно отозвал свои войска из Дании.

В Берлине 22 мая 1849 г., (как раз на следующий день после подписания договора Никлая I и Франца Иосифа) собралось Национальное собрание, принимать конституцию Пруссии. Но и Фридрих Вильгельм стал действовать смелее со своими радикалами. Объявил, что откладывает заседания и переносит их из столицы в Бранденбург. Депутаты протестовали, пытались собираться в разных зданиях Берлина, но их разгоняли солдаты. А возбуждать народ на баррикады теперь никто не рискнул. Через некоторое время король совсем распустил парламент. Выборы в него ограничил высоким имущественным цензом и ввел «октроированную» конституцию, во многом сохранившую права монарха. Возобновились и переговоры с датчанами, подписали перемирие. Революционеры еще пробовали бушевать в Саксонии, Бадене, Баварском Пфальце, Эльбертфельде. Но местные монархи подавляли их, и Фридрих Вильгельм помогал им прусскими войсками.

Николай I опять победил революцию. Теперь уже – общеевропейскую. За рубежом считали само собой разумеющимся, что царь и себя вознаградит «за труды», заберет Молдавию и Валахию. Так поступила бы любая европейская держава, а Россия в обстановке 1848–1849 гг. имела к этому полную возможность. Но, к величайшему удивлению западных политиков и «общественности», государь честно выполнил свои обязательства. Когда обстановка успокоилась, войска в Дунайских княжествах и Галиции получили приказы возвращаться на родину. Николая был не хищником, а рыцарем. Чужое, приобретенное на чьей-то беде, ему не требовалось. Свои цели он озвучивал открыто – обезопасить Россию, восстановить порядок. Этих целей он добился.

Хотя в Европе русский поход в Венгрию вызвал ураганы нападок и клеветы. Но, невзирая на подобный лай, международный авторитет нашей страны чрезвычайно вырос! Весной 1850 г. царь снова отправился в Польшу – инспектировал войска, администрацию. В Варшаву на переговоры с ним приехал брат прусского короля (и будущий император) Вильгельм. Но к Николаю Павловичу началось паломничество и других немецких властителей, министров, политиков. Просили совета, посредничества в их спорах. И он разбирал, помогал, примирял между собой. Усилия государя помогли окончательно прекратить войну в Дании. К ее берегам в третий раз послали русскую эскадру, и Пруссия отказалась участвовать в сомнительных играх. В

Берлине были подписаны предварительные условия мира. Сепаратисты Шлезвига и Гольштейна не признали их, пытались воевать сами, но датчане разбили их. В Ольмюце собралась конференция великих держав и постановила сохранить прежние границы Дании.

Николай I добросовестно нес свою царскую службу – как сам ее понимал. В 1850 г. Россия торжественно отмечала 25-летие его восшествия на престол. В день годовщины министры преподнесли ему доклады о достижениях и успехах за 25 лет. Некоторые приложили рисунки вновь построенных зданий, городов. Изучая эти документы, государь был растроган. Его дочь, видя состояние отца, подошла сзади, ласково обняв, и спросила: «Ты счастлив теперь, ты доволен собою?». Он ответил: «Собою?» Указал на небо и пояснил: «Я былинка!» [112].

ГЛАВА 30. НА ШТУРМ ГОРНЫХ КРУЧ И ПУСТЫНЬ

Руины крепости Ак-Мечеть

В затянувшейся войне на Кавказе первые заметные успехи обеспечил начальник правого, западного фланга Кавказской линии генерал Засс. Он давно служил в здешних краях, отлично изучил особенности. Засс наладил разведку, завел в горах свою агентуру. Узнавал о скоплениях неприятелей и сваливался на них внезапно. Пользовался даже мистификациями. Умел показывать фокусы, проделывал это перед черкесами, и его считали колдуном, неуязвимым для пуль, пугали им детей. С 1840 г. Засс начал продвижение в горы, строительство новой цепочки укреплений – Лабинской линии. Добился учреждения нового, Лабинского казачьего полка для ее заселения. Создавались и новые батальоны черноморских пластунов, лучших бойцов Кавказа, творивших настоящие чудеса.

Но Засса за его успехи повысили, перевели в Россию. А горцы под руководством Шамиля и его наибов стали действовать крупными формированиями, наносили неожиданные удары. Пытались захватить даже такой значительный город как Пятигорск. Его в отчаянном бою отстоял с Моздокским казачьим полком подполковник Круковский – кстати, поляк и католик, но честно служивший царю и России. Его и казаки любили, считали «своим». Вскоре Круковского назначили атаманом Линейного казачьего войска.

В Дагестане такими же ударами Шамиля были уничтожены отряд из 500 человек полковника Веселитского и гарнизон аула Унцукль. В другом ауле, Гергебиль, в ноябре 1843 г. последние защитники, юнкер Чаевский, унтер-офицер Неверов и рядовой Семенов, подорвали пороховой погреб вместе с собой и атакующими. Генерал Гурко в крепости Темирхан-Шура месяц сидел в осаде. Кое-как выручили, но крепость оставили. А 1400 солдат и казаков генерала Пассека возле Качи-Шуры окружили 27 тыс. мюридов. Однако Пассек отчаянной атакой не только спас отряд, но и обратил врагов в бегство.

В ответ следовали экспедиции в горы. Но разведка Шамиля заранее узнавала, куда и какие силы направляются. Пока русские на горных дорогах под пулями расчищали завалы из срубленных деревьев, жители успевали уйти, угнать скот. Отряд, добравшись до места, рушил пустые сакли. А на обратном пути уже собирались горцы со всех окрестностей, дорога снова была завалена, и колонны пробивались под жестоким огнем. Особенно трагичной стала «сухарная экспедиция» в 1845 г. Сам главнокомандующий Воронцов возглавил поход на базу Шамиля, аул Дарго. Его взяли и разорили. Но русских отрезали в горах, кончилось продовольствие. К Воронцову с боями протаскивали припасы, потом выводили войска. Потеряли 3 тыс. человек, погибли 3 генерала.

Но из этого урока царь и кавказское командование сделали выводы. От «решительных ударов» вернулись к ермоловскому плану. Постепенно продвигаться в горы, закрепляясь строительством укреплений, вырубая леса, прокладывая дороги. И тем самым стеснять противников. С Кавказа вывели 2 «лишних» корпуса. Оставили лучшие части, уже научившиеся действовать в здешних условиях. При этих переменах выдвинулась целая плеяда талантливых командиров. Одним из них стал Николай Слепцов. Он добровольно ушел на Кавказ

юнкером, доблестью и отвагой поражал даже старых кавказцев, которых трудно было эти удивить. Стал командиром Сунженского казачьего полка и возглавил заселение Сунжи. Горцы не давали покоя, силились уничтожить новые станицы. Каждую минуту требовалось быть готовыми отражать врага или скакать на помощь соседям. И по станицам мчался Слепцов, скликая казаков: «На конь, за мной, Сунжа!». Неоднократно он громил крупные силы мюридов.

Еще одной яркой личностью стал донской полковник Яков Бакланов. Он успел повоевать под началом Засса, считал его своим учителем. Бакланова в 1845 г. направили в Чечню командиром донского полка № 20, и он сразу реорганизовал свою часть. Мундиры велел убрать для парадов, переоделись в бешметы. Перевооружились трофейными шашками, кинжалами, длинноствольными винтовками. Из отбитых табунов выбирали лучших коней. Но и сам полк Бакланов превратил из кавалерийской в «универсальную» боевую единицу. Создал пластунскую команду из лучших стрелков и разведчиков, в каждой сотне один взвод учился саперному делу. Бакланов постарался заиметь и новинку, ракетную батарею. Среди чеченцев он организовал сеть агентуры, и враг его не мог застать никто. Наоборот, он сам сваливался на врага, как снег на голову.

Горцы стали считать, что он «даджал» – черт. А Бакланов перенял приемы Засса, поддерживал такие убеждения. Пугая неприятелей и порождая легенды о своей неуязвимости, он всегда шел в бой в видной издали ярко-алой рубахе. Придумал себе черное знамя с черепом и костями и надписью «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Оно наводило на врагов панику. Не в силах одолеть Бакланова в бою, Шамиль послал лучшего стрелка, поклявшегося на Коране, что убьет столь опасного врага. Но полковник узнал от своего агента, что в засаде его будет ждать убийца, напоказ отправился туда один и выиграл схватку, сразил стрелка меткой пулей. Даже чеченцы, издали наблюдавшие за поединком, восхищенно кричали: «Якши Боклю!». Когда полк № 20 сменился с боевого дежурства, царь лично оставил Бакланова на Кавказе, он принял полк № 17 и его тоже сделал образцовым.

Героем Кавказа стал и генерал Николай Евдокимов, сын простого солдата и казачки. Он начинал службу рядовым, рос в чинах за подвиги в боях. Его назначили начальником западного, кубанского фланга

Кавказской линии. Евдокимов продолжил тактику Засса, но в более широких масштабах. Предпринимал походы и громил мюридов по Лабе, Урупу, продвигаясь все дальше строительством укрепленных линий. Но принялся налаживать и мирные отношения с черкесами. Хотите жить добрыми соседями – и вам выгодно будет. Давайте торговать, пустим вас на казачьи ярмарки. Тех, кого замирили в боях, переселяли с гор на равнину, давали землю, помогали наладить хозяйство. Тем самым выводили их из-под власти наместника Шамиля, Магомет-Амина.

В других районах Кавказа царская администрация тоже завязывала переговоры со старейшинами и князьями, стараясь оторвать их от Шамиля. А горцы и сами устали от войны. Их тяготила диктатура имама. Увидев возможность замириться, некоторые стали отделяться от мюридов. Хотя боялись и Шамиля, он устраивал набеги на «изменников». После посыпавшихся неудач он собрал в Ведено своих наибов, обвинял, что плохо служат ему. Демонстративно объявил, что слагает с себя власть, пусть выберут другого вождя. Разумеется, его упростили остаться. И костяк своих формирований он удерживал. Поэтому бои продолжались жестокие.

В 1847 г. Воронцов выступил в горы и окружил Салты, главную базу имама в Дагестане. Осада затянулась на 50 дней. А на выручку несколько полевых командиров собрали целое войско. Их разбили, прогнали, а потом штурмовали аул. В драке polegло 3 тыс. защитников. Но и русским поход обошелся в 2,5 тыс. убитых и раненых. А новой линии на Сунже досаждало «немирное» гнездо в ауле Гехи. Поход туда возглавил Слепцов. Мюриды укрепились мощными завалами, даже пушками. При штурме Слепцов получил смертельное ранение. Ему успели доложить, что завалы взяты. Он сказал: «Ну и то слава Богу!», перекрестился и умер. Когда везли его тело, собралось все население Сунжи. И все рыдали. Чтобы попрощаться с любимым генералом, слепых подводили к гробу, матери клали на крышку грудных детей для благословения.

Но тактика планомерной «осады» приносила плоды. Общие русские потери значительно уменьшились. Шамиля теснили все дальше в горы. В 1853 г. начали прорубать просеку на р. Мичик, и имам не выдержал. Собрал все силы, решил отбросить русских. На него выступила экспедиция князя Барятинского. Передовые отряды

схлестнулись с противником у аула Дуба, был убит атамана Линейного казачьего войска Круковский. А между Гонсалем и Мичиком на колонны Барятинского выплеснулись массы конницы, все воинство имама. Началось упорное сражение. К месту сечи примчался Бакланов. С ходу развернул ракетную батарею, сам наводил установку, и 18 ракет врезались в скопища врагов. А сразу после этого Бакланов повел в атаку казаков и драгун. Мюридов опрокинули, гнали и рубили. Победа была полной.

Завершать Кавказскую войну довелось уже не Николаю Павловичу, а его сыновьям, Александру II и Михаилу, который станет главнокомандующим. Однако перелом был обеспечен именно при их отце. И успех уже обозначился. Станицы и села на Северном Кавказе с начала 1850-х гг. смогли спокойно вздохнуть, избавляясь от угрозы постоянных набегов. Начался хозяйственный расцвет Кубани, и Ставрополья. Сюда и на черноморское побережье Кавказа направлялись первые мирные переселенцы. Кстати, Николай оставил еще один след в казачьих традициях. К вопросам дисциплины и формы одежды он относился строго. Но во время очередной поездки по югу он увидел кавказского служаку, сдвинувшего шапку набекрень. Царю это понравилось, и в 1848 г. он издал указ, что чинам Кавказского корпуса «ради лихости» предписывается носить шапки «немного на затылок, с наклоном на правую бровь, так, чтобы левая сторона чела наискосок была открыта» [113]. Отсюда и пошел казачий обычай носить головные уборы набекрень.

Но оставался беспокойным и другой приграничный участок, в закаспийских и сибирских степях. Положение здесь даже обострилось. Потому что в Средней Азии появились англичане. В Индии они уже были полными хозяевами. Внедрялись в Иране, скупая взятками вельмож и чиновников. Пытались захватить Афганистан, хотя в здешних горах получили суровый отпор. Британские эмиссары и агенты стали наведываться и к эмиру Бухары, ханам Коканда и Хивы. Не жалели золота, а еще больше сладких обещаний. Соблазняли торговлей и забрасывали удочки о переходе под их покровительство. А при этом науськивали против русских. На границе не прекращались набеги, разбойные нападения.

Но из бедственного похода 1839 г. царь извлек должные уроки. В степях, как и на Кавказе, было решено перейти к планомерному

наступлению. До сих пор граница охранялась по Оренбургской линии постов и крепостей. С 1845 г. далеко впереди нее стала строиться новая линия, по рекам Иртыш и Тургай – крепости Оренбургская (Тургай), Уральская (Иртыш), Карабулак. Службу здесь несли оренбургские и уральские казаки, 11 Оренбургских линейных батальонов солдат. От новых опорных пунктов было уже недалеко до Аральского моря. В 1847 г. на его берегу было заложено Раимское укрепление (Аральск). Выдвижение кордонов в степи сразу же сказалось благотворно на приграничных областях. Нижнее Поволжье и Приуралье только сейчас стали безопасным тылом. Открылась возможность для их широкого заселения.

Дальше на восток границу прикрывала Сибирская линия, ее охраняли 12 Западносибирских линейных батальонов и сибирские казаки. Но войсковых структур у здешних казаков не существовало. Традиционно, со времен присоединения Сибири, они жили отдельными командами и сотнями по разным городам, слободам, подчиняясь местным начальникам. В 1846 г. Николай I объединил их в новое, Сибирской казачье войско. У него появилось свое Войсковое правление в Омске, был назначен наказной атаман. Царь не забыл и о том, что казаки других войск были представлены в лейб-гвардии, а сибиряки – нет. Повелел создать Сибирскую лейб-гвардии команду.

Но в Сибири были и свои особенности. Из-за дальности расстояний, трудностей в снабжении здешние казаки привыкли обеспечивать себя сами всем необходимым. Государь это тоже учел. Для усиления нового казачьего войска приписал к нему 10 тыс. казенных крестьян. Это позволило создать большое войсковое хозяйство: суконную фабрику, кузницы, мастерские, кожевенные, кирпичные заводы. А Сибирская пограничная линия стала сдвигаться вперед одновременно с Оренбургской. Южнее Иртыша казаки и солдаты в 1845 г. заложили крепость Аягуз. В 1847 г. сделали еще один шаг на юг, в горах начали строить крепость Копал. Замиряли и брали под контроль окрестных жителей, приводили к присяге царю. Но при этом они получали защиту от кокандцев и других соседей, для них открывалась возможность торговать с русскими.

В 1851 г. генерал от кавалерии Василий Перовский был вторично назначен генерал-губернатором Оренбурга и атаманом Уральского казачьего войска. Для укрепления здешних границ и наступления на

хищных соседей царь наделил его огромными полномочиями, выделил очень большие средства. Перовский лично отобрал и привез с собой способных офицеров, инженеров, ученых. Деятельно занялся обустройством новых крепостей. Организовал изучение и картографическую съемку Аральского моря, создал на нем флотилию, открыл пароходное сообщение.

Гнездом агрессивных кочевников и базой для их набегов была кокандская крепость Ак-Мечеть на р. Сырдарье. Считалось, что она неприступна, да и казалась недосягаемой за пустынями. Поэтому кокандцы, поощряя нападения, скупая добычу и невольников, были уверены в своей безнаказанности. Но Перовский учел ошибки прошлого похода, тщательно подготовился к новому. В июне 1853 г. он повел в степи и пустыни 5 тыс. солдат и казаков с 36 орудиями. Пришлось очень тяжело, шли в летний зной через раскаленные пески. Но за 24 дня преодолели 900 верст и добрались до крепости. После короткой бомбардировки последовал штурм. Кокандцы сопротивлялись яростно, бой на стенах и в самой крепости кипел 5 суток. Защитники не сдавались и погибли почти все. У русских погибло 11 офицеров, 164 солдата и казака. Взятую Ак-Мечеть переименовали в форт Перовский (ныне Кзыл-Орда).

Узнав о появлении русских, Кокандский хан поначалу больше удивился, чем встревожился. Послал своих вассалов уничтожить дерзкий отряд и вернуть Ак-Мечеть. 5 сентября к ней нахлынули кокандцы, два дня лезли на приступы. Их побили и прогнали. Хан понял, что недооценил опасность. Собрал лучшие войска, собственную гвардию. Дождался, когда Перовский с основными силами ушел назад к Аральскому морю, и на Ак-Мечеть двинулась 12-тысячная армия с 17 пушками. В крепости был оставлен гарнизон из 1055 солдат и казаков. Они отразили массированный штурм. А комендант, подполковник Огарев, сразу же после этого скомандовал атаку. Ударил на кокандскую армию и обратил ее в бегство, захватил все неприятельские орудия. Царь за эту победу не только наградил Огарева орденом Св. Георгия IV степени, но и сразу, через ступень, произвел в генерал-майоры. А от форта Перовский стала строиться Сырдарьинская линия. Вдоль Сырдарьи и дальше, от Аральского протянулась цепь казачьих кордонов до низовий Урала.

И в это же время сибирские казаки и солдаты сделали еще шаг на юг. В 1853 г. они основали крепость Верную. В советское время она станет столицей Казахстана, получит название Алма-Ата. Чтобы закрепиться в здешних краях, набрали переселенцев. В Сибирском казачьем войске провели жеребьевку. Добавили 500 крестьянских семей – за согласие их верстали в казаки, давали землю, помощь от государства. В окрестностях Верной появились станицы Алматинская, Надеждинская, Лепсинская. Так стало рождаться Семиреченское казачье войско. Завершать покорение Средней Азии тоже будет Александр II. Но и это грандиозное дело начал его отец. Обезопасил русские владения на Урале и в Сибири, пробил ворота для наступления на враждебные феодальные ханства.

ГЛАВА 31.

ГДЕ ПОДНЯТ РУССКИЙ ФЛАГ, ТАМ ОН СПУСКАТЬСЯ НЕ ДОЛЖЕН!

Капитан Невельской поднимает русский флаг на Амуре

В Китай после Опиумной войны вломилась англичане и французы, наглядно продемонстрировав, что руководствуются только правом силы. Британские и американские суда все чаще появлялись у русских берегов на Тихом океане. Промышляли морского зверя, вели контрабандную торговлю – в том числе и хищническую, выменивали пушнину у местных жителей на спирт, водку (В Российско-Американской компании это было строжайше запрещено, велась целенаправленная борьба с пьянством). В это же время, перед революциями 1840-х, обострилась напряженность в Европе, грозила войной.

У царя вызывало беспокойство, что наши владения на Дальнем Востоке очень слабо защищены. Да и вообще их связь с метрополией была ненадежной. На почтовых относительно быстро можно было доехать только до Иркутска. А дальше попробуй-ка доберись до Тихоокеанского побережья! Военные корабли и важные грузы сюда посылали вокруг Африки, через Атлантический, Индийский, Тихий океаны. Или вокруг Америки, огибая мыс Горн. Продовольствие и другие товары для здешних мест покупали у китайцев, американцев. На Дальнем Востоке было несколько русских портов: Аян, Охотск, Петропавловск. Но Охотское море зимой замерзает, как и прибрежные воды у Камчатки. Так что и местное судоходство было затруднено. При подавляющем превосходстве флота Англии кто мешал ей в один прекрасный день захватить наши берега?

Российские ученые и государственные служащие давно предполагали, что из Сибири на Дальний Восток должен существовать водный путь, по Амуру, и по этой реке можно попасть в незамерзающее Японское море. Но на Амуре и в Забайкалье еще в XVII в. Россия столкнулась с экспансией Китая (точнее, маньчжурской империи Цин). Казаки вместе с местными бурятами и тунгусами героически обороняли Нерчинск, Селенгинск, Кумарский острог, крепость Албазин. В 1689 г. был заключен Нерчинский мирный договор. Забайкалье осталось за Россией. Амур отходил к Китаю, но он обязался «не заселять Албазинские земли», левобережье Амура осталось как бы буферной зоной между двумя державами. Ко всему прочему, географические знания и обозначения в XVII в. были своеобразными, и договор во многом оказался неясным. Он четко определял границу на участке военного противостояния, у истоков Амура. Но дальше она

обозначалась по хребту каких-то «Каменных гор», и какой из хребтов имелся в виду, непонятно – Становой, Малый Хинган, Буреинский, Ямалин, Джугдыр? А еще дальше на восток, от истоков р. Уды, границу вообще не определили. Условились провести разграничение позже – так и не провели.

Но и о самом Амуре многое было неизвестно. Отчеты экспедиций Василия Пояркова в 1640-х гг. и Ивана Нагибы в 1650-х, прошедших реку от верховий до моря и определивших, что Сахалин – это остров, затерялись в архивах и были забыты. В XVIII в. здешние берега исследовала французская экспедиция Лаперуза. Он проглядел узкий пролив и обозначил на картах, что Сахалин – полуостров, соединен с берегом перешейком. В начале XIX в. здесь побывала экспедиция Крузенштерна. Пыталась найти устье Амура, проход между Сахалином и материком. Не нашла ни того, ни другого, проскочила в туманах. Поэтому на всех картах Татарский пролив значился заливом, Сахалин – полуостровом. Но если это полуостров, то куда же впадает Амур? Распространилось убеждение, что он в низовьях разбивается на множество рукавов и «теряется в песках».

И все же царь сомневался, так ли это? Или дорога к Тихому океану все-таки существует? По дальневосточным делам был создан Особый Комитет, и в 1843 г. вице-адмирал Путятин представил план экспедиции к Сахалину и предполагаемому устью Амура. Но... в окружении Николая I действовали самые различные влияния. Ключевую роль в Особом Комитете играл канцлер Нессельроде. Вроде бы верный помощник в международных делах и Александра I. и Николая I. Хотя можно было отметить и одну особенность – Нессельроде всегда тяготел к «европейскому концерту» с западными державами, особенно с англичанами. Он вдруг выступил категорическим противником проекта. Заявлял, что это вызовет «разрыв с Китаем, неудовольствие Европы, в особенности англичан». Требовал признать бассейн Амура собственностью Китая и отказаться от него навсегда [114].

Возражения Нессельроде похоронили проект Путаева. Но его обсуждали морские офицеры, и идеей поисков устья Амура увлекся лейтенант Геннадий Невельской. Он служил под началом молодого командующего флотом, великого князя Константина Николаевича, тот благоволил к офицеру. А Невельской изучил всю доступную ему литературу и был убежден – устье реки существует. Однако и царь

настоял – все-таки предпринять экспедицию, но как бы не государственную, а частную, под флагом Российско-Американской компании. По его личному распоряжению в 1846 г. туда послали бриг «Константин». Мы не знаем, кто занимался подготовкой похода, но она оказалась отвратительной. Руководить почему-то назначили даже не моряка, поручика Гаврилова. Он по ошибке принял за Амурский лиман большой и узкий залив на севере Сахалина. Вошел туда и заблудился, долго не мог выбраться. Николай Павлович получил отчет, что судоходного устья Амура не существует. Изучив его, наложил резолюцию: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить».

Но оставалась проблема обороны Дальнего Востока. Исполнителя царь нашел сам в одной из поездок по России. Причем сделал выбор по неожиданным соображениям. Ведь он уже много раз подступал к планам освобождения крепостных, упираясь в противодействие дворянства. А в Туле в 1847 г. недавно назначенный губернатор Николай Муравьев, встречая императора, впервые подал ему прошение об освобождении крестьян «снизу», сумел собрать подписи 9 помещиков. Николай знал Муравьева как умного и храброго генерала, участника турецкой и польской войн, на Кавказе он командовал участком Черноморской береговой линии. По состоянию здоровья ушел на гражданскую службу, только что женился. Государь увидел в нем единомышленника, верного и смелого проводника своих идей.

На станции Сергиевской под Тулой во время личного разговора Николай Павлович объявил, что назначает Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири с сугубо тайной задачей. Построить Тихоокеанскую береговую укрепленную линию, по опыту Черноморской, и наладить охрану границы с Китаем. Муравьев прибыл в столицу. Четыре месяца изучал материалы по Сибири, общался с людьми, знающими местные проблемы. На него вышел и Невельской со своими предложениями. Муравьев горячо поддержал их. Подключили начальника Главного морского штаба Меншикова, великого князя Константина, и Невельского назначили капитаном транспортного судна «Байкал» – оно должно было из Петербурга доставить грузы в Петропавловск-Камчатский. Новый генерал-губернатор и Невельской составили прошение государю разрешить экспедицию к устью Амура, проект инструкций на высочайшее утверждение.

После этого Муравьев отправился в свои «владения». Трудностей он не чурался. Сам проделал путь на океанское побережье – хотя для этого надо было из Иркутска добираться до Якутска, потом путешествовать по притокам Лены, перевалить хребет Джугджур. В общем, на себе проверил, что прочной связи эта дорога не обеспечивает. Осмотрев Охотск и Аян, Муравьев на транспорте «Иртыш» в 1849 г. добрался до Петропавловска, оценив уникальные условия Авачинской губы. Доложил министру внутренних дел Перовскому: «Я много видел портов в России и Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал». Но генерал-губернатор указывал, что такую великолепную гавань необходимо серьезно укрепить, иначе ее просто отберут у русских. Встревоженно писал, что сам застал здесь 2 британских военных корабля, разведывающих русские берега под предлогом поисков полярной экспедиции Франклина. Обороной Петропавловска Муравьев занялся безотлагательно. Комендантом назначил энергичного и толкового генерала Завойко, определил места для артиллерийских батарей.

Ну а транспорт Невельского «Байкал» в августе 1848 г. отчалил из Кронштадта, пересек Атлантический и Тихий океаны и в мае 1849 г. тоже прибыл в Петропавловск. Надеялись, что к этому времени подоспеет царское разрешение на Амурскую экспедицию, но его не было. Судя по всему, прошение так и застряло в Особом Комитете, и государю его вообще не доложили. Но Невельской начал действовать по инструкции Муравьева, так и не утвержденной императором. Разгрузив судно, взял курс на Сахалин. Останавливался у берега, расспрашивал местных жителей, и уже в июне нашел Амурский лиман, а затем и устье реки. Встал на якорь, на лодках прошел по Амуру несколько десятков километров. Убедился, что река судоходна. Потом обследовал берега на юг от нее и совершил еще одно открытие – обнаружил узкий, шириной 7 км, пролив между материком и Сахалином, который сейчас называется проливом Невельского. На «Байкале» прошелся и по Охотскому морю, исправляя многочисленные неточности на картах.

1 сентября он причалил в Аяне, где находился и Муравьев, доложив о блестящих результатах. Генерал-губернатор сразу послал донесение в столицу, отправив туда и самого Невельского. Приложил свой план занять устье Амура, а в перспективе и всю реку. Еще

находясь в Петербурге, он слышал от Нессельроде и других сановников выводы, что охранять границу с Китаем, а тем более противостоять каким-либо враждебным действиям, Россия все равно не способна, у нее не хватит сил и средств, чтобы держать здесь большие постоянные контингенты. Но и в этом вопросе он нашел решение из своего кавказского опыта. Предложил царю создать Амурское казачье войско – одновременно для заселения и охраны границы.

Однако в Особом Комитете и министерстве иностранных дел известие об открытиях вызвало бурю возмущения. Плавание к Амуру называли авантюрой, вредной для России «выходкой». Царь посмотрел на дело иначе. Невельского он повысил в чине сразу на несколько ступеней, в капитаны 2-го ранга. Но проекты Муравьева Нессельроде совсем «заглушил». Пугал, что Китай начнет войну, что выступит Англия – а шел 1849 г., отношения с ней и без того испортились Венгерским походом. В итоге Невельского отправили обратно в распоряжение Муравьева. Но инструкции напрочь урезали. Генерал-губернатору предписывалось основать новую базу для торговли с местными племенами на юго-восточном берегу Охотского моря, «но отнюдь не в Амурском лимане, а тем более не на реке Амуре». Это требование подчеркивалось дополнительно, «ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и реки Амур». Как раз для строительства торговой базы предназначался Невельской, ему выделяли 25 матросов и казаков.

Причем эту инструкцию Особый Комитет сумел утвердить у царя. Очевидно, Николай подписал ее вынужденно, учитывая условия международной политики. Но... сам-то он считал иначе. И очень может быть, что негласно он поощрил Невельского к нарушению инструкции. Уже вдогон, по дороге в Сибирь, послал ему указ о новом повышении, в капитаны I ранга. В Иркутске моряк обсудил с Муравьевым, что делать. Он уже побывал на Амуре самовольно и был за это награжден. Производством в капитаны I ранга царь еще раз подчеркнул, что благоволит к нему. А в прошлом путешествии стало ясно, что никакой китайской администрации на Амуре нет. И вообще китайского населения нет! Эти края лежали пустынными, там кочевали по тайге лишь мелкие общины гольдов, гиляков, манегров.

Решили рискнуть. Уже весной 1850 г. Невельской в Аяне принял командование над судном «Охотск». Задачу, поставленную в

инструкции, он выполнил, в июне в заливе Счастья основал поселение Петровское. Но оно предназначалось не только для торговли, а стало базой для следующих экспедиций. Отсюда Невельской отправился дальше. Вошел в устье Амура, построил здесь Николаевский пост. 1 августа торжественно поднял русский флаг и собственным приказом, но «от имени Российского правительства» объявил, что «весь Приамурский край до Корейской границы с островом Сахалин составляют Российские владения». И «никакие самовольные распоряжения, а равно обиды обитающим инородцам, не могут быть допускаемы» – отныне они находятся под властью царя.

На Николаевском посту Невельской оставил гарнизон из 6 матросов, а сам вместе с Муравьевым выехал в Петербург. Докладывать. И отдуваться. С подачи Нессельроде Особый Комитет взорвался от негодования. Прямое нарушение инструкций было квалифицировано как дерзость, чуть ли не бунт. Царю представили доклад с предложением разжаловать капитана в рядовые матросы. Но Николай Павлович лично принял Муравьева с Невельским. Назвал поступок моряка «молодецким, благородным и патриотическим», наградив его орденом Св. Владимира. А на докладе Особого Комитета написал резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен».

Дальнейшие споры с Особым Комитетом Николай Павлович пресек. Назначил его председателем наследника престола Александра Николаевича. Дальневосточная политика была официально пересмотрена. Действия Невельского признали правильными, нижнее Приамурье объявлялось под наблюдением и охраной России – до окончательного пограничного урегулирования с Китаем. Новых постов и населенных пунктов решили пока не строить, но и иностранцам не позволять закрепляться в этих местах. Невельского назначили начальником экспедиции, выделили ему дополнительно 2 офицеров, 60 матросов и доктора. Первооткрыватель как раз женился, молодую супругу тоже взял с собой.

С 1851 г. экспедиция обосновалась в Петровском. Отсюда совершали походы летом по воде, зимой – на оленях и собаках. Бывало, что терпели голод, лишения, но подтверждалось, что китайцев нигде нет, а южнее Амура обнаружили даже «дикие» русские поселения. Невельской и его подчиненные вели переговоры с местными жителями,

устанавливали над ними российскую власть, обещая им защиту. Даже начали обращать их в христианство. Исследовали Амурский край, сделав еще ряд открытий. Так, на всех картах обозначалось, что хребет Малого Хингана от верховий р. Уды поворачивает к северо-востоку. А подпоручик Орлов обнаружил, что он уходит к юго-западу. Но именно этот хребет считали самыми вероятными «Каменными горами» в Нерчинском договоре. Появился обоснованный повод потребовать его пересмотра.

Действительно, китайцы никогда не осваивали Приамурье. Позже выяснилось, что на Амуре городок у них все-таки был, но только один, Айгунь, для торговли с местными племенами и сбора с них дани. Империя Цин совершенно захирела. А вдобавок в 1850 г. на юге Китая началось мощное восстание тайпинов, охватило области с населением 30 млн человек. В войне с ними англичане и французы объявили нейтралитет, но исподволь поддерживали восставших, ведь это способствовало дальнейшему расшатыванию империи. Так что ей было совсем не до русских. Деятельность экспедиции Невельского подтверждала, что все опасения Нессельроде – мыльный пузырь. На появление наших моряков на Амуре Китай никак не реагировал, никаких протестов не последовало.

В 1853 г. Невельской был пожалован в чин контр-адмирала, получил права губернатора. На Амур послали уже больше сил, и летом 1853 г. было построено сразу несколько постов. Александровский – в бухте Де Кастри, Константиновский – в бухте Императорская гавань, Мариинский – на берегу Амура. Там расположились отряды солдат с пушками. Муравьев предложил и первый проект Транссибирской железной дороги, однако Сенат отклонил его – дело было слишком дорогим. Но план создания Амурского казачьего войска царь одобрил, началась подготовка к его реализации.

А в Пекин были направлены первые предложения о пересмотре Нерчинского договора, установления границы по естественному рубежу, Амуру. Китайское правительство предпочло просто смолчать, спуская дело на тормозах. Для укрепления российских позиций на Дальнем Востоке был заново поднят вопрос и об установлении отношений с Японией. В октябре 1852 г. туда отправилась миссия адмирала Путятина на 52-пушечном фрегате «Паллада». Ей придавалось большое значение, в качестве секретаря к Путятину

прикомандировали известного писателя Гончарова, оставившего свои воспоминания в книге «Фрегат «Паллада». Позже по просьбе Путятина в его распоряжение отправили еще два фрегата, «Диана» и «Аврора».

В 1853 г. «Паллада» достигла Японии. Как раз перед этим там побывали американцы. Адмирал Пэрри заявился целой эскадрой и не церемонился, пригрозил бомбардировкой. Тут уж японцы не стали упорствовать, начали с ним переговоры. Русские ультиматумов не предъявляли, обращались сугубо мирно. Но после американского «взлома» японцы начали переговоры и с Путятиным, хотя сперва очень неопределенные, ускользя от конкретных соглашений. В Англии Путятин купил паровую шхуну «Восток» для своего отряда. Ее послали к устью Амура. Она стала первым кораблем, прошедшим из Японского моря в Амурский лиман через пролив Невельского...

Присоединение к России огромных и богатых областей Приамурья и Приморского края – еще одно великое дело, которое будет завершать Александр II. Но и здесь он будет пожинать плоды начинаний своего отца, Николая Павловича.

**ГЛАВА 32.
В СЕТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО
ЗАГОВОРА**

Генри Джон Темпл Палмерстон. Главный русофоб в правительстве Англии, главный режиссер политики «поддержки за границей либеральных течений» (экспорта революций)

Россия расцветала, богатела. В 1850 г., к 25-летию правления Николая Павловича, в Санкт-Петербурге был торжественно открыт Николаевский мост. В 1851 г., к 25-летию его венчания на царство, открылось сообщение по Николаевской железной дороге, связавшей столицу с Москвой. Очередной толчок развитию промышленности обеспечило введение в 1850 г. нового Таможенного устава, оградившего рынок от засилья импорта высокими тарифами. А в 1852 г. на первой в истории Всемирной выставке в Лондоне многие российские изделия удостоились высоких оценок и наград.

Царь начал готовить еще одну реформу – переход армии от рекрутских наборов на всеобщую воинскую повинность. Николай I признавал, что это лучшая система [115]. Но одним махом вводить ее было нельзя. Государственные механизмы были завязаны на старую систему, рекрутскую. И к тому же, при всеобщей воинской повинности сокращается срок службы, уменьшается армия мирного времени. Прежде, чем вводить ее, надо было накопить подготовленный резерв солдат на случай войны. Такой резерв стал создаваться еще с 1834 г., когда срок службы сократился до 20 лет, и 5 лет воины оставались «в запасе». А в 1851 г. Николай сделал следующий шаг – сократил срок службы в армии и на флоте до 15 лет. Соответственно увеличивалось число обученных резервистов. Царь пошел на такое снижение, когда международная обстановка после революционных бурь, казалось бы, успокоилась.

Но на самом деле на нашу страну уже поднимался чудовищный ураган. Хотя готовили его очень скрытно. В исторической литературе причинами Восточной (или Крымской) войны принято выставить грубые политические ошибки Царя и его правительства, неуступчивость в мелких формальных вопросах. Но это всего лишь фальсификация. Закулисным организатором и инициатором войны являлась Англия. Для геополитического соперничества с русскими в Лондоне даже внедрили особый термин, «Большая игра».

Ключевой фигурой в этой игре выступал министр иностранных дел Палмерстон. Деятель очень энергичный и воинственный. Как раз на

его счету значились Опиумная война с Китаем, вторжение в Индокитай, в Нигерию, операции по разрушению русско-турецкого альянса, по экспорту революций (и он даже устроил торжественную встречу эмигранту Кошуту, приехавшему в Англию). В 1848–1849 гг. наша страна показала себя мощным препятствием на пути британских подрывных технологий. Сам Николай I после начала войны признал: «Что теперь делается, меня не удивляет. Я уже в 1849 г. был уверен, что Европа не простит нашего спокойствия и наших заслуг» [112].

Первая провокация последовала сразу же, в 1849 г. Более тысячи венгерских революционеров укрылись в Османской империи. А польских генералов султан зачислил на службу в собственную армию. Это было похоже на откровенную демонстрацию, и царь возмутился. Нессельроде направил туркам дипломатическую ноту, а Николай – личное письмо султану с требованием выдать поляков. Аналогичные требования предъявила Австрия. Это не было ультиматумом, никакими угрозами не сопровождалось. Но... Англия и Франция немедленно выслали к Дарданеллам военные эскадры. А по всем западным странам была раздута шумиха, что царь ищет придирки для захвата Константинополя. Султан поляков и венгров не выдал. Но и Россия никаких мер предпринимать не стала.

В 1850 г. добавилась новая причина войны. Как раз введение Таможенного устава, затруднившего британский импорт в Россию. Зато поток российских товаров нарастал и в Турцию, и в Иран, и на Балканы, и они успешно конкурировали с английскими. Такие проблемы Лондон привык решать жестко. Как раз из-за этого велись Опиумные войны с Китаем, организовывались революции. Британская дипломатия и масонская «закулиса» стали плести против России международный заговор. Обработывали австрийского императора Франца Иосифа и его советников, поощряя их аппетиты на Балканах и пугая русским влиянием. Обработывали и прусских министров, Сардинское королевство.

Что же касается ошибок царя и его правительства, то они не были случайными. Альянс Англии и Франции тщательно маскировали. Наоборот, британцы и французы демонстрировали соперничество в Османской империи. Английские газеты вовсю поливали грязью Луи Наполеона. Писали, что его окружение состоит «из паразитов, сводников и проституток». Его президентское кресло было очень

шатким. По Франции бурлило революционное брожение, прорывалось попытками переворотов. Но ведь и сам Луи Наполеон был беспринципным авантюристом, давно грезившим треуголкой знаменитого родственника. Укреплять свой авторитет он взялся реанимацией имперских амбиций. Теневым советникам осталось только подправлять их в нужное русло.

А идея «реванша» над Россией в данном плане оказывалась очень плодотворной. Луи Наполеон начал провоцировать конфликт. 28 мая 1850 г. его посол в Турции генерал Опик потребовал передать святыне места в Иерусалиме и Вифлееме не православным, а католикам – под покровительством Франции. Россия выступила против. Традиционно в храмах Гроба Господня, Рождества Христова и других святых местах дозволялось молиться всем конфессиям, но владели ими православные, греческое духовенство. Но характерно, что тот же генерал Опик уже составил первые планы войны против русских!

Его сменил новый посол Лавалетт, вокруг султана завязался его спор с царским послом Титовым. Луи Наполеон и сам прислал письма Абдул-Меджиду, откровенно враждебные к Православной Церкви. Французы выкапывали какие-то старые соглашения, обосновывали свои требования завоеванием Иерусалима крестоносцами, а турок пугали «опасными» претензиями России. 5 июля 1851 г. османское правительство согласилось с запросами Луи Наполеона. Но Россия тут же предъявила Кючук-Кайнарджийский мирный договор, зафиксировавший права Православной Церкви в Святой Земле. А нарушение мирного договора – это было серьезно. Султан пошел на попятную.

По всей Европе заговорили о противостоянии России и Франции. Но обвиняли... русских. Опять голосили, что они ищут повода захватить Турцию. А Луи Наполеон сколачивал собственный политический капитал на вызовах России и «наполеоновской» ностальгии французов. В армии и государственном аппарате он убирал республиканцев, расставлял на ключевые посты своих людей. 2 декабря 1851 г. он произвел переворот. Правительственные учреждения вдруг заняли войска. Законодательное собрание было распущено, большинство депутатов арестовали. Радикалов, пробовавших поднять протесты, раздавили жестко. Луи Бонапарт назначил плебисцит – просил народ для спасения страны дать ему полную власть. 14 января

1852 г. была принята новая конституция, уже фактически давшую ему эту власть.

Для подкрепления переговоров в Турции он «стукнул кулаком». Прямо к Константинополю грозно подошел 80-пушечный корабль «Шарлемань». Это было нарушением конвенции о проливах, запрещавшей в мирное время военным судам входить в Босфор и Дарданеллы. Но... протестов со стороны Англии не последовало. Как и со стороны Австрии, Пруссии. А французскому президенту такая решительность подняла популярность среди избирателей. Он силился показать себя «настоящим Наполеоном», эксплуатировал темы былого могущества, подогревал воинственные настроения. 22 ноября 1852 г. плебисцит большинством голосов утвердил восстановление империи. Президент стал императором Наполеоном III (вторым посчитали малолетнего сына Наполеона I, номинально правившего 14 дней).

Стоит отметить, что Николай Павлович воспринял переворот очень одобрительно. Считал, что диктатура наконец-то наведет во Франции порядок. Однако признать Луи Наполеона легитимным монархом он никак не мог! Венский конгресс после Наполеоновских войн постановил исключить династию Бонапартов из французского престолонаследия. Отрекаясь от этого, государь морально предавал бы брата Александра I, победы русского оружия. Государь обратился к Австрии и Пруссии. Вместо принятого по протоколу обращения между монархами «дорогой брат» настаивал на обращении к Наполеону «дорогой друг». Как к некоронованному лицу. Фридрих Вильгельм и Франц Иосиф пообещали так и сделать. Царь отправил французскому властителю поздравление с восшествием на престол, именуя его «дорогой друг». И вдруг стало известно, что прусский и австрийский монархи солгали. Поздравили «дорогого брата».

С непризнанием легитимности Россию оставили в одиночестве! Встретившись на параде с прусским и австрийским послами, царь высказался прямо: «Меня обманули и от меня дезертировали». В западных источниках как раз обращение «мой друг» принято выставлять причиной войны. Дескать, Николай I не захотел переступить через свою гордость и оскорбил Наполеона III. Хотя это, простите, полнейшая чепуха. Ссору с Россией Луи Бонапарт начал провоцировать гораздо раньше. И на самом деле он не был таким уж ранимым. На ругань британской прессы обижаться почему-то не

спешил. А вот для взвинчивания французов, и без того накрученных против русских за Польшу и Венгрию, казус с поздравлением очень пригодился. Оскорбили их императора! За которого они только что отдали голоса!

Между прочим, и в конфликте России с Турцией обычно выпячивается единственный повод, «ключи от Гроба Господня». По западным понятиям – вообще «мелочь», формальность. С выводом, что царь выискивал искусственный предлог для войны. Но для Николая Павловича права Православной Церкви были отнюдь не мелочью и не формальностью. А из массы трудов и исследований оказалась удалена еще одна весомая причина. Бойня в Черногории. В составе Османской империи она обладала автономией. Но традиционно там правил митрополит, носил титул владыка. Хотя его пост был наследственным, с 1697 г. принадлежал роду Петровичей-Негошей. Очередной наследник Черногории постригался в монахи. А в России его рукополагали в епископы, возводили в сан архиепископа и митрополита. Таким образом, Черногория находилась под духовным и политическим покровительством нашей страны.

В 1851 г. умер владыка Петр II Петрович, назначив наследником своего молодого племянника Данило. Но тот решил изменить архаичную традицию, постригаться не хотел. Он поехал в Петербург, и Николай I согласился с его доводами. Ведь по православным канонам монашество – дело сугубо добровольное. Почему молодой 25-летний человек должен принимать постриг и духовный сан? Заручившись поддержкой царя и Синода, Данило Петрович вернулся на родину и 1 марта 1852 г. был провозглашен светским князем Черногории, сохраняя вассальное подчинение султану. Россия признала его власть и княжеское достоинство. А Османская империя... не признала. Придралась, что старый порядок нарушен, и решила просто захватить Черногорию. Осенью 1852 г. направила на нее войска и ополчение албанцев.

Разве это не было открытым вызовом России? Данило Петрович мобилизовал всех боеспособных мужчин – у него набралось всего 9 тыс. воинов. Вдобавок он поднял сербов в соседней Герцеговине и провозгласил Черногорию независимой. В горах турок остановили, не позволили захватить черногорскую столицу, городок Цетинье. Но они разослали по селениям карателей, началась жуткая резня мирного

населения – женщин, детей, стариков. И вот на таком фоне в декабре 1852 г. султан объявил об окончательном решении, передал Франции символические ключи от храмов Гроба Господня в Иерусалиме и Рождества Христова в Вифлееме.

Но бойню в Черногории странным образом «вычистили» из истории и никак не увязывают с обострением русско-турецких отношений. Разве может быть такое случайным? Ведь иначе очень проблематично было бы выставить Россию «агрессором», стремящимся уничтожить Османскую империю и захватить Константинополь. Самому Николаю I такие обвинения казались даже смешными. Он говорил: «Я уже два раза мог овладеть Константинополем и Турцией... Какие выгоды от завоевания Турции произошли бы для нашей матушки-то России, то есть для губерний Ярославский, Московской, Владимирской и прочих? Мне и Польши достаточно!» [116].

Хотя война была уже предрешена. Не в России. А наша страна уже находилась в международной изоляции. Во многом – благодаря политике Нессельроде, так боявшегося раздражать англичан, но странным образом оставлявшего без внимания их происки против нашей страны. Причем Нессельроде об этом знал! 2 января 1853 г. в частном письме к послу в Лондоне Бруннову он разбирал, что Россия будет воевать «против всего мира» и без союзников, потому что Пруссии данный вопрос безразличен, Австрия будет нейтральной или «благожелательной к Порте», а Англия выступит на стороне Франции. Канцлер знал, а царь – нет! И Нессельроде почему-то не проявил «амурской» настойчивости, чтобы открыть ему глаза.

Николай пребывал в уверенности, что Пруссия, и уж во всяком случае, недавно спасенная Австрия будут на его стороне. А союз Англии и Франции считал невозможным (они и сами всячески подтверждали это, и нападки британских газет на Наполеона III чего стоили!) Султан нагло задирался – что выглядело поразительным безрассудством при плачевном состоянии Турции. Но государь приписывал это только влиянию французов. Полагал, что с Англией можно договориться о доброжелательном нейтралитете. Он обратился к британскому послу Сеймуру. Писал ему, что спор о Святых Местах может привести к войне, а она может привести «к падению Оттоманской империи в особенности, если бы война возникла вследствие совершающихся в Черногории ужасов, к которым

христианские народности не могут оставаться безучастными, предвидя для себя такую же судьбу». Указывал, что султану необходимо внушить: «разорение Черногории недопустимо, как равно и подданство Порте этой страны, которая ей не принадлежит, и на которую в течение столетия простирается наше покровительство» [117].

9 (22) января состоялась встреча Николая I с Сеймуром. Государь пояснял, что он, унаследовав владения Екатерины II, не унаследовал ее турецких проектов. «Моя страна так обширна и находится в столь счастливом во всех отношениях положении, что с моей стороны было бы безрассудно желать увеличения земель и большего могущества, чем у меня есть». Но в Османской империи «живет несколько миллионов христиан, интересам которых я должен оказывать покровительство, и это право обеспечено за мной трактатами». Царь подчеркнул, что пользуется таким правом очень умеренно, «причем откровенно признаю, что с ним иногда связаны стеснительные обязанности, но я не могу отступить перед исполнением совершенно ясного долга» – потому что это долг религиозный.

На случай падения Османской империи Николай Павлович предлагал договориться о разделе сфер влияния. Подчеркнул, что на саму Турцию, Константинополь и проливы он не претендует, предлагал дать им нейтральный статус под международным контролем. Но указывал, что Молдавия и Валахия фактически уже «образуют государство под моим покровительством, и такое положение могло бы продолжаться. Сербия могла бы получить такую же форму правления. То же можно сказать о Болгарии. Я не вижу причин, мешающих этой стране образовать самостоятельное государство». Сеймур в ответ намекнул, что Англия имеет виды на Египет. Император не возражал. Если Египет, Кипр и какие-то области Ближнего Востока войдут в британскую сферу влияния – пожалуйста [117].

Посол доложил о беседе в Лондон, но 9 февраля получил депешу премьер-министра Джона Рассела, категорически отвергавшую всякие соглашения. Депеша была строго секретной. Ссылаться на нее Сеймuru запрещалось. В феврале Николай Павлович снова встречался с ним, но он отделялся общими фразами. О том, что надо сгладить конфликт миром, о надеждах британского правительства, что царь приложит для этого все усилия. Но наша страна и не оставляла таких попыток. В ответ на резню в Черногории и передачу Святых Мест французам,

государь пробовал строго одернуть султана, от его лица Нессельроде сделал резкое заявление, что «Россия не потерпит полученного от Османской империи оскорбления».

Потом последовала еще одна нота по Черногории, и на этот раз присоединилась Австрия. Предложила себя в качестве посредника по урегулированию и поддержала иллюзию союза с Николаем I. После демарша двух держав турки в феврале прекратили боевые действия, отвели войска. Но без всякого документального закрепления примирения. Могли в любой момент возобновить войну и карательные акции. Тогда Царь направил послом к султану морского министра Меншикова с несколькими генералами и адмиралами. 28 февраля 1853 г. они прибыли в Константинополь на военном пароходе «Громовержец».

Абдул-Междиду изложили требования России: признать права греческой Церкви на Святые Места в Палестине и права царя на покровительство христианам в Османской империи. Причем это должно быть закреплено официальным договором между двумя державами. Начались переговоры. Но, как только стало известно о миссии Меншикова, Наполеон III отправил в Эгейское море свою военную эскадру. Отреагировали только французы. Британский флот спокойно стоял на базах, соблюдая видимость розни с Францией. И в Турции шли споры между русскими и французами. Но главным советником султана, определявшим его решения, был вовсе не французский, а британский посол Стрэтфорд Каннинг.

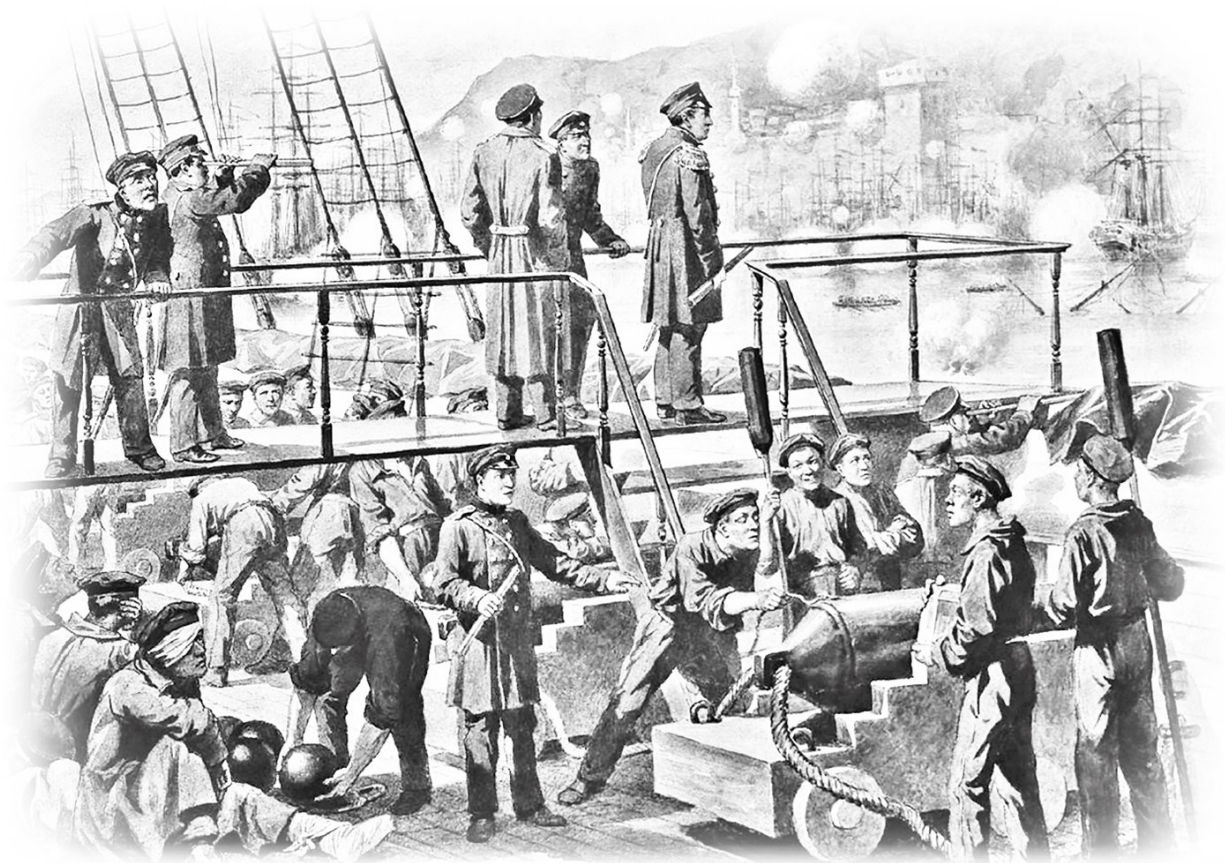
Он как раз отлучился на родину и в апреле вернулся с новыми инструкциями. Тайно заверил Абдул-Междида в поддержке на случай войны и подсказал, как вести переговоры. Ни в коем случае не отказывать русским наотрез, удовлетворить их запросы – но только частично. Султан так и сделал. Согласился уступить, издал фирман о нерушимости прав греческой Церкви на Святые Места. Но российское покровительство христианам, хотя и закрепленное в прежних мирных трактатах, Абдул-Междид отверг, и от заключения договора отказался. Фирман есть – зачем еще какой-то договор? Хотя договор-то подразумевался двухсторонний, а фирман был односторонний. Кому хочу, тому даю. Недавно примерно такой же документ получили французы. 21 мая миссия Меншикова покинула Константинополь, и 1

июня Россия разорвала дипломатические отношения с Османской империей. Шла в расставленную для нее ловушку.

А изготовившаяся против нее международная коалиция замышляла не просто поддержать турок и победить нашу страну. Нет, строились планы полностью ее сокрушить – и расчленить. Палмерстон докладывал премьер-министру Расселу, что в результате войны надо отторгнуть от России Финляндию, Прибалтику, Польшу со всем западным краем, Крым, Кавказ, Грузию. «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции, Прибалтийский край отходит к Пруссии, королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией» (и восстановлено в границах 1772 г., с включением Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины). «Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходит Австрии, а Ломбардия и Венеция – от Австрии к Сардинскому королевству». «Крым и Грузия отходят к Турции», а на Кавказе создавалось отдельное государство Шамиля, подчиненное султану или независимое [118].

Планы Палмерстона были доведены до Наполеона III – и ни малейших возражений не последовало. А вдобавок британский проект позволял лакомыми приманками втягивать в альянс Австрию, Пруссию, Сардинское королевство, Швецию, подбивать на восстание поляков, придать легитимную международную поддержку войне Шамиля! Впрочем, на самом-то деле весь альянс базировался на лжи. Пруссию соблазняли Прибалтикой, Австрию – Дунайскими княжествами. Умалчивая, что при реализации плана они потеряют свои области Польши, а Австрия еще и в Италии. Сардинское королевство манили Ломбардией и Венецией, хотя Франция уже положила глаз на сардинские Савойю и Ниццу. Да и амбиции Наполеона III Англия использовала совсем не честно. У нее было мало сухопутных войск. Многочисленную армию предстояло выставить французам – и крови пролить гораздо больше. Но в результате войны вся Османская империя (еще и с Крымом, Грузией, Кавказом) попадала в полную зависимость не от французов. От «бескорыстных» англичан – вроде бы не предусмотревших для себя никаких приобретений.

ГЛАВА 33. ГРОЗА НАД ЧЕРНЫМ МОРЕМ

Адмирал Нахимов в Синопском сражении.
Художник Н. П. Медовиков

Даже после такого предупреждения, как разрыв дипломатических отношений, турки не запросили о возобновлении переговоров. Мало того, они объявили мобилизацию ополчения, а к Дунаю двинули 160-тысячную армию Омера-паши – и командные должности в ней занимали польские, венгерские генералы и офицеры. Но и на такой вызов Николай Павлович не ответил войной. Сделал еще одно предупреждение.

14 июня 1853 г. он издал Манифест о вводе войск в Молдавию и Валахию. По Адрианопольскому договору имел на это право и уже

пользовался им. Теперь оговорил, что занимает Дунайские княжества «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России».

Но армия князя Горчакова была небольшая, всего два корпуса. Ей категорически запрещалось переправляться через Дунай и вступать в любые столкновения с турками, поход предписывался как «мирно-военная демонстрация». Ну неужели султан не одумается, даже с французской поддержкой? Должен же понять – Франция далеко, а русские – вот они, рядом. Наши полки шагали по Молдавии и Валахии уверенно, даже торжественно. Местные жители всюду устраивали им радостные встречи. Сочли, что Россия окончательно освободит их от османской власти. Но в это время вдруг пришел в движение и британский флот, направился в Эгейское море. А турецкое правительство обратилось к западным державам.

Царь не забыл соглашение с Австрией, в отношении Османской империи действовать совместно. Предложил Францу Иосифу присоединиться к давлению на турок, занять своими войсками еще одно автономное княжество, Сербию. Но австрийцы уклонились и вместо этого выступили посредниками. В Вене собралась конференция уполномоченных Австрии, Англии, Франции и Пруссии для разбора турецких жалоб и сложившейся ситуации. 31 июля они выработали примирительную ноту. От России требовалось вывести войска из Дунайских княжеств, а султан должен был признать права царя на защиту православных в Османской империи и на контроль над Святыми Местами в Палестине. Спорные вопросы между ними должны были решаться при участии держав, подписавших Венскую ноту.

Она отражала именно то, чего добивался Николай I. Государь сразу согласился. Но... британская и французская дипломатия действовали по тайному плану, «не выпускать Россию из войны». Англия мошенничала «двумя руками». Одной подписывала в Вене условия примирения. А второй рукой был посол в Константинополе Каннинг, диктовавший султану, как действовать. Абдул-Меджид вдруг отверг ноту! Под чисто формальным предлогом, что надо внести кое-какие редакционные правки. Однако ноту уже утвердили Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Россия! Правки надо было снова с ними согласовывать. Царь возмутился. Пришел к выводу, что Абдул-Меджид просто тянет волынку – у турок это было обычным. Николай ответил:

никаких правок, или принимайте ноту, или войска останутся в Молдавии и Валахии.

Но Абдул-Междида уже настроили: с западной помощью он расквитается с русскими за все прошлые поражения. Попросту говоря, отвели ему роль мальчишки, нарывающегося на драку. А за углом стоит здоровенный амбал, поджидая, когда вмешаться. 27 сентября (9 октября) султан неожиданно предъявил ультиматум – в течение двух недель вывести русские войска из Дунайских княжеств, иначе турки начнут боевые действия. Но он так рвался разжечь войну, что даже не дождался назначенного срока, объявил ее через неделю, 4 октября (здесь и далее даты приводятся по российскому, юлианскому календарю).

Армия Горчакова была разбросана отрядами вдоль Дуная, о войне не знала, действовал приказ избегать боев. А турки вдруг стали стрелять по постам, ударили из пушек по судам на реке, были жертвы. Неприятель в нескольких местах начал переправляться, 14 тыс. их воинов захватили карантин и склады в городке Ольтенице. Генерал Соймонов поднял всех, кто оказался поблизости, повел в контратаку. Русских было вдвое меньше, но турок опрокинули, погнали к реке. Хотя в разгар боя командир корпуса Данненберг прислал приказ немедленно отступить. Но и враги после полученной взбучки не остались здесь. Сожгли военные объекты и убрались за Дунай.

В Закавказье наших войск было мало, 19 батальонов пехоты и казачьи сотни. Только в октябре, когда положение обострилось, начали формировать грузинское и армянское ополчение, морем стали перевозить сюда еще одну пехотную дивизию, 16 тыс. штыков. А турки скрытно сосредоточили вблизи границ 100 тыс. воинов под командованием Абди-паши. О начале войны здесь тоже еще не знали. В ночь на 16 октября масса турецких солдат внезапно напала на форт Св. Николая – самый южный из постов на берегу Черного моря. 300 солдат с 2 пушками приняли неравный бой и погибли до единого. Через 4 дня к форту подошел пароход «Колхида», привез подкрепление, роту солдат – и нарвался на турок, попытавшихся его захватить. Кое-как пароход отбил и ушел, разнося весть о вторжении.

Крупные неприятельские силы вступили и в Армению, стали разорять окрестности Александрополя. Русское командование сочло, что это просто банды грабителей – подобное иногда случалось.

Послало князя Орбелиани с 7-тысячным отрядом, значительную часть его составляли местные ополченцы. Но под Баяндуром наткнулись на 40-тысячную армию Ахмет-паши, она ринулась в атаку. Ополчение в панике побежало. Удар конной лавины выдержала единственная сотня донских казаков с конной батареей, в упор поливавшей неприятелей картечью. Русские отражали натиск, пока не подоспел на выручку генерал Бебутов. Он привел всего 3 батальона пехоты, 6 эскадрон драгун и 9 сотен казаков. Но турки прекратили бой, отступили.

20 октября Николай I издал Манифест о войне. Указывал на свое долготерпение, обращал слова благодарности «миролюбивым усилиям Европы», на что турки ответили «прокламациею, наполненную изветов против России. Наконец, приняв мятежников всех стран в ряды своих войск, Порта открыла уже враждебные действия на Дунае. Россия вызвана на брань, ей остается, уповая на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке Православной веры». Завершался Манифест молитвой – «На тя, Господи, уповаем, да не постыдимся во веки» [119].

План войны с Турцией существовал в нескольких вариантах. Самый решительный – удар всем силами флота и десант на Константинополь, и одним махом победа. У такого варианта было много сторонников среди военных, моряков, и летом 1853 г. даже началось формирование 18-тысячного десантного корпуса. Но теперь в Эгейском море находились французская и английская эскадры, они мгновенно очутились бы в Константинополе. Царь от такого удара отказался. Оставался тот же план, что и в прошлой войне. Вспомогательный удар на Кавказе и основное наступление на Дунае, пока турки не одумаются и не запросят мира. В армию Горчакова пошли дополнительные контингенты. Хотя стояла поздняя осень. В Бессарабии, Молдавии, Валахии передвижения парализовала непролазная грязь.

Но на Кавказе русские части были обстрелянными, опытными, они даже не дожидались подкреплений. Едва получив Манифест о войне, сами перешли в наступление. На Тифлис двигались 18 тыс. турок Али-паши с 13 пушками. Под Ахалцихом их встретили 7 тыс. солдат и казаков генерала Андроникова. Разгромили вдрызг, положили больше 3

тыс. при своих потерях 361 человек. А под Александрополем оставался отряд старого кавказского вояки генерала Бебутова. У него было всего 8,5 тыс. бойцов. Армия Ахмет-паши оставалась рядом, заняла очень сильные позиции у Баш-Кадыклара. Тем не менее Бебутов приказал атаковать. Увидев наступающие колонны, Ахмет-паша воскликнул: «Русские с ума сошли либо упились своей поганой водкой!». Но наша пехота, невзирая на жестокий огонь, бросилась в штыки на вражеские пушки. Драгуны и казаки с конной батареей обошли с фланга. Турецкую армию растрепали в клочья, она спасалась бегством.

А на Дунае турки пытались использовать свое временное численное превосходство, прорвать фронт. Захватили плацдарм у Калафата, 18 тыс. неприятелей с 24 орудиями навалились на отряд полковника Баумгартена – 2,5 тыс. штыков и сабель. Они держались из последних сил, и все же выстояли, пока на помощь не подошел соседний отряд генерала Бельгарда. Повыбитых турок отбросили. Омер-паша пробовал переправиться и в других местах – у Рущука, Никополя, Систова. Но русские всюду отражали врагов. А потом собрали к местам переправ побольше артиллерии, ракетные установки. Массированным огнем уничтожили и разогнали собранные там суда и лодки.

На море вышли в патрулирование корабли Черноморского флота. 4 ноября военный пароход «Бессарабия» перехватил возле Синопа и вынудил сдаться турецкий пароход «Меджари-Таджарет». На следующий день начальник штаба Черноморского флота (и фактический командующий) вице-адмирал Корнилов на 11-пушечном пароходофрегате «Владимир» встретил 10-пушечный турецкий пароходофрегат «Парваз-Бахри» («Владыка морей»). Первый в истории бой пароходов гремел 3 часа. Картечью был сражен адъютант Корнилова лейтенант Железнов, но неприятельский корабль, получив серьезные повреждения, сдался. Царь повелел переименовать его в «Корнилов», а «Меджари-Таджарет» – в «Турок».

А русский парусный фрегат «Флора» у берегов Кавказа столкнулся с тремя вражескими пароходофрегатами. Номинально отрядом командовал вице-адмирал Мустафа-паша, а реально – английский адмирал Слэйд. Безветренная погода давала пароходам полное преимущество, у них было 62 орудия, а на «Флоре» – 44, и командовал кораблем молодой капитан-лейтенант Скоробогатов, не имевший

никакого опыта. Но в 4-часовом бою он одержал победу. Враги ушли прочь, уводя подбитый флагман «Таиф» на буксире.

Морской министр князь Меншиков получил донесения, что турки собирают силы в Синопе, хотят высадить десанты в Потти и Сухуме – прорываясь на Кавказ, на соединение с Шамилем. Поверить эти сведения князь приказал вице-адмиралу Нахимову, он вышел к турецким берегам с 3 линейными кораблями. 11 ноября обнаружили, что в Синопской бухте стоит вражеская эскадра, 7 фрегатов, 3 корвета, 2 пароходофрегата, 4 транспорта (из них 2 вооруженные). Нахимов блокировал выход из бухты, сообщил в Севастополь, и ему прислали эскадру контр-адмирала Новосильского, еще 3 линейных корабля и 2 фрегата. Теперь у русских было полуторное превосходство в корабельной артиллерии, но турки стояли под прикрытием мощных береговых батарей.

Однако Нахимов уже принял решение – атаковать. 18 ноября стояла отвратительная погода: холодный дождь, ветер. Но русские корабли двумя колоннами двинулись в бухту. В 12.30 загрохотала канонада. Наши моряки действовали четко и слаженно, как на учениях. Под шквалами огня проходили на места, определенные Нахимовым, становились на якоря. Цели для каждого корабля были распределены, и стреляли точно. Уже через 20 минут сражения взорвался вражеский фрегат, за ним взлетел на воздух корвет. Другие турецкие корабли загорались, выбрасывались на берег. А моряки Нахимова, разделавшись с одними целями, сразу переносили огонь на запасные.

В 13.30 подошел еще один русский отряд, три пароходофрегата Корнилова, но уже почти все было кончено. Полыхающие вражеские корабли стали взрываться один за другим. Внезапным рывком выскочил лишь 22-пушечный турецкий пароход «Таиф». В погоню устремились два русских фрегата, пароходы Корнилова. Но у неприятеля скорость была больше, он ушел. Это был тот самый «Таиф», который 9 дней назад дрался с «Флорой» и которым командовал британский адмирал Слэйд. А если сопоставить факты, то становится ясно, что отряд Слэйда, встретивший «Флору» возле Пицунды, как раз вел разведку для предстоящего десанта на Кавказ, на прорыв к Шамилю.

Нахимов перечеркнул этот план. В Синопском сражении погибло более 3 тыс. неприятелей, вся их эскадра, береговые батареи. На обломках кораблей и в воде насобирали 200 пленных – в том числе

командующего эскадрой Осман-пашу. Наши потери составили 37 погибших и 233 раненых. От пожаров сильно пострадал город, и русские помогали тушить его, хотя в общем хаосе и пламени что-то сделать было уже невозможно. Через 2 дня наши корабли снялись с якоря и 22 ноября триумфально вернулись в Севастополь. Царь высоко оценил выдающуюся победу, все участники сражения были награждены годовым окладом жалованья, многие нижние чины – Георгиевскими Крестами, офицеры – орденами.

Но в это же время, летом и осенью 1853 г., французская пропаганда нагнетала все более воинственные и русофобские настроения. А британские газеты дружно прекратили нападки на Наполеона III. Напротив, превращали его в глазах обывателя в выдающуюся и позитивную фигуру. Расхваливали и Абдул-Меджида как личность «прогрессивную», поборника «демократических» реформ. «Дейли Ньюс» внушала, что христиане в Османской империи пользуются большей религиозной свободой, чем в православной России. И как раз после Синопской победы вся Европа буквально взорвалась злобой к России. Во лжи пресса не стеснялась, битву окрестила «Синопской резней». Преподносилось, будто русские разгромили чуть ли не мирный город, перебили множество беззащитных турок (кстати, реальные подобные факты в ходе Опиумной войны западную «общественность» никогда не волновали).

Добавились до кучи и все прежние сплетни про русских. Кавказ, Польша, Венгрия, агрессивные планы, угроза всей «цивилизации». В этой антироссийской вакханалии объединился весь спектр политических партий и течений. Маркс и Энгельс начали нападки одними из первых, еще раньше, чем «правые», объявляя «реакционную» Россию главным препятствием для победы социализма в Европе. Энгельс доказывал, что даже турецкий султан в данном случае заслуживает безусловной поддержки, так как «субъективно реакционная сила может во внешней политике выполнять объективно революционную миссию». Спикер британского парламента Рассел взывал: «Надо вырвать клыки у медведя!». А лондонская «Таймс» вопила: «Хорошо бы вернуть Россию к обработке внутренних земель, загнать москвитов вглубь лесов и степей».

Конечно же, такая обработка общественного сознания была не случайной. 22 декабря английская и французская эскадры вошли в

Черное море – вместе со свежими силами османского флота. Командующие этих эскадр известили российские власти, что имеют приказ ограждать от нападений турецкие суда и порты. Их недоуменно запросили, в чем же будет заключаться «ограждение»? Ответили: не только защищать турок от атак с моря, но и помогать им снабжать свои порты, препятствовать свободному плаванию русских кораблей. Это был уже не нейтралитет! Турки могли под британским и французским прикрытием перевозить войска, готовить десанты, а русских заставляли сидеть на своих базах.

17 января 1854 г. Наполеон III предъявил России ультиматум – вывести войска из Дунайских княжеств и начать мирные переговоры с султаном. Предъявил только от лица Франции, но англичане больше не скрывали, что действуют вместе. Царь ультиматум отверг и прервал отношения с обеими державами. Уезжающему британскому послу Сеймуру он сказал: «Может быть, я надену траур по русскому флоту, но никогда не буду носить траур по русской чести». Николай Павлович обратился к Австрии и Пруссии. Предлагал им в случае европейской войны соблюдать нейтралитет, «поддержанный оружием».

Но к ним обратились и Англия с Францией, приглашали в союз. Вена и Берлин пока уклонились и от царских, и от западных предложений. Хотя подписали отдельный тайный договор. Он предусматривал – если русские не уйдут в скором времени из Валахии и Молдавии, Австрия и Пруссия потребуют этого. В случае отказа предпримут давление вплоть до военных действий. Такое же давление, вплоть до войны, намечалось еще в двух случаях – если русские захотят присоединить Дунайские княжества и... если перейдут Балканы. И опять загадка. Ведомство Нессельроде имело отличные связи в Вене и Берлине. Почему же оно «прозевало» договор и не известило царя? Николай Павлович до сих пор пребывал в уверенности, что Австрия, обязанная ему спасением, находится на его стороне.

Он отдал именно такой приказ – на Дунае перейти в решительное наступление и прорываться за Балканы, вынуждая султана к миру. К весне здесь собрали 120 тыс. штыков и сабель. Главнокомандующим был назначен Паскевич. 11 марта наши войска форсировали Дунай сразу в нескольких местах – у Браилова, Мачина и Измаила. Инженерное руководство возглавил лучший специалист, Шильдер. Он обеспечил наведение понтонных мостов. А возле Руцука умело

расположил и замаскировал значительное количество артиллерии. Турецкая Дунайская флотилия двинулась сорвать переправы, попала в эту артиллерийскую засаду, и ее почти полностью уничтожили. В короткое время, буквально с налета, были взяты турецкие крепости Тульча, Исакча, Мачин. Гарнизоны не выдерживали бомбардировок и атак, бросали крепости.

Но через 4 дня после начала наступления Англия и Франция объявили России войну. Их флот на Черном море стал захватывать все грузовые и торговые суда под российским флагом. В Константинополе начали высадку их войска. Между прочим, вели себя не лучшим образом – так же, как привыкли обращаться с «туземцами» в Индии или Алжире. Турки, помнившие оккупацию Адрианополя в 1829 г., потом сопоставляли и говорили, что русские враги лучше, чем английские и французские «друзья».

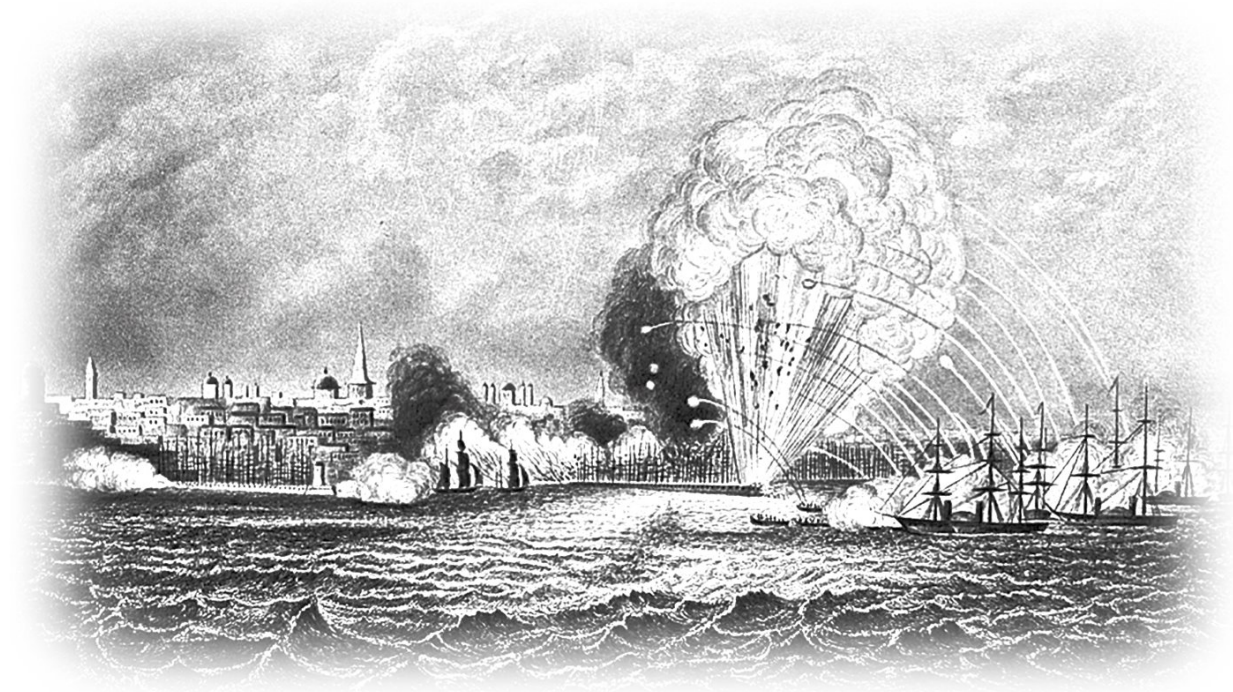
Что же качается планов царя – прорываться на Балканы, то изначально они имели под собой весомую основу. Как и его прогнозы, что в случае войны Османская империя затрещит по швам. Едва распространились известия, что турки схлестнулись с русскими, и особенно о Синопской победе, поднялись греки, еще оставшиеся под властью султана. В январе 1854 г. запылало сразу несколько восстаний – в Эпире, Македонии, Фессалии, на Крите. Их негласно поддержал король Греции Отто Фридрих. Греческие офицеры формально уволялись из своей армии и отправлялись командовать повстанцами. В общем, туркам могло припечь очень жарко. Но Англия и Франция нажали на Отто Фридриха, пресекая подпитку освободительной борьбы. А султану дали свою артиллерию, корабли для быстрой переброски войск. Греки уже приближались к Салоникам, но дорогу им перекрыли французские части, отбросив массированным огнем. Уже в апреле все очаги восстания совместными усилиями были погашены.

А России предстояла жесточайшая схватка. Поэт Ф. И. Тютчев писал: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом разжигалась на Западе против России, сорвется когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал... Это весь Запад пришел выразить отрицание России и преградить ей путь в будущее» [120]. Но стоит отметить, что наша страна не позволяла себе европейских приемов информационной войны. Тот же Тютчев написал

стихотворения «Теперь тебе не до стихов» и «Пророчество» – они были запрещены. В первом из них поэт назвал противников «богомерзкими народами» со дна «царства тьмы» – было признано, что оскорблять так целые народы недостойно. А в «Пророчестве» он описал, как Константинополь будет взят и в храме Св. Софии снова будет воздвигнут христианский алтарь, призывая: «Пади пред ним, о Царь России, и встань, как всеславянский Царь». Николай лично наложил резолюцию: «Подобные фразы не допускать». Не желал, чтобы даже в стихах пропагандировались завоевательные планы, которых он не имел и в которых его обвиняли [121].

ГЛАВА 34. ПРОТИВ ВСЕЙ ЕВРОПЫ

Бомбардировка Одессы

Либеральными историками и публицистами был внедрен устоявшийся штамп, как «отсталая крепостническая» Россия проиграла Крымскую (или Восточную) войну «передовым» англичанам и французам. О плохой подготовке николаевских войск, где делался упор только на строевую муштру. А «отсталость» подтверждается «очевидными» примерами. Парусники против пароходов, гладкоствольные ружья против штуцеров Энфилда, бивших на 1250 ярдов, расстреливавших артиллерийскую прислугу, оставаясь за пределами дальности огня наших пушек.

Стоп! Давайте-ка взглянем на эти факты повнимательнее, без предвзятой пропагандистской шелухи. Плохую подготовку русских войск напрочь опровергают их блестящие действия и в персидской, и в турецкой, и в польской, и в венгерской, и в той же самой Крымской войне. Особо стоит разобраться и с «отставанием». Первый пароход

появился в США в 1807 г. В России – немного позже, в 1815 г. С 1817 г. отечественные пароходы уже строились повсюду, курсировали по Волге. И первый в мире военный пароход «Скорый» был создан в 1818 г. у нас на Ижорских заводах, на 3 года раньше, чем у англичан. Но первые пароходы были колесными! Их скорость и маневренность была низкой. Огромные колеса по бортам мешали устанавливать бортовую, самую мощную артиллерию. И сами были слишком уязвимыми в бою. Одно попадание ядра, и все.

Поэтому во всех флотах мира главной силой оставались парусные корабли. Паровые шхуны и фрегаты (их называли пароходофрегатами) играли вспомогательную роль. Лишь в 1838 г. в Англии был создан винтовой пароход. И только в 1842 г. Британское адмиралтейство решило вопрос, какие же пароходы лучше, колесные или винтовые. И уже позже выяснилось, что в винтовые корабли можно довольно просто переделывать существующие парусники. Деревянный корпус разрезали примерно пополам, делали вставку с паровой машиной. Тяжелый механизм и котлы заменяли балласт, которым раньше нагружали трюмы парусников для устойчивости. Такая модернизация кораблей развернулась в конце 1840-х – начале 1850-х гг., уже перед самой войной. Хотя на Западе считалось, что и парусники вполне пригодны для боевых действий. Из 51 английских и французских линейных кораблей, участвовавших в войне, 32 оставались парусными, а 19 переоборудовали под паровые двигатели.

В российском военном флоте на начало войны имелось 44 парохода, из них 18 пароходофрегатов и 26 поменьше (до 10 орудий). Но винтовой, 44-пушечный «Полкан» был только один. Еще один, «Архимед», в 1850 г. потерпел крушение (оба были построены на отечественных заводах). Строилось еще 3. Как видим, противники действительно опередили русских. Но всего на несколько лет, и не в плане технического прогресса, а чисто количественно. Впрочем, надо добавить важное уточнение. Ни одного морского сражения с англичанами и французами не было! Потому что по количеству боевых кораблей и огневой мощи британский флот был самым сильным в мире. Французский – на втором месте. Когда они объединились, добавив еще и османский флот, выходить на битву с ними стало заведомым самоубийством. Ход морской войны определили вовсе не передовые технологии, а подавляющее численное превосходство неприятелей!

Артиллерия у обеих сторон недалеко ушла от наполеоновских войск. Бронзовые и чугунные пушки заряжались с дула, били ядрами (поражающая дальность около 1 км) или картечью (до 600 м). Новинкой были только «бомбические» орудия, стреляли бомбами не навесным огнем, как мортиры, а настильным – на 2000–2500 м. Бомбические пушки были крупнокалиберные и очень тяжелые, на специальных лафетах, их обычно ставили в крепостях или на кораблях. Они имелись и у нас, и у врагов, хотя в России еще с 1757 г. существовали и легкие орудия, единороги, способные стрелять как ядрами, так и разрывными гранатами.

Но насчет стрелкового оружия мифотворчество откровенно зашкалило! Винтовок, заряжающихся патронами с казенной части, еще не было ни в одной армии мира. Везде ружья были длинноствольными, калибром 15–18 мм, заряжались с дула. А нарезные штуцеры вовсе не были новым изобретением. Их внедрил еще Фридрих Великий в Семилетней войне, вооружил ими части егерей из лучших стрелков. На фронтах Восточной войны они имелись во всех армиях.

В России – «люттихские» штуцеры образца 1843 г. Первую партию закупили в Люттихе (Льеже). Но русские специалисты улучшили их, вместо круглой пули стали использовать коническую, разработанную полковником Куликовским. Калибр составлял 17, 78 мм, прицельная дальность до 600 м, а максимальная дальность полета пули – 853 м. Штуцеры предназначались для егерских частей, а в пехотных полках для «застрельщиков» – лучших стрелков, их полагалось по 26 на батальон. Остальная армия была вооружена довольно новыми по тем временам гладкоствольными капсюльными ружьями образца 1845 г. (прицельная дальность 100 сажень – 213 м). На капсюльный механизм были переделаны и армейские однозарядные пистолеты.

У французов был принят на вооружение штуцер Тувенена 1842 г., примерно с такими же тактико-техническими характеристиками, как «люттихский». Им тоже были вооружены не все солдаты, а только егеря (5 батальонов) и дивизия зуавов, алжирских стрелков. Остальная французская армия отправилась на войну с ружьями образца 1777 г. Не капсюльными, как у русских, а еще кремневыми! Почему же штуцеры предназначались не для всех? Потому что у них был серьезный недостаток – при повышении дальности огня терялась скорострельность. Их долго было заряжать, из-за нарезок пулю в ствол

приходилось вгонять с большим усилием (у французов ее вообще заколачивали, чтобы пуля сплющилась и вжалась в нарезки ствола, из-за этого она теряла и баллистические свойства, летела абы как). Вдобавок штуцеры были очень капризными. Нарезки забивал пороховой нагар. Стволы приходилось не только чистить, но и промывать. Иначе штуцеры было невозможно заряжать, могло и разорвать по нарезкам.

И вдруг – английские штуцеры Энфилда! Британская пресса растробила, как они поражали русских с 1250 ярдов (1143 м) в сентябре 1854 г., после сражения на Альме. Историки до сих пор тиражируют эту байку, хотя... в это время винтовки Энфилда в войсках еще не было! Ее приняли на вооружение в 1853 г., а в действующей армии она появилась лишь в феврале 1855 г. Изначально штуцерами Энфилда вооружили только один Даремский полк. А в начале войны вся британская армия имела гладкоствольные кремневые ружья «Браун Бесс» образца... 1722 г. Были и штуцеры Бейкера образца 1800 г. (прицельная дальность 183 м).

К концу войны оснащенность Энфилдами росла. Но... даже военные историки почему-то не обращают внимания на откровенную несуразицу. Указанная дальность стрельбы доступна разве что для современной снайперской винтовки СВД! Да и то на такой дистанции предусматривается «беспокоящий огонь» или стрельба по групповым целям. Реальная же прицельная дальность Энфилда составляла 300 ярдов (274 м). Чуть больше, чем у русской гладкостволки и меньше, чем у лютихского штуцера. Максимальная дальность полета пули достигала 660 м, а убойная сила сохранялась на дистанции 381 м. Именно такую дальность стрельбы заявил изготовитель. Но в документации каким-то образом, случайно или нарочно, футы заменились на ярды, и дальность увеличилась втрое! Отсюда и взялись пресловутые 1250 ярдов.

Все отрицательные качества штуцеров с заряданием и чисткой сказались в Энфилдах в полной мере. Перед тем, как вогнать пулю (калибра 15 мм) в ствол, ее еще и требовалось обернуть кожаной прокладочкой, пропитанной салом, сзади вставить в углубление деревянную втулку, а потом крепко забивать в дуло. Британские солдаты плевались от Энфилдов (так же, как французы и русские от своих штуцеров), охотно меняли их на привычных «старушек Браун Бесс». Ну а газетная шумиха с непомерной дальностью стрельбы

обернулись очень успешной... рекламой. Одни лишь США закупили у англичан 900 тыс. таких винтовок. Хотя вскоре убедились в очень низких боевых качествах. В битве при Шайо в 1861 г. армия южан решила воспользоваться хваленными Энфилдами, расстрелять армию северян с полумили (800 м). Израсходовала все патроны, не нанеся противнику ни малейшего вреда. Потом пришлось драться штыками.

Нет, я не хочу сказать, что у противников вообще не было полезных новинок. У французов появился револьвер Лефоше. В США еще с 1836 г. использовались револьверы Кольта, но они еще были «дульными», каждое гнездо барабана заряжалось так же, как однозарядный пистолет. А 6-зарядный револьвер Лефоше уже снаряжался картонными патронами. У русских он считался очень ценным трофеем. Но это было офицерское оружие ближнего боя, на ход войны оно никак не повлияло. И такой рекламы, как англичане, французы своему револьверу не сделали.

Однако и в России были свои военные новинки, которых не имелось у западных держав. Морские мины Якоби, залповые ракетные установки Константинова (калибр 106 мм, дальность огня – 2600 м, больше, чем артиллерия той эпохи). Они уже были приняты на вооружение, запущены в производство. И применялись очень успешно. Еще до войны ракетные установки использовал Бакланов на Кавказе, а в начале войны отличилась ракетная батарея дунайских казаков, громившая врагов на переправах в устье Дуная. Вот и стоит задаться вопросом: так кто же и от кого отставал в военно-технической области?

Война стимулировала и железнодорожное строительство. Кроме действующей Николаевской магистрали в 1854 г. начались работы по прокладке железных дорог от Москвы до Одессы, с ответвлениями от Харькова на Крым и Донбасс (завершать строительство будет уже сын Николая I, Александр II). Проект грандиозный, расстояния не британских и не французских масштабов. Какая же это «отсталость»?

Другой вопрос, что Россию скрытно и провокационно подвели к столкновению с могущественной западной коалицией (еще и с тайным предательством Австрии и Пруссии). Оно стало неожиданным. На некоторых участках наши военные оказались не готовыми к отпору. Самым большим русским городом и портом на юге была Одесса, ее население составляло 100 тыс. человек. Но укреплена она была очень слабо – турки сюда не осмеливались соваться, и нападений с моря

никто не опасался. На береговых батареях стояли 40 старых чугунных пушек (и часть из них была сомнительной пригодности). Из войск в окрестностях располагались 16 резервных батальонов. Охраняли побережье и несли таможенную службу казаки небольшого Дунайского войска.

29 марта к Одессе подошел английский пароходофрегат «Буйный», вел разведку. Его отогнали выстрелами. А 10 апреля, в Страстную субботу, нагрянула эскадра, 28 кораблей. Рано утром обрушила на город шквальную бомбардировку. Поближе к берегу подошел отряд шлюпок с орудиями небольших калибров – они били зажигательными гранатами. Самый мощный удар приняла на себя батарея № 6–4 старые пушки прапорщика Александра Щеголева, только недавно закончившего кадетское училище. Но стрелял он метко, его орудия подожгли французский фрегат «Вобан», тот вышел из боя, тушил пожар. В неравном бою один за другим падали артиллеристы. На помощь прибежали мальчишки, ученики лицея, встали к орудиям. Дрались до часу дня, пока не была подбита последняя пушка.

А тем временем подтягивались резервные батальоны, вступили в перестрелку из своих полевых орудий. Неприятеля на шлюпках попытались высадить десант на Пересыпи, им не дали причалить, отразили картечью. Вражеская бомбардировка сожгла в порту 9 торговых судов, серьезно пострадали портовые сооружения и прилегающие жилые кварталы. Позже в Одессе насчитали до 250 убитых и раненых. Но у англичан и французов подбили 4 фрегата, в 17 часов они прекратили обстрел и убрались. Щеголева за его подвиг император произвел «в подпоручики, поручики и штабс-капитаны», а батарею повелел назвать его именем.

Кстати, Николай Павлович почти месяц не отвечал на объявление войны Англией и Францией. Тянул до последнего возможность урегулировать конфликт. И только после нападения на Одессу, 11 апреля, издал Манифест: «Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния, сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России. Тогда же встретили мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств... Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело, в глазах их второстепенное, но что общая их цель – обессилить Россию,

отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество Наше с той степени могущества, на которую оно вознесено Всевышнего Десницею. Православной ли России опасаться их угроз? Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, промыслом Всемогущего ей предоставленной? – Нет!! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христову и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами... За Веру и Христианство подвигаемся! С нами Бог, никто же на ны!..» [122].

Не прошло трех недель, как неприятели решили нанести новый удар по Одессе. На этот раз три пароходофрегата задумали ошеломить русских внезапно, подкрасться к городу ранним утром в густом тумане. Но в этом тумане 16-пушечный британский «Тигр» сел на мель. Его заметили дунайские казаки полковника Тихановского. Немедленно подвезли свою конную батарею. В ходе перестрелки два других корабля отогнали, «Тигр» подожгли, и казаки на лодках захватили его. Взяли в плен всю команду, 225 человек. Орудия «Тигра» установили на новых батареях в Одессе.

Стоит напомнить, самих по себе английской и французской эскадр царь не слишком опасался. Он же разбирал подобный план еще во время обострения 1834 г. – что русские могут прорваться за Балканы, к Константинополю, как в прошлую войну, и запереть западных противников в Черном море. Или заставить их уносить ноги. Именно так он приказал действовать Паскевичу, взять крепость Силистрия, и дорога для прорыва откроется. В мае 1854 г. русская армия подступила к этой мощной крепости. Но на этот раз Паскевич осторожничал. Очень может быть, что он уже подозревал подвох со стороны Австрии. Или даже получил об этом неофициальные предупреждения через австрийских или молдавских друзей.

Хотя приказ надо было выполнять. Осадные работы Паскевич грамотно нацелил на ключевой форт Араб-Табиа. Под руководством Шильдера к нему приближались траншеями, батареями. За 10 дней подошли на 160 м к укреплениям. Враги решили отбросить русских, выплеснулись из крепости на массивную вылазку. Их побили и погнали назад. Генерал Сельван, командовавший в передовых траншеях, по собственной инициативе скоординировал штурм. Преследуя турок, разгоряченные солдаты одним порывом взобрались на

крепостные валы. Но Сельван был смертельно ранен. А неприятели уже стягивали к месту прорыва войска с остальных участков. Навалились всеми силами. Отходить пришлось под напором, отражая атаки. Наши части потеряли более 900 убитых и раненых.

Паскевич послал доклад царю, изложив свои сомнения и опасения. Но трусом он никогда не был. Через 10 дней сам возглавил разведку боем. Турки ее встретили шквальным огнем. Паскевича контузило ядром. Он уехал лечиться в Яссы, сдав командование Горчакову. Артиллерийская перестрелка становилась все более жаркой. Вскоре осколком гранаты был смертельно ранен лучший военный инженер России Карл Шильдер. Но русские траншеи подошли вплотную к форту. В ночь на 8 июня был назначен штурм. Войска уже выходили на исходные позиции. Но из Ясс примчался офицер с приказом Паскевича – немедленно снять осаду и отходить.

Его опасения оправдались. Австрия заключила с турками договор, что Дунайские княжества будут заняты ее войсками, и потребовала от России покинуть их. Только сейчас у Николая Павловича открылись глаза. В новых обстоятельствах он разрешил снять осаду Силистрии. Паскевич, получив его письмо, во весь опор погнал курьера и успел остановить штурм буквально в последний момент. Что толку лить солдатскую кровь и брать крепость, если ее придется оставить? Но отход за Дунай организовали образцово. Турки сперва даже не подозревали, что русские уходят от Силистрии. Когда это обнаружилось, Омер-паша загорелся преследовать их.

25 июня 30-тысячный турецкий корпус ринулся через Дунай у Рущука, в жарком бою с нашими арьергардами занял городок Журжу. Но потерял при этом 5 тыс. человек, что охладило его пыл. Турки остановились. Русские их тоже не атаковали. Как объяснялось в приказах, «вследствие особого хода политических обстоятельств», наша армия постепенно покидала Валахию и Молдавию. В июле в болгарском порту Варна стали высаживаться 40 тыс. французов маршала Сент-Арно и 20 тыс. англичан фельдмаршала Раглана. А турки медленно продвигались вперед по мере ухода русских. Лишь 10 августа они вступили в Бухарест. Ну а австрийцы не забыли силу царских войск. Сталкиваться с ними явно трусили. Они перешли границу только тогда, когда части Паскевича удалились в пределы России. Зато австрийцы сменяли турок в качестве оккупантов. 100-тысячная армия

Омера-паши высвободилась для действий вместе с французами и англичанами.

ГЛАВА 35. ГРОЗА ОТ БАЛТИКИ ДО КАМЧАТКИ

Мемориал «Смертельная» батарея МаксUTOва на Никольской горе в Петропассловске-Камчатском

Даже само название «Крымская война», внедренное в нашей литературе, является крайне некорректным. Оно выпячивает лишь один театр боевых действий – причем тот, где западным державам удалось добиться некоторых успехов (очень далеких от их планов и ожиданий). На самом же деле война расплескалась на огромных пространствах Европы и Азии, загремела на разных фронтах от Балтики до Тихого океана.

Уже в марте 1854 г. огромный флот англичан и французов, 26 линейных кораблей и 39 фрегатов под командованием адмиралов Нейпира и Персеваля-Дашена вошел в Балтийское море. При этом, кстати, обозначился еще один скрытый член враждебной коалиции. Дания, свободно пропустившая армаду через свои проливы. Хотя и ее

русские спасли в 1848–1850 гг. от немцев и сепаратистов. В апреле неприятельский флот пожаловал в Финский залив, нацеливаясь прямо на Кронштадт и Санкт-Петербург. Русские моряки на битву в превосходящими силами не вышли.

Но когда враги сунулись к Кронштадту, то наткнулись на очень неприятный сюрприз. Несколько пароходов, высланных на разведку фарватеров и укреплений, подорвались и получили повреждения. Впервые в мировой истории подступы к главной морской базе и столице были прикрыты минными заграждениями (выставили 1500 мин Якоби). А при более внимательном обследовании русской обороны последовали и другие «открытия». Минные поля умело сочетались с береговыми батареями, прикрывались артиллерией и ракетными установками. Впервые в военной практике под личным руководством царя-инженера была оборудована минно-артиллерийская позиция.

Стоит отметить, что эта методика была прочно принята Россией, она применялась и в Первой мировой, и в Великой Отечественной войнах, сыграв решающую роль в морской обороне Петрограда и Ленинграда. А на случай, если неприятели все же будут прорываться к столице, Николай I его моряки добавили еще одну меру. По инициативе капитана 2 ранга Шестакова, поддержанной великим князем Константином, в рекордные сроки, всего за 4 месяца, были построены 32 канонерские лодки с крупнокалиберными бомбическими орудиями. Деревянные, но паровые, с винтовыми двигателями! Потом, до конца войны, построили еще 49 легких артиллерийских винтовых кораблей. Паровые двигатели для них изготовлялись в петербургских механических мастерских под руководством чиновника и инженера Николая Путилова – вскоре он станет хозяином знаменитых Путиловских заводов (опять же, где уж тут «отставание»?)

Англо-французскому флоту осталось только бесцельно дымить трубами в Финском заливе, и у столичных жителей стало модным ездить на прогулки в Петергоф или Ораниенбаум, любоваться на массу вражеских кораблей. Они проторчали четыре месяца. Адмиралам Нейпиру и Персевалю-Дашену требовалось обозначить хоть какие-то победы. Ведь поход на Балтику стоил колоссальных средств. Снялись с якорей. Вторым по значению российским портом был Ревель. Но и он был готов к обороне. Сюда стянули войска, а царь прислал разработчика ракетных установок полковника Константинова с его

командами ракетчиков. Англичане и французы на Ревель не полезли. Искали добычу полегче, и в августе напали на Аландские острова.

В крепости Бомарсунд под началом полковника Бодиско было 2175 солдат вместе с нестроевыми (в основном здесь служили финны). Их подвергли адской бомбардировке, высадили 12 тыс. десантников. Тем не менее, крепость отбивалась 4 дня. Но врагов было слишком много, Бомарсунд они взяли, 2 тыс. защитников попали в плен. После этого неприятели четыре раза пытались высаживать десанты на побережье Финляндии – у Экнесе, Гангута, Гамлакербелю и Або. Всюду их отбили. Но за слабенькую крепость Гангут государь опасался, что здесь может повториться история Бомарсунда. Повелел гарнизон эвакуировать, а крепость взорвать. Эскадры противника поболтались туда-сюда и осенью покинули Балтику.

Николай Павлович учитывал, что под вражеские удары попадут и наши опорные пункты на Кавказском берегу Черного моря. Приказал оставить только крупные крепости – Новороссийск, Анапу, Геленджик и Сухум. Невзирая на господство неприятельского флота, небольшие корабли из Севастополя и Азовская флотилия выходили в море, вывезли гарнизоны и вооружение всех мелких фортов и постов, укрепления повзрывали. А в Закавказье вражеское командование наметило наступать на соединение с Шамилем. Турецкая армия под командованием Куршид-паши (французского генерала Гюйона) сосредоточилась тремя группировками. К Шамилю послали связных, султан присвоил ему звание «генералиссимуса черкесской и грузинской армии».

Правда, имам не впечатлился титулом, называл его «пустым звуком». Роль султанского вассала его тоже не прельщала. Но он решил прорваться навстречу могущественным союзникам. Шамиль специально распространил ложные сведения о нескольких направлениях своего похода, заставив кавказского наместника Реада разбросать силы. А сам, собрав 15 тыс. горцев, в июне 1854 г. вторгся в Грузию. Захватил Цинандали и Алазани, разграбил села, нахватал заложников. Собирался идти дальше, но наперерез перебрасывали царские войска, местное ополчение. В боях мюридов остановили. Да и разношерстное воинство, поднятое имамом со всего Кавказа, награбило богатую добычу и не хотело растерять ее, рвалось возвращаться по

домам. Преследуемое русскими и грузинами, оно покатило обратно в горы.

Но в это время Шамилю оказалось уже и не к кому прорываться. Как раз в июне, когда он налетел на Грузию, русская армия сама перешла в наступление на турок. На правом фланге двинулись 10 тыс. солдат и казаков генерала Андроникова. У Чоглока он столкнулся с 34-тысячным вражеским корпусом. Турецкая конница атаковала, навстречу ей вылетел 11-й донской полк. Был убит его командир полковник Харитонов. Но его казаки таранным ударом в пики отшвырнули неприятельскую кавалерию прямо на турецкую пехоту, смяв ее боевые порядки. Противника разгромили, отобрали все пушки.

На левом фланге генерал Врангель с 5 тыс. штыков и сабель наступал от Эривани. Неприятелей на этом участке было 15 тыс. Но они атаковать не осмелились, укрепились на Чингильском перевале. Казаки по горным тропинкам обошли турецкие позиции, кинулись на них одновременно с пехотной атакой в лоб. Захватили батареи, враги побежали. Их гнали, кололи и рубили. Турки удирали в крепость Баязет, но им не дали остановиться и занять оборону. С ходу влетели в крепость и заняли ее.

А на центральном участке двинулись главные силы Бебутова – 18 тыс. бойцов. Гюйон-Куршид приготовил им ловушку. Отводил части и распускал слухи, будто отступает к Карсу. Но скрытно направил свою армию окольными дорогами, и возле селения Кюрюк-Дара корпус Бебутова окружили 60 тыс. неприятелей. 24 июля (8 августа) они навалились с разных сторон. Дрались 8 часов. Бебутов умело руководил подчиненными. Перекидывал части навстречу атакам. Бросал в контратаки, увидев у врагов слабые места. Отличились и артиллеристы, ракетчики – в 20-м Донском (Баклановском) полку было 2 ракетных команды. И не просто отбили, а разнесли турецкую армию. Она потеряла 8 тыс. убитых и раненых, 2 тыс. пленных, 15 орудий. Разбитый Гюйон засел в Карсе. Но у него сохранялось значительное превосходство, а у Бебутова не было даже тяжелой артиллерии. Осаждать крепость он не стал, отошел.

А вот на Белом и Баренцевом морях давным-давно не ожидали вражеских нападений. В Архангельске находился единственный военный корабль, 16-пушечный бриг «Новая Земля». Порт прикрывала старая Новодвинская крепость. Но с февраля 1854 г. Архангельская

губерния была объявлена на военном положении. Под руководством военного губернатора вице-адмирала Бойля в устье Северной Двины экстренно построили 6 береговых батарей, оборудовали 20 канонерских лодок. Здесь заводов не имелось, лодки были весельными. Но на каждой 40 человек команды и 2 пушки.

Летом в Белое море была направлена британская эскадра Оманея – 3 корабля с 54 орудиями, везли 540 солдат для десантов. Позже к ним подошли 2 французских корабля (58 орудий). Дания и здесь подыграла врагам, предоставила базу в Норвегии для снабжения углем. А они начали разбойничать, захватили шхуну с грузом муки, два торговых судна. Подошли к устью Северной Двины и выслали разведку. Обнаружили множество судов, укрывшихся на реке. 4 июля 6 вражеских баркасов начали промерять глубины и ставить бакены, обозначая фарватер.

Навстречу вышли русские канонерки. лейтенант Тверитинов с 90 матросами и 2 пушками подобрался к противнику по берегу и открыли огонь. У англичан были потери, баркасы отошли к своим кораблям. А ночью русские, невзирая на пальбу вражеской эскадры, снимали все выставленные бакены. После этого неприятели ушли. Оправдались тем, что глубины в дельте Северной Двины оказались недостаточными для их кораблей. Но это сомнительно – бакены-то ставили. Просто поняли, что легких успехов здесь не будет, на реке их могут крепко побить.

Эскадра направилась к Соловецкому монастырю. Там была только инвалидная команда, 53 старых солдата прапорщика Никоновича охраняли монастырскую тюрьму. Подготовку к обороне возглавил настоятель, архимандрит Александр (Павлович) – в прошлом полковой священник (а в будущем – епископ). Призвал работников, поселенцев, на свой страх и риск создал команду из 20 заключенных. Отставной чиновник Соколов, кое-что понимавший в фортификации, возглавил ремонт укреплений. Отставные унтер-офицер Крылов и гренадер Сергеев обучали защитников. В арсенале монастыря нашли бердыши, копья. Старинные ружья оказались непригодными. Из 20 пушек времен Петра I исправными были 2, остальные проржавели или рвались от пробных выстрелов.

Уже перед нападением, в мае, губернатор прислал 6 орудий со снарядами, инженерного офицера Бугаевского и фейерверкера

Друшлевского – обучать инвалидов стрельбе из пушек, командовать ими. Присланные орудия установили на стене монастыря, а из 2 старинных соорудили батарею на берегу. 6 июля появилась эскадра. Силясь запугать, открыла огонь. Монастырь ответил. Со стен ядра не долетали до кораблей. Но с берега 2 пушки били метко, серьезно повредили пароходофрегат «Миранда». На следующий день британский командующий прислал ультиматум. Угрожая продолжением бомбардировки, требовал капитуляции гарнизона вместе с комендантом, «оружием, знаменами и военными припасами».

Настоятель ответил, что ни коменданта, ни гарнизона в монастыре никогда не бывало, а значит и сдаваться некому, «и флагов, и оружия, и прочего не имеется». Загрохотали орудия. Одно ядро пробило икону Божьей Матери «Знамение». А в православной традиции известно – если эта икона получила «рану», Сама Богородица начинает защищать осажденных. И случившееся сочли настоящим чудом. Враги лупили по монастырю 9 часов, выпустили свыше 1800 ядер и бомб, но ни один из защитников не был убит или ранен. Даже повреждения строений были минимальными. А высаживаться неприятели не рискнули – уже зная о пушках. Ушли прочь не солоно хлебавши.

Отыгрались там, где не встретили отпор. Высадили десант на Кий-острове, пожгли склады, таможеню, разграбили Крестный монастырь – утащили даже колокол и 2 старинных негодных пушки (трофеи!) Бомбардировали поморское село Пушлахта, выслали сотню десантников. 23 жителя с кремневыми ружьями под началом двух отставных солдат и чиновника Волкова дали бой. Под напором врагов они без потерь отошли в лес, а англичане, потеряв полтора десятка убитых и раненых, полностью сожгли село. (Николай I повелел восстановить Пушлахту за государственный счет, Волкова наградил орденом, одного из солдат Георгиевским крестом, и всех ополченцев – деньгами). Следом эскадра ограбила Кандалакшу, села Кереть и Ковда (здесь украли 2 церковных колокола, взломали даже церковную кружку для пожертвований).

В захудалом городке Кола насчитывалось 745 жителей, 70 солдат инвалидной команды. Губернатор успел прислать сюда 2 офицеров и 2 солдат, на оленях привезли боеприпасы и 100 устаревших кремневых ружей. На месте нашли 2 старинных пушки – обе оказались непригодными. 9 августа нагрянули враги. На ультиматум о

капитуляции им ответили отказом. 11 августа открылась бомбардировка. Городок запылялся. Высаженный десант побили и заставили убраться ружейным огнем. Среди защитников потерь не было, но сгорели 92 дома и 2 храма, в том числе жемчужина деревянного зодчества, Воскресенский собор. А эскадра после этих «подвигов», набезобразничав по всему побережью, в сентябре ушла прочь.

В Тихоокеанском регионе между Российско-американской компанией и английской компанией Гудзонова залива действовал договор о нейтралитете, даже на случай войны. Британское правительство очень долго его рассматривало, но 22 марта 1854 г. все же утвердило. За 5 дней до войны. Почему? Вероятно, боялось, как бы русские не подняли против английских соседей алеутов, эскимосов, индейцев, что обернулось бы погромом факторий и большими убытками. В результате война не перекинулась на еще один континент, Америку. Но при утверждении Лондон урезал юрисдикцию договора. Нейтралитет распространялся только на американские владения двух компаний – хотя под флагом Русско-американской компании существовали базы и селения на берегах Охотского моря, Сахалине, Курильских островах. Не признавался нейтралитет и на море, любое судно могло быть захвачено.

В нежданный переплет попала и эскадра адмирала Путятина, направленная с дипломатической миссией в Японию. Фрегат «Паллада» и посланные вдогон «Диана» и «Аврора». Англичане и французы их отслеживали еще до войны, заранее держали «на прицеле». В Японии в переговорах как раз случился перерыв. Путятин на «Палладе» отправился на Филиппины. В Маниле он перешел на прибывшую сюда «Диану», а «Палладу» отправил исследовать берега Кореи и Уссурийского края. В мае 1854 г. она встретила русскую шхуну «Восток» и только сейчас узнала – уже началась война. Получила приказ генерал-губернатора Муравьева всем русским судам собираться в заливе Де Кастри (в Татарском проливе, напротив Сахалина). Их прятали от врагов, заводя в устье Амура. Но для «Паллады» фарватер оказался слишком мелким. Фрегат укрыли и замаскировали в неприметной бухте Константиновской.

А плавание «Авроры» через Атлантику и вокруг мыса Горн было очень трудным. В штормах она получила повреждения. На борту

обнаружились цинга и дизентерия, умерли 8 матросов. В марте 1854 г. пришли в Перу, в порт Кальяо. И... попались. Там находилась эскадра адмирала Принса, 5 английских и французских кораблей. И одной из задач, поставленных Принсу, было как раз уничтожить эскадру Путятинна. Война уже была объявлена. Хотя в Перу дошли известия лишь о разрыве дипломатических отношений, о войне ждали со дня на день. Но командир «Авроры» капитан-лейтенант Изылметьев изобразил, будто не собирается покидать порт. Обменялся с англичанами и французами визитами вежливости, повреждения фрегата нарочно преувеличивал. Однако скрытно изготовились к плаванию. В ночь на 14 апреля лег густой туман. «Аврора» бесшумно снялась с якоря. Спустила 10 шлюпок, и они на буксире вывели фрегат из гавани. А там подняли все паруса и рванули в открытое море.

Проекты освоения Амура война подтолкнула. Теперь Англия и Франция стали врагами России. Китаю намекнули, что она может стать противовесом западным хищникам, напомнили предложения по пересмотру границ. На этот вопрос китайские власти не ответили, но их представители, встречаясь с посланцами Муравьева, дали понять, что не будут препятствовать перевозкам по Амуру русских войск. Генерал-губернатор решил действовать. Весной 1854 г. в забайкальской казачьей станице Усть-Стрелочной у слияния Шилки и Аргуни, где было всего 25 домов и не видели начальства выше сотника, собралось множество людей. Прибыл Муравьев со всем штабом, стянули несколько Сибирских линейных батальонов, строили плоты, баржи, доставили даже пароход «Аргунь». Здесь создавали базу и склады для предстоящих походов.

Первый сплав по Амуру Муравьев возглавил сам. Взял с собой часть солдат, сводную сотню забайкальцев и 33 казака Якутского полка. Двигались трудно и медленно. Разведывали реку, садились на мели. Но время не ждало. На Николаевском посту в устье Амура было всего 30 солдат и 2 пушки. Баржи и плоты преодолели 5 тыс. верст, доставили пополнения, артиллерию. На Сахалине располагался еще один пост, Муравьевский. Он получался отрезанным от материка и слишком уязвимым. Генерал-губернатор приказал его эвакуировать. А в низовьях Амура заложили город Мариинск. Там разместился 15-й Сибирский линейный батальон. Рядом была построена казачья станица Кизи.

Но открытия Невельского царь держал в глубоком секрете, враги о них не знали, и об устье Амура не задумывались. Эскадра Принса узнала о войне всего через несколько дней после побега «Авроры». Попыталась перехватить корабли Путятина в океане, не нашла их и отправилась на свои базы взять на борт десант. Главной задачей считался захват Петропавловска. Муравьев еще 5 лет назад приказал укреплять его. Но расстояния были слишком далекими. Пока сюда доставишь грузы! У коменданта, генерала Завойко, на построенных батареях было всего 7 орудий и 230 солдат. В марте 1854 г. король Гавайских островов с попутным американским судном прислал предупреждение – Петропавловску надо ждать удара.

Завойко стал формировать стрелковые команды из местных казаков, ительменов. А 19 июля в гавань случайно зашла «Аврора». Направлялась в бухту Де-Кастри, но кончалась пресная вода, почти вся команда была больной. Из 300 человек при переходе через Тихий океан умерли еще 13, и в Петропавловске отправили на лечение 196 (19 спасти не смогли). Но и Муравьев 24 июля успел прислать военный транспорт «Двина» с подмогой. Число защитников увеличилось до 988, орудий – до 67. На «Авроре» и «Двине» сняли пушки с одного борта, установили на батареях.

17 августа показалась эскадра Принса – 3 английских и 3 французских корабля. Везли десантные части. И в артиллерии, и в живой силе враги превосходили втрое. 20 августа последовал штурм. Когда неприятельские корабли стали выдвигаться на позиции для бомбардировки, Завойко пришел на батарею, объявил: «Братцы! Велика сила идет, но Бог за нас, будем сражаться за Веру. Многих их нас не будет. Сегодня да будет последняя молитва наша за царя». Вместе запели «Боже, Царя храни». Гимн подхватили на других батареях и кораблях.

Дружно грянули «Ура» и «Умрем с ружьями в руках, а не отступим ни на шаг» – и взревела канонада. Бой продолжался 8 часов. Шквальный огонь эскадры подавил батареи № 1 и № 4. На этом участке высадились 600 десантников. Завойко поднял в контратаку всех, кто был под рукой – 130 матросов, стрелков, добровольцев. Неприятелей прогнали, они грузились в шлюпки и отчалили прочь. У адмирала Принса не выдержали нервы, он застрелился. Общее командование принял французский адмирал Фебврье де Пуант.

24 августа англичане и французы полезли снова. Засыпали ядрами и бомбами восстановленные батареи № 1 и № 4—изображали, будто удар снова будет в прежнем месте. Но по команде перенесли массированный огонь на батареи № 3 и № 7—седьмая на Никольской сопке не была прикрыта бруствером, ее назвали «Смертельной», артиллеристы погибали один за другим. Высадилось несколько отрядов, 950 солдат элитного Гибралтарского полка. Они должны были атаковать с разных направлений. Русские отражали их, но на расстрелянной Никольской сопке защитников не осталось, возникла «дыра».

Весь вражеский десант собрался на этой сопке и ринулся к городу. Завойко созвал всех, кого мог, с разных участков и батарей, 350 человек. Они устремились навстречу противнику, вверх по склону сопки. В яростной штыковой остановили и отшвырнули. Часть десанта прижали к обрыву и сбросили вниз. Неприятели потеряли более 400 убитых, 150 раненых. Их корабли получили серьезные повреждения. Эскадра снялась с якорей и повернула восвояси. Удовлетворилась тем, что захватила в море безоружную шхуну «Анадырь» и частное судно «Ситха».

С рапортом о победе Завойко послал лейтенанта МаксUTOва. Он мчался через всю Сибирь, чуть не погиб, провалившись по лед, но 26 ноября явился к великому князю Константину Николаевичу. Представил рапорт и трофейное знамя разгромленного Гибралтарского полка. МаксUTOва сразу принял царь, произвел в капитан-лейтенанты. А рапорт велел опубликовать в газетах. Это была пропагандистская пощечина врагам, английская пресса писала: «Всех вод Тихого океана недостаточно, чтобы смыть позор британского флага».

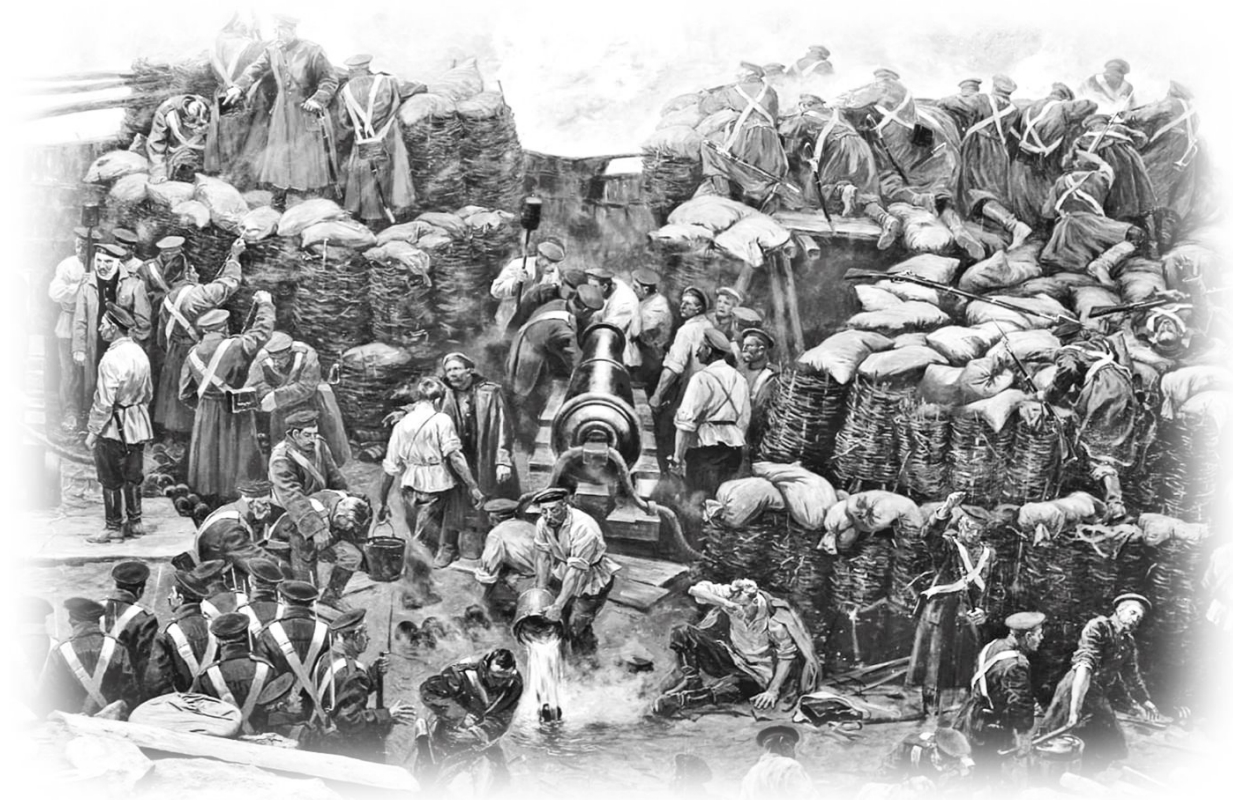
Однако государь понимал – Англия и Франция обязательно захотят расквитаться. Вернутся подавляющими силами. В декабре в Петропавловск полетел есаул Мартынов. Вез приказ эвакуировать город. Выполнили его уже после кончины Николая Павловича. Но выполнили блестяще. Гарнизон и жители срыли укрепления, разбирали даже дома. Грузили на суда или прятали. Казаков возглавил прибывший из столицы есаул Мартынов, увел на р. Авача, ительмены ушли на север. А прочие защитники и жители по весне 1855 г. пропилили лед, расчищая дорогу для кораблей. «Аврора», присланные Муравьевым корвет «Оливуца» и транспорты вышли в море.

Успели буквально под носом у врагов. Уже 8 мая 1855 г. в Петропавловск нагрянули 14 британских и французских кораблей. Но нашли... пустое место. Совершенно непригодное для того, чтобы здесь можно было разместиться, использовать идеальную бухту в качестве порта. Неприятели устремились в погоню. Три их корабля обнаружили эскадру Завойко (которому царь сменил чин генерал-майора на контр-адмирала) в бухте Де Кастри. После короткого боя русские удалились вглубь бухты. А враги блокировали выход из нее и вызвали подмогу. Подошла вся их эскадра, но оказалось, что корабли Завойко... исчезли. Обшаривали бухту – никого.

Потому что русские воспользовались открытиями Невельского. Под покровом тумана ускользнули через неведомый иностранцам узкий пролив Невельского. И скрылись в устье Амура. Здесь выгрузились, и на месте Николаевского поста вырос город, Николаевск. А англичане и французы в своих поисках обнаружили на берегу бухты Де Кастри только Александровский пост. Решили уничтожить хотя бы его. Отправили десант на шлюпках. Но врагов отбили огнем, не позволили причалить. Да и почему бы не отбить? Теперь Муравьев каждый год проводил сплавы солдат и казаков по Амуру. В устье реки уже было вполне достаточно сил.

Китайцы так и не ответили на предложения. Но генерал-губернатор принялся устанавливать новую границу «явочным порядком». По левому берегу Амура строились казачьи посты. При следующих сплавах они превращались в станицы – нового, Амурского казачьего войска. Амур становился русской рекой. Китайцам пришлось официально признать это в 1858 г., заключив Айгуньский договор. А в 1860 г., по Пекинскому договору, добавить еще Приморье. Потому что и его русские уже заселяли и осваивали. Вот так Россия выиграла битву с англичанами за Дальний Восток.

ГЛАВА 36. ГЕРОИ СЕВАСТОПОЛЯ

Оборона Севастополя. Фрагмент панорамы Ф. Рубо

К Севастополю вражеские пароходы впервые наведались в июне 1854 г. Вели разведку, их отгоняли русские пароходы и батареи. А 14 июля нагрянули главные силы английской и французской эскадр, 21 корабль, вздумали бомбардировать город и порт. Но куда там! С моря Севастополь прикрывали 8 мощных батарей с каменными казематами, 533 орудия. В бою ряд неприятельских кораблей получил повреждения, и они удалились. Как и в других местах, стали искать объекты полегче. Их отряд из 4 пароходофрегатов с 72 орудиями напал на Очаков, где базировалась русская гребная флотилия – 2 маленьких парохода и 8 весельных канонерских лодок капитана 2 ранга Ендогурова. На наших кораблицах пушек было в 2 раза меньше, но в трехчасовой перестрелке

они одержали победу. После метких попаданий англичане и французы предпочли откланяться.

А на Дунайском фронте армии Сент-Арно и Раглана соединились с турецкой, обеспечив себе значительное численное превосходство. Изначально планировали вторжение в Россию. Но Австрия все же боялась вступать в войну с нашей страной. Удовлетворилась тем, что подленько урвала под контроль Валахию и Молдавию. А в результате их территория получилась нейтральной. Для наступления осталась только Добруджа – полоса между нижним течением Дуная и Черным морем (сейчас она принадлежит Румынии, но в то время относилась не к Валахии, а к Болгарии).

По этой полосе двинулись на север французские войска. Но нарвались на отряд генерала Ушакова, 6 полков пехоты и бригаду кавалерии. Он прикрывал фланг русской Дунайской армии. Когда она возвратилась на свою территорию, тоже стал отходить, тормознув французов аррьергардными боями. Занял позицию на переправах в дельте Дуная. Враги потыкались, прощупывая оборону. Выводы были неутешительные. Для наступления пришлось бы форсировать Дунай, брать Измаил. Армия Горчакова никуда не делась, стояла у границ. Измаил был укреплен куда лучше, чем во времена Суворова. Переправу через Дунай вроде бы мог обеспечить многочисленный флот, но... устье реки оказалось перекрыто морскими минами, артиллерией и ракетными установками. С моря не сунешься.

Добруджа обернулась для неприятелей тупиком. От наступления пришлось отказаться. Неприятельское командование списало это на начавшуюся в войсках холеру и дизентерию. Но причину явно притянуло за уши. Эпидемии действительно появились, однако не помешали продолжать войну в другом месте. Выход предложил британский главнокомандующий Раглан. Плюнуть на прежние планы и на Дунай. Имея огромный флот, можно было одним махом перекинуть войска в Крым. Для русских это станет неожиданным, у них в Крыму сил было мало. А пешими маршами с Дуная еще когда дойдут! В общем-то, англичане одной из главных задач как раз и видели уничтожение Севастополя и Черноморского флота. Взвинченное «общественное мнение» западных стран давно жаждало побед, которых не было, и французы согласились. А мнения турок никто не спрашивал. В Варне загрузилась армада из 350 кораблей и транспортных судов.

А Николай I еще в 1837 г. в своей поездке по югу обратил внимание, что морская оборона Севастополя неприступна, но сухопутная – нулевая. Тогда же осмотрел местность и утвердил план строительства укреплений. Но подобная угроза казалась чисто гипотетической, мало реальной. Поэтому морское и финансовое ведомства с работами не спешили, денег выделяли кот наплакал. К началу войны завершили только один бастион и ряд вспомогательных укреплений, остальные лишь обозначили рвами, стенками, невысокими валиками. Артиллерии на этих сооружениях не было. Морской министр князь Меншиков сам напросился у царя ехать в Севастополь организовывать оборону. В помощь ему из Дунайской армии прислали лучшего ученика Шильдера, инженер-подполковника Тотлебена. Наконец-то пошло настоящее строительство.

Меншиков оказался и главным начальником в Крыму. Он предвидел высадку неприятелей и правильно определил лучшее место для нее – Евпатория. Но у него не хватало сил и средств помешать этому. Впрочем, он рассчитывал, что осень на Черном море – время штормов, и враги не нападут до весны. Значит, время еще есть. Вот тут он ошибся. 1 сентября в Евпаторию прибыл трехтысячный десант, сбил береговые посты, захватил склад с 60 тыс. пудов зерна. А уже на следующий день на берег выплеснулась вся масса французов и англичан. Меншиков спешно стягивал войска, разбросанные по полуострову. Собрал 33 тыс. штыков и сабель, 84 орудия. И части-то были второсортные, оставленные для тылового охранения. Лучшие были на Дунае, в Польше, прикрывали Санкт-Петербург.

Контратаковать, пытаться сбросить врагов в море, Меншиков сразу отказался. Высадку прикрывал весь флот. На ровном, как стол, берегу у Евпатории русских покосили бы артиллерийским огнем. Князь выбрал позицию на берегу речки Альма, развернул здесь свои контингенты, перекрывая дорогу на Севастополь. 8 сентября неприятели навалились на них. Как раз эту битву англичане использовали для рекламы новых винтовок (которых в войсках еще не было). А либеральные и советские историки преподнесли ее как доказательство плохой подготовки «николаевской» армии. Но факты-то говорят обратное! Французов и англичан высадилось 60 тыс., 134 полевых и 72 осадных орудия. У них было двукратное превосходство и в живой силе, и в артиллерии. Однако

русские полки (второсортные!) отбили все атаки и на правом фланге, и в центре.

Но к левому, приморскому фланге подошел вражеский флот, перемещал позиции артиллерийскими шквалами. Под их прикрытием французская дивизия зуавов обошла левый фланг по кромке берега и по мелководью. Хотя разгромить маленькую армию Меншикова противник так и не смог. Она потеряла 5700 убитых и раненых, но и неприятелей положила 3300 (может и больше, свои потери французы и англичане всегда сглаживали). А когда наши войска обошли, Меншиков стал отводить их на север, к Бахчисараю. Отступили в полном порядке, сохранив боеспособность.

В Севастополе оставались только моряки. Узнав о поражении на Альме, собрались на военный совет. Вице-адмирал Корнилов призывал флот выйти в море «по меньшей мере, погибнуть с честью». Меншиков прислал другое предложение: затопить старые корабли, перекрыв вход в бухту. Их орудия и экипажи поставить на бастионы, защищать город. Поддержал Нахимов и ряд других начальников. Такое решение и было принято. Трудиться с матросами вышли все жители, завершали начатые укрепления, возводили новые. Бухты разделяют город на две части, Северную и Южную. В первую очередь под руководством Тотлебена строили оборону на Северной, откуда ждали неприятеля.

И наверняка не успели бы. Если бы сразу после Альмы враги ринулись на Севастополь, то захватили бы. Однако Господь помог. Англичане и французы грубо просчитались. По мощным береговым фортам они пришли к выводу, что и с суши город сильно укреплен. Заранее нацеливались, что брать его придется осадой. Их разведка обнаружила спешно построенные позиции Северной стороны (еще не вооруженные) – их сочли подтверждением своих прогнозов. А для осады англичане и французы уже присмотрели себе Балаклавскую и Камышовую бухты южнее Севастополя, куда могли бы причаливать их суда, подвозить припасы.

Вместо броска вперед неприятельская армия затеяла сложный маневр, обходя вокруг Севастополя вокруг. Тем самым подарила время защитникам для завершения работ. В городе под началом Корнилова и Нахимова осталось 18 тыс. бойцов. 13 сентября Севастополь был объявлен на осадном положении. Со дня на день ждали штурма, – но его не было. Когда обозначился марш французов и англичан на

Балаклаву, испытали некоторое облегчение. В Балаклаву вступили англичане. Хотя неожиданно наткнулись на сопротивление. В развалинах старой генуэзской крепости засел командир греческого батальона Манто с 80 солдатами и 4 старыми пушками. К нему присоединились 30 проживавших здесь отставных солдат. Дрались 6 часов, пока их не подавили и не взяли в плен.

Но и с юга неприятели не спешили атаковать. Принялись обустраивать свои лагеря, рыть траншеи, устанавливать батареи. Это дало Севастополю дополнительное время. Ведь большую часть защитников держали на Северной стороне. Теперь их перевели на Южную, строили там батареи, выставили орудия. Полной блокады города не было, Меншиков сам приезжал в Севастополь. Выделил подкрепления, увеличив гарнизон до 30 тыс. Но в его полевой армии осталось слишком мало сил. Она ждала подмоги с Дуная. Единственное, что она смогла, перекрыть врагам дороги вглубь Крыма. Сбирать продукты и фураж британцам и французам пришлось пароходами. Они разграбили Ялту и окрестности, но добыли очень мало.

Только 5 октября противник завершил оборудование своих позиций и открыл шквальную бомбардировку. Трое суток осадные батареи и вражеский флот сыпали на Севастополь бомбы и ядра. Надеялись ошеломить и деморализовать гарнизон, вынудить к сдаче. Но и защитники отвечали огнем. С обеих сторон выбыло из строя по тысяче с лишним человек. При этом пал и один из руководителей обороны, Корнилов. Последние его слова были: «Я счастлив, что умираю за Отечество». Их доложили царю. Вдове адмирала он написал душевное личное письмо, назначил ей и детям пенсию по 5 тыс. руб. Сыновей велел принять в пажи, приказал заказать памятник Корнилову, а бастион, где он погиб, назвать его именем [123].

После бомбардировки французы и англичане стали приближаться к русским позициям траншеями. Меншиков опасался штурма. К нему начали подходить войска с Дуная, и он решил провести частную операцию. Отвлечь врагов от Севастополя, заставить рассредоточиться на другие направления. Поручил это генералу Липранди, выделив ему 16 тыс. пехоты и конницы. Под Балаклавой высмотрели участок послабее, где стояли турки. 13 октября два полка пехоты атаковали их, захватили полевые укрепления, 11 пушек. В возникшую брешь

ворвались гусары и уральские казаки, понеслись на британский лагерь. Их отбросили, и за ними погнались английские драгуны. Но наша конница подвела их под огонь батарей, покосивших драгун картечью.

А на помощь им уже скакала Легкоконная бригада генерала Кардигана. Элитная, она комплектовалась молодежью из знатных семей, офицеров в ней было больше, чем нижних чинов (в Англии офицерские патенты покупались, и патент в Легкоконной бригаде стоил очень дорого). Эта кавалерия на великолепных породистых лошадях смяла уральцев. Ворвалась на батареи, рубила прислугу. Но во фланг англичанам врезались русские уланы, подоспела и пехота. Бригаду почти уничтожили, погибло 400 человек, 60 было ранено, 23 взяли в плен.

Липранди, в общем-то, свою задачу выполнил, отвел отряд. А в Англии гибель Легкоконной бригады вызвала страшный шок, Кардигана отдали под суд. Но и задумка Меншикова не удалась. Сил у врагов было много, заставить их развернуться от Севастополя не удалось. Зато преждевременная атака на уязвимые места показала их неприятелям. Они выдвинули на опасный правый фланг дополнительные французские контингенты, укрепляли подступы к Балаклаве, Сапун-гору.

А к Меншикову прибыл с Дуная целый корпус, его армия достигла 100 тыс. Он наметил решительный удар. Рано утром 5 ноября под прикрытием густого тумана русские пошли в атаку на Черной речке под Инкерманом. Но место выбрали неудобное – овраги и горы, заросшие кустарником. В тумане колонны сбивались с направлений, вступили в бой по частям. Главный отряд генерала Соймонова, 15 тыс. солдат, обрушился на англичан. Во встречной штыковой сбил их с позиций, но нарвался на залпы картечью в упор. Был смертельно ранен Соймонов, получили ранения генерал Вильбоа и несколько командиров полков. Солдаты смешались, повернули обратно. Появился генерал Павлов со свежей дивизией, снова повел вперед. Англичан смяли, громили, они откатывались в беспорядке.

Несколько русских отрядов специально должны были отвлечь французов. Генерал Тимофеев с одним Минским полком задачу выполнил, сковал три дивизии неприятеля, а когда его стали преследовать, подвел французскую бригаду под наши батареи, ее расстреляли. Но отряд генерала Горчакова, изображавший наступление

на Сапун-гору, ограничился перестрелкой. Там стояли зуавы генерала Боске – лучшие войска французов, с боевым опытом войны в Алжире. Боске понял, что его лишь отвлекают, и ринулся выручать англичан. Вломился во фланг наступающих русских, опрокинул их. Руководивший операцией генерал Данненберг приказал отходить. И вдобавок подоспели французские пушки, полили отступающие колонны картечью.

Наши войска потеряли 3,5 тыс. убитых. 1 генерал погиб, 6 было ранено. У противника урон был примерно такой же, 4 убитых генерала, 8 раненых. Севастополю сражение никакой пользы не принесло. Хотя царь не обвинял Меншикова в поражениях. Наоборот, ободрял. После битвы на Альме писал ему: «Одно меня подкрепляет – слепая вера в Промысел Всевышнего, Которому смиренно покоряюсь. Буди воля Его!» После неудачи под Балаклавой: «Скажи вновь всем, что я ими доволен и благодарю за прямой русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Пасть с честью, но не сдаваться и не бросать» [129].

Однако стали сказываться особенности самого Меншикова. Натурой он был очень неоднозначной. Умный, талантливый, прекрасный организатор. В прошлой турецкой войне показал себя блестяще. На Альме он и впрямь сделал все, что мог. И Севастополь начал укреплять именно он. Но Меншиков был и капризным, избалованным. Справлялся с очень трудными задачами, если сам вдруг не терял к ним интерес. Был известным циником, скептиком, остроумцем. А некоторые его поступки до сих пор вызывают вопросы. Например, его неприятие новинок. Он боялся железных дорог и никогда не ездил на поезде. А при обороне Севастополя отказался от морских мин. Если бы они имелись, то не потребовалось бы топить корабли на входе в бухту.

600 ракет Константинова Меншиков все же заказал. Они прибыли как раз в сентябре, к началу осады. Но князь распорядился провести 10 пробных пусков с 4-го бастиона, причем неграмотно – по одной ракете, а не залпами. Объявил, что оружие неэффективное, ракеты отправил на склад, а ракетчиков перевел в артиллерию. Только позже, после отставки Меншикова нашелся энтузиаст, подполковник Пестич, создал передвижную ракетную батарею на 5 тележках. И применяли ракеты очень хорошо, накрывая позиции и скопления противника. Но

технический консерватизм у Меншикова сочетался с редким духовным вольнодумством (и масонством).

С началом войны Николай Мотовилов, биограф и «служба» Серафима Саровского, послал царю для воинов копию иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» – перед которой всегда молился и преставился батюшка Серафим. Николай Павлович знал о святом, отнесся к иконе очень почтительно, отправил Меншикову в Севастополь. Но, как потом рассказал Мотовилову адмирал Кислинский, командующий «не придал ей никакого значения... Она долго хранилась в пыльном чулане, пока не последовал о ней запрос самого государя (!). Только тогда икону извлекли на свет и поставили на северной стороне оборонительных сооружений. Как известно, только эта сторона и не была взята неприятелем». Тот же Кислинский поведал, как архиепископ Херсонский Иннокентий привез в Севастополь чудотворную Касперовскую икону Божьей Матери. Выслал гонца к Меншикову, чтобы святыню встретили подобающим образом. Велел передать: «Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь». Меншиков отправил гонца прочь: «Передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную – мы и без Нея обойдемся» [125].

А ведь горячо молился и царь со своей семьей, молились люди по всей России! И помощь Свыше действительно была! Врагов не оставляли напасти, болезни. Умерли оба главнокомандующий, начинавшие Крымскую кампанию, Сент-Арно и Раглан. 14 ноября на море разразилась страшная буря. В Балаклавской и Камышовой бухтах защита от непогоды оказалась недостаточной, погибли 53 неприятельских военных корабля и транспортных судна, больше тысячи человек. У Евпатории потерпели крушение еще 2 линейных корабля и 3 паровых корвета. А на разбитых и потонувших транспортах находился весь груз зимней одежды и медикаментов для англо-французской армии. Она отчаянно мерзла, это умножало болезни.

Николай Павлович со своей глубокой верой сохранял самообладание во всех неудачах. «Крайних» и «козлов отпущения» не искал. Старался воодушевить подчиненных. Писал Меншикову: «Спасибо нашим молодым саперам и минерам. Старый их товарищ радуется душевно их успехам» [126]. «Хотелось бы к вам лететь и делить участь общую, а не здесь томиться беспрестанными тревогами всех родов» [124]. И полетел бы. Так же, как на турецкую войну. Но

теперь место государя было в центре управления всей державой. Самые жаркие бои шли в Крыму, но этот театр боевых действий был не единственным. И не главным!

В ноябре 1854 г. здесь сосредоточилась лишь небольшая часть русской армии – 169 батальонов пехоты, 79 эскадронов и сотен кавалерии. А на Балтийском побережье было собрано 230 батальонов и 118 эскадронов. Потому что было ясно – попытки прорыва на Петербург повторятся. И что стоило противникам высадить войска в Прибалтике? В Польше тоже стояла армия генерала Ридигера – 144 батальона и 97 эскадронов, на Днестре – армия Горчакова, 149 батальонов и 203 эскадрона. Ведь уже открылось, что Австрия занимает враждебную позицию, и с ней спелась Пруссия. Продолжалась война и на Кавказе, на Севере, на Дальнем Востоке.

Но Россия по призыву Николая Павловича поднималась так же, как в 1812 г. Люди шли в армию добровольно, создавали отряды ополчения. Казаки объявили всеобщую мобилизацию. Одно лишь Донское войско выставило 87 полков и 14 батарей. Именно тогда родилась знаменитая песня:

«Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И привычно отозвался
На призыв Монарха он...»

А в Севастополе героями были все. Но выделялись и герои из героев. Матросы Кошка и Шевченко, минер Новиков, санитарка Даша Михайлова, лейтенант Бирюлев, генералы Хрулев и Хрущев. 55-летний донской казак Осип Зубов на 3-м бастионе выкопал в земле каморку, зажигал ночью лампаду у иконы и молился, будто инок. Был спокоен при самых жутких обстрелах и атаках. По ночам Бирюлев, Зубов, Кошка, Шевченко ходили на вылазки и совершали невероятное, уничтожали врагов, притаскивали пленных. Прославились и два батальона черноморских пластунов. Сперва никто даже внимания не обращал на оборванцев в черкесках. Но вскоре о них заговорили все. Их пули поражали любую цель в пределах дальности выстрела. А по утрам охранение французов исчезало или было перерезано. Война приобретала характер, очень и очень неприятной для врагов.

Царь повелел для защитников Севастополя месяц службы считать за год. От Меншикова он требовал вести активные действия, изматывать противников, подталкивая их к снятию осады. Но крымский главнокомандующий после Инкерманского сражения впал в пессимизм. Уже не верил в возможность удержать не только Севастополь, но и Крым. Никаких операций больше не предпринимал, держал войска на месте. Вылазки гарнизон устраивал собственными силами и по собственной инициативе.

Между тем, в Дунайской армии и Петербурге стало известно, что из Варны в Крым посылают новые подкрепления, турецкий корпус Омера-паши. Высаживать намечают там же, в Евпатории. Николай Павлович настаивал отбить этот город и сорвать высадку. Меншиков отреагировал лишь после нескольких понуканий. Выделил 19 тыс. штыков и сабель под командованием генерала Врангеля. Тот произвел разведку и отказался – потому что с ударом опоздали. Омер-паша уже высадился, и в Евпатории находилось 30 тыс. турок и французов. Но Меншиков смотрел на операцию только как на формальное выполнение царского приказа. Ничего менять не стал, войск не добавил, а командовать назначил генерала Хрулева (чтобы показать, что он не трус, Врангель остался при отряде).

А Хрулев попытался решить задачу единственным возможным способом, внезапным налетом. Но изменили местные татары. Встречали турок как «своих», создавали вспомогательные формирования. О движении русских они известили. Турки с французами изготовились. Англичане прислали к Евпатории 4 линейных корабля, к ним добавились французский и турецкий пароходофрегаты. 5 февраля полки Хрулева устремились в атаку – их встретили бешеным огнем и с моря, и с сухопутных батарей. Генерал командовал отход. Турки и французы выплеснулись преследовать. Хотя тут и им всыпали. Наш отряд потерял 168 убитых и 583 раненых. Противник – 105 убитых и 314 раненых. На том и разошлись...

И особо стоит отметить, что в Англии в период войны оказались востребованы литературные таланты Герцена. Как раз в 1853 г. он получил достаточные средства и создал в Лондоне «Вольную русскую типографию». А с 1854 г. стал составлять и тиражировать воззвания к героям Севастополя – изменять Родине и переходить на сторону интервентов. Как видим, Ротшильд опекал писателя совсем не

бескорыстно. Герцен выполнял такую же работу, как до него – предатель Курбский. А после него – Солженицын, Резун и иже с ними. Но при Николае Павловиче подобные методы еще не сработали. Ни одного защитника Севастополя, поддавшегося на агитацию Герцена, не зафиксировано. Зато его агитация может служить критерием для творчества самого Герцена – насколько можно доверять его характеристикам Николая I и «николаевской» эпохи.

ГЛАВА 37. НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

Малый кабинет в Зимнем дворце. Здесь работал и умер Николай I. Художник К. А. Ухтомский

Царская служба была очень тяжелой. Еще в 1845 г. Николай Павлович как-то сказал Смирновой-Росетт: «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал...» [126]. А после этого были шквальные годы революций. Потом война. Нагрузки были колоссальными. Но государь умел мобилизовывать себя, перебарывать недуги и недомогания. О них знали только родные и

узкий круг приближенных, для остальных император казался железным. Да и силы еще оставались, ему было 58 лет.

К концу 1854 г. положение России еще больше ухудшилось. В Англии правительство Эбердина ушло в отставку, и премьер-министром стал главный организатор войны, Палмерстон. К вражеской коалиции присоединилось Сардинское королевство (Северная Италия), отправило в Крым 15 тыс. солдат. В Германии англичане набрали на войну добровольческую бригаду, 4250 офицеров и солдат. Еще одну бригаду из 2200 добровольцев послала на фронт Швейцария. А Австрия уже официально вступила в союз с Англией и Францией. Царь писал Горчакову: «Коварство Австрии превзошло все, что адская иезуитская школа когда-либо изобретала. Но Господь их горько за это накажет. Будем ждать нашей поры...» [124].

Генерал-адъютанта Ржевусского, поляка по национальности, государь вдруг спросил, кто из польских королей был самым глупым? Тот не знал, что ответить, а Николай Павлович сказал: «Самый глупый польский король был Ян Собеский, потому что он освободил Вену от турок. А самый глупый из русских государей – я, потому что помог австрийцам подавить венгерский мятеж». Правда, австрийцы еще не спешила схватиться с русскими. Пытались играть в «миротворцев», созвав в Вене конференцию воюющих держав. Но Николай I отнесся к ней заведомо скептически: «Толку не ожидаю, разве турки со скуки от своих теперешних покровителей не обратятся к нам, убедясь, что их мнимые враги им более добра хотят, чем друзья» [128].

Он оказался прав. В Вене прозвучали требования лишить Россию Черноморского флота, протектората над Молдавией, Валахией, покровительства турецким христианам, запретить ей плавания по Дунаю. Переговоры сорвались. Однако царь не пал духом. Он лично составлял планы на случай вступления в войну не только Австрии, но и Пруссии, Швеции, пересылался ими с Паскевичем и Горчаковым. Ведь большая часть русских войск еще даже не вступала в бой, стояла на западных границах, как раз в ожидании новых противников! Николай Павлович распределял эти силы, повелел ускоренными темпами формировать резервы, поднимать ополчение.

Он рассматривал различные варианты действий в зависимости от развития ситуации. «Мы одушевлены правотой нашего святого дела, мы обороняем свой родной край против дерзких и неблагодарных

вероломных союзников. Эти чувства удваивают нашу нравственную силу. Нужны осторожность, решимость, деятельность, отважность и, в особенности, отстранение всякой личности, имея в глазах постоянно одно благо, одно спасение чести русской». При удачном раскладе царь предусматривал сразу же сокрушить австрийцев встречным ударом. Но не зарываться в преследовании, вышибить за Карпаты и запереть перевалы. А в «горестном случае, ежели бы мы везде потерпели неудачи», допускал отход на линию Бобруйск – Кременчуг – Николаев. «Здесь же нам должно лечь, но не отступить. Мы должны победить или умереть с честью» [129, 130].

Николай Павлович готовился сражаться. Но 27 января 1855 г. он простудился. Или подхватил грипп, гулявший тогда по Петербургу. В легкой форме. Он занимался делами, но по настоянию медиков не выезжал из дворца. К 5–6 февраля чувствовал себя уже нормально, только подкашливал. 7-го начался Великий Пост, и царь начал поститься со всей семьей. 9-го собрался в Манеж, проводить батальоны, убывающие на фронт. В этот день ударил мороз, 23 градуса. Доктора его отговаривали. Царь сказал, что тем самым они исполнили свой долг – и он должен исполнить свой, «проститься с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защищать нас». Отправился в открытых санях, в обычной армейской шинели, как ездил всегда. Напутствовал воинов – к сожалению, его последняя речь не дошла до нас.

Государь не промерз, никаких последствий не ощущал, из Манежа заехал еще в два места. Вечером кашлял, но поел с большим аппетитом. 10-го самочувствие было удовлетворительным, царь опять поехал провожать солдат. А вернулся больной, с температурой, его знобило. Но врачи признали, что опасности нет. Ночью Николай отлежался, ему полегчало, 11-го собирался в церковь. Однако медики настояли – пусть еще полежит. К вечеру температура поднялась, но государь перебарывал болезнь, поправлялся. 15 и 16-го уже он вернулся к работе. Получив рапорт о неудаче под Евпаторией, по тону доклада понял – Меншиков сломался морально. Царь продиктовал указы о его отставке и замене Горчаковым. Занимался и другими делами. Но 16-го государь пожаловался на сильную боль справа между ребрами. А 17-го вдруг случился сердечный приступ. И поднялся жар...

Лечил царя Мартин Мандт. Фигура очень не простая и примечательная. Он был из Пруссии, профессор Грейсвальденского университета. Мандт разработал «атомистическую» методику – смесь гомеопатии с собственными теориями. Любимыми его лекарствами были стрихнин, цинковая мазь. Применял также сернокислые соли, возбуждающие, ртутные препараты, опий, селитру, хинин. Обязательно со строжайшими диетами – вареный картофель или морковь на воде, жиденькие водные отвары. С 1835 г. этот доктор лечил великую княгиню Елену Павловну, и она порекомендовала Мандта для императрицы с ее нервной болезнью. Новый врач сумел помочь ей, получил высшее придворное медицинское звание лейб-медик-консультант. Начал давать советы и Николаю Павловичу, в дальних поездках с ним заменил состарившегося доктора Арендта. Постепенно вошел в полное доверие государя, даже приобрел статус его друга.

Фрейлина царицы баронесса М. П. Фредерикс писала, что Мандт умел «вкрадываться в человека». «Ума был редкого, выдающегося, что и привлекло к нему Николая Павловича. Но хитрость его была тоже выходящая из ряду вон, и умение скрывать ее тоже было необыкновенное... Он вторгался положительно в людей и делал из них своих поклонников и поклонниц – особенно из тех, которые могли приносить ему личную пользу, – свои инструменты для разных интриг...». «Наружность Мандт имел совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, змеевидная, огромный орлиный нос и пронизательный взгляд исподлобья, смех его был неприятный. При всем этом он хромал... Для меня эта личность имела всегда нечто отталкивающее, я просто-напросто боялась его. Но во мне это возбуждало тяжелое чувство... Мандт обладал громадную силой внушения, притом он был и магнетизер. Странная, загадочная личность был этот человек» [131].

Может быть, баронесса была предвзятой к врачу? Но подобные характеристики подтверждал выдающийся хирург Н. И. Пирогов, хорошо знавший Мандта. Считал его недюжинным человеком, но отмечал крайнее тщеславие, карьеризм, интриги [132].

Особенно близко Мандт сошелся с Вацлавом Пеликаном, директором медицинского департамента Военного министерства и начальником Медико-хирургической академии. В его академии лейб-медик вел занятия со студентами, возглавил Образцовый военный

госпиталь, а за это продвигал сына Пеликана – Евгения, взял к себе помощником. Всюду Мандт демонстрировал свою «атомистическую» систему. Изложил ее в брошюре «О лечении холеры» на немецком (русского он так и не выучил).

Он так впечатлил царя успехами в Образцовом госпитале, что заслужил его благодарность. Брошюру Николай Павлович распорядился перевести на русский, разослать во все госпитали. А всем военным врачам велел в походах и на учениях носить специальные сумки с «атомистическими» препаратами для оказания первой помощи больным. Хотя врачи, знавшие Мандта, подметили его секреты. Пациентов он отбирал сам – когда был уверен в выздоровлении. Тяжелых случаев вообще избегал. Если же лечение не помогало, сваливал на больного – дескать, нарушил строгую диету. Но был крайне самоуверенным, все прочие методы лечения отбрасывал, новейшими достижениями медицины совершенно не интересовался.

С 8 февраля 1855 г. по просьбе Мандта к лечению царя подключили еще лейб-медика наследника престола, Карреля. Но он остался лишь бессловесным ассистентом. Баронесса Фредерикс, свидетельница трагедии, писала: «Перед Мандтом он не смел пикнуть, будучи в то время еще довольно молод и неопытен в придворной жизни». «Государю во время его последней болезни Мандт приносил свои порошки в кармане. Других медиков он не подпускал во время этой же болезни, уверяя до последней минуты, что опасности нет» [131]. Какими лекарствами он пользовал Николая, неизвестно. В дворцовой аптеке Мандт их не заказывал. А его заверения, что «опасности никакой нет», звучали и 10-го, и 16-го. И 17 февраля утром, по заключениям Мандта, еще все было спокойно. На вечер императрица назначила небольшое собрание с дамами.

Тревогу поднял не Мандт, а Каррель. Сообщил об угрожающем ухудшении наследнику и дочери царя Марии – она дежурила рядом со спальней отца. Но Мандт опять объяснил, что угрозы нет. Тем не менее, цесаревич Александр добавил еще одного своего врача, Енохина. Государыня отменила вечер, посидела у мужа. Предложила ему причаститься Святых Таин, но он ответил – зачем? Станет лучше, и он причастится по-нормальному, в храме. Жена не настаивала. Помолилась возле него, и он горячо подхватил. Хотя царица видела: мужу худо. После 21 часа послала фрейлин узнать о его состоянии.

Мандт сказал: «Успокойтесь, опасности нет». Фредерикс записала: «Отчего Мандт нас обманывал в эту минуту, Один Бог ведает. Мы в ужасном состоянии, видим и чувствуем, что этот страшный человек нам нагло говорит неправду» [133].

Но Мандт ушел отдохнуть, с больным остались Каррель и Енохин. Они и известили наследника, что возможен «паралич сердца» и «дела плохи». Один из приближенных государя, начальник II Отделения Его Величества канцелярии граф Дмитрий Блудов и его дочь Антонина отличались глубокой верой. Они срочно разослали указания в храмы, служить молебны о здравии царя (в народе о его болезни даже не знали). Антонина написала и оставила записку отдохнувшему Мандту: «Умоляю вас, не теряйте времени ввиду усилившейся опасности. Настаивайте непременно на приобщении Св. Таин. Вы не знаете, какую придают у нас этому важность и какое ужасное впечатление произвело бы на всех неисполнение этого долга. Вы иностранец, и вся ответственность падет на вас...»

Ее записка и послужила толчком к открытию правды. Мандт, вернувшись в 2 часа ночи к больному, вроде бы лишь сейчас обнаружил необратимые изменения в легких. Начал так и эдак закидывать удочки о визите духовника, протоиерея Василия Бажанова. Царь догадался: «Скажите же мне, разве я должен умереть?». Мандт писал, будто признался: «Да, Ваше Величество». Шеф жандармов Дубельт, собиравший собственные сведения, сообщает более правдоподобно. Что лейб-медик снова выкручивался: «Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на Ваше выздоровление». Услышав это, Николай сказал: «А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать». И не Мандт, а сам он велел позвать наследника и священника, объявил им – состояние безнадежно [134].

Свидетелей его последних часов было много. Умиравший Николай Павлович лежал в своем маленьком кабинете на первом этаже, на простой койке, укрытый привычной шинелью. Дверь вела в комнату, где находились врачи и дежурные. А за ней большой вестибюль быстро заполнился придворными, министрами, генералами, ловившими каждую весть оттуда, из кабинета. Все подтверждают: внезапное известие о скорой смерти царь принял с полнейшим самообладанием. Он исповедовался, твердым голосом прочитал перед Причастием

молитву: «Верую, Господи, и исповедую...» А после Причастия сказал: «Господи, прими меня с миром».

Император благословил всех детей и внуков, с каждым поговорил отдельно. Потом велел родным удалиться. Жена просила: «Оставь меня подле себя; я бы хотела уйти с тобою вместе. Как радостно было бы вместе умереть». Муж поправил ее: «Не грехи. Ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром. Пойди, соберись с силами, я тебя позову, когда придет время». Даже в эти последние часы он принадлежал не себе, а России. До конца исполнял свой долг так, как это понимал. Простился со своими соратниками. Вызвал к себе нескольких солдат – поручил им передать прощальный привет их товарищам.

Николай Павлович велел наследнику от его имени проститься со всей гвардией и армией, особенно с защитниками Севастополя: «Скажи им, что я и там буду молиться за них, что я всегда старался работать на благо им. В тех случаях, где это мне не удалось, это случилось не от недостатка доброй воли, а от недостатка знания и умения. Я прошу их простить меня». Царь приказал заранее собрать гвардейские полки – чтобы принесли присягу сыну сразу же, как только отец испустит последний вздох. Отдельную телеграмму он продиктовал в Москву, которую очень любил: «Император умирает и прощается с Москвой». Отправил телеграмму и прусскому королю. Напомнил о завещании его отца, никогда не изменять союзу с Россией.

Уже под утро доложили, что прибыл курьер из Севастополя. Но государь ответил: «Эти вещи меня уже не касаются. Пусть он передаст депеши моему сыну». В вестибюле появилась и Варвара Нелидова. Она до сих пор пребывала в неведении, от неожиданных известий находилась в шоке. А связь ее с императором так тщательно скрывалась, что даже некоторые из придворных только сейчас догадались о ее роли. Деликатную миссию взяла на себя императрица. Отправилась к мужу и дипломатично намекнула: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Елизавета Тизенгаузен, Варенька Нелидова». Николай сказал: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня».

Он уже перешагнул черту, отделяя от себя все лишнее, земное. В 8 часов духовник начал читать отходную. Страдания государя

усиливались. Он уточнял у Мандта: «Долго ли продлится эта отвратительная музыка?» Добавил: «Если это начало конца, то это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать». Держал за руки супругу и сына. Жене сказал: «Ты всегда была моим ангелом-хранителем с того мгновения, когда я увидел тебя в первый раз и до этой последней минуты». Читал свою любимую молитву: «Ныне отпускаеши...» Около 10 часов император потерял дар речи. Но после полудня снова заговорил.

Обращался к наследнику: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил больше всего на свете. Служи России». Царь захрипел, дыхание сбивалось. Он напутствовал сына: «Держи все, держи все» – и показал рукой, что держать надо крепко. Вся семья стояла у постели на коленях. Государь еще показал сыну, чтобы поднял свою беременную супругу, зная, что ей вредно стоять на коленях. Не забыл, заботился. По лицу Николая Павловича пробежала судорога, голова откинулась. У присутствующих вырвался общий крик. Но государь вдруг открыл глаза, поднял их к небу – и улыбнулся. С этой улыбкой он и ушел в мир иной [135] ...

Протоиерей Василий Бажанов свидетельствовал, что он в своей жизни наставлял перед кончиной многих людей, но никогда не видел такой веры, торжествующей над приближающейся смертью [136]. А сенатор К. Н. Лебедев писал: «14 декабря и 18 февраля славнейшие дни в жизни этого Монарха». Но народное горе было неописуемым. Фрейлина А. Ф. Тютчева очень образно передала, какое впечатление произвела весть о смерти Царя в Петербурге: «Как будто вам объявили, что умер Бог...». Толпы народа в отчаянии ринулись к Зимнему дворцу. Выли, рыдали. Дубельт отмечал: «Плач всеобщий, всеобщее изумление... Удар неожиданный, никто не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать ее дело невозможное».

27 марта состоялось перенесение гроба в Петропавловский собор. Причем о церемонии позаботился сам Николай Павлович. Распорядился, чтобы она была как можно скромнее. Царь уходил в последний путь в казачьем мундире – в таком же, как был на коронации. В этот день «народ наполнил сплошной массой Дворцовую

площадь... Когда вынесли гроб из дворца, и стали поднимать его на колесницу, весь народ, как один человек, бросился на колени; из всей этой массы, как из одной груди, вырвались рыдания и громкий вопль: «Ох! ... Господи, помилуй!». Неделю гроб стоял в Петропавловском соборе, потоки людей шли и ехали к нему. Прощались в такой горе, будто умер родной отец.

6 марта Николая Павловича похоронили в родовой царской усыпальнице. Сохранились свидетельства, как, узнав о его смерти, рыдали даже декабристы, находившиеся в ссылках или уже помилованные. В. К. Кюхельбекер записал: «Бестрепетный и мудрый Царь России». Декабрист Штейнгель вспоминал: «... Пospешил поклониться праху блаженной памяти государя Николая I; сердце сжалось, обильные слезы с тихим рыданием облегчили грудь; казалось, и из гроба повторил Государь: «Давно простил тебя» [137].

А митрополит Платон Киевский, прекрасно знавший императора, ставил его в пример верующим: «То был истинно православный, глубоко верующий русский Царь, и едва ли наша история может указать другого подобного ему в этом отношении. Припомните последние часы его жизни: так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви; он почил, держа в руке крест Христов – символ нашего спасения. Многие ли так умирают из нашей монашеской братии? С таким ли бесстрашием встречаем смерть мы, отрекшиеся от мира и поставившие задачей отшельнической жизни встречу со смертью, как с переходом в иную, лучшую жизнь?»

Незадолго до собственной кончины митрополит рассказывал духовным чадам, как он горячо оплакивал Николая Павловича. Но как раз по окончании сорокоуста о его упокоении император сам вдруг явился в келью к владыке. Смотрел пронизательно, величественно, но добродушно. Когда Платон хотел поклониться ему, видение растаяло. «Знаете ли, что здесь необъяснимо для меня: достоин ли я был того, чтобы величайший из царей земных посетил из загробного мира мое старческое убожество? Почему он не являлся достойнейшему меня? Но, с другой стороны, не тем ли подобные личности и велики, что они «не зрят на человеки?» [138].

Впрочем, была и другая реакция. Либерал Д. А. Милютин вспоминал: «Когда народ стекался на панихиды и повсюду выражалась скорбь об утрате великого Государя, с личностью которого привыкли

связывать представление о величии самой России, – в то же время в известной среде людей интеллигентных и передовых, радовались перемене царствования... В известных кружках речь о кончине Императора Николая вызвала ликование; с бокалами в руках поздравляли друг друга с радостным событием» [139]. Публицист-революционер Н. В. Шелгунов выражался еще более откровенно: «Николай умер. Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг «новых людей»; точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди тяжелый камень, куда-то потянулись вверх, вширь, захотелось летать» [140].

Да, смерть Николая Павловича чрезвычайно порадовала и внешних врагов России, и затаившихся «ниспровергателей». Но сам он собственные чувства к подданным выразил заранее, еще в 1844 г., составляя завещание: «Благодарю всех, меня любивших, всех мне служивших. Прощаю всех, меня ненавидевших. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим они подвержены; старался исправиться в том, что за собой худого знал. В ином преуспел, в ином нет; прошу искренне меня простить» [141].

ГЛАВА 38. БОЛЕЗНЬ ИЛИ УБИЙСТВО?

Николай I на смертном одре. Художник В. И. Гау

До самой кончины Николая I народ не знал даже о его болезни, поэтому официальную версию состряпали наспех. Министр двора Адлерберг вызвал старенького литератора Панаева, ему дали заготовку, составленную Мандтом, консультанта по медицине, лейб-медика Енохина, и он быстро написал нужную статью. Его поблагодарили: «Умы начали волноваться – вы их успокоили». Вслед за статьей Панаева вышла статья самого Мандта – естественно, совпадающая. Как

видим, официальная картина болезни и смерти никак не может претендовать на объективность.

Более правдоподобной выглядит версия неправильного лечения, усугубившего осложнения гриппа. В 1856 г. Александр II назначил комиссию, авторитетных профессоров Здекауэра и Экка, поручив проверить методики Мандта. Его «атомистическая» система была разгромлена вдребезги, признана безграмотной и похоронена. Что уж тут говорить о компетентном лечении государя? Но почти сразу же возникли еще две версии. Убийства и самоубийства. Хотя незыблемая вера Николая I остается вне всяких сомнений. А суицид для православного заведомо исключен. Но такие сплетни распространялись за границей, подхватили наши либеральствующие интеллигенты.

Они были чисто пропагандистскими. Причиной выставлялась проигранная война. А занесшийся Николай не хотел преступить свою гордость и признать поражение. Вот и получилось, что самодержавие осознало собственную беспомощность и вынесло себе приговор. Хотя все это оказывается откровенными подтасовками. Потому что к февралю 1855 г. никаких катастрофических поражений не было! Атаки врагов отразили на всех фронтах, на Кавказе и Дальнем Востоке одержали победы, Севастополь стойко держался. Даже для гипотетического самоубийства мотивов не имелось! Причинами пытались выставить неудачу под Евпаторией, срыв переговоров в Вене. Но бой под Евпаторией был совсем не масштабный, 168 погибших. А в Венскую конференцию царь с самого начала не верил. Большая часть русской армии вообще еще не вступала в бой, и Николай Павлович готовился драться – даже со всей Европой. Последние военные планы он разрабатывал 2 февраля, когда уже занемог!

Пожалуй, стоит взглянуть и на авторов мифов о суициде. В 1860-х, в период либеральной «перестройки» Александра II, когда выплеснулось повальное очернительство собственной страны, эту версию пропагандировал Николай Шелгунов. Тот самый, что описывал кощунственное ликование «новых людей». Шелгунов был революционером, сотрудничал с «Землей и волей», «народовольцами» и был тесно связан с Герценом, поливавшим Россию грязью из Лондона. Какое может быть доверие к такому «источнику»? При чем клевета Шелгунова, как и зарубежных писак, была вообще бездоказательной, голословной. «Доказательства» появились лишь в

1914 г., когда Россия находилась на пороге Мировой войны и полным ходом началась ее раскачка к революции.

Вбросил эти «доказательства» весьма либеральный профессор медицины А. В. Пеликан – со ссылкой на своего деда Вацлава Пеликана. Закадычного друга Мандта! Сам же Вацлав Пеликан был поляком, до 1832 г. – ректором Виленского университета, закрытого Николаем I как гнездо революционеров. Соответственно, ненавидел царя. Хотя тот Пеликана совсем не обидел. Назначил его главным врачом в Московский госпиталь, а потом он возглавил всю медицину в Военном министерстве. Ну а внук якобы слышал от деда, что Мандт самолично признался ему – Николай I приказал лейб-медику дать яд, и тот не посмел послушаться. В качестве причины приводилась та же байка о «поражении в войне», на февраль 1855 г. совершенно не актуальная [142]. К моменту публикации дед и отец были мертвы. Ни подтвердить, ни опровергнуть Пеликана-младшего не могли. На чьей совести осталась ложь – внука, деда или Мандта, остается неизвестным.

А уж при большевиках и повальном оплевывании «царизма» клеветническая версия приобрела почти «официальный» статус, ее изложил в своей «Крымской войне» даже академик Тарле (впрочем, старый марксист, в 1917 г. член комиссии Временного правительства, силившейся доказать «измену» Николая II). Но подкрепить эту версию, кроме голословной болтовни Шелгунова и сомнительных воспоминаний Пеликана получалось нечем! И появилось еще одно «доказательство». В XIX – начале XX вв. полную биографию Николая I писал историк Николай Шильдер, сын лучшего николаевского инженера. И вот якобы в одной из книг, которую прорабатывал Шильдер, возле официального описания смерти царя, он написал на полях: «Отравился». Откуда делаются выводы, что Шильдер мог иметь доступ к неким документам или что-то слышать от осведомленных людей. Хотя публикация об этой надписи появилась только после революции. Кто видел в глаза подлинник – неведомо. Экспертиза почерка, разумеется, не проводилась. Была ли эта надпись вообще – неизвестно. Кстати, и даже слово «отравился» еще не предполагает – добровольно. Можно отравиться и тем, что тебе подсунули. Под видом лекарств.

А вот версия убийства за уши никогда не притягивалась. Она была очень распространенной. Но ее-то либеральная «общественная мысль», возобладавшая после смерти Николая I, глушила и игнорировала. Графиня С. Д. Толь писала: «Умер ли он своей смертью? Многие современники упорно уверяли, что он был отравлен одним из докторов, которого будто бы подкупил на это злодеяние французский император Наполеон III» [143]. Заинтересованными были не только французы, но и англичане. Но и в России имелась сильная партия «противников войны». То есть капитулянтов, готовых любой ценой восстановить «дружбу» с вожделенным Западом. А как раз в январе-феврале 1855 г., после Венской конференции, стали известны условия, на которых Франция и Англия согласны начать переговоры о мире! Для отечественных «миролюбцев» они были вполне приемлемыми. Главной помехой был царь.

Но ведь и эти «миролюбцы», и Лондон, и Париж были связаны масонскими узами. А «вольные каменщики» уже давно исподволь опутывали наследника престола. Да и в окружении самого Николая I их хватало. Великая княгиня Мария Павловна прямо обвиняла Мандта в убийстве царя. Такого же мнения была фрейлина М. П. Фредерикс, указывая на неизвестные порошки, приносимые в кармане [144]. Она описывала: «Народ увидел тут неестественную смерть, и толпы бросились к Зимнему дворцу, требуя на расправу врача Мандта. Последнего успели спасти: он скрылся из Зимнего дворца задними ходами» [131]. Итак, – мотивы налицо. Подозрения тоже. А факты? Имеются и факты. Они косвенные. Часть из них – только предположительные. Но изложим их во всей совокупности.

8 февраля Мандт почему-то попросил себе в помощь Карреля, лейб-медика наследника. Очень странно. Как раз в это время царь почти выздоровел (и назавтра поедет в Манеж провожать войска). Зачем «всесильному» Мандту в такой момент понадобился ассистент? Но в версии убийства это четко объясняется. Нужен был второй врач, чтобы разделить ответственность. Свидетель, что прилагались все усилия для лечения. Но такой, чтобы сам ни во что не вмешивался, «пикнуть не смел». Следующая загадка 16–17 февраля. Очередное улучшение, уже после поездок в Манеж, сменилось вдруг обвальным обострением. По признанию всех специалистов, Мандт, несмотря на сомнительную «атомистику», был великолепным диагностом. Он

должен был обнаружить угрозу. Почему же о ней известил не он, а молодой Каррель?

Почему не был созван консилиум? В Петербурге находилось несколько светил медицины. Прежний лечащий врач царя, старый Арендт (большинство аристократов по-прежнему предпочитали лечиться у него). Была восходящая звезда медицины Пирогов. Был профессор Здекауэр, имевший такой же высший ранг, что и Мандт – лейб-медик-консультант. Понятно, что самоуверенный Мандт не желал допускать сторонних врачей в «свой огород». Но он же был и хитрым карьеристом. Раньше-то уклонялся от трудных случаев, перекадывал на других. Он не мог не понимать – если царь умрет, его карьера кончена. Вот теперь-то было бы логично разделить ответственность, снять ее с себя. Почему Мандт не сделал этого? И фактически помешал это сделать царской семье – до роковой ночи, уверяя, что опасности нет...

Еще один факт. Тела коронованных особ всегда бальзамировали. Процедуру поручили опытнейшему профессору Груберу, незадолго до того приглашенному в Россию из Вены. Но... консервирующие составы почему-то не подействовали. Напротив, началось быстрое разложение (не летом, зимой!) 21 февраля фрейлина Тютчева записала, что лицо государя сильно распухло, и его пришлось закрыть, «бальзамирование проведено неудачно, и тело начинает разлагаться. Запах был очень ощутителен». На следующий день она отметила в дневнике: «Сегодня вечером на панихиде запах был нестерпим. Тело в полном разложении, и народ волнуется» [145]. Князь В. А. Черкасский тоже сокрушался: «Бальзамирование тела, к несчастью, вовсе не удалось, и гроб закрыт. Народ пускают к закрытому гробу» [146]. 24 февраля Медицинский департамент Военного министерства затребовал от придворной аптеки рецепты, по которым отпускались препараты для бальзамирования. Их рассмотрели лучшие специалисты и нарушений не нашли.

Но переписка по бальзамированию – единственный сохранившийся медицинский документ о смерти царя! Протокол вскрытия с объективными данными... исчез. Аналогичные протоколы для других членов Царского дома в архивах есть, а для Николая I – нет [144]. Наводит на размышления, правда? Особенно если учитывать, что у Мандта были какие-то очень сильные покровители в высших структурах власти. Стоит сопоставить – невзирая на обвинение великой

княгини Марии Павловны, на общее мнение, что «виноваты были неискусные при императоре врачи» [146], Александр II назначил комиссию для проверки «атомистического» лечения, в том числе своего отца, больше года спустя, в 1856 г.! Профессора Здекауэр и Экк осудили методику. Но чего-то большего комиссия установить уже не могла, да и не ставилось перед ней таких задач.

Что же касается вскрытия Николая I, то существует два свидетельства. К болгарскому историку Всеволоду Николаеву обратился русский эмигрант доктор Н. К. Мосолов, сообщил семейное предание – его прадед, доктор Боссе, был лейб-медиком младших сыновей Николая I, присутствовал при его вскрытии и, увидев картину поражения, «воскликнул: «Какой сильный яд!», но ему было приказано молчать об этом» [147]. Стоп! А кем приказано? Никаких сведений об этом нет. Но мы знаем, что комиссию по вскрытию возглавлял уже упоминавшийся анатом Грубер, а назначал эту комиссию... директор Медицинского департамента Военного министерства и начальник Медико-хирургической академии Вацлав Пеликан [142]. Ненавистник Николая I и друг Мандта.

А Пеликан-внук, ссылаясь на него, добавил свидетельство, что профессор Грубер, назначенный дедом для вскрытия, «в житейском отношении был человек весьма недалекий, наивный, не от мира сего. О вскрытии тела покойного императора он не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, напечатал его в Германии». Дескать, из-за этого были большие неприятности, как у деда, так и у Грубера [142]. Кстати, и неудачное бальзамирование, и эпизод с наблюдением Боссе, и публикация протокола Грубером почему-то упрямо подтасовываются к версии самоубийства! Хотя и то, и другое, и третье в первую очередь способно свидетельствовать об убийстве!

Однако факт публикации протокола вскрытия за границей не подтвержден. Такой публикации пока не нашел никто. Но если бы она свидетельствовала о самоубийстве, разве она имела шансы проскочить незамеченной? Да ее сразу подхватила бы вся западная пресса сенсацию первой величины! А вот если об убийстве – другой вопрос. Тут уж заинтересованные силы и впрямь постарались бы ее затереть, «замолчать»! И если сам протокол был «интересным в судебно-медицинском отношении», стоит ли удивляться, что он исчез?

Между прочим, если бы возникли подозрения об отравлении царя, экспертизу должны были поручить... сыну Пеликана, Евгению. Помощнику Мандта. В данное время он возглавлял кафедру судебной медицины Медико-хирургической академии и был в России ведущим специалистом по токсикологии, науке о ядах. Но запросов о такой экспертизе не последовало. Или они тоже не сохранились. Никаких обвинений или хотя бы официальных подозрений Мандту не предъявлялось. Он сохранял свои должности и оклады. Но все петербургское общество однозначно закрыло перед ним двери.

И только Пеликан-старший, как писал внук, остался верен дружбе с ним, навещал его, принимал у себя. Вот тогда-то лейб-медик признался Пеликану, что дал царю яд по его собственному требованию [142] ... Если дед и внук Пеликаны не врут, свидетельствует ли это о самоубийстве? Ни в коем случае! Это свидетельствует только о том, что при вскрытии и неудачном бальзамировании стали обнаруживаться признаки отравления. Мандт занервничал и стал выкручиваться, создавая версию прикрытия. Царь-то мертв, попробуй, проверь! Или версию прикрытия они придумывали вместе со старшим Пеликаном, мстившим за свой Виленский университет.

Впрочем, может быть и так, что версия прикрытия была заранее подготовлена заказчиками. Свидетельством убийства может быть как раз массивное внедрение сплетен о самоубийстве – на самом-то деле не имевших под собой не только реальной почвы, а даже весомых мотивов. А Пеликану-старшему совсем недолго пришлось сохранять дружбу с Мандтом. Высший свет отшатнулся от лейб-медика, и он предпочел исчезнуть из России. Поселился в Германии, в тихом и спокойном Франкфурте-на-Одере. Был еще не стар, всегда хвалился отменным здоровьем – доказывая эффективность «атомистической» гомеопатии и диеты. Но венценосного пациента он пережил всего на 3 года. Скоропостижно скончался в 1858 г., в возрасте 58 лет. Разве не похоже, что он «слишком много знал»?

Вот эти обстоятельства, а особенно бурные процессы либеральной «перестройки», развернувшиеся в царствование Александра II, дают полное основание подозревать, что смерть Николая Павловича не была естественной. Что он в какой-то мере предварил судьбу своего правнука Николая II. В разгар тяжелой войны был предан и устранен тайным

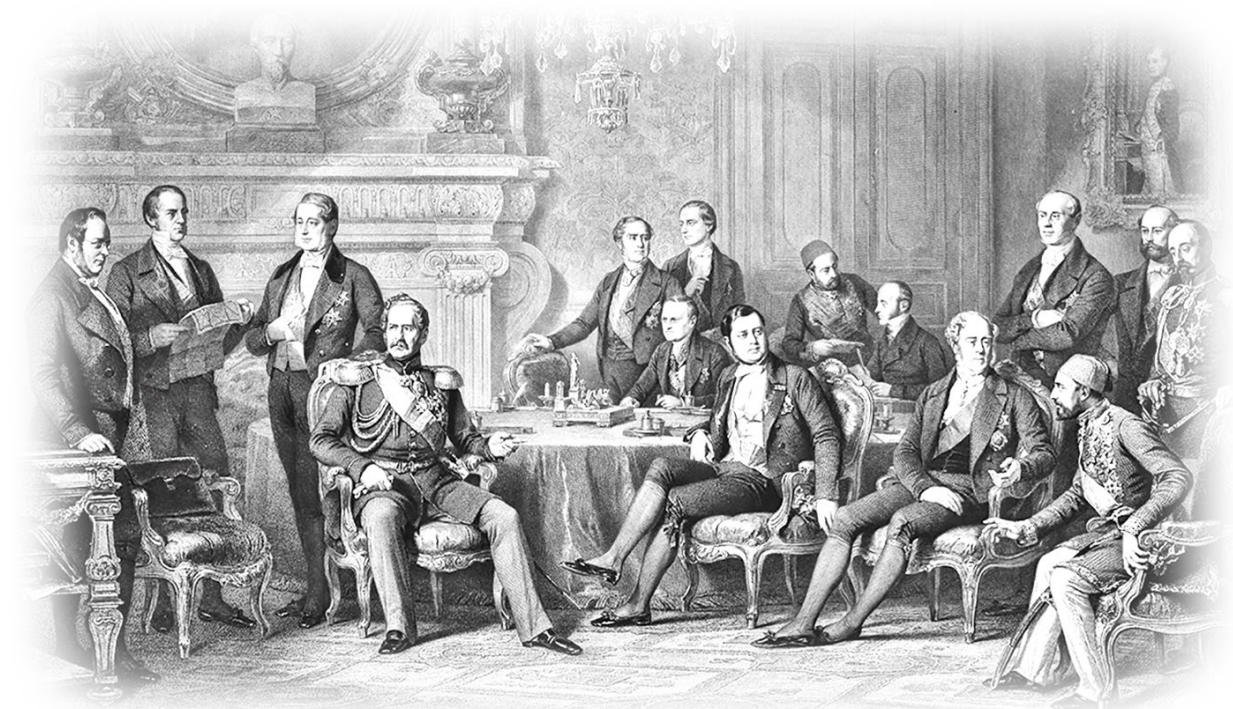
кругом лиц из его собственного окружения. Разумеется, связанных с западными державами.

Но завершить эту «детективную» главу хочется все же на душевной ноте. Рассказать о тех, кто был искренне близок к Николаю Павловичу, до конца любил его. Его супруга Александра Федоровна фактически затворилась от мира. Траур она носила до конца жизни. Поселилась уединенно в Александровском дворце Царского Села. Никого не принимала, кроме детей. Проводила время в кругу нескольких ближайших фрейлин. Много молилась, все чаще болела, и выезжала только для лечения – в Швейцарию, Ниццу, Италию. В 1860 г. она преставилась.

Александра Федоровна настолько любила и уважала мужа, что оценила и чувства к нему другой женщины, Варвары Нелидовой. После смерти супруга обняла и поцеловала ее, сняла с собственной руки браслет с портретом Николая Павловича и надела ей на руку. Покойный государь тоже позаботился о ней, оставил ей огромную сумму, 200 тыс. рублей. Но Нелидова сразу же отдала все эти деньги в фонд инвалидов. Хотела уехать куда-нибудь. Александр II и Александра Федоровна не позволили ей, оставили на дворцовой службе в должности фрейлины. Но почти от всех обязанностей она была освобождена.

Лишь после обеда вдова Николая Павловича всегда отдыхала, и Нелидова приходила к ней читать вслух. В это время они оставались только вдвоем. Говорили ли о чем-то? Вряд ли. Но их объединяла душевная близость к одному человеку, ушедшему государю. После смерти Александры Федоровны Нелидова какое-то время оставалась при дворе – но стала лишь «тенью», жившей сама по себе. Ее можно было увидеть разве что в дворцовой церкви, на Литургию она ходила каждый день. Потом переехала в семью своей сестры. Скончалась в 1897 г. Но младший сын Николая I, великий князь Михаил Николаевич, счел своим долгом приехать на более чем скромные похороны.

ГЛАВА 39. ПРОИГРАЛА ЛИ РОССИЯ ВОЙНУ?

Парижский конгресс 1856 года

Враги под Севастополем довели свою группировку до 170 тыс. Но в результате у них только росли потери. В апреле 1855 г. они устроили вторую массированную бомбардировку, за 10 дней выпустили 165 тыс. бомб и ядер. После этого был назначен общий штурм, но... его пришлось отменить. Потому что русские отвечали жестоким огнем, побили немало неприятелей. А свои разрушенные укрепления по ночам исправляли. На требования Наполеона III атаковать французский главнокомандующий Канробер подал в отставку, был заменен генералом Пелисье. Британское и французское командование сочло, что сломить оборону слишком трудно. Задумало обход через Азовское море. Захватить перешейки Крыма, и русские на полуострове останутся без снабжения.

В Керчи базировалась небольшая Азовская флотилия. На нее нагрянула армада из 67 кораблей. Сражаться с ней нашим морякам

было совсем не по силам. Они сожгли и взорвали 3 своих парохода и 10 транспортных судов, на 4 оставшихся кораблях ушли в Азовское море. Для прикрытия задержалась паровая шхуна «Аргонавт» (новенькая, уже винтовая!). Вступила в бой с английскими пароходами, сумела повредить их точным огнем и оторвалась следом за своими. Пехотный гарнизон Керчи отступил в Феодосию, и враги высадились без боя. Но, как отметил военный историк А. А. Керсновский: «Войска «просвещенных европейцев» вели себя хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей» [148].

После захвата Керчи царское командование приказало эвакуировать гарнизоны ближайших крепостей: Новороссийска, Анапы, Геленджика. В Анапе устроили свою базу турки. Неприятельские офицеры встретились с горскими князьями, с Магомед-Амином – наибом Шамиля в западной части Кавказа. Договаривались о совместных ударах. Но русские тоже учли такую опасность. Шамиля так зажали в горах, что активных действий предпринять он не мог. А через Керченский пролив в Азовское море двинулись 20 кораблей с десантниками. Обстреляли Геническ, однако пробиться к Чонгарскому перешейку не смогли.

22 мая 1855 г. эта эскадра появилась у Таганрога. Там находились горстка гарнизонных солдат и донской учебный полк из 17-летних юнцов и стариков-наставников. На предложение сдаться ответили отказом. После 6 часов бомбардировки англичане и французы высадили десант, но казачья молодежь кинулась в контратаку и сбросила его с крутого обрыва. Тогда эскадра проследовала к Мариуполю. Здесь тоже были предложение капитуляции, бомбардировка и десант. К месту высадки подоспел полковник Кострюков с двумя сотнями казаков, причалить не дал. После этого вражеские корабли поливали огнем Бердянск, Кривую Косу. У Петровской станицы после обстрела спустили на воду 100 лодок с десантом. Но и азовские казаки отбили их, не допустили высадки. В июне и июле неприятельская флотилия приходила снова, повторяла бомбардировки. Но так ничего и не добилась. Только потеряла пароход «Джаспер», севший на мель и захваченный казаками.

Могучий флот из 67 кораблей в мае 1855 г. появился и на Балтике. Но возле Кронштадта опять напоролся на мины. Были подрывы, повреждения. Враги принялись маневрировать, выманивая Балтфлот в

море. Не удалось, не клюнули. Неприятели ушли к берегам Финляндии. Бомбардировкой погромили маленькую крепость Рочесальм вместе с городом, затем такую же крепость Свартхольм – гарнизон после боя взорвал ее и ушел. В перестрелке пострадали русские береговые батареи на острове Гогланд, но удержались. А когда вражеский флот напал на сильную крепость Свеаборг (прикрывающую Гельсингфорс – Хельсинки), то нарвался серьезно. Орудия гремели 45 часов, и англичане с французами убрались исправлять полученные повреждения.

В Белое море на этот раз пожаловала эскадра из 7 кораблей со 103 орудиями. Но оборону здесь успели усилить, устье Северной Двины перекрыли боном и новой крупнокалиберной батареей, число канонерских лодок довели до 34. А архимандрита Соловецкого монастыря Александра после прошлогодней осады Николай I вызвал к себе лично, расспрашивал. Кроме наград, выделил ему 2 орудия, 300 новеньких ружей, боеприпасы. К Архангельску враги теперь даже не стали соваться. На Соловках высадились на Заячьем острове, утащили монастырских овец. Завели с архимандритом переговоры хотя бы о продаже продовольствия, но и в этом получили отказ. А нападать на монастырь не рискнули.

Сейчас они выбирали лишь небольшие селения, но все равно получали отпор. По деревне Лямца выпустили 500 ядер и бомб, на баркасах направили десант. Но 34 помора под началом отставного солдата Изырбаева, священника Петра Лыскова и дьячка Изюмова из ружей и маленькой пушки отбили несколько атак, каждый раз прогоняли баркасы от берега. В Кандалакше неприятели наткнулись на отряд штабс-капитана Бабадина и отставного унтер-офицера Недороскова из 52 жителей. Бой длился 9 часов, при бомбардировках в селе осталось 20 домов из 66. Но десанту высадиться и не дали.

Однако под Севастополем в это время враги нацелились на ключевую позицию обороны, Малахов курган. Его значение понимали и русские. Тотлебен позаботился выдвинуть перед ним еще три укрепления, Охотский и Селенгинский редуты, Камчатский люнет. В попытках их захватить французы пролили очень много крови. Лишь в июне, после третьей массированной бомбардировки, они в жесточайших рукопашных овладели этими укреплениями. 18 июня грянул генеральный штурм. Но завершился он русской победой.

Предполье перед Малаховым курганом и батареей Жерве, несколько раз переходившей из рук в руки, было сплошь завалено телами французов. Англичане лежали перед 3-м бастионом, который они безуспешно атаквали с начала осады. Неприятеля потеряли 10 тыс. человек, у них погибли 3 генерала. У русских выбыло из строя 4800 убитых и раненых.

Хотя теперь французские позиции были совсем рядом с Малаховым курганом. Одна из пуль пуля смертельно ранила вице-адмирала Нахимова. Ранение получил и Тотлебен, но и лежа в постели, руководил инженерными работами. А вражеское руководство совсем скисло. Штурмовать больше не решалось. Наполеон III в хвост и в гриву честил Пелисье, собирался отправить в отставку и запретил ему любые активные действия. Ну а позиционное перемалывание гораздо больше изматывало осаждающих, чем осажденных. Тем более что приближалась осень с холодами, непогодами, болезнями. К сожалению, вмешался новый царь.

Окружение накрутило его, и он прислал повеление созвать военный совет, «предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне». Главнокомандующий армией Горчаков был против битвы, но повиновался. 4 августа нанесли удар на Черной речке. Однако силы французов значительно превосходили, они занимали сильные укрепленные позиции на Федюхиных высотах. Русские под шквальным огнем все же ворвались туда, но уже поредели, и их вышибли контратакой. Полегли более 2 тыс. наших воинов (в том числе 3 генерала), 4 тыс. были ранены. Неприятельские потери оказались куда меньше, 350 погибших и полторы тысячи раненых. Паскевич правильно оценил сражение: «Оно принято без цели, без расчета и без надобности и, что хуже всего», лишило Крымскую армию возможности «предпринять что-либо впоследствии».

А самым пагубным результатом стало то, что неприятеля снова воспрянули духом. Пелисье одним махом «реабилитировался» перед своим императором и общественным мнением, уже на следующий день начал подготовку к новому штурму. 27 августа враг всеми силами ринулся на приступ. Причем на всех участках атаки снова отбили. Кроме одного. В свирепой драке, не считаясь с потерями, французы захватили Малахов курган. Он господствовал над Севастополем, с него простреливались и город, и бухта. Дальнейшая оборона Южной

стороны потеряла смысл. Но даже к такому повороту русские оказались готовы! Еще за 12 дней до штурма по проекту генерала Бухмейера был построен (и освящен!) уникальный мост на плотках, протянувшийся почти на километр, через всю севастопольскую бухту.

Ближайшей ночью все защитники в полном порядке были выведены на Северную сторону. То, что осталось от города после бомбардировок, зажгли. Пороховые погреба взорвали. Последние корабли, находившиеся в Севастополе, затопили. А французов и англичан настолько измочалили, что они вообще не могли преследовать! Осторожно вступили в город только через 3 дня! Колоссальными усилиями, затратами и жертвами они овладели... грудой развалин. И взяли-то не Севастополь! Всего лишь южную его часть со скороспелыми земляными бастионами, построенными в спешке.

Северная сторона была меньше по площади, но как раз там располагались долговременные мощные форты и батареи с каменными казематами! На Северной стояла и вся русская армия, полностью сохранившая боеспособность. В общем-то, говорить о взятии Севастополя в 1855 г. столь же нелепо, как говорить о взятии Сталинграда в 1942 г. – там удержалось куда меньше. По факту получалось, что французы и англичане за 350 суток сражений заняли только предполье перед главными твердынями! Но они полностью вымотались, были обескровлены. Просто пассивно остановились и отдыхали.

Под Севастополем наступило полное затишье, будто война закончилась. А неприятельское командование очутилось в тупике. Возобновлять штурм, лезть на Северную сторону оно даже не пыталось. Развернуть наступление вглубь Крыма – тем более. Отрежут от побережья, и конец. Однако у вражеской коалиции, особенно у англичан и турок, была еще одна заветная цель – Кавказ. Соединиться с мюридами Шамиля, поднять против России всех горцев и отторгнуть от нее весь здешний край. Эту операцию почему-то не упоминают в учебниках, хотя она была стратегически важной для всего хода войны.

Лучшие войска, высвободившиеся под Севастополем, погрузили на корабли. 6 тыс. французов и англичан в сентябре высадились на Тамани. Второй десант наметили у Голубицких хуторов. Они должны были занять устье Кубани, чтобы ввести туда неприятельскую

флотилию и вместе с ней наступать вверх по реке. А навстречу ударит местный князь Сефер-бей, у него было 7 тыс. всадников, и к нему из Анапы горными тропами провели 2 батальона турецкой пехоты. Атаками с двух сторон будет захвачен Екатеринодар, русских это деморализует, а весь Кавказ после такой победы взорвется войной. У царского командования на Северном Кавказе оставалось очень мало войск. Но замыслы врага оно разгадало и действовало блестяще.

Против целого корпуса на Тамани выделили лишь отряд черноморских пластунов, 240 человек. И они так умело изображали крупные силы, что англичане и французы поверили! Сидели на своем плацдарме и не осмелились двигаться вперед. А наличные русские части были сосредоточены в другом месте, у Темрюка. 12 сентября эскадра противника подошла к Голубицким хуторам. Заговорила вся мощь ее артиллерии, готовили десант. Тут-то и пригодился собранный кулак. Бой приняли, англичан и французов отразили, зацепиться на берег так и не дали. И продвижение Сефер-бея русские отслеживали, перекрыли ему дорогу. Он 6 дней бросался в атаки то у Джигинской батареи, то у Варениковской, полностью положил оба турецких батальона и немало своих джигитов, но его разбили и прогнали. А потом все русские войска стали стягиваться к Тамани. Обнаружив это, враги предпочли эвакуировать свой корпус. Да и прорываться ему было уже не к кому.

Но в Сухуме изменил местный начальник, грузин Михаил Шервашидзе. Там смогла беспрепятственно высадиться еще одна группировка, 40 тыс. турок Омер-паши. Он двинулся в Грузию, дошел до Зугдиди. Однако наперерез ему уже выдвигали все, что было под рукой, гарнизоны, казачьи команды. В боях на р. Техури врагов остановили. А простые грузины вовсе не были изменниками и не сочувствовали им. Они развернули против турок партизанскую войну. Омер-паше пришлось отступить в Сухум.

Что ж, англичане с французами опять искали успехи полегче – и там, где можно использовать господство своего флота. Русские флотские учреждения и склады эвакуировались в Николаев, там находились и судоверфи. В октябре туда направили все вражеские морские силы на Черном море, аж 80 кораблей. Подступы к Николаеву прикрывала старенькая, еще суворовская крепость Кинбурн: 50 легких пушек и 1500 солдат генерала Кохановича – в основном

необстрелянных новобранцев. На Кинбурнской косе высадились 8 тыс. неприятелей, а вся армада бомбардировала крепость двое суток. Снесла стены, сгорело все, что могло гореть. Русские отстреливались, пока было чем, а когда раздолбали последние их батареи, капитулировали.

Враги оставили в Кинбурне гарнизон из сардинцев и алжирцев, приказав им восстанавливать крепость, и флот двинулся к Николаеву. Но на подступах его встретил меткий огонь крупнокалиберных береговых батарей, а при промерах глубин наткнулись на... мины. Команда поручика Борескова установила здесь заграждения еще летом 1854 г. И вся масса англо-французских кораблей повернула обратно. А неприятельский гарнизон в Кинбурне блокировали казаки. Солдаты и офицеры, выходявшие из крепости за продовольствием или по другим нуждам, не возвращались. 119 были убиты, 48 попали в плен. Остальные издергались в страхе, и их вывезли к своим, бросив развалины Кинбурна.

Британские и французские корабли напоследок еще раз наведались в Азовское море. Палили по прибрежному селу Глафировка. Пробовали захватить Ейск. Там оказались только разрозненные команды местных казаков, но нападение они отразили. А Сефер-бей, не сумевший пробиться к европейским союзникам, заново собирал по горам, кого смог. В декабре он все-таки неожиданно налетел на Екатеринодар, захватил часть города. Но сразу поднялись все казачьи станицы, войска. Из тех, кто ворвался в Екатеринодар, мало кто уцелел. Преследуя и разгоняя отряды Сефер-бея, русские двинулись на черноморское побережье, и Анапу тоже отбили.

Хотя основные силы Кавказского корпуса, 27 тыс. штыков и сабель под командованием генерала Муравьева, в это время находились далеко от Северного Кавказа. Они наступали на турецкие владения, осадили сильнейшую крепость Карс. В ней засели вражеские части, оставшиеся после прошлогоднего разгрома, 30 тыс. воинов. Штурм они отразили. Но крепость окружили батареями, громили огнем. Перекрыли заслонами все дороги и тропинки. Гарнизон стал голодать и 16 ноября сдался. За время осады погибла половина защитников, было взято 16,5 тыс. пленных и 136 орудий. Открылись дороги вглубь Турции. Войска Муравьева вышли к Эрзеруму, заняли позиции в 5 км от этого ключевого города.

Всего же противники России похоронили около 170 тыс. своих солдат и офицеров. Русских погибло около 100 тыс. (при обороне Севастополя 20 тыс.). Во всех сражениях неприятели смогли взять в плен лишь 7 тыс. наших воинов (обращались варварски, 5 тыс. умерли). Палмерстон призывал все же сломить русских, продолжать войну. Но другие британские политики призадумались. Потери были слишком большими. А операции флота по всему миру, перевозки и снабжение войск обходились слишком дорого. Небывалый случай – у Англии стало туго с деньгами, она попросила заем у Франции!

Русские отрезвили и Наполеона III. Всего лишь ради «морального удовлетворения», расквитаться за Наполеона I, Франция заплатила почти 100 тыс. жизней, еще 40 тыс. вывезла ранеными и искалеченными. Французский император счел, что лучше удовлетвориться громкой «победой» – взятием Севастополя. На самом деле его не взяли, но вся западная пресса раструбила: «Севастополь пал» (и подхватили российские либералы, историки). Вот и надо было заканчивать войну на волне этой победной рекламы – пока она не перечеркнулась каким-нибудь новым поражением. Наполеон III тайком от англичан начал забрасывать в Петербург удочки о мире.

Можно ли говорить о том, что русские проиграли войну? Огромная коалиция врагов ценой колоссальных жертв сумела захватить только половину Севастополя, Керчь и Евпаторию – и завязла, больше ни на что не способная! На всех прочих участках неприятели отбили, а в Закавказье наши войска заняли обширные турецкие области, дошли до Эрзерума (и еще на Дальнем Востоке Амур прихватили). Где же здесь поражение? И, разумеется, если бы на троне оставался Николай I, он никогда не согласился бы признать поражение, которого не было!

Но в том-то и дело, его скоропостижная смерть, оставившая множество загадок, случилась исключительно «вовремя» для врагов России и капитулянтов. А наследника он постарался достойно подготовить к царствованию. Александр II вступил на трон уже опытным в государственных делах, искренне любящим родную страну, верным Православию. Но... «держат крепко», как наказывал ему отец, и как держал сам Николай, его сын не умел. Масоны и либеральные реформаторы уже давно, заранее пристраивались к нему, обсели со всех сторон. Они втянули государя в западное, пропагандистское информационное поле. «Отсталость», «поражения», «Севастополь

пал...». Финансовые трудности, потери. (Как будто у врагов этих трудностей и потерь не было!)

В декабре 1855 г. свою гирию на весы добавила Австрия. Предъявила ультиматум с условиями мира: русский протекторат над Валахией, Молдавией, Сербией заменяется протекторатом всех «великих держав». Черное море демилитаризуется – как России, так и Турции запрещается иметь на нем военный флот и военные базы. Россия отказывается от покровительства православным подданным султана. По Дунаю устанавливается свободное плавание, для чего Россия отдает Молдавии участок Бессарабии, прилегающий к этой реке. В случае отказа Австрия угрожала присоединиться к Англии и Франции. Прусский король Фридрих Вильгельм IV тоже написал царю. Призвал принять такие условия, намекая, что иначе и он может примкнуть к антироссийской коалиции.

И снова можно задаться вопросом: спасовал бы перед этим Николай I? Ни за что. Год назад он собирался драться даже с добавлением в войну Австрии и Пруссии, разрабатывал такие планы. А ведь тогда положение было гораздо хуже, чем зимой 1855–1856 г.! Новые противники навалились бы вместе армиями Франции, Англии, Турции – еще не растрепанными. А сейчас-то они уже выдохлись. Хотя в Крыму с ними сражалось лишь 10% русских войск! Причем далеко не лучших – серенькие армейские полки, а то и флотские экипажи. Но они перемололи и обескровили отборные части британцев и французов. А лучшие русские контингенты, в том числе корпус Лейб-гвардии, Гренадерский корпус, так и стояли в Прибалтике, Польше, Бессарабии. Они оставались полнокровными, свежими. За год были сформированы новые соединения, создано ополчение. Готовы были достойно встретить хоть одних австрийцев, хоть вместе с пруссаками.

Кстати, очень вероятно, что при живом Николае I австрийский и прусский монархи вообще не осмелились бы предъявлять такой ультиматум. Впрочем, даже и после его смерти неизвестно, решились бы они реально вступить в войну? Или просто «брали на пушку»? Но окружение Александра II склонило его в «нужную» сторону. 15 января 1856 г. он созвал совещание, единогласно постановившее – принять ультиматум как предварительные условия мира. Тем более, что они казались не слишком тяжелыми.

В феврале 1856 г. открылся Парижский конгресс, и действительно, об изначальных планах расчленения России ее враги теперь даже не заикались. Эти планы похоронил героизм наших воинов. Русскую делегацию возглавлял граф Орлов, начальник III Отделения Его Императорского Величества канцелярии. Он и дипломатом был хорошим – когда-то заключил Ункяр-Икселесийский договор с турками. Но тогда он выполнял инструкции Николая I, а сейчас Александра II и его правительства. Их согласовали еще в Петербурге, Орлову и бывшему послу в Англии Бруннову осталось только спорить по частным вопросам и уточнять формулировки.

А условия договора и впрямь выглядели вполне приемлемыми. Россия возвращала туркам занятые области с Карсом, Баязетом, Араганом, Кагызманом, Олты, позициями возле Эрзерума. За это неприятели возвращали Севастополь (который не взяли – но в договоре закрепили, будто взяли), Балаклаву, Евпаторию, Керчь. Черное море признавалось нейтральным, с запретом любым военным кораблям заходить туда. Россия лишалась права иметь флот и военные базы на берегах Черного моря – но наш флот все равно уже погиб. Зато и Турция лишалась тех же прав.

Ее утешили только тем, что она «допускалась к участию в выгодах общего права и европейского концерта», и все державы обязались не предпринимать в ее отношении никаких действий, не согласовав с другими. Кроме того, наша страна обязалась не возводить укреплений на Аландских островах (но и они были разрушены). Плавание по Дунаю объявлялось свободным, и как бы для этого русскую границу отодвинули от реки. Дельту Дуная вернули туркам, а прилегающий район Бесарабии – Молдавии. Также Россия лишалась протектората над Молдавией, Валахией, Сербией и исключительного права покровительства христианам в Османской империи.

Опять же, казалось бы, чего за них цепляться, за этот протекторат и покровительство? Хотя если бы не их утрата, многое в истории могло пойти иначе. До сих пор в Молдавии и Валахии население относилось к русским, как к братьям, а правительствами рулили царские уполномоченные. Вместо этого наша страна получила Румынию – враждебную к России во все времена (кроме полувека после Великой Отечественной). Если бы не утрата этих прав, глядишь, не понадобилась бы и следующая русско-турецкая война в 1877–1878 гг.,

когда спасали болгар. Да и завязка Первой мировой войны вокруг Сербии могла не возникнуть...

Но главным в Парижском договоре было не это! Главное – Россия признала себя побежденной! Это рушило всю систему международных отношений, существовавшую с Наполеоновских войн! Наша страна свергалась с роли одного из лидеров международной политики! Уступала ее англичанам и французам! И очень похоже, что официальный мирный договор дополнялся тайными соглашениями. Об этом свидетельствует тот факт, что уже с 1857 г. Россия отменила таможенный тариф, введенный Николаем I и взбесивший англичан. Таможенные пошлины снизили до минимума. И на наш рынок хлынули британские товары, удушая отечественную промышленность. Эпоха Александра II, невзирая на разрекламированные реформы, стала временем отнюдь не подъема, а кризиса российской экономики!

Впрочем, обманутой оказалась не только Россия. Западные державы громогласно декларировали, что вступили в войну за интересы Османской империи. А что она получила? Клочок земли в дельте Дуная. Но ей пришлось ликвидировать все свои военные объекты на берегах Черного моря. А на военные расходы Турция задолжала англичанам колоссальную сумму, 7 млн фунтов. В 1858 г. она вынуждена была объявить о банкротстве – и попала в полную зависимость от Англии.

Обманутой была и Австрия. Раскатывала губы, что Валахия и Молдавия попадут под ее протекторат. Даже требовала в Париже, чтобы русские уступили всю Бессарабию – присоединить к Молдавии, то бишь к своим владениям. Не тут-то было. Покровительство над Дунайскими княжествами «всех великих держав» реально обернулось засильем Франции, а в экономике и торговле – Англии. Вскоре Лондон и Париж «помогли», чтобы Австрия лишилась своих итальянских владений. Но французы обманули и союзное Сардинское королевство. Отобрали у него Савойю и Ниццу.

Хотя и Франция была обманута. Британцы подзуживали амбиции Наполеона III, и он в эйфории «победы над Россией» возбудил подданных мировыми имперскими химерами. Влез в Италию, в Китай, в Мексику, влез в Египет, развернув строительство Суэцкого канала. Разбазарил массу сил и средств. Но из Мексики французов выгнали, прибрать под влияние Италию им не дали, в Китае им оказалось просто

делать нечего. А Суэцкий канал в итоге достался англичанам. Ну а потом Наполеон сам нарвался на войну с Пруссией, добавилась традиционная для Франции революция – и императора смело вместе с его империей.

Зато Англия вышла на вершину успехов. В союзе с легкомысленными французами развязала вторую Опиумную войну с Китаем, требуя себе свободной торговли уже не только в морских портах, а по всей территории. Развязала войну и с Персией – которую до сих пор «дружески» опекала и настраивала против России. Но теперь и в Иране англичанам понадобились права свободной торговли, без всяких ограничений. В Индии они зверски усмирили восстание сипаев, что ознаменовало уже полное порабощение страны.

Но в выигрыше оказалась и Пруссия. Во время Восточной войны она вела себя умнее остальных держав и напакостила России меньше всех. А вздорного Фридриха Вильгельма в 1857 г. хватил инсульт. Королем стал его брат Вильгельм I. Он либеральными увлечениями не страдал. Оставался самым верным сторонником союза с Россией. Часто встречался с Николаем I, считал его своим идеалом. Вильгельм нашел себе подходящего канцлера, Бисмарка, и ценнейший капитал дружбы с Россией использовал в полной мере. Взялся за объединение Германии. Но не такое, как виделось местным революционерам, а подминал немецкие государства под владычество своей Пруссии.

Вильгельм разбил датчан, отобрав у них Шлезвиг и Гольштейн – и теперь-то Россия за неблагодарную Данию не вступалась. Разгромил Австрию – и Россия оплатила Францу Иосифу адекватно, «вооруженным нейтралитетом», выдвинув войска к границе и оттянув на себя часть сил. Наконец, Вильгельм распотрошил Францию, провозгласив в Версале рождение новой, Германской империи. Россия опять помогла, «вооруженным нейтралитетом» – не позволила вмешаться австрийцам. Но и сама воспользовалась. В одностороннем порядке расторгла Парижский договор, начала возрождать Черноморский флот. Что ж, после этого международным закулисным кругам понадобилось менять стратегию интриг. Вбивать клинья между Германией и Россией, втягивая нашу страну в «дружбу» с французами и англичанами.

ГЛАВА 40. ПРОЩАНИЕ С ЭПОХОЙ

Памятник Николаю I в Петербурге, автор Огюст Монферран

Советниками Александра II стали ярые либералы Абаза, Милютин, Лорис-Меликов и др. Внешнеполитическое ведомство до конца своих дней возглавлял все тот же Нессельроде, но и ему на смену уже выдвигался видный масон Горчаков (очень незаслуженно воспетый Пикулем). Поэтому подозрительная смерть Николая Павловича повлекла за собой не только признание несуществующего «поражения». Во внутренней политике те же самые пропагандистские штампы «поражения» и «отсталости» стали отличным инструментом для манипулирования царем, общественным мнением, открыли дорогу радикальным реформам.

Некоторые из них были нужными и полезными. Освобождение крестьян, перевод армии с рекрутской системы на всеобщую воинскую

повинность. Но и то и другое готовил еще Николай I, только не успел или не сумел осуществить. К тому же, отмена крепостного права была проведена непродуманно, одним махом. С одной стороны, крестьянам дали волю без земли. С другой, сломалась опора Престола в лице дворянства. Помещики теперь принялись проедать, проигрывать и транжирить полученные выкупные деньги. Устои дворянского служебного долга, чести, патриотизма, и без того расшатанные, оказались смыты волной новых ценностей.

А ее обеспечила грянувшая натуральная «перестройка». Триединую формулу «Православие – Самодержавие – Народность» сменили другие приоритеты «Устность – Гласность – Гражданственность». Была порушена цензура, сохранившись лишь формально. Выплеснулся мутный поток либеральной литературы с оголтелым критиканством, оплевыванием прошлого, национальным самоуничижением. Амнистии выпустили на свободу политических преступников, и махровыми цветами распустилось мифотворчество с возведением их в ранг героев. И вот тогда-то, в шквалах «перестроечного» негатива, формировалась легенда про «Николая Палкина» – с голословной клеветой, чьими-то лживыми якобы «воспоминаниями».

Но у «гласности» во все времена были именно такие законы. Возбуждать публику эйфорией, что вскрываются «запрещенные» темы, гипнотизировать нездоровыми интересами, грязными сплетнями. А тем самым подтверждать необходимость преобразований, ломки прежних традиций и устоев. Земская реформа породила либеральные говорильни по всей стране, кузницы «прогрессивных» кадров, причем получившие под свой контроль сельские системы образования и здравоохранения. Суды присяжных замутили правосудие. Но реальная борьба с коррупцией круто забуксовала. При Николае I только в одном 1853 г. под судом находились 2540 чиновников. В «свободные» времена контроль за ними резко ослабел. Наоборот, судачили об ужасах «николаевщины», когда «уважаемых людей» арестовывали, судили, ссылали, отдавали в солдаты. Нет, от такого «культурное» общество напрочь откращивалось! И начальники тоже не желали прослыть «реакционерами».

Казалось бы, реформы активизировали деловую жизнь. Но, как мы уже отмечали, промышленное производство отнюдь не подскочило, оно

снизилось. Промышленная революция, начавшаяся при Николае I, сменилась резким спадом производства. А всюду забурлил спекулятивный бизнес – банки, подряды, концессии, в значительной мере питавшиеся казенными средствами. Вот здесь-то коррупция развернулась в полную волюшку, процветали самые сомнительные и масштабные махинации. Государственные проекты стали передаваться в руки частных, имеющих нужные связи в структурах власти. Крупными российскими заказами очень хорошо кормились зарубежные фирмы. Даже оружие для армии стали закупать за границей! Развернулось и внедрение в Россию иностранного капитала – при Николае Павловиче такого еще не было.

При нем была бы немислимой и скрытная атака собственного правительства на Русскую Православную Церковь! Теперь она началась вполне определенно. Прекратились государственные дотации на строительство храмов. Запрещалось учреждение новых монастырей. Прокатилось повальное закрытие церковно-приходских школ. Под предлогом, что они не способны дать нормальное образование. На селе их должны были заменить земские школы – с земскими либеральными учителями. Так началось разъедание глубинного народного фундамента Православия (а значит, и Самодержавия). Одновременно в рамках «гласности» получили возможности для своих публикаций вольнодумцы, атеисты, скептики, сектанты. Да и в самой Церкви была дана зеленая улица либеральным течениям.

А военный министр Милютин в ходе реформ нацелился на ликвидацию казачества, как структуры «несовременной», отжившей свой век. Удалось упразднить Азовское, Дунайское, Башкирско-мещерякское казачьи войска, «расказачить» часть областей на Северном Кавказе, в Оренбуржье, станицы переименовывали в села, казаков обращали в крестьян. Сами казачьи войска переподчиняли гражданскому управлению, на их земли устроили массовые переселения «иностранцев». И во всей Российской армии осталось лишь 20 казачьих полков. Довершить разрушительную кампанию все же не позволил царь, а потом очередная турецкая война, где казаки очень ярко проявили себя, в том числе и выправляя своим героизмом вопиющие просчеты того же Милютина [149].

Новая власть отбросила и установку «Где поднят русский флаг, там он спускаться не должен!». Впрочем, ее начали нарушать, когда

Николай Павлович еще был жив. Адмирал Путятин в Японии вел переговоры по инструкциям, разработанным ведомством Нессельроде, и 26 января 1855 г. заключил Симодский трактат. Японцы разрешили торговлю с Россией, выделив для этого три порта и позволив открыть в них консульства. Но за это им уступили четыре южных Курильских острова – Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. А Сахалин признали совместным владением двух государств. Хотя японцы в это время еще не заселили и не присоединили даже свой северный остров Хоккайдо! А на Курилах и Сахалине уже были русские фактории, селения. Айны, населявшие отдаленные острова, уже были окрещены в Православие и считали себя царскими подданными!

Япония, в то время отсталая феодальная страна, была никак не способна воевать с русскими, флота вообще не имела. Острова ей «подарили» только за право торговли! Которое для России было чисто номинальным. Ну какие товары она могла поставлять в Японию вокруг всего земного шара? Но Симодским трактатом в полной мере воспользовались... Англия и Франция. Русские проторили им дорожку, и они тут же получили в Японии аналогичные права. Мало того, еще шла война, и они начали пользоваться открытыми для них японскими портами для плаваний к русским берегам! Не знаем, как бы отнесся к такому договору Николай I, но в Петербург Путятин вернулся уже после его смерти, трактат был утвержден, и адмирала наградили графским титулом. Кстати, именно этот договор породил и проблему «Северных территорий», за которую японцы цепляются до сих пор.

Впрочем, это было только начало. В 1867 г. министр финансов Рейтерн, один из главных реформаторов Абаза, министр иностранных дел Горчаков и российский посол в Вашингтоне Стеклъ убедили великого князя Константина Николаевича и Александра II продать американцам Аляску со всеми островами, освоенными Россией, со всеми населенными пунктами, недвижимым имуществом, документацией. Российско-американская компания, приносившая государству значительную прибыль, прекратила существование. За Аляску Россия получила 7,2 млн долларов. Здание окружного суда Нью-Йорка, построенное в это же время, обошлось американцам дороже. А Аляска только на одной добыче золота и только в одном 1915 г. принесла прибыли на 200 млн. долларов.

А в 1875 г. в Санкт-Петербург впервые добрался посол Японии Такэаки, и канцлер Горчаков запросто урегулировал с ним границу. Пускай Сахалин признается полным владением России (которой он и без того принадлежал), а к Японии отойдут все остальные Курильские острова (тоже принадлежавшие России). Среди местного населения это вызвало серьезнейшее возмущение. Там уже давно обосновались казаки, и все коренные жители были православными, научились говорить по-русски. Но с их мнением не посчитались. Отдали. Даже без символических миллионов долларов. Хотя со сдачей Курил определился и статус Охотского моря. По международным законам оно стало «открытым», туда могли заходить иностранные суда. Японцам это сперва было без надобности. Но на Охотское побережье резво потянулись американцы и англичане. Промышляли морского зверя, контрабандой скупали драгоценную пушнину. Ну а военное значение Курильских островов в полной мере сказалось и в русско-японской, и во Второй мировой войне. Изменил положение только Сталин, выправив в 1945 г. грубейшие просчеты царских дипломатов. Случайные ли просчеты?..

Но главной бедой для России стало разрушение национального самосознания. Космополитизация, ориентация на западную, материалистическую систему ценностей, на западные взгляды и оценки. Европа объявлялась идеалом для подражания с отвержением своего, русского. В учебных заведениях делался упор на западные труды. Этот процесс начался еще в XVIII в., но Николай I сдержал его. При Александре II барьеры были сломаны. Зараза распространилась широко и быстро, поражая образованные круги России. На все традиционное, патриотическое, направленное на укрепление государства, стали вешать ярлык «реакционного», а деструктивное – объявлять «прогрессивным». А такая система провоцировала соскальзывание ко все более «прогрессивным» учениям. От либерализма и земской «демократии» – к кружкам нигилистов, анархистов, социалистов.

Александр II все же сохранил некоторые уроки отца. Осознал угрозу расшатывания государства. Стал тормозить сползание к пропасти, ограничивать либеральную пропаганду, бездумное рвение к «свободам». Но «общественность» завопила о «реакции», о «возврате всех ужасов николаевщины». Возбуждая себя идеями сокрушить

Самодержавие, возникали организации народников, «Земля и Воля», «Черный передел», «Народная воля». От агитации радикалы перешли к терроризму. Причем революционеры получали ощутимую поддержку из-за рубежа.

В Лондоне финансировалась Ротшильдами «Вольная русская типография» Герцена, отечественная интеллигенция зачитывалась его «Колоколом», через границы его завозили свободно. А во время очередного польского восстания в 1863–1864 гг. Герцен истерически вопил: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!», призывал Запад к «крестовому походу» на свою родину. Кстати, руководил восстанием все тот же «диктатор» Мерославский, пытавшийся раздуть польскую революцию в 1840-х гг. Но теперь он был более осторожным. Рассылал приказы из безопасного Парижа.

Террористы «Народной воли» тоже получали финансирование из неведомых источников, у них появились своя типография. Изготавливались весьма совершенные бомбы, откуда-то поступала мощная взрывчатка не кустарного, а промышленного производства (Стоит отметить, что в пункте 4 программы «Народной воли» предусматривалось расчленение России с отделением «Малороссии, Польши, Кавказа и проч.») Откуда осуществлялась их подпитка? Один из лидеров террористов, Степняк-Кравчинский, зарезавший кинжалом шефа жандармов Мезенцева, получил убежище в Англии.

Он продолжил дело Герцена. Женился на дочери богатого британского купца, друга Энгельса, сошелся с английскими социалистами, итальянскими революционерами. Писал и издавал книги «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», «Русская грозная туча». Его произведения не только пользовались успехом у зарубежной публики, но и поступали в нашу страну, они стали настоящими «учебниками» революционеров. Для их поддержки Степняк-Кравчинский создал в Англии организационный центр, «Общество друзей русской свободы». Его председателем стал британский политический деятель Уотсон, под его эгидой стал издаваться журнал «Свободная Россия».

На Александра II было пять покушений. Но на разгуле революционеров умело играли и либералы в окружении царя. Внушали, что силовые меры ничего не дают, только раздражают «общественность». Что нужно опять смягчить политику, пойти на

новый виток реформ по западным образцам. Государь поддался. Министром внутренних дел и председателем Верховной комиссии по борьбе с терроризмом он назначил поборника «парламентаризма» и «рассказывания» Лорис-Меликова. Хотя «борьбу» с терроризмом он повел весьма странно. Упразднил III Отделение Его Величества канцелярии. Провел амнистию для политических преступников – выпустив на свободу агитаторов, активистов, боевиков. Восстановил в университетах исключенных неблагонадежных студентов...

Лорис-Меликов разрабатывал конституцию для России, уже подготовил соответствующий Манифест. Вместе с министром финансов Абазой заседали на Царя, чтобы подписал его. Но либеральные меры по «борьбе с терроризмом» дали свои результаты чуть раньше. 1 (13) марта 1881 г. в Санкт-Петербурге на Екатерининском канале прогремели взрывы двух бомб. Александр II был смертельно ранен.

На престол вззошел Александр III – внук Николая Павловича, которого тот еще успел благословить. И он-то взялся выполнять заветы своего деда, «держаться крепко». Манифест о конституции, подготовленный Лорис-Меликовым, он похерил. Издал другой Манифест, о незыблемости Самодержавия. Разогнал из правительства и самих реформаторов. Государственные дела взял под личный контроль, а главным его советником стал обер-прокурор Синода Победоносцев. Во главу угла возвратилась триада «Православие – Самодержавие – Народность».

Александр III, резко выправил курс накренившегося корабля Российской державы. Усилил Департамент полиции, расширив ее права. «Народную волю» решительно разгромили, и терроризм сошел на нет. Политику отца новый государь кардинально пересмотрел. Реформы были свернуты. Ужесточалась цензура. Отменялось автономия университетов. Были учреждены городские суды с назначаемыми судьями. Усиливался контроль за органами самоуправления и общественными организациями. А ориентацию на Запад Александр III вообще отверг, поставив на первое место национальные ценности. Возобновилось финансирование Церкви, восстанавливалась разгромленная система церковно-приходских школ.

Твердое наведение порядка в стране благотворно сказалось и в хозяйственной области. Казалось бы, освобождение крестьян,

либерализация экономики, широкое привлечение общественности, должно было дать мощный толчок к развитию промышленности, торговли. Но дело обстояло наоборот: экономика России переживала серьезный кризис. Крупные предприятия приходилось поддерживать казенными дотациями. Теперь усиление контроля во всех сферах пресекало махинации и злоупотребления. Александр III последовал примеру деда, повысив таможенные тарифы. Ограничил поток западных товаров на отечественные рынки. Он облегчил и налоговое бремя на простонародье, перераспределив его на состоятельные слои населения.

Такие шаги сопровождалось бурным развитием и промышленности, и сельского хозяйства. Возобновилась техническая революция, начинавшаяся при Николае I. Производство чугуна, стали, нефти, угля, в правление Александра III подскочило рекордными темпами за всю дореволюционную историю России. Эти успехи сказывались в других отраслях промышленности – текстильной, пищевой, в расширении и модернизации сети транспорта. Сказывались и на военной мощи страны. Армия получала новейшее в то время вооружение. Строился могучий флот – по количеству боевых кораблей он снова вышел на третье место в мире после Англии и Франции.

Однако против России опять сплетались международные заговоры. А разрушительные процессы внутри страны Александр III сумел приостановить, но не искоренить. Они развивались и углублялись подспудно. Наша держава незаметно, но неуклонно скатывалась к катастрофам революции... Впрочем, это уже другая тема, и ей посвящены другие мои работы [7, 150, 151]. А нам пора попрощаться со славной и яркой «николаевской» эпохой, с величественной фигурой самого императора Николая Павловича.

Как ни удивительно, в ней обнаруживается немало сходства с другой монументальной исторической личностью. С... первым Русским царем Иваном Грозным. Даже сама формула правления, «Православие – Самодержавие – Народность», у них, по сути, получалась общая. Оба были глубоко верующими, и свою политику строили в первую очередь с православной точки зрения. Оба решительно громили и искореняли заговоры, угрожавшие России и Самодержавию. Но оба часто и миловали виновных. Оба разработали и приняли полные своды законов страны, весьма совершенные для своей эпохи, были устроителями

государства. Оба считали собственным долгом улучшение жизни простых людей, их защиту от произвола и хищничества, и их искренне любил народ, видел в них настоящих царей-батюшек. Оба вели победоносные войны, расширили территорию России. Иван Грозный, приняв под покровительство удалой самовольный поход Ермака, начал присоединение Сибири. А Николай I фактически завершил – приняв под покровительство самовольные экспедиции Невельского и поднятие им русского флага на Амуре. При том и другом монархе наша страна значительно усилилась. Против обоих объединились могущественные коалиции западных держав, устроив массированные «крестовые походы» на Россию, разбившиеся у стен Пскова и Севастополя. Николай I, как и Иван Грозный, скорее всего, был отравлен. А после смерти его оболгали и залили клеветой точно так же, как Ивана Васильевича...

Да, это был великий царь, и он обеспечил стране и народу великую эпоху. На смертном одре Николай Павлович был удивительно спокоен. Уходил из земной жизни в полной уверенности, что сумеет дать отчет Богу о своей царской службе, попадет в Царствие Небесное. Обещал молиться там за защитников Севастополя. Своим близким он тоже говорил: «Теперь иду молиться за Россию и за вас». Что ж, если он был прав, и если Господь даровал ему такую возможность, предстоять перед Своим Престолом, то остается и нам попросить: Царю Николае, моли Бога и о нас, многогрешных, и о всей многострадальной Земле Русской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тальберг Н. Д. Христианин на престоле. // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 726.
2. «Записки» императора Николая I (1831–1848) // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 93.
3. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке членов царской семьи. М-Л. 1926. С. 87–91.
4. Письмо к барону И. И. Дибичу от 12 декабря 1825 г. // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 86.
5. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 59–66.
6. Шильдер Н. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2 томах. Т. 1. М. 1997, с. 17.
7. Шамбаров В. Е., Чавчавадзе Е. Н. Лев Троцкий. Тайны мировой революции. М. Вече. 2016.
8. Соборное Уложение 1649 года. Издательство Московского университета, 1961. Глава 20.
9. Российская Империя. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том 12. СПб. 1830. С. 523–528.
10. Дней Александровых прекрасное начало. Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 годах. М. Кучково поле, 2012. С. 27–28.
11. Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 67
12. Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 722.
13. Дубельт Л. В. Вера без добрых дел мертвая вещь. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 189.
14. Шильдер Н. Указ. соч. Т. 1. С. 67–70, 79.
15. Русский Архив. 1905. № 9. С. 129.
16. Русский Архив. 1878. № 3. С. 520.
17. «Записки» императора Николая I (1831–1848) // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 78.
18. Там же. С. 79–80.
19. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М. Издательство политкаторжан. 1933.

20. Покровский М. Н. 14/26 декабря 1925 года. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 434.

21. Центрархив. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. С. 180. Т. I X. С. 40, 62.

22. Сафонов А. А. Междуцарствие // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 319.

23. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XX века: правительственная политика и общественное мнение. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 484–486.

24. Записка Александра I о распространении тайных обществ в войсках // РГВИА. Ф. 846. Оп. 10. Д. 1. Л. 1.

25. Барон М. А. Корф. Восшествие на престол Императора Николая I. // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 320–322.

26. «Записки» императора Николая I (1831–1848). С. 81–82.

27. Барон М. А. Корф. Указ. соч. С. 330–334.

28. Барон М. А. Корф. Указ. соч. С. 361.

29. Дивный старец Серафим. Жизнь, подвиги и кончина отца Серафима. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского женского монастыря. б.г. С. 205–207.

30. Мемуары декабристов. Северное общество // Ред. В. А. Федоров. М. МГУ. 1981. С. 222.

31. Барон М. А. Корф. Указ. соч. С. 381.

32. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. В 20 томах. Т. 13. Письма, дневники. Записная книжка. 1804–1833. М. 2004. С. 243–244.

33. Из дневника императрицы Александры Федоровны за 1825 год // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. с. 412.

34. Шильдер Н. Указ. соч. Т. 1. С. 339–341.

35. Там же. С. 310.

36. Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов. Т. I I. М. Госполитиздат. 1951.

37. Цехановская К. Мнимая смерть Императрицы? Или история монастырской молчальницы Веры Александровны. // Наука и религия.

1999. № 12. С. 20–23. 2000. № 1. С. 18–22.

38. Силин П. М. Молчальница Вера Александровна. СПб. 1895. С. 7.

39. Записки графа М. В. Толстого. // Русский архив. 1881. С. 134–136.

40. Балязин В. Н. Тайны дома Романовых. М. Олма-Пресс, 2005. С. 242.

41. Дубровин Н. Несколько слов в память императора Николая I. // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. с. 656–657.

42. Ансело Ф. Шесть месяцев в России. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 283–285.

43. Из воспоминаний Ю. Струтыньского. // Возрождение, Париж, 1938. №№ 4118, 4119, 11 и 18 февраля.

44. Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии и творчества. М. 1987. С. 49.

45. Русский Архив. 1865. № 1. Стлб. 1248–1249.

46. Харитонов И. За Царя, за Родину, за Веру! Ростов-на-Дону, Феникс, 2000. С. 176–180.

47. Шильдер Н. Указ. соч. Т. I I. С. 445–446.

48. Там же. С. 141.

49. Шамбаров В. Е. Казачество. Путь воинов Христовых. М. Алгоритм. 2013 г. С. 314–322.

50. Веригин А. И. Воспоминания об осаде Варны и о пребывании там Императора Николая I. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 542–546.

51. Харитонов И. Указ. соч. С. 186–189.

52. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Полное собрание сочинений. В 10 т., изд. I V, Т. V I, Л., Наука, 1979.

53. Шильдер Н. Указ. соч. Т.1. С. 391–395.

54. Воспоминание о поездке на открытие сейма (записано графом П. Д. Киселевым). // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 529.

55. Письмо к графу И. И. Дибичу от 1 ноября 1830 г. Русская старина. 1887. № 7. С. 392–393.

56. Записка, 1830. // Шильдер Н. Указ. соч. Т. I I. С. 291–294.

57. Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 726.
58. Андреева Т. В. Указ. соч. С. 486–504.
59. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М. Российская политическая энциклопедия. 2001. С. 1224.
60. Тарле Е. В. Крымская война. Собр. соч. в 12 томах. Т. 8. М. Издательство Академии наук СССР. 1959. С. 82–84.
61. Император Николай Первый. М. Русский Мир, 2002. С. 217.
62. Тальберг Н. Д. Указ. соч. С. 724.
63. Русская старина. 1897. № 11. С. 383–384.
64. Записки графа А. Х. Бенкендорфа. // Император Николай Первый, Русский Мир, М. 2002. с. 450–451.
65. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование Николая I // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 472–473.
66. Письмо к князю И. Ф. Паскевичу от 4 января 1834 г. // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 472.
67. Тальберг Н. Д. Русская быль. Очерки истории Императорской России. М. «Правило Веры», 2000. С. 404.
68. Письмо к князю И. Ф. Паскевичу от 30 июня 1835 года. Русский Архив 1897, № 1.
69. Русская Старина, 1905. № 11. С. 404.
70. Русская Старина. 1905. № 11. С. 399, 409, 410.
71. Выскочков Л. В. Николай I. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 735.
72. М. А. Корф. Дневник. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. Год 1843–й. С. 163.
73. Кинг Л. И. Рассказы об императоре Николае I. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 207–209.
74. Соколов И. И. Воспоминания о государе Николае Павловиче // Русский архив. 1886. Кн. 1, № 1. С. 207–211.
75. Из «Рассказов» генерал-лейтенанта Е. А. Егорова. // Русская Старина. № 2. С. 415–423.

76. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. М. 1999. С. 21–26.
77. Харитонов И. Указ. соч. С. 198.
78. Император Николай Первый. С. 231.
79. Райский П. Д., Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбургское книжное издательство. 2000.
80. Гурьянов В. Письмо Пушкина о «Гавриилиаде» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л. 1978. С. 291–292.
81. Из «Записок» А. О. Смирновой. 1826–1845 гг.» // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 491–512.
82. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. М. Слово. 1999. С. 595.
83. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М. 1987. С. 191–192.
84. Рамазанов Н. А. Император Николай I в Риме в 1845 году // Русская Старина. 1901. № 9. С. 465–479.
85. Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае I // Исторический вестник. 1886. Т. 23. № 1. С. 144–153.
86. Русский Архив. 1893. № 1. С. 89–96
87. Дубельт Л. В. Заметки // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 131–171.
88. Покушение 1843 года // Император Николай Первый. М. Русский Мир. 2002. С. 543–544.
89. Из беседы с принцем Вильгельмом Прусским в 1841 г. в Петербурге // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 280.
90. Из письма к князю И. Ф. Паскевичу от 14 января 1843 г. // Русский Архив. 1897. № 1.
91. Записка об укреплении западной границы: апрель 1843 г. // Русская Старина. 1884. № 6. С. 519–524.
92. Император Николай I и европейские дворы. Исторические очерки. СПб. 1889.
93. Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 590.
94. Письмо к князю И. Ф. Паскевичу от 29 июня 1840 г. // Русский Архив. 1897. № 1.
95. Николай Первый и его время. Т. 2. М. 2000. С. 187.

96. Корф М. А. Дневник. Год 1843–й. // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 386–393.

97. Соколова А. И. Император Николай Первый и васьковские дурачества // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 224.

98. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. // Исторический Вестник, 1898. № 1.

99. Речь перед римско-католическими епископами в Петербурге, 1844 г. // Русская Старина. 1892. № 6. С. 590–592.

100. Русская Старина. 1905. № 11. С. 405.

101. Смирнова-Росетт А. О. Дневник. Воспоминания. М. 1989. С. 17.

102. Там же. С. 5.

103. Император Николай Первый. С. 266.

104. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб. 1903. Т. 2. С. 488–502.

105. Русская Старина, 1870, № 6. С. 558–560.

106. Белинский В. Г. Письмо В. Г. Анненкову 1–10 декабря 1847 г. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1965. С. 440.

107. Русская Старина, 1884, № 1. С. 157–159.

108. Русская Старина, 1883. № 9. С. 593–596.

109. Русский Архив. 1895. № 5. С. 28–29.

110. Кони А. Ф. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М. 1969. С. 45.

111. Русская Старина. 1896. № 6. С. 519.

112. Графиня А. Д. Блудова. Император Николай Павлович. 1850. // Русский Архив. 1893. № 1. С. 89–96.

113. Харитонов И. Указ. соч. С. 209.

114. Вандам Е. А. Наше положение. СПб. 1912.

115. Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М. 1918. С. 121.

116. Янковский Д. П. Личность императора Николая I и его эпоха. Варшава. 1897. С. 13.

117. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. СПб. Полигон. 2002.

118. Тальберг Н. Император Николай в свете исторической правды // Николай Первый и его время. Т. 2. М. Олма-Пресс. 2000. С. 383.

119. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. 1. СПб. 1871. С. 129–131
120. Леонтьев М. В. Большая игра Москвы. СПб. 2009. С. 70.
121. Русская Старина. 1896. № 6. С. 519.
122. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. С. 319–320.
123. Там же. С. 150–151.
124. Император Николай Первый. С. 302.
125. Нилус С. Великое в малом. М. Новое небо. 2019.
126. Николай Первый и его время. Т. 1. М. 2000. С. 390.
127. Смирнова-Росетт А. О. Дневник. Воспоминания. М. 1989. С. 7.
128. Последнее письмо к князю М. Д. Горчакову. 2 февраля 1855 г. Русская старина. 1881. № 12. С. 895–896.
129. Император Николай Первый. С. 303–308.
130. Тарле Е. В. Крымская война // Николай первый: pro et contra. НП «Научно-образовательное культурологическое общество. СПб. 2013. С. 683–684.
131. Фредерикс М. П. Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 481.
132. Шмигельский М. Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники императорской Военно-медицинской академии (1840–1897 гг.). СПб. 1897. С. 86.
133. Фредерикс М. П. Указ. соч. С. 476, 478.
134. Дубельт Л. Заметки и дневники. // Российский Архив. Вып. V I. М. 1995. С. 272–274.
135. Тютчева А. Воспоминания. М. 2000. С. 119–131.
136. Тальберг Н. Д. Христианин на престоле. Джорданвилль. 1955. С. 15.
137. Император Николай Первый. С. 622–625.
138. Русский Архив. 1893. № 4. С. 435–439.
139. Милютин Д. А. Кончина Николая Павловича. // Родина 1999. № 9. С. 60–63.
140. Тарле Е. В. Указ. соч. С. 693.
141. Блудов Д. Н. Последние часы императора Николая Первого. М. 1992. С. 13–21.

142. Пеликан. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 119.
143. Толь С. Д. Ночные братья. Масонское действо. М. 2000. С. 25–27.
144. Зимин И. В. Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–66.
145. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М. 1990. С. 96.
146. Барсуков Н. Жизнь и труды Н. М. Погодина. Кн. XIII. СПб. 1899. С. 393.
147. Николаев В. Александр II – человек на престоле. Мюнхен. 1986. С. 223.
148. Керсновский А. А. История русской армии. В 4 томах. М. Голос. 1994.
149. Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 470–479.
150. Шамбаров В. Е. Пятая колонна и Николай II. М.: Алгоритм, 2017.
151. Шамбаров В. Е., Чавчавадзе Е. Н. Революция: западня для России. М.: Вече, 2017.